

КАРОЛИН ТЕРРИ

ЛОВЦЫ
ФОРТУНЫ

Магия и красота алмазов вне времени и конъюнктуры. И радость, и зло несут они людям. На алмазных копиях Южной Африки завязались узлы дружбы и узлы вражды Джона Корта и Мэтью Брайта. За ошибки отцов расплачиваются дети — трагически пересекаются их пути. Через бурные события их жизни, жажду власти и ненависть, соперничество в любви и бизнесе ведет читателя роман «Ловцы фортуны».

Америка и Англия

1904–1905

Алмазы лежат на заброшенном пустынном берегу, затерянные среди золотистого песка, цветом напоминающего волосы Миранды, и берег омывается волнами такими же синими, как ее глаза. Алмазы блестят в лучах раскаленного добела солнца, яростно пылающего, подобно алчной страсти людей к драгоценностям. Они лежат рядом с побелевшими костями потерпевших кораблекрушение моряков; вокруг нет ничего живого. Так алмазы ждут дня, когда их найдут. Ждут чьих-то шагов вдоль берега, чьих-то рук, привычного укрытия, и злодейства, которое обязательно за этим последует. Потому что бриллианты напоминают Тиффани — ясную и чистую, сияющую и прекрасную, с огнем в сердце, ослепляющим мужчин, с жестоким очарованием, способным заманить мужчину в гибельную ловушку.

Глава первая

Лишь один звук нарушил тишину — мягкое шуршание кружев по толстому ковру, — когда изящная девушка грациозно подошла к зеркалу. С выражением легкой скуки она взгляделась в свое отражение — голова чуть склонена набок, уголки рта приподнялись, изображая улыбку. Семнадцатилетняя Тиффани Корт предпочла бы родиться мальчишкой, но ничего не поделаешь — оставалось искать решение в том, что она является самой богатой и, бесспорно, самой красивой невестой Соединенных Штатов.

Она сияла, словно драгоценность в бархатном футляре, среди задрапированной белым спальни. Ее темные волосы и ослепительно белая кожа являли удивительный контраст и одновременно гармонировали с мебелью из красного дерева, инкрустированной перламутром.

Обладая склонностью к театральным эффектам, Тиффани обычно заставляла своих гостей томиться в ожидании ее появления и могла в точности представить, что сейчас творится внизу, на террасе ньюпортского коттеджа — девушки тихонько и сердито перешептываются, мужчины нервно меряют шагами террасу, ожидая ее выхода. И при этом украдкой поглядывают друг на друга, пытаясь угадать, кого же она сегодня отметит своим вниманием.

Ее прекрасное личико подернулось выражением скуки. Тиффани понимала, как она красива в белом, кружевном платье, но к чему все это очарование, если там внизу нет ни

одного человека, на которого она хотела бы произвести впечатление?

Ее отец сделал себе состояние на алмазных копях Кимберли и в золотиносных шахтах Иоханнесбурга. Но самым дорогим его сокровищем была Тиффани. До ее рождения Джон Корт относился к своему богатству равнодушно, так как был человеком неприхотливым. Однако теперь он радовался каждому центу из своих миллионов — ведь эти деньги позволяли его дочери иметь все, что она могла пожелать. Тем не менее, опасаясь, что его могут счесть нуворишем, он тщательно продумал план проникновения в нью-йоркский высший свет, поставив задачей обеспечить Тиффани высокое положение в этом самом элитарном обществе мира. Прежде всего он добился, чтобы его фамилия попала в список четырехсот. А эти четыре сотни и были тем высшим обществом, получавшим самые желанные приглашения — приглашения на балы миссис Астор.

К удивлению Корта успех пришел быстро. Первым этапом его плана было утверждение его личной. Фирмы «Корт Даймондс» на Уолл-стрит, так как основным источником его доходов по-прежнему были акции международной «Даймонд Компани» и золотиносных шахт. Престижные приглашения щедро посыпались по двум причинам. Во-первых, торговля бриллиантами не считалась зазорной, как прочая коммерция. Во-вторых, Корт был богат, хорош собой и притом холост. Следовательно, жена была ему просто необходима.

И вот свершилось — миссис Астор пригласила его на бал.

Когда его карета подъезжала к сияющему огнями особняку Асторов, Корт с тревогой подумал, что если сегодня он совершит хоть малейшую неловкость, то от последствий этого он — а значит и Тиффани — не скоро оправится. Но еще хуже, если кто-нибудь выяснит правду о рождении Тиффани... если кто-нибудь дознается, что его история о смерти жены в Африке при родах — ложь...

С отчаянно бьющимся сердцем Корт шел через огромный зал туда, где миссис Астор принимала гостей. Она казалась такой холодной и величественной. Но когда она улыбнулась ему, Джон Корт испытал удивившее его самого чувство облегчения и, ответив поклоном, прошел в длинную картинную галерею, примыкающую к залу для бала. На мгновение он остановился, чтобы осмотреться, но был не в состоянии различать отдельные лица, не видел предполагаемых охотниц заполучить его самого и его состояние. Нет, Корт видел перед собой некий сонм «Четыре сотни», собравшийся вместе, во всех его шелках, мехах и бриллиантах, вооруженный своей исключительностью. Он мысленно рисовал себе подобную картину, которая должна будет повториться на дебюте Тиффани, но многократно усиленная его богатством и красотой дочери.

И вот теперь, в 1904 году, когда эта стадия его плана была осуществлена, выяснилось, что Джон Корт не смог учесть одно существенное обстоятельство — желание самой Тиффани, которая принимала участие в жизни высшего света Америки лишь потому, что у нее не было выбора. Пустота и бессмысленность такого существования ужасали ее. Главной целью всех знакомых ей девушек было найти себе богатого мужа, а потом тратить его деньги как можно быстрее и экстравагантнее. Но Тиффани желала от жизни совсем другого. Протестуя против любых ограничений собственной свободы, налагаемых на нее принятыми в обществе правилами, она завидовала той независимости, которой наслаждались мужчины. Они спасались от тоски светской жизни, занимаясь бизнесом в своих конторах, встречаясь в клубах, развлекаясь с девицами на яхтах, играя в азартные игры или просто выпивая. Но раз

уж Тиффани не могла изменить свой пол, она полагала, что в силах изменить правила игры хотя бы для себя. Ее отец был человеком покладистым, и Тиффани могла добиться от него всего, что пожелает. Но, к несчастью, с кузеном Рэндольфом дело обстояло гораздо сложнее.

Тиффани нахмурилась и топнула ножкой в туфельке на низком каблучке — она носила таковые из-за своего высокого роста. Кузен Рэндольф... До чего же она его не любила! С тех пор, как он поселился в резиденции Кортон на Пятой авеню в Нью-Йорке, он постоянно поучал ее, читая ей нотации, выговаривая, оценивая каждый ее поступок. Это Рэндольф, гневно думала она, виноват в том, что прошлое лето в Ньюпорте ей пришлось провести в обществе его надоедливой матушки и глупой сестры. Когда Тиффани по возрасту рассталась наконец-то с гувернантками, Рэндольф настоял, что она должна перейти под чье-то попечение — вообще-то он сказал «под надзор» — и потому Тиффани вынуждена была терпеть занудство тети Сары и глупость кузины Полины.

Тиффани медленно водрузила на свои гладкие иссиня-черные волосы, давно лишившиеся детских кудряшек, изящную шляпку с широкими полями. Отчужденность между Тиффани и представительницами ее пола отчасти объяснялась их ревностью к впечатлению, которое она всегда производила на мужчин, но еще больше тем, что Тиффани не была и не собиралась становиться такой же, как они. Она не умела, сидя с подругами, сплетничать, болтать о моде, вечеринках и о столь важной проблеме, как поиски мужа. Вообще-то она относилась к этим жизненно важным для других девушек проблемам с тем же презрением, которым она награждала и самих мужчин. То, как они преклонялись перед ней, исполняя все ее прихоти, совсем не возвышало их в ее глазах. Ни один из них не был способен бросить ей вызов, ни один не выделялся хоть чем-нибудь из остальных.

Все они одинаковы, — сказала себе Тиффани, натягивая элегантные белые перчатки, — одинаково выглядят, одинаково разговаривают, получают одно и то же образование и мечтают об одном и том же. Даже дома, в которых они живут, совершенно неотличимы друг от друга. Она приостановилась, нахмурившись. Кто же это сказал? Она порылась в смутных воспоминаниях многолетней давности, и в ее памяти всплыл давно забытый разговор:

— Все, кого я знаю, живут в таких домах. Все они одинаковы.

— Дома или люди? — спросила Тиффани.

— И те, и другие, — ответил безликий собеседник.

Кто же он был? Ах да, теперь она вспомнила. Туман забвения рассеялся, открывая озеро с лебедями неподалеку от дома. Это было в Англии, ее папа стоит у чьей-то могилы, а рядом мальчик с сияющими светлыми волосами и печальными глазами. Но имя его Тиффани не могла вспомнить.

Ну вот, она готова к пикнику или *fete champetre* как принято говорить в высшем свете. Нужно лишь взять зонтик от солнца и тем довершить картину. Тиффани задорно повертела им и приняла кокетливую позу перед огромным зеркалом.

Она никогда специально не старалась очаровать всех мужчин и тем самым свести на нет шансы всех остальных девушек. Это получалось само собой как почти все, что она делала. Она чаще приказывала чем обольщала, была скорее ядовитой, чем приветливой и терпеть не могла всякие увертки и плутни. Сильная и уверенная в себе, Тиффани Кортон везде приковывала к себе всеобщее внимание. Люди дарили ее своей любовью щедро и незаслуженно, но сама она почти никогда не обращала на это внимания и уж, конечно, не отвечала взаимностью.

Но, возможно, обожание, которым ее окружали, не было ею вовсе не заслужено, потому

что уже один взгляд на нее доставлял удовольствие. Она была высокого роста — пять футов и десять дюймов, — изящна и стройна, и хотя фигура ее казалась хрупкой, движения были полны силы и энергии. Удлиненные шея, руки и ноги, тонкая талия, узкие бедра, высокая округлая грудь придавали ее внешности особую пикантность. Тем не менее, взгляд стороннего наблюдателя не задерживался на этих прекрасных формах, а с жадностью возвращался к ее лицу — с жадностью, потому что его черты и краски притягивали мужчин как магнитом. Зимой ее кожа была матово-белой, как цветок магнолии, а летом приобретала оттенок заварного крема. Ее губы были вишнево-красными, волосы иссиня-черными, словно ягоды черники или терновника, и, казалось, не было мужчины, не мечтавшего коснуться их своими губами. На тонком сердцевидном лице выделялись огромные фиалковые глаза, оттененные длинными густыми ресницами. Прямой и смелый взгляд этих глаз, в которых сквозили энергия и ум, был лишен какого-либо кокетства.

Тиффани Корт была бы восхитительна и в лохмотьях. Но, имея к тому же возможность носить самые изысканные наряды и драгоценности, она производила такой ошеломляющий эффект, что затмевала самых блистательных дам Нью-Йорка, оставляя их безгласными, со зло прищуренными от зависти глазами. И вот, вновь крутанув зонтик, Тиффани вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице к своим гостям.

— Сегодня у вас хорошее настроение, Тиффани.

На этот раз своим кавалером для пешей прогулки она выбрала именно его, и Фрэнку Уитни казалось, что у него выросли крылья. На его открытом лице застыло выражение полного блаженства.

— А разве у меня бывает плохое настроение?

— Нет, но вы далеко не всегда отправляетесь на пикник пешком, вместо того чтобы ехать в коляске, как все остальные!

— Прогулка поднимет мне аппетит.

Ее глаза, полные лукавства, смеялись.

— Вы что-то задумали, — обвиняюще заявил Фрэнк.

Она не ответила, только опустила свои длинные ресницы и невинно улыбнулась.

Несколько молодых людей решили идти вместе с ними, но подавляющее большинство гостей отправились к месту пикника в колясках. Когда пешая компания приблизилась к месту назначения, до них донесся гвалт женских голосов, среди которых доминировал пронзительный дискант тети Сары. Причина всеобщего возбуждения вскоре стала очевидной. Вместо привычных элегантных столиков, накрытых скатертями и сервированных серебром, они увидели лишь поросшую травой поляну, а единственным намеком на возможный обед были два повара, поливающие жиром жарившихся на вертеле ягненка и молочных поросят, которых они разместили над вырытой в земле ямой, пышущей жаром древесного угля. Один из поваров и принял на себя основной удар взрыва недовольства тети Сары.

— Не стоит бранить слуг, тетя, — мягко сказала Тиффани. — Они лишь выполняют мои распоряжения.

— Тиффани! Где заказанный мною обед? И на чем мы будем сидеть?!

— Я полагаю, будет гораздо забавнее провести настоящий пикник. Большая часть *fete champetres* ничем не отличается от обычных обедов, только едят люди на улице, — невинно заявила Тиффани. — И я решила устроить маленький сюрприз.

Сара Корт ошеломленно уставилась перед собой, пытаясь осознать тот возмутительный факт, что Тиффани отдала слугам распоряжения, отменившие ее собственные.

— Очень мило, дорогая, но ты же не хочешь, чтобы леди нашего возраста, — она указала на себя и нескольких других матрон, — сидели на земле?

— Но, дорогая, — нежным голоском возразила Тиффани, — я ведь не рассчитывала видеть на пикнике тех, кто *по-настоящему* стар или болен.

Среди почтенных леди пробежал было мягкий ропот, но тут же они стали смотреть на землю под ногами с гораздо меньшим отвращением, а одна столь далеко зашла в демонстрации своей молодости и проворства, что немедленно опустилась на траву в вихре многочисленных юбок. Тиффани с трудом сдержала улыбку.

— Но мы же испортим платье, — заныла кухня Полина, с тревогой оглядывая розовый муслин, в который была затянута ее пухленькая фигура.

— Вряд ли это должно *тебя* беспокоить, — проговорила Тиффани. — К тому же я не могу представить, то ты решишься еще раз надеть *это* платье.

— Но тарелки, — драматично продолжала тетя Сара, — ножи и вилки! Или ты хочешь, чтобы мы ели жареное мясо руками?

— Конечно, нет.

Тиффани подобрала юбки и побежала к густому подлеску на дальнем конце поляны. Там она остановилась и хлопнула в ладоши. Сразу же появился слуга, несший огромную корзину. Тиффани открыла ее и начала раздавать подошедшим гостям тарелки — очень старые, сплошь выщербленные и надтреснутые. Почтенные леди разбирали их неуверенно, с такой смелостью отчаяния, что Тиффани не решилась продолжать этот спектакль. Раздался ужасный грохот, когда она как бы нечаянно уронила стопку тарелок, а затем весело рассмеялась. Ну и лица! Застывшие маски вежливости и смущения, демонстрирующие тот факт — а ведь все эти женщины были богаты и влиятельны, — что они не смеют противоречить *ее* желаниям. Тиффани не обладала таким состоянием, как Асторы или Вандербильты, но ее красота восполняла этот недостаток. Самые грозные матроны не перечили ей, ведь всякая обида, нанесенная Тиффани, могла свести на нет шансы любимого сына, внука или племянника заполучить самую привлекательную невесту Америки.

Неожиданно охладев к игре, девушка вновь хлопнула в ладоши, и на этот раз из-за деревьев появилась целая армия слуг, несущих столики, на которых сияла серебряная посуда, искрились бокалы и вазы с розами. Слуги доставили огромное блюдо с салатом из омаров, лососину в соусе из кларета и охлажденных цыплят, а также изрядное число бутылок прекрасного вина и фрукты. А еще слуги принесли стулья, встреченные с огромным облегчением и молодыми, и, тем более, пожилыми, которые объявили, что порядком утомились от пятнадцати минутного ожидания на ногах. Но когда дамы расселись, стало очевидно, что все стулья уже заняты, и мужчины остались стоять — вместе с Тиффани. Они с раздраженным недоумением наблюдали, как слуги раскладывают на солнечном склоне, с которого открывался великолепный вид на море, горки ярких пуфов. Тиффани грациозно расположилась на них, окруженная группой молодых людей, среди которых выделялись своей формой несколько курсантов военно-морского колледжа. Две или три девушки сочли, что нельзя позволить Тиффани одной править бал и решили присоединиться к их группе. Однако же оказалось совершенно немислимым одновременно и закусывать, и держать зонтик от солнца, так что им пришлось признать поражение и вернуться за стоящие в тени столики. Тиффани, защищенная от солнца широченными полями шляпы, насмешливо

улыбалась.

Никто не смотрел на Тиффани с большим негодованием, чем ее кузина Полина. Они были ровесницами, но невысокая и склонная к полноте Полина выглядела много старше. Пухлые щеки делали ее небольшие карие глаза еще более маленькими и невыразительными, темные волосы были жидкими, а цвет кожи землистым. Она приехала в Ньюпорт из Бостона, преисполненная самых радужных надежд на замужество, но в тот миг, когда она увидела Тиффани, все ее мечты рассыпались в прах. Разве с ней можно состязаться? Кто обратит внимание на Полину Корт, когда есть Тиффани Корт? А уж когда Полина влюбилась в Фрэнка Уитни, чаша ее несчастий оказалась переполненной.

— Ну и *штука* же эта Тиффани, — прошипела она, не отводя глаз от красивого лица Фрэнка.

Миссис Уитни улыбнулась, бросив гордый взгляд на своего сына, который занимал самое почетное место подле Тиффани.

— Не надо забывать, что Тиффани не знала матери, — успокаивающе прошептала она. — Мистер Корт сделал все, что мог, но ничто не способно заменить внимание и пример матери. К тому же Тиффани воспитывалась дома, а не в школе. Думаю, все это и есть причина ее... некоторой экстравагантности.

Полина и остальные девушки, составлявшие ее компанию, гневно переглянулись, но промолчали. Конечно, матери, чьи сыновья крутятся подле Тиффани, смотрят на нее гораздо снисходительнее, чем остальные.

Тетя Сара сидела рядом с миссис Уитни, между ними в последнее время завязалось некое подобие дружбы. Бостонские Корты были вполне уважаемым семейством, но все же никак не могли стоять вровень с «Четырьмя сотнями», и тетя Сара чувствовала себя гораздо увереннее в обществе миссис Уитни. В свою очередь и та, хоть и носила достаточно известное имя, была принята в высшем свете только благодаря их приятельским отношениям.

Вдовая Сара Корт была беззаветно предана сыну Рэндольфу, отводя дочери незавидную роль своей компаньонки. Она гордо посматривала в сторону Тиффани, полная уверенности, что Джон Корт избрал именно ее Рэндольфа своим будущим зятем.

— Конечно, Тиффани довольно своенравная девушка, — заметила Сара, — но выйдя замуж, она остепенится. А я уверена, что это произойдет уже скоро.

И при мысли о близком триумфе сына на ее мало-примечательном лице появилось выражение самодовольства.

— Чем скорее Тиффани выйдет замуж, тем лучше, — мстительно прошептала Полина, выражая мнение всех присутствующих девушек. И добавила с оттенком зависти: — Ее свадьба, несомненно, станет самым значительным событием сезона!

Лишь бы только Тиффани не вышла замуж за Фрэнка, с тревогой подумала она. С другой стороны вовсе ни к чему, чтобы Тиффани вышла замуж за Рэндольфа. Если это произойдет, Полине придется до конца жизни прозябать в ее тени.

— Прекрати, — сердитым шепотом остановила ее мать. — Тебе следовало бы быть благодарной Тиффани за те преимущества, которые дает тебе родство с ней. Не забывай, что это дядя Джон платит за наряды, которые ты носишь.

Полина, не так давно уязвленная замечанием Тиффани по поводу ее платья, обиженно умолкла.

— Тиффани еще предстоит официальный дебют в высшем обществе, — прошептала

другая девушка. — Хотя по тому, как она старается всюду верховодить, этого не скажешь! И потом, она же не была за границей. Вот я купила это платье в Париже у...

Ее слова были заглушены взрывом смеха на пуфах, после чего Тиффани поднялась и направилась к столикам.

— Все платья Тиффани были куплены в Париже. — Немедленно бросилась на защиту племянницы тетя Сара. — Лучшие дома мод сшили все туалеты по ее мерке. Но я полагаю, она бесспорно посетит Европу на следующий год. Во время медового месяца.

— *Медовый месяц!*

Насмешка в голосе незаметно подошедшей Тиффани заставила всех ошеломленно замолчать.

— Медовый месяц следует за свадьбой, тетя Сара, а я пока что не собираюсь замуж!

Она взбежала на небольшой холмик и раскинула руки, словно намеревалась обнять голубой сияющий простор океана, и воскликнула звенящим голосом:

— Там вдали целый мир — мир, полный людей, городов и событий, и все это ждет меня! И я хочу узнать этот мир и жить в нем до замужества, а не после. И вообще, — она вызывающе вскинула голову, — возможно, я никогда не выйду замуж.

Ее лицо преобразилось. Эта мысль, уже давно исподволь завладевавшая ее сознанием, неожиданно прорвалась наружу. Теперь она знала, что именно такое решение способно избавить ее от томительной скуки жизни. Там, вдали, ее ждет новый, совершенно отличный от этого мир. И, может быть, там ей удастся встретить мужчину, не похожего на всех прочих.

Ее ньюпортские кавалеры в растерянности наблюдали эту сцену, чувствуя, как рушатся их планы и надежды. Но Тиффани неожиданно вернулась к реальности.

— Смотрите! — воскликнула она, указывая на море. — Этой яхты я раньше не видела.

Ее поклонники, воспользовавшись предлогом прервать неловкую ситуацию, подошли поближе к Тиффани и обратили взоры к океану. Судно оказалось небольшой двухмачтовой яхтой, неторопливо рассекавшей волны, поднятые свежим ветерком, и все согласились, что она чужая в этих водах.

— Очень уж невелика эта яхта и такая невзрачная, — пренебрежительно заметила Тиффани, привыкшая к размерам и роскоши яхты Асторов «Курмахаль» или моргановского «Корсара».

— Она идет под британским флагом, — сообщил зоркий курсант из военно-морского колледжа.

— А, тогда все ясно, — радостно воскликнула Тиффани. — На яхте в поисках богатой невесты прибыл очередной нищий английский дворянчик. Ну, девушки, найдет ли он желаемое?

Те рассмеялись, а одна молодая леди потихоньку заметила:

— Молю Бога, чтобы Тиффани вышла замуж за англичанина, и тогда бы у них болела голова, а не у нас!

— Слишком многие американские наследницы крупных состояний выходят замуж за обедневших европейских аристократов, — недовольно заметила тетя Сара, всерьез приняв ироническое замечание Тиффани. — Такие браки забирают наших лучших невест. Приданое этих девушек в сумме уже превышает тридцать миллионов долларов. Когда Консуэло Вандербильт вышла замуж за герцога Мальборо, она увезла с собой два с половиной миллиона, герцогиня Робурт забрала еще два миллиона, леди Керзон — миллион, а ведь есть еще и множество других. Настоящая американка должна оставаться дома. Ей не следует

ловиться на приманку дутых титулов.

— Но, тетя Сара, — тут же запротестовала Тиффани, — я ведь не «настоящая американка». Моя мать родом из Англии, к тому же из хорошей семьи.

Именно к такой мысли приучил ее отец, и пульс Тиффани участился, когда она подумала, что путешествие в Европу предоставит ей возможность поискать следы матери.

Разозлившись на свою оплошность, Сара ответила с излишней резкостью:

— Ты воспитывалась как американка. Но в любом случае это неважно, ведь на этой жалкой яхте не может быть никакого благородного англичанина.

— Конечно, но ведь сами по себе путешествия за границу восхитительны, разве не так?

Настроение Тиффани вновь изменилось, и она лукаво взглянула на Фрэнка. Сегодня она была неизменно благосклонна к нему и, пожалуй, пришло время уничтожить радужный мыльный пузырь его счастья. Нельзя позволить, чтобы он вернулся домой с мыслью, что небезразличен ей. И Тиффани знала, как лучше уколоть его.

— Фрэнк расскажет нам что-нибудь о своем путешествии в Африку, не так ли? Вы так скромны во всем, что касается ваших приключений во время южно-африканской войны, а я уверена, вам есть о чем рассказать.

Солнце сияло по-прежнему, но для Фрэнка день померк: он не ожидал столь предательского удара от Тиффани. Ее жестокие коготки наносили гораздо более глубокие раны, чем она себе представляла.

Прошло почти три года, как Фрэнк Уитни вернулся из Южной Африки, однако никакими уговорами не удавалось добиться от него рассказа о тамошних событиях. Его молчание вызвало разные толки; должно быть, ему было что скрывать, особенно если учесть тот факт, что он отправился туда как внештатный корреспондент, но не написал ни строчки о войне. После неудачной попытки возобновить университетское образование, перед ним встала проблема выбора конкретного дела, решить которую помог Джон Корт, предложивший ему работу в своей компании. Отчасти на решение Корта повлиял тот факт, что именно он снабдил Фрэнка рекомендательными письмами к различным влиятельным людям в Южной Африке, а отчасти сочувствие к молодому человеку, поскольку он по себе знал, как легко можно потерять себя на африканских равнинах. Фрэнк принял предложение, ведь его единственным желанием было находиться поближе к Тиффани.

Большая часть общества уже забыла о войне в Южной Африке, но только не Тиффани, которая чисто инстинктивно умела находить у мужчин самое слабое место.

— Это совсем не интересно, — ответил он, предприняв слабую попытку улыбнуться. — Я уже говорил вам, что в конце концов все войны сводятся к политике, и это вовсе не такая захватывающая тема, как полагает большинство людей.

— Вот и расскажите, чтобы мы сами могли судить об этом, — безжалостно настаивала Тиффани. — Ну же, Фрэнк, держу пари, что вам есть чем похвастаться, только вы из скромности упорно не желаете поделиться с нами.

Ее фиалковые глаза смеялись. Фрэнк готов был пожертвовать всем за ласковый взгляд этих глаз, но они в ответ лишь насмеялись над ним, видя его насквозь.

Ведь Тиффани прекрасно понимала, что дело вовсе не в его фальшивой скромности. Если б ему было чем похвастаться, он бы обязательно это сделал. Воцарилось смущенное молчание, а затем, достигнув своей цели, Тиффани нетерпеливо перевернула плечами.

Пикник подходил к концу. Тиффани бросила скучающий, небрежный взгляд на океан. Британская яхта, направляясь к берегу, на мгновение оказалась перед ее глазами и скрылась

за мысом. И Тиффани тут же выбросила ее из головы.

Глава вторая

Характер Рэндольфа проявлялся даже в его манере ходить. Держался он очень прямо, шаг его был короток для такого высокого мужчины, но тверд. Сразу было видно, что это человек, воспринимающий себя со всей серьезностью и почти никогда не расслабляющийся. Его походка выдавала человека осмотрительного и, как говорится, постоянно застегнутого на все пуговицы. Он обладал даром чувствовать хитросплетения жизни, но достигал этого, не погружаясь в ее гушу, а просто наблюдая через окна конторы или элитного клуба. И никакое буйное воображение не позволяло представить Рэндольфа на людях без галстука и пиджака.

Эти черты его характера проявились сразу же, как только Рэндольф, перейдя Уолл-стрит, в первый раз оказался в помещении «Корт Банка». Одним из принятых им решений был перевод бриллиантовой отрасли в элитную часть Пятой авеню и преобразование конторы на Уолл-стрит в банк.

Он вошел в свой кабинет и уселся за стол. Это был очень большой кабинет с внушительным столом, поскольку Рэндольф верил, что впечатление, произведенное на клиента, имеет огромное значение.

Даже в этот знойный и душный нью-йоркский полдень лицо и худое тело Рэндольфа, казалось, были невосприимчивы к жаре. Точно так же, как невозможно было увидеть его небрежно одетым, нельзя было представить его потеющим или совершающим иные, вполне естественные, но все же неблагородные отправления своего организма.

Создание банка было второй стадией хитроумного плана Джона Корта. Его родственники в Бостоне уже многие годы имели тесные связи с финансовыми кругами, и он понимал насколько перспективно банковское дело для достижения влияния, уважения и признания в обществе. Возможно, неосознанно стараясь компенсировать обстоятельства, окружающие рождение Тиффани, он решил, что банковское дело как раз и есть та солидная и респектабельная основа, необходимая для упрочения будущего его дочери. Однако полагая себя великим стратегом, он совместил этот свой шаг с идеями, касающимися и личной жизни любимой дочери. Он собирался передать контроль над банком человеку, которого выбрал будущим мужем Тиффани — Рэндольфу Карту, ее троюродному брату. Рэндольф был в полной мере наделен теми достоинствами, которые требовались Карту. К тому же он не проявлял чрезмерную проницательность, что было и вовсе замечательно, поскольку Корт полагал, что вовсе не обязательно быть слишком уж хитроумным, чтобы управлять банком. Он помнил, как где-то прочитал, что банкир должен быть прост, и если таким ему быть *трудно*, то это *плохо*.

Выбор на этот пост члена собственной семьи имел и другие преимущества. Корт предпочитая создать собственную династию, которая могла бы соперничать с великими семьями Нью-Йорка, чем породниться с одной из них. К тому же, хотя он и не собирался в этом признаваться, ему хотелось сохранить свою власть и влияние на Тиффани даже после замужества. Ни один зять, рассуждал он, не сможет игнорировать тестя, который дал ему все, что только может пожелать человек: Тиффани Корт в жены и собственный банк.

И в один прекрасный день, четыре года назад Джон Корт пригласил Рэндольфа на обед в большую, сияющую белизной и позолотой, столовую своего особняка на Пятой авеню с

намерением просветить его относительно блестящего и великого будущего, которое его ожидает...

Рэндольф сидел за столом, слушая рассуждения Джона Корта о состоянии американской экономики, и ждал, когда же его дядя перейдет к делу. Он уже проявил качества, необходимые для начала его головокружительной карьеры — способность терпеливо выслушивать собеседника, делать собственные выводы и при всем том скрывать свое мнение под маской совершеннейшей невозмутимости.

Он учился на последнем курсе Гарвардского университета, но казалось, что на свет он появился сразу человеком зрелым и солидным. Высоким и очень худой, он был красив и непривлекателен одновременно. Черты его лица были словно высечены резцом скульптора: патрицианский нос и губы, тонкие и решительные. Белая словно бумага кожа буквально обтягивала скулы, и ее бледность еще сильнее подчеркивалась черными волосами и скучными, невыразительными, без проблесков какого-либо чувства или искорок юмора, темно-кариими глазами. Было нечто зловещее в его ледяном самообладании и сдержанных манерах, нечто отталкивающее во внимательном взгляде темных глаз и длинных тонких пальцах, поигрывающих ножкой бокала для бренди.

— Имеется ряд данных, что некоторые банки будут расширяться. Собственно говоря, они уже расширяются, особенно те, что занимаются сельским хозяйством. Но заметь, — Корт многозначительно помолчал, — уж если я создаю банк, то вряд ли полем его деятельности будет сельское хозяйство.

Ну наконец то, подумал Рэндольф. Теперь он знал, зачем дядя пригласил его.

— Да, — без всякого выражения согласился он. — Слишком большая зависимость от одного сектора экономики может оказаться ошибкой, в особенности, если это сельское хозяйство, функционирующее в неподконтрольных обстоятельствах и подверженное всяким спадам. А в какой области бизнеса предпочли бы действовать вы?

— Рынок ценных бумаг. Полагаю, Ферст Нешнл Сити находится на верном пути. В основном он выполняет функцию биржевого регулятора и потому стал самым крупным в Америке страховым агентом правительства и корпоративных объединений. В настоящее время это самая выгодная сфера банковской деятельности в крупных городах.

— В этой области уже определились основные центры: Нью-Йорк, Чикаго и Сан-Франциско. — Рэндольф, как всегда, прокладывая свой путь с привычной осторожностью. — Думаю, первоначально вы ограничитесь только нашим штатом?

— Да. Как ты знаешь, Конгресс дал право соответствующим комиссиям штатов лицензировать банки и их деятельность, в результате чего банки могли действовать лишь в пределах одного штата. В 1844 году законодательное собрание штата Нью-Йорк постановило, что и управление банком должно находиться в этом же штате. Сейчас это «правило единства» больше не применяется, хотя и действует в ряде других штатов. Но некоторое время я все-таки намерен его соблюдать.

Английский экономист Уолтер Бейгот ратовал за ограничение банковской активности. Он говорил: «Банкир, живущий в своем округе, и проживший в нем всю жизнь, чье сознание неразрывно связано с нуждами округа, может надежно и эффективно вкладывать здесь деньги». В этом и есть суть проблемы. Хороший банкир дает «хорошие» ссуды, а хорошие ссуды — это те, которые возвращаются с прибылью.

Рэндольф слегка улыбнулся.

— Дядя Джон, без сомнения у вас хватит средств для основания банка. Да и, в конце

концов, просто удивительно, сколь малых затрат это требует. Без всякого сомнения, гораздо меньше, чем думают непосвященные. Однако, управление банком совершенно отлично от добычи и производства бриллиантов. При всем моем уважении... у вас есть деньги, но обладаете ли вы необходимыми знаниями и опытом?

— Нет, — ответил Корт, — зато все необходимые качества есть у *тебя*.

После его слов настала тишина, как у постели умирающего.

— Да, — наконец согласился Рэндольф, — я был бы очень рад присоединиться к вашему предприятию.

Корта охватило легкое раздражение, вызванное сдержанностью, с которой его родственник принял столь замечательное предложение. Временами он, общаясь с Рэндольфом, ощущал отсутствие понимания и родственных чувств со стороны молодого человека. Но он не собирался сходить с намеченного курса. Банкир должен вызывать уважение и доверие, а вовсе не симпатию.

— Все необходимое уже делается, — заявил Корт, вставая, — поскольку я желаю, чтобы к тому времени, как ты закончишь университет, все было готово. Ну, а перед уходом ты, конечно, попрощаешься с Тиффани?

Не дожидаясь ответа, он повел Рэндольфа через лабиринт мраморных коридоров к музыкальной студии, откуда доносились слабые звуки рояля — Тиффани брала уроки музыки. Когда они вошли, Тиффани перестала играть и встала, приветствуя их с надменной серьезностью, более подходящей королеве, принимающей своих придворных, чем тринадцатилетней девочке, встречающей отца и кузена.

— Чудесная музыка, дорогая, — ласково сказал Корт.

Рэндольф поморщится. У него был прекрасный музыкальный слух, и потому мучения, которым Тиффани подвергала Шопена, казались ему чудовищными.

— Ты любишь музыку, Тиффани? — спросил он.

— Терпеть не могу.

И тебя тоже, говорили ее глаза. Тиффани чувствовала, что в ее кузене Рэндольфе отсутствует теплота и непосредственность. Ей всегда казалось, что он изучает ее как бы издали. Он оценивал ее, а Тиффани этого терпеть не могла. Она повернулась к отцу:

— И если ты считаешь, что эта музыка — «чудесная», то ты ничего в этом не понимаешь, заявила она тоном, который любой назвал бы бестактным, а Корт воспринимал как непосредственность. — Это кошмар, а виноват он, — она указала на учителя музыки, который тактично отошел к окну.

— Почему? — спросил Корт.

— Он отвратительный учитель, и я больше не желаю его терпеть.

— Тогда мы найдем тебе другого, — торопливо сказал Корт и жестом предложил побледневшему преподавателю выйти вместе с ним из комнаты.

Рэндольф бесстрастно слушал разговор. Ужасный ребенок, подумал он, испорченный, эгоистичный, с дурными манерами. Отец избаловал ее и не желает видеть, что растит в своем доме чудовище.

— Возможно, у этого человека есть семья, Тиффани. Ты подумала об этом прежде, чем столь бесцеремонно выставить его за дверь?

— Когда их увольняют, папа всегда выплачивает им в два раза больше, чем они могут заработать за год, — ответила она, безразлично пожимая плечами. На самом деле она не имела ни малейшего представления о том, как живут люди за пределами их особняка.

Единственной целью ее поступка было не желание задеть или унижить учителя музыки, а намерение показать кузену, что она всегда добивается своего. Ей нравилось ощущение власти; нравилось заставлять отца «прыгать через обруч».

— Когда ты станешь старше, Тиффани, я думаю, ты поймешь, что существуют определенные нормы обращения с людьми, даже со слугами, — заключил Рэндольф.

— Мне наплевать, что ты думаешь.

— Тиффани! — Корт вновь вошел в студию, его резкий тон был настолько непривычен, что Тиффани и Рэндольф взглянули на него с удивлением.

— Что за отвратительная и совершенно непростительная грубость! Твой кузен Рэндольф добр к тебе и предан нашим интересам. Он желанный гость в моем доме, а в будущем я жду от него много большего. Немедленно извинись перед ним.

На лице дяди отражалась целая гамма чувств, и Рэндольф сразу сообразил, в чем тут дело. Вручение ему банка — только половина сделки. Вторая половина — Тиффани. Джон Корт мечтал о династии, которую Рэндольф должен был увековечить. Рэндольф знал, что это возможно. Финансовое предприятие, которое могло бы стать крупнейшим в Америке или даже в мире, династия, которая смогла бы соперничать с Ротшильдами, поставившими своих четырех сыновей во главе крупнейших банков Европы.

Он вновь посмотрел на Тиффани. Испорченная, эгоистичная девчонка с отвратительными манерами. Все так, однако она обещала стать замечательной красавицей. Роскошные темные волосы и эти огромные фиалковые глаза на красивом лице через несколько лет станут неотразимыми. Она еще очень юна и, возможно, став постарше, переменится. Характер ее смягчится, и если с ней правильно обращаться, из нее получится прекрасная супруга, столь необходимая человеку его положения. И первое, что надо будет сделать, хладнокровно размышлял Рэндольф, это устранить разлагающее влияние отца.

Тиффани метнула на Джона Корта бунтующий взгляд, но лицо его было непреклонным. На этот раз он действительно рассердился.

— Мне очень жаль, кузен Рэндольф, я не хотела тебя обидеть.

— Я принимаю твои извинения, Тиффани, — тонкие губы Рэндольфа растянулись в некоем подобии улыбки.

Со вздохом облегчения Корт вновь повернулся к двери. И как только он отвернулся, Тиффани скорчила рожицу и показала Рэндольфу язык.

Рэндольф не обратил на это внимания. Он без колебаний принял не высказанное вслух предложение. Когда Тиффани исполнится восемнадцать, он женится на ней.

К 1904 году Рэндольф Корт проявил себя как превосходный банкир. Ему нравилось цитировать Бейгота, находя в высказываниях этого экономиста мысли, созвучные своим: «Страсть к приключениям лежит в основе торговли, но основой банковского дела являются осторожность, и я бы даже сказал, робость». Принимая решения в вопросе о ссудах, Рэндольф следовал политике другого своего идола, Джона Пирпонта Моргана, который основывался на характере заемщика. К «осторожности» и «характеру» Рэндольф добавил еще два принципа оценки просителя — «капитал» и «репутация». На этом и основывалась вся его деятельность.

Он смог создать хорошо сбалансированный пакет инвестиций, который мог уравновесить различные займы, некоторое количество краткосрочных займов для притока наличности и долговременные займы для получения прибыли. Он совершил маневры,

позволившие «Корт Банку» получить контроль над компаниями, переживающими трудности, затем реорганизовал эти компании, выпустил новые акции и ввел себя в совет директоров. Хотя он был еще очень молод, его таланты получили признание. Сам Джон Пирпонт Морган включил «Корт Банк» в число финансовых компаний, допущенных к контролю за деловой и политической жизнью Америки.

Когда Рэндольф пришел в этот бизнес, от депрессии 1890-х годов не осталось и следа. На рубеже столетий Америка наслаждалась ростом богатства и силы. Национальная экономика оживала после длительного застоя. Цены росли. Увеличившийся приток капитала и сырья стимулировал интенсивное развитие производства. Но Рэндольфа в первую очередь интересовал стремительный рост американских городов. Скажем, число жителей Нью-Йорка возросло с двух миллионов в 1880 году до почти трех с половиной миллионов в 1900. Он хорошо понимал, что подобный прирост населения неизбежно потребует развития инфраструктуры города — начиная от транспорта, воды, газа и электричества до строительства очистительных систем, причалов и дорог. Когда распределялись контракты и право участия в подрядах на эти работы, Рэндольф приложил все силы, чтобы «Корт Банк» оказался на передовых позициях.

К тому же он понимал, что пришла эпоха синдикатов. Рождались огромные корпорации, которые доминировали в определенных отраслях, таких как сталелитейная, чугунолитейная, железнодорожная, угледобывающая, табачная, нефтяная и энергетическая и их комбинации укрепляли позиции задумывавших их людей. Два процента населения Америки владели шестьюдесятью процентами национального богатства — и в эти два процента входили Корты. Рэндольф жаждал богатства, но еще больше он мечтал о власти и влиянии, которые деньги давали людям. Банковское дело было идеальным механизмом для удовлетворения его амбиций, ведь давая или не давая ссуды, банкир решает, кто добьется успеха, а кто потерпит поражение.

Для Рэндольфа мечта Джона Корта о династии была вполне естественной. «Фамильный банковский бизнес, переходящий от отца к сыну», — всплыло в его памяти высказывание Бейгота. Большинство крупнейших американских банков находились под впечатлением его идеи об отце-основателе, и Рэндольфу приятно было думать, что его влияние протянется в далекое будущее, переходя от одного поколения к другому.

Но существование династии зависело еще и от Тиффани, а именно она являлась тем фактором, который не желал действовать в согласии с выстроенными Рэндольфом и Джоном Кортом планами.

Рэндольф прервал работу и нахмурился, недовольный, что в его голову пробрались мысли о Тиффани. Ее красота превзошла все ожидания, но она по-прежнему оставалась дикой, эгоистичной и испорченной девчонкой. Ей был нужен контроль, твердая рука... Кулаки Рэндольфа сжались, на скулах заходили желваки. Тиффани необходимо подчинить его воле, подчинить физически и интеллектуально. Иногда, когда она с ненавистью смотрела на него своими прекрасными глазами или же грубо с ним разговаривала, его буквально сжигало желание ударить ее, даже избить, и тем привести в полную покорность. Лишь пару недель назад, накануне своего отъезда в Ньюпорт, она вновь дала ему повод для подобного чувства.

Это случилось жарким и солнечным воскресным утром, но Рэндольф не соблюдал «день седьмой». Он рано встал и сразу же отправился в свой кабинет в особняке Кортвов, прервав

работу лишь для того, чтобы принять двух клиентов, в этот день уезжавших из Нью-Йорка и принесших ему на подпись документы. Важность сделки была столь велика, что Рэндольф снизошел и самолично проводил обоих до парадных дверей. Закрыв за ними дверь, он обернулся и увидел, что по лестнице спускается Тиффани. При ее виде Рэндольфа охватил холодный гнев, но одновременно ему стало жарко от желания.

На Тиффани была лишь ночная рубашка цвета шампанского, а сверху было накинуто negligé из той же ткани, оставленное не застегнутым, так что оно развевалось при ходьбе. Тонкая ткань, ниспадая легкими складками вокруг ее дивного тела и длинных ног, почти полностью открывала грудь и жемчужную прозрачность плоти. Она взглянула на Рэндольфа, не удостоив его даже словом, и прошла в утреннюю гостиную. Потягивая кофе, она лениво зевала.

Рэндольф в бешенстве стиснул сухие пальцы. Когда он вошел в комнату, Тиффани бросила на него пренебрежительный взгляд.

— Ты выглядишь так, словно встал с рассветом, — презрительно заметила она. — Прямо-таки трудолюбивый бобер! Надо думать, ты стараешься произвести впечатление на папу своим усердием?

Она обращалась с ним как со слугой, а не... Впрочем, в данный момент Рэндольфа занимало совершенно иное.

— Как ты посмела спуститься вниз одетая, как... точнее вовсе не одетая?!

— *Посмела? Я смею*, потому что это мой дом и я делаю то, что хочу!

— Тиффани, я только что проводил до дверей двух клиентов банка, мужчин. И если бы ты спустилась с лестницы пятью секундами раньше, они бы тебя увидели!

— А разве на меня нельзя смотреть?

Рэндольф облизнул губы. Ее красивое тело вновь приковало к себе его взгляд. Понимает ли она, до чего привлекательна и как провокационны ее слова? Он знал, что Джон Корт позаботился, чтобы она сохранила полное невежество относительно некоторых аспектов бытия, так что, возможно, все эти насмешки и издевательства, приводящие в бешенство Рэндольфа, для нее были вполне естественны и безобидны.

— Дело не в этом, — наконец выдавил он.

— Ведь папа часто выходит к завтраку в халате. По-моему, дело в том, что для мужчин правила одни, а для нас другие. Как всегда! Но в любом случае, все это чепуха! Никто меня же видел.

— Я видел.

— О, *ты!* Ты не в счет.

Ярость и страсть кипели в его душе, поочередно сменяя друг друга, поднимая невидимую волну насилия... Не в счет? Боже, ну он ей покажет... Он с трудом взял себя в руки.

— Вот здесь ты ошибаешься, дорогая, — нарочито спокойно произнес он. — Серьезно ошибаешься.

— Повторяю, это мой дом и я буду делать то, что мне нравится. А если тебя это не устраивает, ты можешь убраться. Ничто не будет мне так приятно, как навсегда избавиться от твоего общества.

Она вышла, хлопнув дверью, оставив его в смятении чувств. В этот миг он ненавидел ее за ту темную страсть, что охватила его и чуть было не вырвалась на свободу, и был полон отвращения к себе за то, что желал ее до безумия. Тиффани посмела вывести его из себя —

но ненадолго. Вскоре он поговорит с нею об их браке, и уж тогда он ей крылышки обрежет! Ее отношение к нему не такое уж серьезное препятствие для его планов. В конце концов, Тиффани издевалась над всеми мужчинами. А если не удастся ее убедить, Рэндольф найдет способ подчинить ее силой...

— Извините, мистер Корт, но вас хочет видеть мистер Элленбергер.

Рэндольф мгновенно вернулся к действительности и с раздражением взглянул на клерка, рассерженный, что его застали врасплох.

— Элленбергер? Я не знаю этого человека, была назначена встреча?

— Нет, сэр, но он утверждает, что это очень важно.

Рэндольф взглянул на визитную карточку, переданную ему клерком:

Антон Элленбергер

компания «Брайт Даймондс»

Хэттон-Гарден, Лондон

— Вы сообщили мистеру Элленбергеру, что я не имею никакого отношения к компании «Корт Даймондс»?

— Он знает это, сэр, но все же настаивает, что хочет видеть именно вас.

— Хорошо. Я уделю ему десять минут перед встречей с мистером Джоном Кортом.

Антон Элленбергер выглядел безукоризненно: покрой костюма, прическа и усы, манеры, но при этом ничего хоть сколько-нибудь примечательного. Он был среднего роста, волосы каштановые, лицо приятное, хотя и не красавец. При первом же взгляде на него к Рэндольфу снова вернулось раздражение. Да ведь этот человек просто клерк, не больше.

— Не представляю, что я могу для вас сделать, мистер Элленбергер. Мой дядя Джон Корт сам контролирует нашу компанию по продаже бриллиантов, а я управляю банком.

— Я осведомлен об этом, мистер Корт. Более того, я появился здесь не в связи с бриллиантовым бизнесом. Я нахожусь здесь для сноса ограждений и наведения мостов, говоря метафорически, — его речь была так же аккуратна, как и его внешность, но в произношении проглядывал немецкий акцент. — Я имею в виду неприязнь, существующую между моим работодателем и вашим дядей.

Рэндольф не имел ни малейшего представления, о чем ведет речь собеседник, но его интерес сразу же возрос.

— Мистер Брайт сам говорил вам об этом? — осторожно спросил он.

— Сэр Мэтью, — мягко возразил Элленбергер, — не из тех людей, что доверяют окружающим. Нет, все дело не в том, что он говорил, а в том, как он избегает всяких упоминаний о Джоне Корте и раздражается, когда при нем произносят это имя. Вот что обнаруживает истинное положение дел. К тому же, хотя сэр Мэтью и мистер Корт были партнерами в Кимберли и до сих пор сохраняют тесные связи с «Даймонд Компани», я заметил, что все сделки между ними проводятся через третьих лиц.

Рэндольфу всегда казалось странным, что его дядя не поддерживает непосредственных контактов с «Даймонд Компани», но относил это за счет его нежелания выезжать за границу. Но, возможно, истинной причиной действительно было его нежелание встречаться с Мэтью Брайтом.

— Все это звучит весьма занимательно, мистер Элленбергер, но я не понимаю, какое отношение это имеет к вам или ко мне.

— Как я уже сказал, я навожу мосты. Настанет день, когда *вы* будете управлять «Корт Даймондс», и тогда...

Стук в дверь прервал разговор.

— В свое время мы продолжим эту тему, — объявил Рэндольф поднимаясь. — В этот час ко мне всегда приходит дядя, чтобы, как президент, подписать документы и утвердить сделки.

— Какое счастливое совпадение, — невозмутимо заметил Антон.

Пока Рэндольф знакомил Джона Корта и посетителя, шестеренки и колесики его мозга лихорадочно крутились. Какое тут, к черту, совпадение! Неожиданно он понял, и эту уверенность ничем нельзя было поколебать, что Элленбергер знал распорядок дня семьи Кортвов. Потрудился выяснить. А к Рэндольфу он прежде всего пришел потому, что за тем было будущее. Он мог надеяться, что Рэндольф оценит его тактику. Наблюдая за реакцией дяди на название «Брайт Даймондс», Рэндольф нашел и третью причину — Элленбергер хотел встретиться с Джоном Кортвом, а в «Корт Даймондс» он очевидно не был бы допущен. И чем больше Рэндольф размышлял о стратегии Антона Элленбергера, тем больше убеждался в его незаурядности.

— Как поживает сэр Мэтью? — напряженно спросил Корт.

— Замечательно, — непринужденно ответил Антон. — Вообще-то в настоящий момент он очень занят — смерть Сесилия Родса два с половиной года назад поставила его во главе «Даймонд Компани», и потому у него остается мало времени на что-либо другое.

Было ясно, что Корт взволнован, но старается быть вежливым.

— Ах да, бедный Родс! Ведь он был сравнительно молод. Надо думать, его замучили до смерти своими матримониальными приставаниями сумасшедшие иностранные принцессы.

Он сам понял, что эти его слова прозвучали некстати, и сменил тему:

— Вас послал сэр Мэтью?

— Напротив. Он не знает, что я обратился к вам. Я просто очень хотел познакомиться с одним из самых выдающихся бриллиантовых магнатов нашего времени.

И Антон учтиво поклонился Карту.

А еще для того, чтобы выяснить, так ли сильна неприязнь на этой стороне Атлантики, как она сильна в Англии, подумал Рэндольф, и ответ на вопрос был очевиден. До чего же ловок этот Элленбергер!

— И как давно вы работаете на Мэтью?

— По рождению я немец, но еще в юности я начал заниматься бриллиантами в Амстердаме. Там я встретил сэра Мэтью и мне очень повезло, что я был приглашен работать в его компании. Его бывший управляющий Рейнольдс ушел в отставку, а после смерти во время войны в Южной Африке лорда Николаса Грифтона сэр Мэтью нуждался в человеке, который мог бы управлять его лондонской конторой.

Корт кивнул и немного помолчал, погрузившись в воспоминания о Николасе.

— Вам нравится работать у сэра Мэтью? — спросил Рэндольф, внимательно наблюдая за выражением лица Элленбергера. Он был уверен, что этот человек не скажет ничего лишнего и незначительного; каждое его слово должно было нести определенный смысл.

Элленбергер повернулся и взглянул Рэндольфу в глаза.

— Сэр Мэтью самый выдающийся предприниматель из всех, кого я когда-либо знал. У него удивительные способности к заключению выгодных сделок, и в то же время основательные познания в производстве бриллиантов. Мне очень повезло, что я мог учиться у него.

Его глаза слегка заблестели, и он улыбнулся.

Учиться у него, а потом заставить эти знания работать на себя. Рэндольф это прекрасно понимал. Когда Антон Элленбергер будет готов заняться собственным бизнесом, он покинет «Брайт Даймондс», и вот тогда связи с «Корт Даймондс» и «Корт Банком» будут весьма кстати. Рэндольф медленно кивнул и в свою очередь улыбнулся. Эта тактика была достойна его самого, а Рэндольф не мог дать более высокую оценку.

— Я передал ему все свои знания о бриллиантах, — резко заметил Корт, — но деловая хватка у него от природы, к тому же отшлифована Родсом и Бейтом. А теперь ученик превзошел мастеров — лишь Мэтью мог действовать с такой быстротой и эффективностью, как он сделал это в вопросе с шахтой «Премьер».

В 1902 году в Трансваале неподалеку от Претории были открыты новые месторождения алмазов. Когда начались разработки, количество и качество камней потрясло и взбудоражило рынок бриллиантов. Это обеспокоило «Даймонд Компани», которая в интересах стабильности цен всегда старалась регулировать добычу и продажу алмазов по всему миру. Проблему создавала не только удаленность шахты «Премьер» от промышленного центра Кимберли, но и поведение Томаса Куллинана, ее владельца, который отказывался от каких-либо переговоров.

Для разрешения сложившейся ситуации в Преторию отправились два старших директора «Даймонд Компани» Мэтью Брайт и Альфред Бейт. Они должны были лично осмотреть шахту и действовать согласно обстоятельствам. Однако результаты их поездки оказались совершенно неожиданными. С Альфредом Бейтом случился удар. Мэтью от имени «Брайт Даймондс» купил акции в новом предприятии и занял место в совете директоров.

— Шаг был удачным, — согласился Антон — и я могу вас заверить, что сэра Мэтью намерен использовать свое влияние на Куллинана, трансваальское правительство и прочих держателей акций с тем, чтобы установить разумную политику продаж.

— Надеюсь, он добьется своего, — напряженно ответил Корт. — И дело не в том, что добыча в «Премьер» слишком велика, но ведь они нашли небывало много камней более 100 каратов. Тем не менее, если кто и может решить эту проблему, так это Мэтью.

Память Корта унеслась на двадцать лет назад, и он услышал голос Мэтью: «Бриллианты требуют самого деликатного обращения. Им нужны руки, которые либо придержат их, либо, при необходимости, выпустят в свет. И вот чего я хочу, Джон, чтобы именно моя рука лежала на вентиле». Что ж, Мэтью достиг своей цели, хотя отчасти его успех объяснялся тем, что он попросту пережил титанов этой отрасли.

— Очевидно, вы испытываете огромное уважение к сэру Мэтью, мистер Корт. Когда в следующий раз вы будете в Лондоне, вы сможете лично дать понять ему это.

Рэндольф мысленно усмехнулся. Элленбергер делал последнюю попытку наладить взаимоотношения этих двух людей в расчете на поддержку, которую он сможет получить в будущем от «Корт Даймондс».

— Ничто не заставит меня вновь встретиться с Мэтью Брайтом, — со сдержанным напряжением ответил Корт.

Вернувшись домой, Джон Корт зашел в пустующую спальню Тиффани. Через несколько дней он увидится с ней в Ньюпорте, но, пока ее не было рядом с ним, он любил сидеть здесь, вдыхая слабый аромат ее духов, создающий впечатление ее присутствия. А сегодня у него была особая причина желать хотя бы иллюзии ее общества... Мэтью...

Судьба Джона Корта выделяла его среди других бриллиантовых магнатов. От неплохого,

но, в общем-то, ничем не примечательного геолога, разъезжавшего по Южной Африке в поисках знаний, а не богатства, осталась лишь внешняя оболочка. Его характер, когда-то спокойный и уравновешенный, претерпел сильные изменения под влиянием динамичного, разностороннего и амбициозного Мэтью Брайта. Но не только в бизнесе Корт играл вторую скрипку в дуэте со своим более ярким партнером. У него появилась патологическая склонность влюбляться в женщин Мэтью — о чем он сожалел и из-за чего презирал себя, пока однажды случайная кратковременная связь с Энн Брайт в Кимберли не принесла ему Тиффани.

История, которую Джон Корт рассказывал о своем браке, была ложью. Тиффани была незаконнорожденной. Она была дочерью леди Энн, первой жены Мэтью Брайта.

Прекрасно зная, что беременность Энн не могла быть отнесена на его счет, Мэтью не пожелал признать ребенка и Энн уехала из Кимберли, чтобы втайне родить в Кейптауне. Ее служанка Генриетта сразу же после родов передала дочь Джону Корту, который увез Тиффани в Америку.

Он не сожалел о случившемся. Джон Корт очень любил Энн и сочувствовал ей из-за ее полной заброшенности в доме золотоволосого красавчика-мужа. Но еще больше он обожал свою дочь, придававшую смысл его жизни. Однако он жил в постоянном страхе, что кто-нибудь — общество, семья и в особенности Тиффани — сможет узнать правду.

Он с тревогой посмотрел на столик у ее кровати, но, конечно, портрета ее матери не было — Тиффани везде возила его с собой.

Едва научившись говорить, Тиффани начала задавать вопросы о матери, и для утоления ее любопытства Корт придумал романтическую сказку. Он рассказывал ей об английской леди из хорошей семьи, «похожей на принцессу», которая испытала много несчастий до того, как он встретил ее в Кейптауне, одинокую и без гроша в кармане. Тиффани никогда не надоедала эта сказка. Он рассказывал ее вновь и вновь и каждый раз испытывал чувство вины за обман. То, что его ложь укореняется и растет, вызывало у него гнетущие опасения. Что же до портрета, то в нем не было ничего общего с Энн. Это было изображение неизвестной молодой женщины с темными волосами. Но Тиффани вцепилась в него как в талисман, и постепенно портрет начал становиться олицетворением всего неправильного в их взаимоотношениях. Он стал символом излишнего попустительства Корта капризам дочери, его стараний доставить ей удовольствие любой ценой. Ведь из-за того, что девочка была лишена матери, он решил, что она ни в чем не будет нуждаться.

— Что ты хочешь ко дню рождения? — спросил он, когда ей исполнилось десять лет. Это был не праздный вопрос, ведь Тиффани имела все, что можно было иметь за деньги. — Может быть, бриллианты для бриллиантовой принцессы Америки? — поддразнил он.

При слове «принцесса» глаза Тиффани обратились к миниатюре ее так называемой матери, заключенной в простую золоченую рамку.

— Я хочу бриллианты для мамы — красивую бриллиантовую рамку для ее портрета.

Корт вздрогнул, но вынужден был подыгрывать обману, который слишком далеко зашел, чтобы можно было остановиться.

— Замечательно, — согласился он. — Рамку сделает лучший ювелир Нью-Йорка, а когда мы пойдем выбирать камни, я покажу тебе чудесный бриллиант, в честь которого ты была названа.

В знаменитом магазине на Юнион-сквер их принял сам хозяин — Чарльз Тиффани и лично принес сияющий бриллиант «Тиффани», который был самым большим желтым

бриллиантом в мире и который был найден Кортм и Мэтью в их шахте в Кимберли. Девочка очень осторожно взяла его в руки. При всех своих недостатках, она уважала чужую собственность и обладала инстинктивным пониманием всего редкого и прекрасного. Но в данном случае это был не совсем подходящий момент для любования красотой драгоценного камня — ведь в глазах Тиффани все бледнело по сравнению с портретом матери.

Для миниатюры была сделана золотая филигранная рамка, в которую были вкраплены бутоны и раскрывшиеся цветы роз из великолепных бриллиантов.

Технически работа была выполнена замечательно, однако некоторая сдержанность мистера Тиффани давала основания предполагать, что он не уверен в высоких художественных достоинствах этого творения.

Но Тиффани Корт не было никакого дела до вкуса ювелира. Ей было десять лет и она, как могла, чтит память матери. И когда Корт увидел восторженное лицо дочери, он ощутил, как в нем нарастает паника. Помогите мне, Господи, чтобы она не узнала правду о своем рождении!

Сегодня он вновь испытал эту панику и в который уже раз мысленно обратился к тем немногим людям, посвященным в его тайну. Энн умерла десять лет назад, давая жизнь еще одной дочери. Следовательно, остаются Мэтью и Генриетта. Генриетта, должно быть, после смерти Энн более не служит у Брайтов... Глаза Корта сузилась. Был один человек, который мог заподозрить правду. Это был бур Дани Стейн, которого Корт знал в те далекие времена на полях Кимберли, когда Дани был маленьким мальчиком. В прошлом году они встретились в Претории, и Корт до сих пор содрогался при этом воспоминании.

Когда-то Корт любил сестру Дани, Алиду, но та — как всегда — выбрала Мэтью, она трагически умерла при преждевременных родах. Когда Тиффани спросила, как звали ее мать, имя «Алида» само собой сорвалось с его губ. В результате этой оплошности у Тиффани возник интерес к Дани, который отвел ее на свою ферму, чтобы показать портрет сестры. Вне себя от тревоги из-за исчезновения дочери, Корт примчался вовремя, чтобы спасти ее... от чего спасти? Чего хотел Дани? Все, что зная о нем Корт, заключалось в следующем — хорошенький мальчик превратился в дикого фанатика, бешено ненавидящего Мэтью Брайта и всех иностранцев или *ютландеров*, выкачивающих из его страны богатства недр. Дани винил Мэтью в смерти сестры, отца, приемной матери и за потерю своих прав на алмазные участки. Хотя Корт и поклялся, что никогда больше не заговорит с Мэтью, он все же решил передать предупреждение об угрозах Дани через третьих лиц. В Дани была какая-то пугающая злоба, однажды он подстерег Энн с ножом, набросился на нее и тяжело ранил. Но именно ему Корт представил Фрэнка Уитни, когда молодому журналисту потребовался контакт с людьми, способными изложить бурский взгляд на войну.

Корт вздохнул. Даже если Дани догадывается, кто мать Тиффани, вряд ли он когда-нибудь вновь встретится со своей племянницей. Нет, опасность исходила от Мэтью, именно Мэтью был виновен в том, что Корт отступил от одного из обязательных атрибутов светской жизни. Он не купил яхту и не совершил круиз по Европе, чем баловали себя другие аристократы. Он не мог рисковать и не хотел, чтоб Тиффани и Мэтью встретились лицом к лицу.

Но у Тиффани по ту сторону Атлантики были сводные брат и сестра — Филип и Миранда Брайт, дети Мэтью и Энн. Они представляли меньшую угрозу, так как трудно было вообразить, чтобы они знали о существовании своей американской сестры. Но когда Корт думал о них, он ощущал тревогу и неясное ощущение опасности, причину которых не мог ни

понять, ни определить.

Он не понимал, что опасность исходит от него самого, от его слепой отцовской любви. Потакая малейшим прихотям и причудам девочки, а позднее девушки, Джон Корт вылепил характер избалованный и своенравный. Лишь старая нянька Тиффани предчувствовала беду. Она строго осуждала его постоянные уступки прихотям своей подопечной. «Мисс Тиффани на дурном пути, — говорила она сама себе, — потому что однажды ей захочется иметь нечто такое, что просто невозможно будет получить».

Глава третья

— Но, Фрэнк, — произнесла Тиффани тоном, которого тот всегда боялся. — Я хочу пойти.

— Бесплезно просить, — ответил он со всей твердостью, на которую только был способен. О Господи, ну почему Тиффани, подслушавшая их разговор, вбила себе это в голову? Это просто безумие. — Я уже сказал вам, что девушек туда не допускают.

Глаза Тиффани сияли. Вечеринка на яхте, куда не допускают девушек — это было непреодолимое искушение.

— Я могу одеться мужчиной. Вы одолжите мне костюм. Мы ведь почти одного роста.

В воспоминаниях Фрэнка возник образ Елены, родственницы Дани Стейна. Она носила мужской наряд во время рейда их отряда в ходе англо-бурской войны. В этой одежде ее нельзя было отличить от мужчины. Но женственную наружность Тиффани мужской костюм скрыть не мог. Он покачал головой:

— Не глумитесь! Вас разоблачат в десять секунд.

— Но я лишь несколько минут посмотрю со стороны в дверь или окно. И я ни с кем не буду разговаривать.

— Ни за что!

В ее голосе появились чуть ли не умоляющие нотки:

— Пожалуйста, Фрэнк, — просила она, касаясь пальцами его руки. — В субботу приезжают папа и Рэндольф, а вы возвращаетесь в Нью-Йорк. Это последний шанс вместе повеселиться.

— Нет, — в отчаянии ответил Фрэнк. — Надеюсь, вы понимаете, что сделает со мной ваш отец, если узнает об этом?

Тиффани убрала руку.

— Если вы не возьмете меня, — ледяным тоном объявила она, — я больше никогда не перемолвлюсь с вами ни единым словом.

Он смотрел на нее в полном ошеломлении, понимая, что она вполне способна выполнить угрозу. Потеря работы уже казалась ему менее страшной утратой.

— Хорошо, — наконец произнес он, — но всего один взгляд, а потом я отвезу вас прямо домой.

Она торжествующе рассмеялась. С Фрэнком, как и с ее отцом цель достигалась по одной и той же отработанной схеме. Она подводила разговор к моменту, когда им уже казалось, что она готова отступить, и предъявляла ультиматум. И она собиралась остаться на вечеринке так долго, как ей заблагорассудится.

— Надеюсь, никто вас не хватится, — нервно заметил на берегу Фрэнк.

— В это время вряд ли кто-нибудь осмелится заглянуть в мою комнату.

На самом деле Тиффани вовсе не тревожилась, что их эскапада может выплыть наружу. И ее ничуть не беспокоило, чем подобная история может закончиться для Фрэнка.

В темноте молодой человек не мог разглядеть, хороша или нет маскировка Тиффани. Она была одета в его темный костюм, белую рубашку и темный галстук, а волосы были спрятаны под соломенным канотье. Она постоянно спотыкалась, так как ботинки Фрэнка оказались слишком большими и тяжелыми. Фрэнк невольно усмехнулся, наблюдая за ее неуклюжей походкой. Однако же его веселье быстро прошло, когда он увидел сияющую огнями яхту, стоявшую на якоре в заливе неподалеку от берега. Он был уверен, что яхта будет находиться далеко от берега, чтобы шум вечеринки не был слышен жителям Ньюпорта. Он сказал Тиффани, что девушек на подобные мероприятия не приглашают, но проблема заключалась в том, что туда не приглашали *приличных* девушек. Яхта с компанией американских аристократов на борту прибыла из Нью-Йорка. Подразумевалось, что на этой вечеринке мужчины могут вдоволь развлечься в узком кругу, забыв на короткое время о морали и соблюдении приличий.

К облегчению Фрэнка лодочник не обратил ни малейшего внимания на Тиффани, спускающуюся в шлюпку, а когда они добрались до яхты, девушка легко и непринужденно поднялась по веревочному трапу. Но теперь, когда они стояли на ярко освещенной палубе, опасность разоблачения вновь стала реальной. Фрэнк потянул Тиффани в тень, и, двигаясь по палубе быстро и бесшумно, подвел ее к окнам большого салона.

— Только одну минуту, — распорядился он, — а затем я отвезу вас домой. Мы скажем лодочнику, что вам стало дурно.

Тиффани не слушала. Ее глаза, ставшие огромными, словно блюда, не могли оторваться от происходящего внутри. Она никогда не видела ничего подобного, но даже на расстоянии, через оконное стекло, смогла ощутить атмосферу салона — раскованную и утонченно порочную.

Сам по себе салон не был чем-то необычным, хотя яхта недавно была перестроена по последнему слову техники: было установлено даже электрическое освещение. И мужчины были знакомы — Тиффани узнала некоторых из них. Однако на них были вечерние костюмы и они сидели с непокрытыми головами, так что она с сожалением поняла, что не сможет войти внутрь, ведь ее шляпа будет выглядеть крайне неуместно. Но что-то в выражении их лиц лежало за пределом жизненного опыта Тиффани. Она видела их расслабленные, доверительные улыбки, откровенные взгляды и вольные жесты, слышала громкие шутки и несдержанный смех. И девушки... Красивые девушки в смелых нарядах с низким вырезом, которые курили, пили и прижимались к своим спутникам. За столиками шла карточная игра, а в центре салона крутилась рулетка.

Тиффани жадным взглядом впитывала эту картину, каждую ее деталь, отзываясь на все увиденное сердцем душой и телом. Она стремилась в этот мир от нудных светских приемов и уроков бриджа! Люди в салоне жили, *по-настоящему* жили, но ее не допускали в эту жизнь, потому что она была девушкой. Она поняла, что эти женщины не леди, но ей нравилась их раскованная манера держаться. Тиффани, вспоминая скуку и фальшь светского общества, не могла осуждать мужчин, оказавших им предпочтение.

Ее захлестнуло чувство обиды и зависти, готовое прорваться наружу.

Фрэнк потянул ее за локоть.

— Нет-нет, подождите, — прошептала она. — Еще немного, *пожалуйста!*

И тут она увидела Рэндольфа.

Сначала она решила, что ошиблась. Он должен был прибыть в Ньюпорт лишь на следующий день вместе с ее отцом. И уж, конечно, его участие в подобных собраниях трудно было представить. И все же это был Рэндольф. Рядом с ним сидел незнакомый мужчина и две девушки. Вдруг Тиффани увидела, как рука спутника Рэндольфа скользнула в вырез платья одной из девушек и принялась ласкать ее грудь. Увлеченная, почти загипнотизированная, Тиффани увидела, как Рэндольф накрыл своей холеной рукой руку второй девушки и наклонился к ней. Он хочет поцеловать ее, подумала Тиффани и ощутила странное возбуждение и смущение.

Рэндольф с силой прижал к себе девушку, и Тиффани вздрогнула точно так же, как и та. Рэндольф не поцеловал ее, он укусил девушку в шею да еще так сильно, что его зубы оставили на коже красную метку. Девушка резко отпрянула, на ее лице появилось выражение страха и боли. Тиффани тоже испугалась, испугалась неестественной белизны лица и губ Рэндольфа, странного блеска его темных глаз, *зла*, которым, казалось, он весь светился. И в этот момент он повернулся к окну.

Тиффани отшатнулась и бросилась бежать. Она не знала, видел ли ее Рэндольф, она лишь хотела оказаться как можно дальше от этой сгустившейся, всепроникающей атмосферы зла и порока. Ничего не замечая вокруг, даже не слыша за собой шагов Фрэнка, она быстро перелезла через поручни у борта яхты. Тиффани била дрожь, ноги казались ватными, а тяжелые неуклюжие ботинки тянули вниз по трапу, едва не сваливаясь при каждом шаге. Она так спешила покинуть яхту, словно речь шла о спасении, и лишь внизу заметила, что шлюпки нет. Лодочник вернулся на берег за новыми гостями.

Судорожно вцепившись в трап, задыхаясь от страха, Тиффани чувствовала, что ее колени подгибаются от предательской слабости. Над собой она увидела встревоженное лицо Фрэнка, перегнувшегося через борт, но не могла и пальцем шевельнуть. Впервые в жизни Тиффани была так сильно ошеломлена, что не могла сообразить, как надо действовать. Она повернула голову и посмотрела на океан, скрытый ночной тьмой, и тут в горле у нее пересохло. Громадная яхта, возникшая словно ниоткуда, двигалась прямо на нее.

Именно неожиданность и бесшумность ее появления поразили Тиффани. Призрачно скользя по воде под всеми парусами, яхта казалась жутким эфемерным видением, явившимся из другого времени и пространства. Она подошла так близко, что Тиффани в панике бросилась вверх по трапу, но ее тяжелые ботинки заскользили по ступенькам. С громким всплеском Тиффани рухнула в океан.

Ужас от погружения в холодную воду прояснил ее сознание. Когда на мгновение ее лицо оказалось на поверхности, она успела крикнуть: «Фрэнк, я не умею плавать!», после чего вновь начала погружаться. В следующий раз, когда она вынырнула, задыхаясь и отплевываясь от воды, то услышала громкие тревожные крики. Но, к ужасу, течение тащило ее прочь от яхты. Спасательный пояс с шумом упал на воду в нескольких футах от нее, но как ни старалась, она не могла до него дотянуться. Ее опять потащило вниз. «Чертовы ботинки, — в ярости подумала она, — я должна от них избавиться!» И она стала дергать ногами, отчаянно стараясь сбросить тяжелую обувь. Вода захлестывала ее лицо. Она попыталась позвать на помощь, но снова погрузилась под воду и потому могла лишь думать: *Я не хочу умирать, не хочу!* Тиффани барахталась, яростно колотя по воде руками и ногами, отказываясь признать поражение, когда вдруг сильные руки крепко обхватили ее. Она почувствовала, что ее поднимают на поверхность. С неправдоподобно прекрасным чувством

облегчения она ощутила дуновение ветра на своем лице, открыла рот, выплевывая воду, и торопливо задышала.

Руки по-прежнему обнимали ее так, чтобы лицо Тиффани было над водой, и она перестала барахтаться, доверяясь неизвестному спасителю, но тут звучный голос произнес над ее ухом:

— Сможешь забраться на трап?

Вместо ответа она потянулась к ступенькам — как хорошо, что удалось сбросить ботинки! — но тут же замерла, сообразив, что это не тот трап. Подняв голову, она убедилась, что это действительно другая яхта — паруса свободно трепыхались, но, несомненно, это был тот самый «корабль-призрак», что так напугал ее, и который теперь стоял в дрейфе.

Подняться наверх оказалось гораздо труднее, чем она ожидала. Ее одежда намокла и отяжелела, руки и ноги казались чужими, ее сотрясала крупная дрожь. Она сжала зубы, заставляя себя продолжать попытки, но в этот момент голос произнес: «Давай, парень!» и ее вытащили на палубу. Она чуть не рухнула без сил, но решила, что никто здесь не ожидает от нее подобной слабости, и, пошатываясь, устояла на ногах. Мужчины вокруг пялились на нее, открыв рты, и Тиффани вспомнила, что потеряла шляпу и ее волосы рассыпались по плечам.

— Превосходно, сержант!

Ее спаситель поднялся на палубу и хлопнул одного из мужчин по спине.

— Великолепная демонстрация морского искусства! Полагаю, ты смог бы развернуть яхту и на шестипенсовике.

Затем он взглянул на Тиффани.

— Ну, — мягко произнес он, — здесь еще некоторые устраивают представления, но не столь успешно.

Лампы отбрасывали неясный свет на палубу, заваленную канатами и парусиной. Тиффани увидела, что этот человек очень высок и темноволос, его лицо красиво, а серые глаза рассматривают ее с насмешкой.

— Какого черта? — требовательно спросил он. — Чего ради вам вздумалось болтаться над этим чертовым океаном на трапе, под которым нет шлюпки.

— Не смейте кричать на меня! — Тиффани в бешенстве сверкнула глазами на спасителя. Хватит и того, что она промокла, стоит, шатаясь, на грязной палубе этого отвратительного судна и чувствует себя полной идиоткой. А этот грубиян еще смеет повышать на нее голос! *Никто и никогда* не смел кричать на нее, Тиффани Корт. — Со мной все было бы в порядке, если бы ваше старое грязное корыто не подошло так близко!

— Ага, значит, это моя вина? — он расхохотался и, к еще большему гневу Тиффани, прочие моряки засмеялись вместе с ним. — Должен признаться, мы прошли несколько ближе, чем обычно. Мой рулевой не мог не поддаться искушению взглянуть на оргию в салоне. Но так как вы участница вечеринки, я уверен, вы способны понять его любопытство.

Он взял ее за подбородок и поднял ее лицо к свету.

— А что касается неопрятности, то мы были в полном порядке, пока вы не бултыхнулись в воду. Вам следовало быть очень благодарной, что моя команда смогла так быстро сообразить, в чем дело, развернуться к ветру и подобрать вас.

Он говорил с сильным английским акцентом. Тиффани вдруг озарило, что она находится на той самой английской яхте, которую несколько дней назад наблюдала во время пикника. А она-то думала, что на ней прибыл британский аристократ! Да этот человек даже не джентльмен, не то что герцог или принц!

— Почему она так одета? — услышала Тиффани вопрос одного из моряков. — Потаскушки в салоне сидели почти нагишом, особенно выше талии. А сейчас, должно быть, и те немногие тряпки, что были на них, скинули!

— Может, она из мюзик-холла, — предположил другой мужчина, которого назвали сержантом. — Вроде Весты Тилли, знаете поет и танцует в мужском наряде с цилиндром и тростью.

— Из того, что я увидел на их вечеринке, думаю, можно предположить, что ее номер гораздо занимательнее, чем у Весты Тилли!

Спаситель Тиффани усмехнулся и стащил с ее плеч пиджак Фрэнка. Мокрая рубашка прилипла к ее телу, открывая линии округлых грудей. Это зрелище было встречено дружными возгласами и свистом.

— Вы не откажете своим спасителям в песенке, а, красавица? — мягко спросил он. — Я уверен, никто из присутствующих не будет возражать, если в знак благодарности вы соизволите исполнить свой номер.

— Я не актриса. Я Тиф... — она остановилась, не желая раскрывать свое инкогнито. Тиффани, совершенно не волновало, что в обществе станут известны ее похождения. Однако недопустимо, чтобы кто-нибудь узнал, как она свалилась в воду и была спасена этими вульгарными иностранцами. Она наслаждалась случайно доходившими до нее сплетнями о себе, ей нравилось, что ее считают не такой как остальные. Но она скорее бы умерла, чем позволила смеяться над собой.

— Капитан, от их яхты идет шлюпка! — крикнул кто-то из команды.

— Кто в ней?

— Лодочник и еще кто-то.

Капитан улыбнулся.

— Значит, исполнение номера зависит от того, является ли наш визитер защитником этой леди, менеджером или сутенером.

Фрэнк! Тиффани ощутила головокружение от облегчения. Никогда еще она не ждала никого с таким нетерпением, как сейчас.

— Что такое сутенер? — спросила она.

На мгновение воцарилось молчание, нарушенное громким хохотом команды. Капитан окинул девушку внимательным взглядом. Неожиданно насмешка исчезла с его лица и оно приобрело выражение задумчивой неуверенности.

— Тиффани! — воскликнул Фрэнк, поднимаясь на палубу. — Вы в порядке? Боже... — и он замер, не веря своим глазам, — Рэйф Деверилл!

Во времена их прежнего знакомства этот человек был не капитаном яхты, а офицером британской кавалерии, командующим нерегулярным подразделением в Трансваале. Пути его отряда и отряда Стейна пересекались так часто, что казалось, это не было простым совпадением. Как говорил Дани? Не отряд Деверилла, а отряд дьявола! А когда Фрэнк повстречал Рэйфа Деверилла в последний раз, бравый капитан находился в непростой ситуации. Эта история с Еленой...

— Мистер Уитни, — холодно заметил Рэйф, — мне следовало бы помнить, что если где-то появляется женщина в мужском наряде, то рядом обязательно окажетесь вы.

— Не могу поверить... В последний раз я видел вас... черт, это невероятно!

— Вам стоило бы помнить, мистер Уитни, что наш проклятый мир чертовски тесен, — подчеркнуто сухо ответил Рэйф.

— Эта девушка... — вконец растерявшийся Фрэнк повернулся к Тиффани. — С вами и вправду все в порядке? Никогда в жизни я так не пугался. Капитан Деверилл, это Тиффани Корт.

— Фрэнк! Зачем, вы назвали мое имя? — гневно зашипела Тиффани.

— Тиффани! Как вы можете говорить такое!

Фрэнк был шокирован. После всего того, что он когда-то наговорил о Тиффани Корт капитану Девериллу, он искренне желал, чтобы она произвела на того хорошее впечатление.

— А что я такого сказала? — она уже пришла в себя и глядела на него с самым воинственным видом. — И почему вы не прыгнули меня спасти?

Фрэнк виновато опустил голову.

— Да я и плавать то не умею, — неохотно признался он.

Тиффани, вскинув голову, презрительно фыркнула.

Рэйф подозвал одного из своих людей.

— Помните сержанта Кинга, Фрэнк? Оглянитесь вокруг, и вы увидите много знакомых лиц.

Когда сержант подошел к ним, Фрэнк наклонил голову, не глядя ему в глаза. Искоса оглядевшись по сторонам, он действительно обнаружил знакомые лица — все из отряда Деверилла, — но никто из них не улыбнулся в приветствии. Атмосфера продолжала оставаться холодной и натянутой.

— Сержант, отведите леди вниз и найдите для нее сухую рубашку и брюки, — приказал Рэйф.

— Так значит, она не шлюха, а леди? — обескуражено выдохнул Кинг.

— Возможно, это покажется вам противоречивым сержант, но мой опыт утверждает, что в женщинах зачастую сочетается и то, и другое, — сухо ответил Рэйф.

— Мы заплатим за одежду, — натянуто произнес Фрэнк.

— В этом нет необходимости. Я, конечно, знаю что в представлении американцев все британцы нищие. Но ради такого случая мы в состоянии пожертвовать парой залатанных брюк и старой рубашкой.

Тиффани, спускаясь вниз, размышляла, кто из мужчин раздражает ее больше: Фрэнк со своей неловкостью или этот английский капитан, на которого не действовали ее чары. Этот человек впервые заставил Тиффани почувствовать, что и у нее есть уязвимые места.

— Не только ей нужна сухая одежда, — заметил Рэйф и отвел Фрэнка в свою каюту, где тот разделся и насухо вытерся.

— Тиффани Корт, — бормотал Рэйф, — ну-ну...

Его серые пронизательные глаза внимательно смотрели на Фрэнка. И оба вспомнили тот день, когда беседовали о Тиффани...

Они расположились на небольшом плато в Восточном Трансваале. Лейтенант Ломбард и Япи Малан, бур на службе у англичан, уехали на разведку, а Чарли, огромный зулус, присматривал за лошадьми. С утеса низвергался водопад, его брызги оседали на папоротниках и цветах, густо покрывающих окружающие их скалы. Они сияли на солнце, словно бриллианты, и, по ассоциации, навели Фрэнка на мысли о семействе Кортвов.

— Знаете, капитан, как ни странно, но Джон Корт никогда не говорил мне, как прекрасна Африка.

— Неужели? — отсутствующе произнес Рэйф. Его мысли были далеко. Его больше

тревожило, напал ли Япи на след Стейна и все ли в порядке у сержанта Кинга и его подчиненных в базовом лагере.

— Никогда. Но что еще более странно, его дочь заявила, что Африка скучна! Ну разве это не смешно?

— До идиотизма, — с сарказмом согласился Рэйф. — Очевидно, у этой молодой леди либо странное чувство юмора, либо полное отсутствие наблюдательности.

— Тиффани Корт, — начал Фрэнк и его глаза стали мечтательными, — обещает стать самой красивой девушкой Америки, а может быть и всего мира.

— Я знаю в Лондоне нескольких молодых леди, способных поколебать ваши патриотические убеждения.

— Вы должны приехать в Америку, капитан, увидеть Тиффани и уж тогда судить.

Фрэнк не договорил, потому что неподалеку щелкнул выстрел...

Когда капитан прервал молчание, Фрэнк с облегчением понял, что тот не собирается вспоминать об том ужасном дне в Южной Африке.

— Это вы взяли девушку на вечеринку? — потребовал ответа Рэйф.

— Она так хотела.

— Может и хотела. Но это еще не повод выполнять ее желание. Вы должны были понимать, что там не место для нее.

— Вы не знаете Тиффани, — грустно ответил Фрэнк и принялся за объяснения.

Рэйф слушал с растущим удивлением и досадой.

— Вы рисковали своим местом, и она это позволила?

— Думаю, она не осознавала последствий.

— Тогда она либо глупа, либо чрезвычайно эгоистична, а возможно, и то и другое.

Фрэнк оделся, и они прошли в салон. Рэйф налил три бокала вина, один из которых вручил вошедшей Тиффани. Она убрала с лица длинные влажные волосы, ее фигура выглядела привлекательной даже в нелепом мешковатом наряде. Верхние пуговицы ее рубашки были расстегнуты, приоткрывая грудь девушки. Уловка или невинность? Рэйф не мог понять. Тиффани заметила, что его взгляд задержался на расстегнутой рубашке и вспыхнула. Словно жаркое пламя охватило ее тело и залило краской лицо. Казалось, Рэйф заполнял весь небольшой салон. Он был столь высок, что вынужден был слегка пригнать голову, чтобы не задевать переборок. Узкие брюки и высокие ботинки подчеркивали длину его ног, а белая рубашку с распахнутым воротом открывала загорелую кожу и темные курчавые волосы на груди. В нем было нечто — жизненная сила, упорство, магнетизм, — что задело Тиффани за живое. Это ощущение было новым и возбуждающим, даже более возбуждающим, чем наблюдение через оконное стекло за вечеринкой. Однако же, глядя на нее, он не улыбался, как улыбался девушке на яхте незнакомый мужчина! Его серые глаза смотрели холодно и презрительно. Он был первым мужчиной, прикосновение которого она хотела ощутить, и единственным, кого ей не удалось поразить. Это было возмутительно, и она не собиралась далее терпеть такое положение.

— Откуда вы знаете друг друга? — спросила она.

Вместо ответа Фрэнк обратился к Рэйфу:

— Я часто гадал, что с вами тогда случилось. Вы благополучно добрались до базового лагеря? А Елена...

— Сейчас неподходящее время для воспоминаний, — резко оборвал его Рэйф. — Вам

нужно доставить девушку домой, тем более что ее родные, полагаю, уверены, что она мирно спит в своей постели.

— Завтра вечером в моем доме будет прием, капитан, — торжественно объявила Тиффани. — Вы будете там самым желанным гостем и сможете обменяться воспоминаниями с Фрэнком. Но так как на приеме после долгого отсутствия будут мой отец и кузен, то я сожалею, что не смогу уделить вам того внимания, которое вы оказали мне сегодня.

Сейчас он видит меня в брюках и с мокрыми волосами, размышляла она, но завтра я буду во всеоружии, и уж тогда он запоет по-другому!

Удивительная девушка. Рэйф не знал, смеяться ему или злиться. Ни слова благодарности за то, что он выудил ее из воды, словно рыбу, ни слова извинения за причиненное неудобство. С другой стороны, никаких слез и истерик после ужасного купания. А теперь вот официальное приглашение на прием, причем без малейшего намека, что она предпочла бы не сообщать о ночных событиях отцу. Ее манеры, эгоистичность и высокомерие были всем тем, чего Рэйф терпеть не мог. Но все же он должен был признать — в Тиффани Корт есть нечто.

— Мы собирались покинуть Ньюпорт, — задумчиво ответил он, — но я не думаю, что моя команда не будет возражать против небольшой задержки. Я принимаю ваше приглашение, мисс Корт. Благодарю вас.

— Можете надеть залатанные брюки со старой рубашкой, если у вас нет под рукой вечернего костюма, — пошутила она.

Его рот растянулся в улыбке, но серые глаза оставались холодными.

— Благодарю, но полагаю, я смогу подыскать что-нибудь подходящее, если, конечно маскарады с переодеванием не являются обязательным американским обычаем. Тогда вам придется одолжить мне одно из своих платьев.

— Мы больше не можем заставлять ждать лодочника, — вмешался Фрэнк, встревоженный характером беседы.

— Будьте осторожнее в лодке, — посоветовал Рэйф. — А лучше всего, научитесь плавать — оба.

Первым, кого Рэйф увидел в имении Корт на следующий вечер, был Фрэнк, прохаживающийся по холлу. Его взгляд был прикован к ведущей наверх лестнице.

— Поскольку я не являюсь столь важной персоной, чтобы вы поджидали меня, — начал Рэйф, — то полагаю, прекрасная Тиффани еще не спустилась, дабы осчастливить нас своим присутствием.

— Ей нравится немного опаздывать. Я так рад, что вы познакомились с ней, капитан Деверилл. Вы должны согласиться, что я был прав и она действительно самая красивая девушка в мире.

Рэйф пожал плечами.

— Не могу судить. Обстоятельства нашей встречи, увы, не способствовали этому.

— Сейчас вы убедитесь. Она уже идет.

Ряд декоративных колонн разделял огромный холл на две части, образуя высокие сводчатые проходы. В центральном проеме перед Рэйфом на мраморном полу блестел золотой квадрат восточного ковра, а на дальней стене сиял пурпуром, золотом и бронзой гармонирующий с ним гобелен. Белая мраморная лестница, устланная ковровой дорожкой,

плавным изгибом уходила на верхнюю галерею, где в отдельных нишах висели картины. И по лестнице, в обрамлении всего этого великолепия, величественно спускалась Тиффани.

На ней было белое платье из сияющего шифона. Широкий и низкий вырез лифа был обшит жемчугом и бесценными кружевами, длинная юбка, вся в складках и оборках, спадала изящным шлейфом. Волосы Тиффани, уложенные высокой короной, увенчивала великолепная бриллиантовая диадема; другие бриллианты — лучшие из тех, которыми владел Джон Корт — сияли на ее шее, в ушах, на запястьях. Она шла медленно, голова ее была гордо откинута назад, шелка и кружево ее одежд шелестели при каждом ее движении.

— Теперь вы меня понимаете? — прошептал Фрэнк.

Рэйф кивнул; его пульс участился при виде Тиффани. Так вот в чем причина ее высокомерия! Такое богатства, положение в обществе и, конечно, красота! Не удивительно, что она ведет себя, как принцесса. Он с сочувствием взглянул на восторженное лицо Фрэнка. Несчастный, подумал он. У тебя не больше шансов заполучить ее, чем быть избранным президентом Соединенных Штатов. Хотя, пожалуй, второе вероятнее!

Тиффани окружила толпа восторженных поклонников, мечтающих коснуться ее руки, удостоиться улыбки или взгляда ее ярких глаз. Рэйф, прислонившись к колонне, хладнокровно наблюдал эту сцену. Она взглянула в его сторону, глаза ее удивленно расширились при виде его элегантной фигуры в безукоризненного покроя костюме и модной прически. Он улыбнулся и слегка наклонил голову в знак приветствия. Однако Тиффани, привыкшая к несколько иным формам поклонения, надменно отвернулась и прошествовала в гостиную.

— Капитан Деверилл, какой приятный сюрприз!

Лицо подошедшего казалось смутно знакомым, но Рэйф не мог вспомнить его имя.

— Антон Элленбергер. Несколько лет назад мы встречались в доме сэра Мэтью Брайта.

— Да-да, припоминаю. Рад вас видеть.

Это было мимолетное знакомство, так как ни Рэйф, ни Элленбергер не были завсегдатями светского общества, но Рэйф на самом деле обрадовался собеседнику. Поскольку Фрэнк Уитни умчался вслед за Тиффани, словно потерявшийся спаниель, разыскивающим след хозяина, Рэйф уже начал спрашивать себя, зачем он вообще сюда явился.

— Вы по-прежнему работаете у сэра Мэтью?

— Совершенно верно. Кстати, всего пару недель назад я был на Парк-Лейн и имел удовольствие видеть леди Джулию Фортескью, племянницу сэра Мэтью. На мой взгляд, она немного похудела и побледнела, но в остальном все так же восхитительна...

Элленбергер доверительно улыбнулся. Весь лондонский свет знал, что Рэйф Деверилл — любовник леди Джулии, и бедняжка в его отсутствии страдает и чахнет.

Лицо Рэйфа осталось непроницаемым. Он взял бокал шампанского и краем глаза следил, как Тиффани беседует с невзрачной унылого вида девушкой в жутковатом лиловом наряде.

— Надеюсь, все близкие сэра Мэтью здоровы?

Рэйф слегка выделил слово «близкие», словно здоровье самого сэра Мэтью его не интересовало. Это не ускользнуло от внимания Антона, но он предпочел оставить намек без внимания.

— Леди Брайт выглядит лучше, чем когда-либо — материнство идет ей. Но единственная из семьи, с кем я поддерживаю постоянный контакт, это Миранда. Когда она в

Лондоне, мы частенько встречаемся, чтобы побеседовать о бизнесе. Она очень интересуется бриллиантами и по мере сил старается преодолеть свой физический недостаток.

Антон проследил за взглядом Рэйфа.

— Еще одна бриллиантовая наследница, — молвил он, — но какой контраст!

Странно, размышлял Рэйф, до чего же Тиффани кого-то ему напоминает. Он не мог вспомнить, но эта манера держаться... И этот наклон головы ему знаком.

Антон испытывал некоторую неловкость, встретив на приеме у Кортов человека, который мог бы сообщить об этом сэру Мэтью. Ему лишь оставалось надеяться на сдержанность собеседника. Станный все-таки человек этот Деверилл. Что заставило его бросить многообещающую военную карьеру? Иногда он отправлялся в путешествия, а остальное время, казалось, ничем не занимался. Антон Элленбергер прекрасно разбирался в людях и мог бы поклясться, что Рэйф Деверилл не был склонен к праздности.

— Что привело вас в Ньюпорт, капитан? — осторожно спросил Антон.

— Контрабанда оружия, — лаконично ответил Рэйф.

— О Боже!

Рэйф усмехнулся.

— Не пугайтесь, это шутка. На самом деле я просто привез парочку пушек для установки на «Курмахале» Астора. Я встретил его во время круиза по Карибскому морю. Оказалось, что он боится пиратов.

— А вы не боитесь?

— Ну, для такого рода встреч на «Корсаре» есть пулемет Гочкиса, — Рэйф улыбнулся при виде недоумения на лице Антона. — Моя яхта, как и роскошная посуда Моргана, тоже носит имя «Корсар». К сожалению, сходство между ними на этом и кончается.

Антон вежливо рассмеялся и Рэйф продолжил:

— Вы знакомы с леди, беседующими с мисс Корт? Нельзя ли меня им представить?

В соответствии с правилами этикета Антон церемонно представил его как достопочтенного капитана сэра Рэйфа Деверилла, и леди, на которых произвела впечатление его внешность, были весьма благосклонны.

— «Сэр»? Значит ли это, что когда-нибудь вы станете лордом? — спросила Полина.

— Боюсь, что нет. Я младший сын, титул наследует мой старший брат. Но так как будущая леди Эмблсайд рождает только дочерей, то у меня есть некоторая надежда, — его улыбка была ироничной и чуть саркастической.

— Вы хотите сказать, что дочери не в счет? — сердито спросила Тиффани.

— Английский высший свет соблюдает правило первородства, но при этом титул и сопутствующее ему состояние переходят только по мужской линии.

— Это возмутительно! — объявила Тиффани.

— Осмелюсь заметить, мне это тоже кажется не совсем справедливым. Однако такая система прекрасно работает, причем уже долгое время. Британская знать сохранила свое положение и богатство, в отличие от иностранных собратьев, которые делали семейное состояние среди слишком большого количества наследников. Вы единственный ребенок в семье, мисс Корт?

— Слава небесам, да.

У Тиффани мелькнула мысль, что неплохо бы иметь брата, старшего брата, который брал бы ее на чудесные вечеринки, устраиваемые с друзьями. Конечно, пришлось бы поделиться деньгами, но, наверное, их хватило бы на обоих. Но сестра? Нет, хорошо, что у

нее нет сестры. Инстинктивно Тиффани знала, что сестра означала бы постоянное соперничество, и все кончилось бы яростной враждой.

— У меня нет родных братьев и сестер, — задумчиво продолжила она, — зато избыток двоюродных.

Тут Тиффани бросила взгляд в сторону Рэндольфа, но Полина приняла замечание на свой счет и вспыхнула.

— Мы видели вашу яхту с берега, и Тиффани сказала, что, должно быть, на ней приплыл обнищавший герцог, — нанесла она ответный укол.

— А в ее глазах герцог *ipso facto*^[1] охотник за приданым? Мне очень жаль, что я разочаровал вас и в том, и в другом, мисс Корт.

— Я вовсе не разочарована, потому что в любом случае не стала бы делиться своим состоянием с каким-то герцогом, — отчеканила Тиффани.

— Да и мне нет дела ни до герцогских титулов, ни до вашего состояния, — с подчеркнутой любезностью ответил Рэйф. — Меня все это мало интересует.

— Мой младший сын сейчас учится в Англии, — вмешалась миссис Уитни, пытаясь сменить тему разговора, начинавшего принимать опасный оборот, — в Оксфордском университете.

— В каком колледже? — спросил Элленбергер.

— Баллиоль.

— Возможно, он знает сына моего работодателя, тот тоже в Баллиоле. Его зовут Филип Брайт.

Лицо Тиффани приняло задумчивое выражение.

Где же она слышала это имя? И тут она вспомнила. Это было то самое имя, которое она старалась припомнить. Филип Брайт был тем самым мальчиком, встреченным ею в Англии, мальчиком, чья мать была похоронена в могиле, которую навестил отец. Тогда она пришла к странному заключению, основанному на туманных воспоминаниях об их давнишнем разговоре, что юный Филип Брайт отличается от других мальчиков. И этот англичанин, этот чертов Деверилл, тоже отличался от прочих мужчин. Может быть, такова особенность всех англичан? Решение Тиффани посетить Европу еще более окрепло.

— Мой брат самый способный в нашей семье, — объяснил Фрэнк Рэйфу. — Он один из первых американцев, удостоенных стипендии Сесилия Родса в Оксфорде, назначенной по условиям его завещания.

— Безусловно, ваш брат заслуживает всяческого уважения, Фрэнк. Но на вашей стороне неопределимый жизненный опыт, полученный в полных риска и трудностей странствиях, — ответил Рэйф.

Смех Тиффани зазвенел, как льдинка в бокале — она почувствовала приближение любимого развлечения.

— После такого замечания вы больше не сможете молчать о своих приключениях в Южной Африке, Фрэнк! Представляете, капитан Деверилл, он отказывается рассказывать о своих подвигах. Какая скромность!

В группе молодых людей, стоявших неподалеку, раздался смех. Они привыкли к постоянным издевательствам Тиффани над Фрэнком, и охотно в них участвовали. Но Рэйф даже не улыбнулся. Увидев побелевшее лицо Фрэнка, он посмотрел на Тиффани тем пронизывающим взглядом, который, казалось, срывал с ее тела одежду и обнажал ее сокровенные мысли — и она сразу же поняла, что совершила ошибку.

— Как, Фрэнк, — тоном огромного удивления проговорил Рэйф, — неужели вы не рассказали своим друзьям, как спасли мне жизнь?

Кромешный ужас, стоявший в глазах Фрэнка, сменился изумлением. Привыкший к насмешкам своих друзей, он был совершенно не способен противостоять разоблачениям Деверилла, единственного человека, который знал всю правду о его участии в войне. Они погубили бы его так же верно, как вода поглотила бы Тиффани, если бы не Деверилл. И когда Фрэнк слышал слова Рэйфа, то был совершенно потрясен.

— Мой лейтенант и я были захвачены отрядом буров, в котором находился Фрэнк, — Рэйф обращался непосредственно к Тиффани. — Обычно буры соблюдали правила обращения с пленными, но для нас их командир, Дани Стейн, решил устроить маленький «инцидент». К счастью, Фрэнк узнал о его замысле и помог нам бежать.

Аудитория, к которой присоединились Джон Корт и Рэндольф, увеличивалась с каждым мгновением и восторженно внимала рассказу. Лишь Тиффани стояла бледная, в неестественно напряженной позе. Ее глаза метали гневные искры, она с недоверием встречала каждое слово Рэйфа.

— Ночью мы выскользнули из лагеря буров, — продолжал Рэйф, — но на следующее утро нам пришлось разделить, потому что буры настигали нас. Фрэнк и лейтенант Ломбард отправились в одном направлении, я в другом. Фрэнк, скажите, Джорджу Ломбарду удалось провести вас через Лоувельд в провинцию Наталь?

Фрэнк молча кивнул, затем спросил:

— Вы больше не встречались с нашим отрядом?

— Не встречался? Мы уничтожили его — ушел только Дани Стейн, несмотря на то, что его великолепная серая лошадь осталась лежать мертвой.

— А Поль?

— Он был захвачен в плен, — коротко ответил Рэйф.

— Слава Богу! Он был лучшим парнем в отряде.

Фрэнк начал приходить в себя и даже испытывать удовольствие, ловя восторженные взгляды окружающих.

Полина, внимательно слушавшая рассказ о подвиге Фрэнка, спросила Рэйфа:

— После того, как вы разделились, дальше вам пришлось пробираться в одиночку?

— Не совсем так. Из плена мы действительно бежали втроем, — и здесь Рэйф бросил быстрый взгляд на Фрэнка, — но, к несчастью, один бур подслушал наш разговор и отправился вслед за нами. Пришлось взять его с собой. После недели скитаний выяснилось, что это не *он*, а *она*.

Он улыбнулся, глядя прямо в лицо Тиффани, и несмотря на свой гнев, она ощутила странное возбуждение. Она завидовала незнакомой женщине, сыгравшей роль мужчины, но что гораздо важнее, ее охватывала дрожь при одной мысли, что можно целую неделю находиться одной в окружении мужчин. Среди прочих леди тоже прошла волна возбуждения; даже те из них, что были шокированы, ощутили в то же время волнение и легкую зависть.

По-прежнему улыбаясь, Рэйф повернулся к Джону Карту и ловко перевел разговор на другую тему, разрядив напряжение.

— И подумать только, мистер Корт, что во время войны я большую часть времени провел в Трансваале всего в нескольких милях от шахты «Премьер»! Будь я удачливее, возможно, обладал бы уже солидным состоянием и не стоял бы сегодня здесь, рассказывая

всякие байки о прошлом.

— И я сожалею, что не вы первым нашли месторождение, — заметил Корт. — Уверен, вы повели бы дела гораздо разумнее, чем Томас Куллинан.

— Я слышал, что открытие новых алмазных месторождений зачастую отрицательно влияет на ваш бизнес.

Гости разошлись, разбившись на группы в которых обсуждали скрываемую прежде доблесть Фрэнка Уитни, но Тиффани осталась. Во-первых, она считала, что ее выставили перед всеми в глупом виде, и не хотела слышать, как женская часть присутствующих наслаждается ее поражением, а во-вторых, предпочитала мужское общество.

Когда отец выразил согласие с заявлением Рэйфа, она стала вслушиваться в разговор с неподдельным интересом.

— Давайте, — продолжал Рэйф, — посмотрим, где совершаются новые открытия. Большая часть найденных запасов находится в Южной Африке, и логично предположить, что на таких континентах, как Америка и Австралия тоже могут быть обнаружены алмазные россыпи.

— В подобных изысканиях логика играет гораздо меньшую роль, чем удача, — произнес Корт, — но вы не одиноки в своих предположениях. Сотни энтузиастов прочесывают континенты в поисках алмазов, надеясь обогатиться.

— А вы бы предпочли, чтобы они так и остались бедными?

— Новые находки можно было бы только приветствовать, но, как мы уже говорили с мистером Элленбергером, проблема заключается в должном контроле. Подобные предприятия требуют, чтобы ими управляли сильные и проницательные мужчины.

— Или сильная и проницательная женщина, — перебила Тиффани.

Корт снисходительно улыбнулся и похлопал ее по руке.

— Понимаете, капитан Деверилл, в то время как в Америке и Австралии продолжают поиски, алмазы могут быть найдены где угодно, да *почти* везде. Находки в наносных породах свидетельствуют, что реки уносят камни за многие мили от мест их происхождения. Алмазы могут быть найдены в пустыне, если там протекает или много столетий назад протекала река.

— Вы напомнили мне о разговоре, который я как-то услышал в Трансваале. Один немец рассказывал о пустыне в Юго-Западной Африке и утверждал, что там *что-то* есть.

— Конечно. Нет абсолютно бесперспективных земель. Пески мировых пустынь, даже сама Сахара могут содержать в себе различные минералы. Например, нефтяные месторождения, размеров которых мы даже не в состоянии себе представить.

Тиффани слушала с неослабевающим интересом. Эти люди рассуждали о драгоценностях с таким видом, словно это... картофель! Она давно почувствовала романтическое очарование драгоценностей и силу богатства, которую они дарили, но впервые осознала себя не просто сторонней наблюдательницей.

— Бриллианты предназначены для удовольствия женщин, — с непривычной серьезностью произнесла она, — именно женщины понимают их, ценят и дорожат ими за красоту. Они не станут относиться к ним просто как к товару, который надо продать как можно выгоднее.

Мужчины в молчании уставились на нее. Фрэнк ошеломленно, Элленбергер и Рэйф удивленно и с неожиданным уважением. Джон Корт добродушно улыбнулся. Но Рэндольф отреагировал неожиданно резко, лицо его выражало неодобрение, даже раздражение.

— Конечно, женщины любят бриллианты, но я надеюсь, ты не собираешься углубляться в этот бизнес? — резко заметил он.

— А почему нет? — быстро возразила Тиффани. — Я уверена, что могла бы продавать бриллианты не хуже мужчин и даже лучше, ведь я-то знаю, чего хотят женщины. Когда папа передаст мне «Корт Даймондс», я докажу это.

Корт засмеялся.

— Не глупи, дорогая! Рэндольф прав. Женщины должны носить бриллианты и красивые платья, должны радоваться детям, что вскоре предстоит и тебе. К тому же, по правде говоря, я не планирую передавать «Корт Даймондс» в твою собственность.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Фирма будет твоей, моя прекрасная, но через Рэндольфа. Он будет управлять ею, как и прочими вопросами бизнеса.

Тиффани с недоумением нахмурилась, но Рэйф все понял. Рэндольф наблюдал за Тиффани с почти животным предвкушением, подобравшись, словно кот перед броском на мышь. Интересная, должно быть, получится парочка, сказал себе Рэйф. Он ни на миг не поверил, что Тиффани сдастся без боя. Он почти жалел, что не сможет полюбоваться подобным зрелищем. Очевидно, не все аспекты столь важного заявления Корта были ясны Тиффани, но в данной ситуации ей некогда было ломать над этим голову.

Ее отвлекла компания девушек, остановившихся чуть в стороне от их маленькой группы в надежде привлечь внимание двух героев дня.

— Фрэнк, прогуляйтесь со мной, — ослепительно улыбнулась Тиффани. — Помогите мне выбрать место для бассейна. Вы тоже можете пойти с нами, капитан Деверилл, — любезно добавила она.

— Бассейн? — переспросил Корт. — Я и не знал, что мы его ставим.

— Я еще не успела тебе сказать, папа. Я решила это сегодня утром, — и она сердито глянула на смеявшегося Рэйфа. — Я хочу научиться плавать. Говорят, сегодня ночью чуть было не утонула какая-то девушка.

Рэйф вновь сверкнул белозубой улыбкой, отдавая должное ее нахальству, но Фрэнк был встревожен.

— Да, об этом рассказывали сегодня, — нервно поддержал он. — Кажется, на какой-то яхте была вечеринка.

— Неужели? — Корт неодобрительно нахмурился. — Надеюсь, Рэндольф, это была не та яхта, на которой прибыли вы с Элленбергером?

— Конечно, нет, — не задумываясь солгал Рэндольф. — Наше путешествие прошло безо всяких происшествий и было довольно скучно. Не так ли, Антон?

Вынужденный присоединиться к этому вранью, Элленбергер ответил неопределенным жестом. Светлая кожа Тиффани окрасилась в цвет фуксии от отчаянных усилий сдержаться и промолчать. Фрэнк подхватил ее под локоть и направил к дверям, ведущим на террасу, Рэйф последовал за ними. Очувтившись на безопасном расстоянии, Тиффани взорвалась:

— Он был там! Оба они были! Я видела его с девушкой... — и она содрогнулась.

— Вы сами настояли, чтобы отправиться на эту проклятую вечеринку, — успокаивающе сказал Фрэнк. — Я ведь предупреждал, зрелище будет не совсем обычное. Как бы там ни было, Рэндольф лишь поцеловал ту девушку, и я не понимаю, почему это вас так задело.

Тиффани сама не могла объяснить, откуда у нее столь бурная реакция на случившееся.

— Господи, да сходите же за напитками, Фрэнк! — выпалила она. — Должна же быть

от вас хоть какая-то польза!

Фрэнк послушно удалился. Она прислонилась к баллюстраде террасы, морской ветерок согнал краску возмущения с ее щек, и она осознала, что осталась с Рэйфом наедине.

— Вы солгали про Фрэнка, — неожиданно объявила она.

— Почему вы так решили?

— Не знаю, — призналась она, — но я уверена, если бы Фрэнк на самом деле совершил все эти героические деяния, он обязательно рассказал бы мне о них.

— Зачем?

Эти нескончаемые вопросы сведут ее с ума. Тиффани вскинула голову, и бриллианты засверкали в ее волосах.

— Фрэнк Уитни готов на все, лишь бы произвести на меня впечатление. Надеюсь, вы понимаете, что он влюблен в меня?

— А вы из тех девушек, что принимают любовь — и многое другое — как нечто, само собой разумеющееся?

— Что же делать, раз все меня любят?

— А вы-то любите кого-нибудь, кроме себя?

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос о Фрэнке?! — она повысила голос.

— Я сказал вам правду.

— Но не всю, — настаивала она.

Рэйф, закулив сигарету, задумчиво затянулся. Может быть, она упорствует в силу своего несносного характера? Или... или она намного проницательнее, чем можно предположить.

— Вам ведь совершенно безразлично, что произошло в Южной Африке на самом деле, — произнес он с той ленивой бесстрастностью, которая задевала ее больше всего. — Вы просто недовольны, что я сорвал вам развлечение. Что до меня, то я сожалею совсем о другом: появление прошлой ночью на моей яхте Фрэнка лишило нас удовольствия полюбоваться вами. Мы так надеялись, что вы станцуете и споете.

Тиффани сверкнула глазами.

— Вам следовало бы сразу понять, что я леди, а не трактирная певичка.

— Интересно, каким образом? Английскую леди легко узнать по произношению, но в Америке говорят на таком варварском диалекте, что я совершенно не способен отличить светскую даму от женщины, мм... скажем, не совсем безупречного поведения.

— Ах, вот как?! Вы самый грубый человек, какого я когда-либо встречала. Я думаю, причина заключается в том, что вы, по-видимому, слишком редко общаетесь с порядочными женщинами. Ни одна леди не вынесет вашего общества дольше пяти минут.

— Вы так и не сказали, зачем висели на сходнях, — напомнил Рэйф, игнорируя ее оскорбленный тон, — и что вы намеревались делать на вечеринке. Вы собирались играть в карты, танцевать или... целоваться, как та девушка с вашим кузенком? Расскажите, Тиффани. Я нахожу это интересным.

Он говорил с таким участием, что Тиффани была сбита с толку. Прошлой ночью было то же самое. Суровость сменилась насмешливостью, возникшая, казалось, симпатия — безразличием. Она не могла понять, что же представляет собой этот Рэйф Деверилл на самом деле.

— Не знаю, что вы подумали, но я просто хотела развлечься. Посмотреть хоть в щелку на *настоящую* вечеринку. Посмотрите вокруг! Эти куклы из папье-маше стараются убедить самих себя, что им ужасно весело. Но я не такая, как они! Девушки на яхте по настоящему

развлекались. Они были *живыми*, и я тоже живая! Я прекрасно справилась бы с ролью... — она остановилась в поисках подходящего слова.

Невероятно, но она была права. Жизненная сила, страстность, жажда действия кипели в ней с буйством урагана, а при таком обворожительном лице и теле она легко могла бы сбиться с пути. Затем Рэйф подумал о Рэндольфе Корте и испытал нечто, похожее на отвращение, представив Тиффани в объятиях холодного и расчетливого кузена. Фрэнк с его мальчишеским обаянием не заслуживал Тиффани, но в той же мере не заслуживал ее и мерзкий Рэндольф. Ей нужен был мужчина, способный противостоять ее сумасбродствам, не ломая характер, мужчина, который мог бы удержать ее в узде и отпускать на свободу когда это необходимо — как при контроле над бриллиантами, с которыми так тесно связала ее судьба.

— Вы хотите сказать «потаскушки»? — подсказал Рэйф. Скорее, ей бы подошло прозвище *сплошные неприятности*, мысленно добавил он. — Впрочем, такого рода развлечений, которым предавалась компания на яхте, я никогда не мог понять. Смотрите, Фрэнк, похоже, попал в осаду, так что не пора ли нам вернуться к гостям и спасти его?

— Я не хочу туда возвращаться.

— Даже у богатых девочек есть обязанности — иногда следует соблюдать приличия.

— Я не хочу!

— Дело не в том, хотите вы или не хотите. А за экскурсию на яхту вас, моя дорогая, просто *необходимо* отшлепать по вашей прелестной попке.

Никто никогда не смел говорить с Тиффани в подобном тоне. Ее как громом поразило, и она, онемев от возмущения, могла лишь испепелять Рэйфа взглядом.

Рэйф вздохнул. Пожалуй, он слишком суров к ней, в конце концов, она не так уж виновата. Ее гордыня и самомнение были продуктами раболепного пресмыкательства окружающих, природной красоты и отцовского всепрощения. Тиффани не имела ни малейшего представления о страданиях других людей, никогда не сталкивалась с настоящей болью.

Он притушил сигарету о каблук.

— Мне пора. Нужно готовить яхту к отплытию. Завтра мы отправимся в Европу и продолжим путешествие, которое вы прервали столь экстравагантным образом.

Он направился было к выходу, но остановился — что-то подсказывало ему, что он обязан ее предостеречь:

— Между прочим, в каких отношениях вы с Рэндольфом?

— Он мой брат.

— Двоюродный?

— Нет, кажется, троюродный, — Тиффани вновь пришла в недоумение. Его лицо было серьезным и у нее появилось странное ощущение, что он пытается сообщить ей нечто очень важное. — Наши деды были братьями, ну, я и смотрю на Рэндольфа, как на брата.

— Зато он испытывает к вам далеко не братские чувства, — мягко сказал Рэйф и удалился.

Ни один мужчина не ушел бы от Тиффани вот так, по собственной воле, оставив ее на террасе в одиночестве. Этот человек совершенно невыносим, рассерженно думала Тиффани, но ее мысли тут же приняли иное направление, вернувшись к намеку, сделанному Рэйфом насчет Рэндольфа. Нет, подобное невозможно — и думать об этом не стоит! Да и в любом случае, никто не заставит ее... Тиффани была не в силах сформулировать, что именно, и

просто махнула рукой таким жестом, словно отгоняя что-то надоедливое. Слава Богу, заключила она, что папа никогда не заставит меня делать то, чего я не хочу.

Вечер был безнадежно испорчен. Равнодушие Рэйфа Деверилла к ее очарованию, то, как он выставил ее дурочкой перед гостями, рассказав историю про Фрэнка, а теперь еще и опасения насчет Рэндольфа привели ее в мрачное расположение духа. На террасе стало прохладно. Тиффани передернула плечами, но все же помедлила еще немного, любуясь, как лунный свет играет на тихой поверхности океана. Завтра яхта Деверилла покинет эти воды, и очень хорошо, что он исчезнет. Как и множество людей до нее, получивших плохие известия, Тиффани во всем винила вестника.

Глава четвертая

Несмотря на все новейшие веяния, исключительное положение «четырёх сотен» сохранилось и в новом столетии, по-прежнему оставаясь вершиной, к которой стремился каждый американец. В ту эпоху, когда актрисы не пользовались большим уважением, интерес американской публики был сосредоточен на блестящей жизни светских женщин. И в этом великолепном созвездии ярче всех сияла Тиффани Корт. Газеты посвящали целые колонки описаниям ее красоты, нарядов и развлечений. Во всех Соединенных Штатах ничьи фотографии не печатались чаще, чем ее. Она была признана самой замечательной невестой на брачном рынке. Причиной тому стала не только ее красота и богатство. Тиффани обладала тем редчайшим качеством, которое в будущем назовут харизмой. Однако, ее успех имел и другую сторону: восторгавшаяся ею падкая до сенсаций публика, затаив дыхание, ждала трагического удара судьбы, который столь часто поражает людей, поднявшихся на Олимп.

Осенью тетя Сара и Полина на время вернулись в Бостон, и хотя Рэндольф старался укротить ее, Тиффани всю пользовалась свободой. Круг ее приятелей и мест, где она появлялась, стремительно расширялся. Она, не боясь пересудов, обедала в «Шерри» и «Дельмонико», она прогуливалась у Уолдорф-Астории — и каждое ее появление вызывало гул восхищения среди толпы завсегдатаев, выстроившихся вдоль мраморной анфилады — и посещала огромный зал ресторана в отеле Палм-Гарден. Она не только меняла кавалеров, но предоставила им новые возможности: все еще не расставшись с живыми воспоминаниями о тех девушках на яхте, Тиффани начала свои собственные эксперименты в области чувств. Ее смелость простиралась лишь до одного-двух поцелуев, не больше, и опыт был обескураживающе разочаровывающим. Либо губы мужчины были слишком жестки, и она чуть ли не ушибалась о его зубы, либо они были излишне увлажнены слюной. Как бы там ни было, все мужчины казались неловкими, и опыт не принес Тиффани удовольствия. Когда они прикасались к ней, в них не чувствовалось огня, и хотя Тиффани была новичком в делах любви, она была убеждена, что огонь обязательно должен присутствовать.

Из любопытства она позволила даже Фрэнку поцеловать себя и, к ее удивлению, в длинном ряду исследуемых он оказался чуть ли не лучшим, хотя и был слишком нежен, ошеломленный и потрясенный осуществлением своей мечты. Для Тиффани одно или два объятия, которые она временами позволяла ему, не значили ничего. Он же был уверен, что является единственным мужчиной, с которым она целуется, и, ослепленный свалившимся на него счастьем, за которое благодарил Рэйфа Деверилла, уверовал, что сможет жениться на ней.

Иногда Тиффани выходила в сопровождении своей горничной — преданной ей девушки, гордящейся красотой и статью своей хозяйки, на которую всегда можно было положиться, если обстоятельства требовали тактично исчезнуть, — но временами она отправлялась искать приключений в одиночку. В конце концов Рэндольф, который слишком много работал, чтобы успевать контролировать ее развлечения, не пожелал больше терпеть подобную ситуацию. Как-то раз Тиффани, вернувшись домой поздно вечером, столкнулась в холле с ним и отцом.

— Где ты была? — спросил Рэндольф.

— Не твое дело.

— Именно мое, и я требую ответа.

— А я отказываюсь отвечать!

— Ты где-то шлялась с мужчиной! — Лицо Рэндольфа было мертвенно бледным, на лбу блестели крохотные бисеринки пота. Пальцы неустанно теребили жиденькие усы.

— Полагаю, это Фрэнк Уитни?

— Нет никакой надобности приплетать к этому Фрэнка. Он не ответственен за мои поступки и ничего для меня не значит.

— Учитывая твое поведение в последнее время, найдется множество других желающих присоединиться к тебе в твоём распутстве.

— В чём?

Тиффани не вполне понимала значение последнего слова, но уловила общий смысл тирады Рэндольфа. Она повернулась к отцу, слушавшего их перепалку с явным огорчением.

— Папа, я признаю, что ты вправе задавать мне подобные вопросы. Так почему же ты стоишь и молчишь, позволяя Рэндольфу распорядиться, как у себя дома?

— Рэндольф говорит за нас обоих и тебе придется это учесть, — с несчастным видом ответил Джон Корт.

— Вот как, папа? — ее охватило нехорошее предчувствие. — Во всем?

— Да.

Губы Рэндольфа скривились в торжествующей усмешке.

— После Рождества моя мать возвращается в Нью-Йорк, чтобы помочь в подготовке твоего дебюта. А до этого либо твой отец, либо я будем сопровождать тебя во всех вечерних прогулках. Более того, мы будем тщательно выбирать места этих посещений и следить, чтобы оттуда ты отправлялась прямо домой.

Тиффани сделала перед Рэндольфом преисполненный презрения реверанс, а затем, не удостоив отца даже взглядом, удалилась к себе. Только в уединении своей спальни она обнаружила, что ее всю трясет. Она улеглась в постель, но сон не шел к ней. *Этот Рэндольф!* Даже само его имя казалось ей омерзительным, вызывая зловещее предчувствие угрозы.

Но что больше всего выводило Тиффани из равновесия, так это несомненное свидетельство его растущего влияния на отца. Раньше она могла как угодно манипулировать Кортом — он был глиной в ее руках, — и она отчаянно хотела вернуть себе утраченные позиции. Уже засыпая, она наконец придумала, как противостоять намерениям Рэндольфа: если он собирается надзирать за ней по вечерам, она займется своими делами днем, когда он будет в банке. Она пока не знала, что предпримет в ответ на его посягательства, но была уверена, что сумеет поставить Рэндольфа на место.

Тиффани оказалась права — новое развлечение нашлось на следующий же день, а

аналогия «глина в руках» оказалась на редкость подходящей к нему.

Она приняла приглашение на ланч, хотя и ожидала найти там довольно скучное общество. Хозяйка была известна, как покровительница искусств, и Тиффани не ошиблась, решив, что разговор пойдет об открывшейся в Национальной академии искусств выставке. Леди, принимавшая их, сказала, что молодой художник, с которым она познакомилась в Париже, выставляется в академии и она очень хочет увидеть его последние работы. Собравшиеся выразили согласие, и было решено немедленно посетить экспозицию. Ноябрьский день был холодным и серым, найти занятие получше Тиффани вряд ли бы смогла, и поэтому присоединилась к компании. Однако пейзажи, натюрморты и копии старых мастеров показались ей малопривлекательными. Успехи Тиффани в рисовании, точно так же как и в музыке, нельзя было назвать выдающимися, а изучение чужих творений казалось столь же скучным, как и создание собственных. Она рассеянно бродила среди картин и скульптур, немного отстав от своих спутников, как вдруг почувствовала, что за ней наблюдает плохо одетый молодой человек, слонявшийся в дальнем конце галереи. А он ничего, симпатичный, снисходительно решила она, заметив густую гриву русских волос и выразительные карие глаза. Ее спутники удалялись, а она, приостановившись, ждала, когда молодой человек приблизится.

— Вы считаете, что они ужасны, верно? — спросил он, с жестом отвращения указывая на картины..

— Я плохо разбираюсь в искусстве, но не думаю, что здесь было бы что-нибудь стоящее.

— Я сам себе за все это противен! Ненавижу мир, который заставляет меня это делать, принуждает уродовать мой талант! — простонал он в отчаянии.

— Так это ваши картины? Значит, вы знакомы с миссис...

— Нет, нет, слава Богу, они *не все* мои! — яростно воскликнул он. — Есть и другие, продающие свой талант.

— Зачем же вы пишете картины, которые так ненавидите?

— Нужно же что-то есть.

— А-а-а... — Тиффани с любопытством уставилась на художника. Она не привыкла встречаться с бедными, если, конечно, не считать слуг.

— У вас удивительно красивая голова. Я бы хотел лепить ее, но думаю, вы слишком заняты, чтобы утруждать себя позированием, и слишком богаты, — его глаза скользнули по ее дорогой одежде.

— Разве вы не знаете, кто я?

— Нет. Я не появляюсь в светском обществе, а когда человеку не хватает на еду, он не покупает газет, — его голос был полон сарказма, но в глазах светилось восхищение ею.

Тиффани внимательно посмотрела на молодого человека. Даже она проявляла осторожность, завязывая знакомства, но этот художник имел одно неотразимое достоинство — он отличался от молодых людей, которых она знала. К тому же было очень интересно узнать, как живут и работают художники.

— Может быть, я разрешу вам меня лепить, — заметила она. — Завтра я зайду к вам, там и посмотрим.

Художник застыл, разинув рот.

— Давайте ваш адрес, — приказала она.

— Гринвич-Вилледж, — запинаясь произнес он. — Макдугал-аллея, 15. Спросите Джерарда.

Тиффани небрежно кивнула и ушла догонять спутников.

Выкрашенные в белый цвет дома на Макдугал-аллее были перестроены из старых конюшен и помещений для слуг, стоявших на задворках особняков Вашингтон-сквер. Войдя в дом, Тиффани вступила в иной мир, мир богемы, мир облезлых стен, освещаемых газовыми рожками, мир проваливающихся полов и задержанных квартирных плат, но одновременно и мир, богатый красками, дружелюбием и вдохновением. Тиффани провела в нем недолгое время, но на всю жизнь запомнила его своеобразное очарование.

На стук открыл бородатый мужчина и направил ее на верхний этаж. Она спиной чувствовала его изучающий взгляд, пока взбиралась по лестнице. Джерард сонно мигал осоловелыми изумленно-сонными глазами. Было очевидно, что он только-только встал.

— Я не думал, что ты придешь, — извиняясь, пояснил он.

Тиффани с неудовольствием взглянула на его помятое, небритое лицо.

— Я ведь сказала, что приду, — заявила она. — А ты немного создашь картин и скульптур, если встаешь в полдень.

— В постели теплее.

Она была вынуждена признать, что он прав. В студии было ужасно холодно. А еще она была ужасно неопрятна — буквально завалена красками, мольбертами, законченными и незаконченными холстами — и провоняла какими-то химическими составами и запахом пищи, заполнявшим весь дом. Тиффани сморщила нос и искала, на что бы сесть. Так и не найдя стула, она смело подошла к кровати и опустилась на нее. Джерард смотрел на девушку, ошалев от восторга.

— Как я поняла, торговля копиями старых мастеров не такое уж выгодное дело, — заметила Тиффани звонким, как колокольчик, голосом, — раз твоих средств не хватает на отопление. — Она поежилась и плотнее закуталась в меха. — Забудь о скульптуре, здесь слишком холодно, чтобы я пришла еще раз.

Джерард в раздумье посмотрел на нее. Ему очень хотелось уговорить ее позировать, такой красивой девушки он никогда не встречал. А если к тому же она проявит щедрость, тем лучше.

— Если ты заплатишь хорошую цену за скульптуру, я смогу отапливать студию.

— Это *ты* хочешь меня лепить, — быстро возразила Тиффани. — Значит, это ты должен платить *мне*.

На какое-то мгновение он опешил, а затем расхохотался, откинув назад голову.

— На чем твоя семья делает деньги? — спросил он.

— На бриллиантах.

— Неплохо. Это была самая твердая субстанция, известная людям, пока не появилась ты.

Реплика художника понравилась Тиффани гораздо больше, чем все комплименты, которые она привыкла получать.

— Я дам тебе денег на еду и отопление, — объявила она, — и, возможно, я куплю скульптуру, если она мне понравится. Но не очень-то надейся на это. Понимаешь ли, никто не должен знать, что я прихожу сюда.

Джерард кивнул. За ее осторожностью скрывался внутренний цинизм ситуации. Скучающая богатая девочка бродит по трущобам в поисках острых ощущений! Обычно он мало заботился о бытовом комфорте, но эта девушка так ослепительно прекрасна, что

придется сделать исключение. При первой же возможности он позаботится об отоплении; должен же он выяснить, что скрывается под этими роскошными мехами. Сердце Джерарда бешено колотилось, пока он размышлял, долго ли она будет приходить сюда, чтобы разогнать скуку.

В этот раз они недолго пробыли в одиночестве. Весть о госте быстро разнеслась по округе, и к Джерарду потянулись другие художники. Они принесли с собой дешевое вино, виски и запах немытых тел, но одновременно и атмосферу жизнерадостного дружелюбия и интеллектуальных споров. Они говорили о людях и местах, о которых Тиффани ничего не знала — о художниках и выставках, поэтах, писателях и музыкантах, Монмартре и Риме — и о тех лишениях, что они терпят во имя искусства. И все же Тиффани удавалось следить за нитью их разговора. Все, что было сказано, каждое выражение или слово имели для нее смысл. Она прекрасно их понимала, и это не удивляло ее — Тиффани не разделяла общепринятого мнения, что жители Гринвич-Вилледж разительно отличаются от элиты Пятой авеню.

Придя на следующий день, она обнаружила гораздо более чистую комнату, в очаге пылал уголь, а в центре стоял приготовленный для нее стул. И сам Джерард выглядел значительно опрятнее и привлекательнее. Его пальцы сладострастно мяти глину, да еще с такой самоуглубленностью, что это оказало странно успокаивающее воздействие на Тиффани — эйфорическое летящее чувство, словно пальцы художника ласкали не глину, а ее тело. Он работал молча, но объяснялся с ней каждым своим жестом, уводя ее в чудесный мир спокойствия, в сердцевине которого пульсировал восторг. Ей было почти жаль, что вновь явились его друзья, рассеяв это волшебство.

Интимная лирическая атмосфера сохранялась и на следующих сеансах, и вскоре Тиффани стала приходить на Макдугал-авеню ради этих ощущений, а также в поисках новых друзей и свежих впечатлений. Огонь в очаге, разожженный на деньги Тиффани, достаточно прогревал комнату, чтобы можно было сбросить меха, но еще сильнее грело ее пламя в карих глазах Джерарда. Хотя она привыкла к восхищению, признание ее красоты Джерардом имело особое значение. Словно любимое и лелеемое сокровище наконец оценил эксперт и объявил, что это поистине редкостный, выдающийся шедевр.

И, конечно, было лишь делом времени, чтобы он решился поцеловать ее. Тиффани с нетерпением ждала этого мига, с нетерпением и большим, чем обычно, предвкушением. Это случилось в полдень, когда глиняная головка обрела знакомые черты и Джерард, отступив назад, с довольным видом оглядел ее, потом вымыл руки и подошел к Тиффани. Его поведение показывало, что достигнув определенной стадии в своей работе, он вправе позволить себе небольшое развлечение.

Тиффани, не смутившись, встала, чтобы встретить его на полпути. Сначала его рот показался ей жестким и грубым, но затем его губы смягчились, а язык стал настойчивым и волнуемым. Когда Джерард отпустил ее, Тиффани едва дышала, но, бесспорно, она испытала целый фейерверк ощущений.

— Проклятые корсеты, — пробормотал он, пока его руки ласкали ее. — Это все равно, что обнимать ствол дерева или мраморную колонну. Неужели ты не сможешь обойтись без него в следующий раз?

— Нет, — решительно ответила Тиффани, — моя горничная решит, что это очень подозрительно.

— Ну конечно! Я все время забываю, что имею дело с богатой девочкой.

Его руки крепче обняли ее.

— Сбрось одежду, Тиффани. Твоя голова прекрасна, но я хочу лепить все твое тело — твое нагое тело.

Его губы вновь встретились с ее губами, страстные и требовательные, и в Тиффани росло желание... желание чего? К чему толкало ее его тело и зов ее собственной плоти? Тиффани никогда не боялась неизвестности, но сейчас оказалась в плену инстинктивной осторожности, которая возобладала над ее природной пылкостью.

— Нет! — выдохнула она наконец.

— Тиффани, я не причиню тебе зла. Прежде всего я художник.

— Прежде всего ты мужчина, — отрезала она.

Он не стал настаивать, но в эту ночь она, лежа в постели, руками оглаживала свое собственное тело, представляя, что это Джерард ласкает ее сквозь тонкий шелк ночной рубашки, и дрожала от желания. Но вновь в ее голове всплыл вопрос — желания чего? Этого она не знала, за тем исключением, что это имело какое-то отношение к рождению детей. Но просто снять одежду, резонно решила Тиффани в тусклом свете наступающего дня, еще не значит заиметь ребенка.

— Хорошо, — ответила она Джерарду во время следующего сеанса, — но ты должен помочь мне, потому что я никогда в жизни не раздевалась сама.

Он взглянул на нее, и его глаза засверкали. С благоговением он расстелил на неряшливом полу ее меха, усадил ее на них и усердными дрожащими пальцами стал стягивать с нее одежду, пока тело девушки не предстало пред ним во всем совершенстве.

— И правда, мраморная чаша, — восторженно прошептал он, лаская бело-розовую грудь, — или, может быть, алебастровая. И я был настолько дерзок, что хотел писать или лепить такую красоту! Сам Фидий был бы здесь бессилён.

— Фидий? Он живет здесь, в Вилледже?

Он засмеялся, его чувствительные пальцы художника заскользили по гладкой коже Тиффани.

— Какое невежество! Неужели богатых девочек ничему не учат?

— Почему же? Хотя, должна признаться, я была очень своенравной ученицей. Но не думай, что я тупица. Если захочу, я могу быстро учиться.

— Держу пари, можешь, — хрипло сказал он и припал губами к ее соскам, а его рука скользнула между ее ног. Ощущение было чудесным — слишком чудесным. Тиффани отпрянула.

— Нет!

— Но почему же?

— А если у меня будет ребенок?

— Но я же только... Разве ты не знаешь, откуда берутся дети?

Тиффани отвернулась, не желая показывать свое незнание, затем все же ответила:

— Нет. — Но затем она вновь повернулась к нему и страстно произнесла. — Я хочу, чтоб ты объяснил мне!

— Я бы предпочел показать, — он вновь потянулся к ней, но Тиффани затрясла головой. — Тогда я покажу тебе это иным способом.

Он схватил несколько листков бумаги и начал рисовать, его карандаш бегал по бумаге быстрыми смелыми росчерками, при этом он объяснял. Тиффани слушала и смотрела, ее сердце бешено колотилось, во рту пересохло, дыхание слилось с дыханием Джерарда.

Картинки были необыкновенно эротичны, и странное ощущение между ее ног становилось все сильнее, пока не превратилось в сверлящую боль. Но теперь, по крайней мере, она знала, почему, и за это она будет всегда ему благодарна.

Он отложил карандаш и бумагу.

— Пожалуйста, прошептал он, — пожалуйста! Ты не знаешь, как я хочу тебя и как трудно мне сдерживаться.

— Но у меня может быть ребенок.

— Я вовремя выйду из тебя, обещаю. *Пожалуйста!*

Она хотела уступить, но страх перед беременностью был слишком силен.

— Не сейчас.

Неожиданно она вспомнила, что лежит нагая, рядом с ним и, словно защищаясь, Тиффани завернулась в свои меха. Его лицо исказилось.

— Я не обижу тебя, — прошептал он, его голос был хриплым, полным страдания и боли. — И здесь, в Вилледже, мы знаем, что такое честь и достоинство. Неужели ты думаешь, что я хочу, чтобы ты убежала отсюда, крича об изнасилований? Мужчина, джентльмен он или художник, сделает все, чтобы этого избежать!

Еще одна бессонная ночь, но теперь Тиффани размышляла о новообретенных знаниях и перебирала в уме поселившиеся там эротические образы. Ответы на вопросы были найдены, но ее любопытство не было удовлетворено, а физическое желание выросло в сотни раз. Должна ли она попробовать?.. Может ли она доверять ему?.. Как это несправедливо! Мужчинам не надо бояться появления детей. Как ужасно быть девушкой! Но она не позволит никаким законам природы портить ей жизнь, и он же обещал.

На следующий день Тиффани пришла на Макдугал-аллею раньше обычного, сжигаемая нетерпением и страстным желанием застать Джерарда в постели. Входная дверь была приоткрыта, так что Тиффани, легко взбежав по лестнице, без стука ворвалась в студию, где слова приветствия замерли у нее на устах. Джерард был не в постели. Он лежал на полу, точнее на темноволосой девушке, и после его вчерашних исчерпывающих объяснений у Тиффани не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он делает.

Ей и в голову не могло прийти, что он убеждал себя, будто эта девушка была она, Тиффани, что он бросил потертый коврик на то самое место, где расстилал ее меха, и что он выбрал самую высокую и темноволосую проститутку, которую только смог найти. Какой-то намек на истину дошел до ее сознания, когда Джерард поднял голову и вместо того, чтобы проявить ужас или удивление, его лицо осветилось экстазом, а глаза, не отрываясь, уставились в ее глаза в то время, как он двигался над костлявым телом девушки. Но Тиффани не было дела до его мотивов, поскольку чувства ее не были ранены. Она не испытывала любви к Джерарду и не связывала половой акт с любовью — для нее это был бы скорее физический опыт, чем эмоциональный. Но вот что она почувствовала, так это разочарование. Она примчалась сюда взвинченная, жаждущая нового опыта и разгадки великой тайны, и вот от этой тайны ничего не осталось. Она остро осознала, до чего неприглядным может показаться этот акт в столь убогой обстановке, и бесстрастно отметила, что в отличие от нее Джерард не выглядит привлекательнее без одежды — как раз наоборот: его худое белое тело выглядело каким-то смешным и непривлекательным.

Тиффани пересекла комнату и подошла к подставке, на которой стояла почти законченная глиняная голова. Очень спокойно она взяла ее и бросила на пол. Нос отлетел в угол, а остальные осколки разлеглись веерообразной кучкой на полу студии. Затем Тиффани

величественно выплыла из комнаты и, решительно свернув за угол, вышла на Вашингтон-сквер в поисках кэба, который отвез бы ее домой. Тем не менее тот факт, что последующие несколько недель Рождественского сезона она вела себя безукоризненно, свидетельствовал о том, что случившееся произвело на нее гораздо большее впечатление, чем она хотела признать.

И вот наступил вечер, которого так ждал Джон Корт, вершина всех его трудов и устремлений. Счастье, переполнявшее его сердце, было столь велико, что причиняло боль. Наступил январь 1905 года, и Тиффани была королевой на балу миссис Астор.

Корт с самого начала держался рядом с дочерью, желая разделить с ней каждый миг ее триумфа — ведь ее успех был и его успехом. И все же ее увели от него несколько минут спустя, но причина лишь увеличила его восторг — на глазах завидующих гостей Тиффани была приглашена воссесть рядом с миссис Астор на ее «трон». Это был апофеоз; Карту больше нечего было желать от жизни, кроме одного. Он бы хотел, чтобы Мэтью Брайт видел триумф Тиффани и убедился, что ни одна женщина в мире, даже его маленькая Миранда, не может соперничать красотой с дочерью, которую произвели на свет они с Энн.

Рэндольф тоже не отрывал глаз от Тиффани, но его лицо выражало скрытое неудовольствие. Корт знал, в чем причина, но, хоть и сочувствовал молодому человеку, был рад, что в этом случае настоял на своем.

— Полагаю, Джон, мне пора поговорить с Тиффани, — заявил Рэндольф за несколько дней до бала. С недавнего времени он часто опускал слово «дядя», подчеркивая этой новой формой обращения изменение в их взаимоотношениях. — Мы могли бы объявить о нашей помолвке на балу у миссис Астор.

Брак Тиффани и Рэндольфа был давно задуман и спланирован Кортом. Однако теперь, когда его планы были близки к осуществлению, обнаружился ряд неприглядных фактов. Хотя за прошедшие годы он привык к Рэндольфу, но так и не смог относиться к нему с любовью и симпатией. Более того, Корт все более убеждался, что отношения Рэндольфа и его дочери мало похожи на взаимную любовь и привязанность. Будущий зять часто обращал его внимание на недостатки Тиффани — недостатки, к которым Корт был слеп годами и которые собирался не замечать и дальше.

Была и другая причина нежелания Корта согласиться на просьбу Рэндольфа. Подсознательно он вообще не желал отдавать дочь какому-либо мужчине. Он любил ее так сильно, что боялся отдаления дочери, и, более того, возможной разлуки. Корт уже достаточно узнал от Рэндольфа, чтобы понять, что прежние мечты о сохранении влияния на дочь совершенно безосновательны. Ему была ненавистна сама мысль, что он может утратить нечто большее, чем влияние — ее саму. Представляя Тиффани в постели с мужчиной, он испытывал омерзение. Если бы Корт мог, он погрузил дочь в летаргический сон, чтобы навечно сохранить ее для себя — непорочную и прекрасную. Но так как это было невозможно, то пусть уж она достанется Рэндольфу, чтобы они основали династию. Живя в старомодном мире, где дети всегда подчиняются желаниям взрослых, он так мало знал свою дочь, что не мог и представить, что та осмелится возражать ему. Итак, она будет принадлежать Рэндольфу, но только после бала у миссис Астор.

— Отложим это, — твердо заявил он Рэндольфу. — Ты поговоришь с ней потом, на бал она поедет со мной. Этот вечер мой.

И потому Рэндольф чувствовал себя обманутым, в то время как сердце Корта пело,

когда он наблюдал за беседой Тиффани с миссис Астор: старая королева, говорил он себе, со своей преемницей. И, по правде говоря, Корт был не единственным человеком, которого посетила подобная мысль, потому что прием должен был запомниться как дебют Тиффани Корт и лебединая песня Кэрлайн Астор — это был последний бал, даваемый ею. Немолодая леди как всегда была усыпана драгоценностями, но сегодня ее «корсаж Марии-Антуанетты» был превзойден, потому что на шее мисс Корт, идеально гармонируя с ее золотым платьем, сиял бриллиант «Тиффани».

Раньше эту драгоценность никто не носил, и потребовалось немало уговоров, чтобы ювелиры одолжили ее для такого случая. И когда договоренность была наконец достигнута, Корт приобрел новое бриллиантовое ожерелье и попросил заменить центральную подвеску золотистым камнем.

И это был последний штрих в создании совершенства, которого добивался Джон Корт. Теперь облик его Тиффани полностью соответствовал тому месту, которое она, по планам Корта, должна занять в светском обществе. Корта переполнял триумф, сравнимый лишь с чувствами творца, завершившего работу над гениальным шедевром. Словно он достиг вершины, с которой оставался лишь путь вниз.

Когда они возвращались в карете домой, Корт нашел руку Тиффани и сжал ее.

— Ты была бесподобна, дорогая.

В темноте Тиффани неловко повернулась и высвободила руку. Она никогда не любила чужих прикосновений — за исключением, конечно, определенных обстоятельств. К тому же она устала и была раздражена. Ей было приятно носить знаменитый бриллиант, но во всем остальном вечер был ужасно скучен и она не могла понять, почему папа и все остальные так ждали этого события. Но в холле Корт вновь взял ее за руку.

— Рэндольф должен кое-что сказать тебе, дорогая, — произнес он. — Я буду пока в библиотеке.

Он крепко обнял ее, затем медленно закрыл за собой дверь.

Какое-то мгновение Тиффани стояла неподвижно. Она сразу поняла, о чем станет говорить Рэндольф, и неожиданно ощутила чувство благодарности к тому невыносимому во всех прочих отношениях англичанину, предупредившему ее. С полным самообладанием она вошла в гостиную, подождала, пока Рэндольф не закроет дверь, а затем повернулась к нему. Нападение, вспомнила она, лучшее средство защиты.

— Ты, кажется, собираешься просить моей руки? — ледяным тоном сказала она. — Не стоит трудиться, моим ответом все равно будет «нет».

Никогда, даже во время самых сложных деловых переговоров, не оказывался Рэндольф в столь затруднительном положении. Он растерянно уставился: на Тиффани.

— Может быть, мы все-таки поговорим...

— Нет.

Никаких приступов гнева, никаких театральных жестов — лишь твердокаменная неумолимость. Рэндольф ожидал чего угодно, только не этого. Он был столь высокого мнения о себе, что не представлял, что ему могут отказать. Озадаченный, он попытался быть спокойным и убедительным.

— Тиффани, я очень хочу жениться на тебе. Давай обсудим это как разумные, взрослые люди... Пожалуйста, будь добра, объясни свой отказ.

— Я терпеть тебя не могу, я не вышла бы за тебя замуж, даже если бы ты был последним мужчиной на Земле.

Она не кричала, даже не повысила голос. Ее умышленно небрежный, насмешливый тон убивал больше всего.

— Но почему? Что я сделал, что заслужил такую нелюбовь? Мы должны все обсудить, Тиффани, ведь твой отец желает этого брака так же сильно, как и я.

— А ты видел когда-нибудь, чтобы я выполняла желания отца?

Рэндольф вздохнул.

— Должен признать, что нет. — Его лицо стало жестче. — Пожалуй, твое послушание оставляет желать лучшего.

Она мило улыбнулась.

— И я не вижу причины, почему должна меняться. — Улыбка сошла с ее лица. — В особенности *теперь!*

Рэндольф из последних сил боролся с накатывающимися волнами гнева. Стоять и выслушивать оскорбления от этого испорченного ребенка было выше его сил. Но нужно было вынести все, потому что он хотел ее — ее красоту и ее богатство. Он должен стать владельцем «Корт Банка» и «Корт Даймондс». Сделав над собой героическое усилие, он растянул губы в улыбке.

— Я виноват, дорогая, — любезно признал он. — Я был слишком поглощен делами — нашими семейными делами, — чтобы ухаживать за тобой, как ты того заслуживаешь. К тому же, возможно, ты привыкла думать обо мне только как о кузене. Уверю тебя, отныне ты увидишь меня совершенно в ином свете.

Рэндольф приблизился к ней вплотную, губы его были растянуты в улыбке. Он погладил ее по щеке. Его глаза потемнели при этом первом прикосновении, и он продолжал бы ласкать ее и дальше, если бы Тиффани не отпрянула.

— Не прикасайся ко мне! Ты, мерзкая тварь, не смей меня трогать!

Ее неприкрытое отвращение было столь явно и искренне, что Рэндольф утратил контроль над собой. В ярости он схватил ее за запястье и потянул к себе, так что она оказалась прижатой к его груди.

— Ты будешь моей женой, Тиффани, — прошипел он, — и я буду прикасаться к тебе сколько захочу и когда захочу!

— Никогда! Я скорее умру, чем позволю тебе войти в мое тело на брачном ложе!

Его хватка усилилась, так что она сморщилась от боли.

— Что ты знаешь об этом? — резко спросил он. — Ты же не должна... Откуда у тебя эти сведения? Бог мой, чем ты только занималась во время своих походов, дрянная девчонка?

— Что, Рэндольф, тебе очень интересно, был ли у меня практический опыт или это только теория? — Ее прекрасные глаза горели ненавистью. — Можешь гадать сколько угодно, потому что я не скажу тебе ничего! А теперь убирайся, ты сделал мне больно.

— Больно? *Больно?* Да я еще и не начал!

Все его притворство исчезло, лицо исказилось от бешенства.

— Я укрошу тебя, я покажу, кто здесь хозяин, Я раздавлю тебя и пришиблю к стене, словно бабочку на булавке. Я... — он быстро заломил ей руки за спину и, прижав к себе, наклонил голову, чтобы с силой прижать свои губы к ее губам.

Тиффани яростно боролась, она извивалась и билась, пока ей не удалось высвободиться от его поцелуя. Однако она не могла вырвать своих рук, и его лицо было по-прежнему в опасной близости.

— Что ты хочешь сделать? Укусить меня, словно вампир, как ты укусил ту девушку на яхте?

От удивления он слегка разжал свою хватку.

— Ты не предполагал, что я знаю об этом, ведь так, Рэндольф? Но я знаю. Я многое знаю о тебе — гораздо больше, чем ты обо мне! А теперь отпусти меня, пока я не закричала.

Он овладел собой и выпустил ее, злясь на самого себя за потерю самообладания. И все-таки его решимость не ослабла. Когда она направилась к двери, чтобы позвать отца, он злобно бросил:

— Ты все равно будешь моей, Тиффани. Это я тебе обещаю.

— Никогда! Сам дьявол не поможет тебе — скорее уж «Корт Банк» станет неплатежеспособным!

В этот момент в комнату вошел Корт, и Тиффани напустилась на него:

— И чья же это идея? Это Рэндольф убедил тебя, что его предложение просто замечательно? Или этот брак был задуман тобой еще в те времена, когда ты пригласил его в наш дом и ввел в наш бизнес?

Выражения лиц Тиффани и Рэндольфа ясно рассказали Карту о случившемся, и он в растерянности переводил взгляд с одного на другого, огорченный не столько непокорством Тиффани, сколько неудачей Рэндольфа.

— Ты должна выйти замуж за Рэндольфа, дорогая. Это очень хорошая партия, — беспомощно сказал он.

— *Хорошая партия?! Разве я предмет торговли, контрактов, которые надо подписать, чтобы связать концы с концами? Я не бриллиант, папа, — и ее рука коснулась золотистого камня на шее, — чтобы меня при случае покупали, продавали или обменивали. Я не кусок камня, который можно спрятать в сейф или выставить на всеобщее обозрение.*

— Конечно, дорогая, но...

— *Никаких «но»!* Я не выйду замуж за Рэндольфа, и ты не заставишь меня, — она с презрением взглянула на Корта. — Конечно, ты можешь выгнать меня из дома без гроша в кармане. Но уверяю тебя: если я уйду, то уж постараюсь, чтобы вся Америка узнала причину.

Это она может, подумал Рэндольф, сжимая кулаки.

— Джон, — спокойно проговорил он. — Я предлагаю дать Тиффани время на обдумывание этого вопроса.

Корт обрадовался.

— Ты абсолютно прав, — бодро произнес он. — Тиффани, ну разве это не справедливо?

Тиффани быстро оценила предложение и нашла способ, как обратить ситуацию в свою пользу.

— Хорошо, я подумаю об этом, — ответила она с понятной осторожностью, — но жить в одном доме с Рэндольфом я отказываюсь.

— Но Рэндольф не может сейчас покинуть Нью-Йорк, — воскликнул Корт, — а его переезд в отель вызовет в городе всякие слухи.

— В таком случае я уеду на время, — заявила Тиффани, и ее голос ясно дал понять: ни на что другое она не согласится.

— Но это покажется еще более странным, чем отъезд Рэндольфа, — возразил Корт.

— Нет, если я уеду куда-нибудь подальше, например, в Европу.

— В Европу?! — Корт пришел в ужас. Он всегда этого боялся, избегая даже упоминать о такой возможности. Но что он может предложить взамен? Тиффани и Рэндольф разрушили

его мир мечты и заставили обратиться к реальности. Он понял, что не сможет навечно заточить дочь — рано или поздно она отправится в Европу. Хотя, конечно, ее шансы встретиться с Мэтью весьма невелики.

— Хорошо, — медленно сказал он. — Ты права: подобное путешествие будет выглядеть совершенно естественным. Но ты поедешь в сопровождении тети Сары.

— Нет, — непреклонным тоном объявила Тиффани. — Она будет слишком сильно напоминать мне *его*.

— Тогда я поеду сам. На следующий месяц Фрэнк со своей матерью планировали круиз по Европе, но мы не можем одновременно бросить дела. Я отменю отпуск Фрэнка и...

— Папа, — с упреком перебила Тиффани, — как можно быть таким бесчувственным? Они хотят увидеться с братом Фрэнка Винсентом — он не приехал домой на Рождество, потому что проводит каникулы с друзьями.

Ее прелестная головка мгновенно просчитывала все возможные варианты. Она ни за что не позволит папе ехать вместе с ней, иначе он не отойдет от нее ни на шаг.

— Почему бы мне не отправиться с Фрэнком и его матерью? Мне нравится миссис Уитни, — любезно добавила она.

Корт чувствовал, что не поспевает за своей дочерью.

— Вот как? Тогда я поговорю с ней...

Он перевел взгляд на Рэндольфа, как бы в поисках одобрения. Молодой человек обдумывал ситуацию. Конечно, Фрэнк Уитни без ума от Тиффани, но с другой стороны у него нет ни малейшего шанса завоевать ее любовь и привязанность. Следовательно, с ним она будет в полной безопасности. С какой стороны не посмотри, это было лучшее временное решение проблемы. Рэндольф согласно кивнул.

Наверху, в будуаре матери, Полина из последних сил боролась со сном. Уже не раз она предлагала лечь спать, но Сара Корт не желала ее слушать — она знала, что после бала Рэндольф будет просить руки Тиффани и не желала пропустить это торжественное событие. И вот после того, как их позвали полюбоваться нарядом Тиффани перед ее отъездом на бал, Полина весь вечер сидела в будуаре, слушая, как мать хвалит красоту ее кухни, восхищается ее будущим триумфом на балу и рассказывает, какая замечательная жизнь начнется после того, как она выйдет замуж за Рэндольфа.

Сара с дочерью не получили приглашения от миссис Астор, но Полину не оставляло слабое утешение, что и Фрэнк Уитни тоже не поднялся так высоко по социальной лестнице. Очевидно, размышляла Полина, не слушая непрерывную болтовню матери, что она и Фрэнк созданы друг для друга. Если Тиффани выйдет замуж за Рэндольфа, возможно, Фрэнк вернется из Европы со свободным сердцем и тогда, может быть, он обратит внимание на *нее*. Эта мысль ее немного приободрила, но лишь немного; слишком уж она устала.

Они слышали, как Тиффани, Корт и Рэндольф вернулись с бала. Затем последовала долгая пауза и, наконец, в комнату вошел Рэндольф. Он был слишком горд, чтобы входить в детали. Он не счел нужным посвящать их во все подробности, лишь сухо сообщил, что Тиффани нуждается в отдыхе и отправляется в Европу вместе с семейством Уитни.

Полина пала духом. В своей спальне она, сраженная отчаянием, спрятала лицо в ладони. Обидно и грустно было остаться дома, когда Тиффани отправилась на бал, но это... это уже слишком! Она подняла голову и взглянула на свое отражение в зеркале. Было ли что-нибудь, могло ли что-нибудь сделать ее красивой? И она печально решила, что ни все

бриллианты из шахт дяди Джона, ни сокровища, таящиеся в песках пустынь и на дне моря, не способны сотворить это чудо.

Перед отъездом Тиффани Корт счел необходимым серьезно поговорить с дочерью.

— Ты будешь представлена английскому высшему свету, — сказал он, помня, что Винсент Уитни вращается в хороших кругах. — И вполне возможно — хоть это и нежелательно, — можешь встретиться с человеком по имени Мэтью Брайт. Если это случится, будь вежлива, но ни при каких обстоятельствах не позволяй втягивать себя в разговоры с ним.

Это была неудачная идея; такой просьбой он только раздражил любопытство Тиффани.

— Но почему?

— Он мой старый знакомый, но он неразборчивый в средствах человек и ему нельзя доверять. Много лет назад у нас были серьезные разногласия.

— А из-за чего вы поссорились?

— Я не могу сказать этого даже тебе, — ответил Корт, усугубляя ошибку. — Просто обещай, что будешь избегать его.

— Обещаю.

Брайт, размышляла она; удивительно, что это имя постоянно возникает в ее жизни! Тиффани с наслаждением смаковала вкус старой семейной распри, однако охотно дала отцу слово — в конце концов, в разговоре не был ни словом упомянут Филип. И действительно, одержимый мыслями о Мэтью, Корт забыл распространить свою просьбу и на членов его семьи.

Семейство Уитни и их подопечная провели первые недели своего отдыха в Лондоне. Они остановились в отеле «Савой», где Тиффани сразу же продемонстрировала свое социальное и финансовое превосходство: она заняла апартаменты, стоящие тридцать шиллингов в день, в то время как Уитни расположились в спальнях за семь шиллингов шесть пенсов каждая.

С точки зрения Тиффани в Лондоне было излишне много достопримечательностей. Но, несмотря на холодную и сырую погоду, она из вежливости посещала их, руководствуясь списком, составленным миссис Уитни. Она решила, что самой мудрой стратегией будет соблюдать в начале путешествия общепринятые правила, выжидая удобного случая повернуть все по-своему.

Конечно, Фрэнк и миссис Уитни и не догадывались об истинных причинах решения Тиффани, неожиданно пожелавшей присоединиться к ним. Они были в восторге, что Корт почтил их своим вниманием. Средства, предоставленные Джоном Кортом, значительно расширили их финансовые возможности и, что гораздо важнее, поступок Тиффани был истолкован как несомненный признак ее расположения к Фрэнку. Он так переживал, что на целый месяц будет разлучен с Тиффани. Теперь же он пребывал в состоянии блаженства, которое было лишь слегка омрачено отказом девушки даровать ему что-либо большее, чем братский поцелуй в щечку.

Внешне он был очень похож на старшего брата, но этим сходство и ограничивалось. Внимание, которое он уделил Тиффани при знакомстве, ничем не отличалось от обычного интереса, который проявляет любой молодой человек к красивой девушке. Претендовать на ее руку и сердце он явно не собирался.

— Завтра состоятся гонки, — объявил он. — Вам обязательно нужно увидеть их.

— Что за гонки? — спросила Тиффани, вспомнив о соревнованиях яхт за Кубок Америки.

— Гребные, конечно. Гонки восьмерок.

— А-а, — интерес Тиффани испарился. — Вряд ли они состоятся. Завтра обещали дождь, — безразлично заметила она.

— Да что вы! Это до жути захватывающее зрелище, оно давно стало традицией. Оксфорд и Кембридж состязаются каждый год, начиная с 1829. И это еще сравнительно недавно, если вспомнить, что мой колледж, Баллиоль, был основан в 1263 году. Вы не поверите, до чего здесь все древнее!

— Надо подумать, — вздохнула Тиффани, с содроганием представляя себе продолжение осмотра лондонских достопримечательностей в случае отказа. — А как долго продлятся гонки?

— Всего минут двадцать. По правде говоря, там будут все — всё светское общество. А я места себе не нахожу от волнения, ведь за команду Оксфорда выступает мой друг — Филип Брайт.

— Я согласна, — мгновенно отреагировала Тиффани.

Холодным ветреным днем они прибыли в Мортлейк, где уже собралась пестрая толпа: разнаряженные аристократы, бедно одетые люди из простонародья, шумные студенты, размахивающие голубыми флажками — цвета Кембриджа, либо синими — Оксфорда. Вскоре до них донеслись громкие крики, и все глаза устремились вдаль, чтобы разглядеть две приближающиеся лодки. Одна из них была намного впереди другой.

— Мы должны победить! — страстно воскликнул Винсент. — Кембридж выигрывал три последних года. Боже, это же *Оксфорд* впереди! Давай, Филип, давай!

Он кричал и подпрыгивал до тех пор, пока лодка Оксфорда не пересекла финиш, на три корпуса обогнав соперников. Тиффани наблюдала, как лодки подходят к причалу и вылезает команда Оксфорда. За исключением миниатюрного рулевого все были высокими, хорошо сложенными молодыми людьми. Но один из них возвышался над всеми на несколько дюймов, его мышцы перекачивались под обтягивающей одеждой. Его светлые волосы сияли даже в пасмурный весенний день, а когда сторонники Оксфорда вновь стали выкрикивать приветствия, его красивое лицо осветилось самой чудесной и радостной улыбкой, которую Тиффани когда-либо видела.

Пожалуйста, мысленно взмолилась она, *пожалуйста*, пусть это будет он!

Глава пятая

Вперед-назад... Вперед-назад... Хотя Филип полностью вымотался, его тело по-прежнему ощущало ритм, в котором он, казалось, все еще двигался. Каждая его мышца болела, однако он триумфально улыбался, когда стягивал с себя спортивные штаны и куртку — вот у кого сейчас руки словно свинцовые, так это у побежденной команды Кембриджа! А он добился своего! Добился невозможного — получил место в оксфордской команде, хотя раньше никогда не занимался греблей. В Итоне он поначалу увлекся игрой в крикет.

Совмещать занятия крикетом и греблей было нелегко, и лишь после сегодняшней победы Филип мог сказать, что добился успеха в обоих видах спорта. Он знал, что в Итоне его по-прежнему помнят. Мужчины его поколения, сидя за кларетом и сигарой, будут заново

переживать его подачи, пока в Англии играют в крикет. И дело было не в том, что он многого добился — участник побед над командами Харроу, Винчестера и многими другими, — а *как* он этого достиг. Он умел расчетливо вести игру, а уж когда заносил биту для удара, то был просто великолепен. Так что вскоре смазливому юнца стали сравнивать с величайшими игроками Англии.

Однако Филип был не просто классным игроком, приносящим много очков. В его игре присутствовало изящество, элегантность и артистизм, которые в совершенстве сочетались с его античной фигурой. В разгар жаркого летнего полудня высокий и стройный Филип был просто неотразим в своем белом наряде. Конечно, это была всего лишь игра. Но для болельщиков в плавном размахе его биты просвечивало величие королевского скипетра, заставляя их верить в безоблачное будущее английского крикета.

Лишь один раз Филип почувствовал сожаление, что выбрал крикет. Это случилось, когда они отмечали победу шлюпки Итона. Учитывая, что он поздно начал заниматься спортом, было просто удивительно, как быстро Филип распознал вкус славы и до чего не любил — хотя изо всех сил старался это скрыть — аплодировать другим.

Он решил, что в Оксфорде станет заниматься тем и другим, рассчитывая сравниться с К. Б. Фраем — этот джентльмен эпохи короля Эдуарда добивался совершенства во всех видах спорта, которыми занимался.

Итон был колыбелью гребного спорта Англии, поставляя значительную долю гребцов в университетскую команду Синих. В 1897 году восемь из девяти человек в оксфордской лодке были итонцами, а в 1899 семеро гребли за Оксфорд и пятеро за Кембридж.

В нынешнем, 1905 году, в оксфордской лодке было три человека из Итона и Баллиоля, и двое из Итона и Мертон, в то, время как команда Кембриджа включала пятерых молодых людей из Итона и Тринити.

Безупречная репутация Филипа и усиленные тренировки, которые он проводил по выходным, позволили ему громко заявить о себе при комплектовании команды. Но даже его доброжелатели утверждали, что место в оксфордской лодке нельзя получить просто за красивые глаза. И все же он *добился* своего. И они победили!

Теперь, оставаясь одним из одиннадцати основных игроков университетской сборной по крикету, он — один из немногих — удостоился редкого и славного титула. Он стал «двукратным синим».

Конечно, не он был загребным, и это слегка омрачало столь чудесный день. Загребной задает темп и ритм, словно дирижер, управляющий оркестром, побуждая команду к последнему отчаянному рывку на пределе их физических возможностей. Говорят, что загребным не становятся, а рождаются. Филип бесспорно обладал этими инстинктивными качествами, но Оксфорд предпочел не рисковать, делая ставку на его еще не проверенные способности. И пока Филип пробирался через толпу восторженных болельщиков Оксфорда, он ни на секунду не забывал, что самые громкие и щедрые похвалы посыплются на президента университетского гребного клуба и на загребного. Что ж, и у него будут собственные почитатели. Для многих студентов Филип Брайт из Баллиоля был кумиром — «двукратный синий», который, к тому же, несмотря на огромные силы, отданные спортивным достижениям, каким-то образом ухитрялся добиваться столь же великолепных успехов и в учебе. Самый высокий и самый красивый среди своих сверстников, Филип представлял собой столь образцового студента, что никто не углублялся в его характер и не задавался вопросом, что скрывается под его внешним лоском.

Парни хлопали его по спине и со всей силой пожимали ему руку, а многочисленные женские голоса свидетельствовали, что в толпе были широко представлены родственники членов команды и болельщиков. Но сэра Мэтью Брайта искать среди них бесполезно, с сарказмом подумал Филип. Его отец, должно быть, был единственным родителем за всю историю гонок, который не радовался удальству сына на реке. Нет, папочка сюда не заявится, но Лора вполне могла бы... Боже, вот она, старается протиснуться через толпу. Должно быть, она специально приехала из Беркшира...

При виде мачехи в его душе проснулись противоречивые чувства — брак Лоры и его отца способствовал его окончательному отчуждению от семьи. Леди Энн, мать Филипа, умерла при родах Миранды, когда ему было девять лет. Но еще до ее смерти Филип осознал, что живет странной и одинокой жизнью, за пределами семейного круга, зная об отсутствии к нему интереса со стороны Энн и о неприязни Мэтью. Его горечь возросла, когда он заметил всепоглощающую любовь Мэтью к Миранде.

Затем на какой-то миг ему показалось, что все может измениться. В пасхальные праздники 1899 года он приехал в Брайтуэлл, загородный дом семейства в Беркшире, и обнаружил, что его старая няня уволена. На ее месте оказалась новая гувернантка Миранды Лора — обладательница сияющих, каштановых волос, огромных изумрудных глаз и самой чудесной во всей Англии улыбки. Она ухаживала за ним и Мирандой, когда они тяжело заболели скарлатиной; это время было самым счастливым периодом его жизни. Однажды она обняла его и прижала к себе; даже сейчас он мог вспомнить запах ее кожи, шелковистость волос, мог почувствовать ее грудь под своей щекой... Но потом, когда он полюбил ее, Лора предала его, объединилась с его врагом, стала его мачехой. Они с отцом уехали в Южную Африку, забрав с собой Миранду, и там поженились.

Его буквально скрутило от боли, когда он услышал о браке Лоры и Мэтью. Горечь и ярость переполняли его душу, когда он представлял ее в постели отца. С тех пор он стал избегать Лоры — любые ее прикосновения вызывали у него чувство обделенности. Как мало они стоили по сравнению с теми ласками, что она дарила его отцу.

Но одновременно эти прикосновения очаровывали его. Глубокая жажда семьи, материнской ласки, любви к женщине сплетались в Филипе с ненавистью к отцу — эти чувства, глубоко спрятанные в его душе и не до конца им осознанные, были необыкновенно сильны.

Филип отвернулся, притворившись, что не заметил Лору. Он полагал, что неудачные попытки Лоры наладить с ним отношения огорчают ее, и это доставляло ему некоторое удовлетворение — уж если он не может обладать ею, то в состоянии причинить ей боль!

— Молодец, Филип! — Винсент Уитни, пробившись вместе с Диком Латимером через толпу, с энтузиазмом затряс его руку. — Ты должен провести этот вечер с нами. Я познакомлю тебя с самой прекрасной девушкой, которую только можно себе представить.

— Мой дорогой Винсент, ты, должно быть, спятил, — растягивая слова произнес Филип. — Я не намерен нарушать освященные временем традиции гонок. А они гласят, что я обязан напиться вдрызг и проснуться завтра ранним утром в полицейском участке на Уэйн-стрит. Уже сейчас, пока мы тут болтаем, все заведения на Пиккадилли и Лейсестерсквер готовятся к нашему натиску, который мы обрушим на них, в ресторане «Сент-Джеймс» задраивают все люки, а полицейские вооружаются дубинками и покрепче натягивают шлемы! И уж если в мои планы ворвется женщина, вряд ли она будет походить на девушку, взятую под опеку твоей доброй матушкой.

Он подождал, пока не утихнет громкий смех, а затем тихо добавил:

— Больше всего мне подошла бы актриса. Моя семья вообще славится театральными эффектами!

В этот раз хохот был еще неистовей, потому что все поняли намек Филипа. В прошлом году его кузен Чарльз, граф Хайклир, обзавелся невестой. Испытывая склонность к наименее благородным слоям общества, Хайклир потряс аристократию женитьбой на хористке.

— Уж если дядя Мэтью женился на гувернантке, — упрямо объявил он ужаснувшимся родственникам, то почему я не могу жениться на той, которая мне нравится?

Самым неприятным для твердолобых аристократов оказался тот факт, что граф Хайклир подал дурной пример, которому готовы были последовать и многие другие — отныне не одни только титулованные особы могли рассчитывать на благосклонность мужской половины обитателей Уэст-энда^[2].

— Ты пойдешь с нами, Винсент? — спросил Филип. — Или потратишь вечер на свою мать и ее юную подопечную?

— Я иду с тобой, — торопливо заверил Винсент. Как бы он ни восхищался Тиффани, до завтрашнего утра она никуда не денется, а вот ночь после гонок пролетит так быстро, что и не заметишь.

Так получилось, что на вечеринке веселая компания, изрядно выпив, чуть не рассорилась из-за приглянувшейся им девушки.

— Я первый ее заметил, — упрямо твердил Дик Латимер.

— Но я ей больше нравлюсь, — парировал Филип.

— Может, стоит пустить ее с аукциона, — предложил Дик, слегка покачиваясь, — как буфетчицу на алмазных копиях.

— К черту! Это слишком долго! Лучше разыграем ее, — и Филип вытащил из кармана игральную кость. — Пусть каждый назовет номер. Мой — шестерка.

Они сидели в тускло освещенном отдельном кабинете ресторана, и в задымленной атмосфере комнаты повисло напряжение, когда Филип начал очищать стол, в беспорядке заваленный остатками еды. Он осушил бокал шампанского, затем торжественно поместил в него игральную кость и, сильно встряхнув, перевернул бокал над столом.

— Шесть! — в горьком разочаровании закричал Дик. — Боже, Филип, ты хоть когда-нибудь проигрываешь? Дай-ка мне рассмотреть эту кость.

— Смотри, — усмехнулся Филип. — Но ведь ты знаешь, что существует лишь один человек в мире, которого я не прочь надуть.

— Ты имеешь в виду своего отца? Что ж, кость как кость. Думаю, это тот самый случай, когда я подорвался на собственной мине — ведь если бы не я, ты бы не участвовал в этих гонках!

Добродушный Дик поманил другую девушку, а знойная брюнетка, бывшая причиной их спора, опустилась Филипу на колени. Он небрежно опустил корсаж ее платья и начал целовать ее открытые груди, но его мысли витали далеко. Он вспоминал случай, на который сослался Дик...

Это было пять лет назад, когда его вызвали из школы в Лондон для встречи с Мэтью, Лорой и Мирандой, возвратившимися из Кимберли. Он прошел прямо в свою комнату, хотя и знал, что ожидается что-то вроде вечеринки в честь такого события, не раздеваясь, бросился на кровать и стал ждать. Наконец дверь распахнулась, пропуская Мэтью; отец и

сын взглянули друг на друга. Неприязнь между ними осталась столь же сильна, как и прежде. Заметив выражение синих глаз Мэтью, Филип спросил себя, что же тот видит.

А Мэтью видел стройного юношу, бывшего живым воплощением его первой жены. У него были светлые волосы и фиолетовые глаза Энн. Холодный, отчужденный, замкнутый мальчик, огородившийся непроницаемой стеной — впрочем, Мэтью даже не пробовал эту стену пробить. Мэтью стиснул зубы. Филип вызывал мучительные воспоминания, которые обладали способностью причинять боль даже по прошествии стольких лет; воспоминания об Энн в объятиях другого мужчины, укрепляющие в нем убеждение, что Филип не его сын. Он критически оглядел помятый костюм Филипа.

— По крайней мере ты мог бы надеть чистый воротничок для встречи наших гостей.

Филип склонил голову.

— Да, сэр, — согласился он. Это прозвучало почти издевательски, что было характерно для их отношений. Ни одному из них даже не пришло ж голову что обсуждать чистоту воротничков, встретившись после девятимесячной разлуки, просто нелепо.

— Лора сказала тебе, когда надо спуститься вниз?

— Я еще не имел чести видеться с *твоей* женой, — Филип позволил себе сделать ударение на слове «твоей». — Однако, — добавил он, когда Мэтью разгневанно приподнял бровь, — пусть тебя не очень огорчает ее невнимательность ко мне. Все равно я всегда забываю о распоряжениях, меня не касающихся.

— Я жду тебя в гостиной в половине десятого.

— И в чистом воротничке, — подхватил Филип.

Мэтью нахмурился еще больше. Долгая разлука оказала на мальчишку самое негативное влияние.

— И, как я понял, ты еще не виделся с сестрой? Она ужасно расстроится.

— С чего бы это? Сейчас май, я не видел Миранду с прошлого лета. Не думаю, что пар лишних часов имеет такое большое значение.

— Ей пришлось много пережить! — взорвался Мэтью. Всем нам выпали тяжелые испытания! — Он взглянул на невозмутимое лицо Филипа и взволнованно шагнул вперед. — Черт побери, Филип, неужели тебе даже неинтересно? Неужели тебя не волнуют наши злоключения в Кимберли? Мы были в осаде, черт бы тебя побрал, мы чуть не погибли! Твой дядя Николас был убит, а Миранда... Миранда ранена. Неужели даже это не волнует тебя?

Филип отвернулся к окну, чтобы сдержать крик души, готовый сорваться с его губ. «Меня волнует, что вы всегда отбрасывали меня прочь, — хотелось ему бросить в лицо отцу. — Меня волнует, что ты как всегда взял с собой Миранду, а я остался в интернате. В каникулы дома со мной обращаются, как с ненужной вещью. И я решительно *не желаю*, чтобы тебе, Миранде и Лоре доставались все удовольствия, приключения и опасности, в то время как я зубрю латинские глаголы. И мне не по душе твоя женитьба на Лоре».

— Видимо, не приходится надеяться, что за время нашего отсутствия ты добился выдающихся или хотя бы удовлетворительных успехов в учебе?

Филип тщательно обдумал ответ, после чего покачал головой.

— Нет, — послушно согласился он.

— А есть что-нибудь, хоть что-то, в чем бы ты был лучше других?

— Конечно, нет.

— Или что-то, в чем ты хотя бы сносен?

— Ничего.

Филип улыбнулся. Он знал, и все преподаватели знали, что благодаря отлично соображающей голове и прекрасному здоровью он мог бы стать одним из первых и в учебе, и в спорте, если бы только пожелал. Но Филип не желал. Он не хотел делать ничего, что могло бы доставить удовольствие его отцу.

— Не воображай, — резко объявил Мэтью, — что только по праву наследника ты займешь место в моей империи. Я не намерен терпеть глупцов и бездельников, даже если они моей плоти и крови.

«А ты, ко всему прочему, не моей крови», — мысленно добавил он. Но формально Филип был его наследником, и сэр Мэтью, надеявшийся основать династию, признавал, что выбора у него нет.

— Я запомню. — Губы Филипа искривила ироническая усмешка. Каким удовольствием было бы сказать в лицо отцу, что родительский бизнес это последнее, что он мог бы пожелать себе. Филип совершенно точно знал, чего хочет от жизни, и его желания не имели ничего общего с бизнесом — ни с золотым, ни с бриллиантовым.

Мэтью вышел из комнаты, хлопнув дверью. И хотя на приеме Филипу удалось избежать его, на следующее утро за завтраком началась новая конфронтация. Затем последовал еще более нервный разговор с Лорой. Взвинченный и перевозбужденный, Филип умчался наверх, чтобы излить весь свой гнев, ревность и отчаяние на сестру, после чего выскочил из дома и сел в поезд до Итона. Сборная Итона играла в крикет с командой Винчестера, и Дик Латимер был среди болельщиков...

В полумраке ресторана Филип осторожно, чтобы не упасть вместе с девушкой, сидящей у него на коленях, отодвинулся от освещенного стола в тень. Девушка крепче прижалась к нему, чтобы удержаться на своем шатком насесте. Он улыбнулся ей, и его руки заскользили вверх по затянутым в чулки ногам... по подвязкам, а затем... ничего кроме гладкой шелковистой плоти, потому что девушка не носила никакого нижнего белья. Она повернулась и поцеловала его. Через ее плечо Филип мог видеть темноволосую голову Дика Латимера...

— Какой счет, Дик? — спросил Филип.

— Поначалу мы доконали их до ста двадцати, но сейчас у нас двадцать к трем.

— Плохо дело! Мейтланд уже вышел?

— Нет, он бьет под шестым номером. И вообще, какого черта ты здесь делаешь? Мы тебя сегодня не ждали.

Филип усмехнулся:

— Не мог же я пропустить матч. Черт, команда нуждается в поддержке болельщиков, погляди, до чего они докатились в мое отсутствие!

В этот момент с трибун раздался стон огорчения: один из игроков Винчестера пробил средние ворота команды Итона.

— Вот это да, ну и бросок! — восхищенно воскликнул Латимер, поворачиваясь к Филипу. — Рад, что ты вернулся, старина, но честно говоря, без тебя наши дела шли лучше.

Филип вздохнул с притворным смущением.

— А я надеялся, что где ни появлюсь, меня встретят как первый цветок по весне, — грустно пошутил он.

— Ага, вот значит, где собака зарыта! Похоже, пришествие в дом новой леди Брайт

атмосферу не улучшило. Однако в прошлом году, в это же самое время ты, помнится, был без ума от нее.

Даже Дику Филип не собирался объяснять свои истинные чувства.

— Пора признать неприятный факт, *mon ami*^[3], что она совершенно не *comme il faut*^[4].

— Это совершенно не играет роли, — глубокомысленно заметил Дик. — О, смотри, выходит Мейтланд! Сейчас нам как раз нужна капитанская подача.

Он громко зааплодировал, а потом закончил свою мысль:

— Твой отец такой романтик, что на подобные мелочи может не обращать внимания.

— Романтик? Мой отец?! — насмешливо повторил Филип. — Сразу видно, что ты его не знаешь. Господи, как он раздражает меня! И он вновь завел речь о моем участии в бизнесе.

— Большинство парней кучи золота и бриллиантов привели бы в восторг, — сухо заметил Дик, — но ты, конечно же, не такой, как все: иначе чем еще можно объяснить, что ты так одержим автомобилями?

— Ну, причин много, — ответил Филип, устремив взгляд вдаль. Неожиданно игра его вновь заинтересовала, и когда Мейтланд ударил по шару, Филип крикнул ему: — Отлично, сэр! Вот это удар! — после чего вернулся к разговору: — Машины восхищают меня, я люблю скорость и риск.

Он замолк, припомнив, как кузина Джулия назвала его трусом за то, что он боялся лошадей, и как он поклялся, что когда-нибудь докажет ей, как сильно она ошибается.

— Но есть и более серьезные причины. Я думаю, что автомобили являются символом нашего времени, предвещающая новую, стремительную и свободную эру. Они сотрясут фундамент того мира, который знали наши отцы.

— Да ты прямо оратор, — поддразнил его Дик, но слова друга произвели на него гораздо большее впечатление, чем он показал.

Ричард Латимер, старший сын лорда Нетертона, был лучшим студентом Итона на своем курсе. Его ясный, пронизательный ум был нет по гадам зрелым. Высокий и темноволосый, он выделялся из окружения своим происхождением, внешностью и интеллектом. Жизненный успех был ему обеспечен. Он без труда займет predetermined ему место среди первых людей Великобритании, какую бы сферу деятельности он не избрал. Его крепкая дружба с Филипом Брайтом удивляла многих его однокашников, но оба мальчика были в большей степени похожи друг на друга, чем это могло показаться. Людей обманывал бьющий в глаза блеск Дика, в то время как Филип прятал свои таланты под покровом безразличия.

— Было бы глупо отказываться от миллионов отца и не использовать их, хотя бы и в своих целях, — заметил Дик.

— Не желаю я его грязных миллионов!

— Я это уже слышал. Однако посмотри на дело с другой стороны — они ведь нужны тебе! Автомобили вообще штука дорогая, а уж гонки пожирают такую прорву денег, что с этим мало что сравнится:

— Не думаю, что вопрос о моем участии в «Брайт Даймондс» будет когда-либо поднят вновь. Мой отец ясно дал мне понять, что с глупцами и тупицами иметь дела не намерен.

— Ты не глупец! Это известно и тебе, и мне, да и всем остальным, — глаза Дика сердито заблестели. — Ты просто не стараешься, вот и все. Я полагаю, этим ты стремишься досадить отцу, который твоих успехов не замечает и не поощряет. А ты когда-нибудь думал,

какие преимущества могут дать тебе успехи в учебе и спорте?

— Нет, не думал, — признался Филип. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты говоришь, что не желаешь иметь ничего общего со своей семьей. Но раз ты намерен отказаться от отцовских денег и достичь независимости, то должен найти другой источник доходов. А для этого надо продемонстрировать другим людям свои достоинства.

— Не понимаю, как спорт... — начал было Филип, но осекся, увидев, как в их сторону полетел шар после удара Мейтланда. Он вскочил, поймал его и метнул обратно одним быстрым, точным движением, — ... как спорт может мне помочь?

— А я-то говорил, что ты не глупец! Беру свои слова обратно. Ты и правда тупица, — Дик возмущенно встряхнул головой. — Помимо тех денег, которые получает член сборной команды Итона — хоть это случается нерегулярно, — есть и еще одна причина заниматься спортом. Профессионально водить машину, и, тем более, участвовать в гонках может только очень сильный и выносливый человек. А ты не желаешь и пальцем пошевелить, нежишься в безделье, словно томная барышня! Но способности-то у тебя есть — посмотри, как сильно и метко ты бросил шар! Разве тебе не хотелось бы войти в число одиннадцати лучших игроков?

— Не могу сказать, что меня это уж очень привлекает.

— И все потому, что папочка не придет посмотреть на твою игру? — Дик вздохнул. — Я буду смотреть. Друзья будут смотреть. *Девушки* будут смотреть. Филип, я сам не отказался бы играть с тобой в одной команде! Ты просто рожден для крикета — ты хорошо сложен и у тебя верный глаз. А если займешься греблей, тоже добьешься успеха. Подумай, как тренировки разовьют твои плечи и руки, насколько легче будет тебе за рулем, как будешь ты уверен в себе во время гонок.

Филип взглянул на друга, и в его глазах появилось понимание.

— А ведь ты прав, — медленно произнес он. Его взгляд обратился на величественную фигуру Мейтланда, застывшую у белой линии — капитан команды Итона только что мастерски послал шар к следующей отметке, за что и был награжден восторженными криками поклонников. Филип увидел в предложении Дика еще одно преимущество: если он высоко поднимет свою репутацию в глазах посторонних, его семья поневоле заметит его. И уж тогда он покажет им, причем самым недвусмысленным образом, что уже слишком поздно, теперь *он* не желает даже знать *их*.

— Конечно, прав, — довольно усмехнулся Дик и подмигнул Филипу. — Всегда готов дать тебе хороший совет на будущее.

— Раздача мудрости под дубом, — пошутил Филип, откинувшись назад, чтобы рассмотреть покрытые листвой ветви. — Ты словно Платон в оливковой роще Академии.

— Надеюсь, что ты ошибаешься! «Кто в детстве так умен, живет недолго»^[5], — процитировал Дик Шекспира.

— Ну, мы-то будем жить вечно!

Мальчики улыбнулись друг другу, но эта улыбка относилась ко всему миру — красивая, радостная юность Англии, купаясь в солнечных лучах, приветствовала новый век.

— Чем ты собираешься заниматься в будущем? — спросил Филип.

— Политикой, — ответил Дик со спокойной уверенностью.

— Стоит ли трудиться? Когда-нибудь ты и так попадешь в Палату лордов.

— Очень и очень нескоро. Рад заметить, что наша семья славится долголетием, так что мой отец исключительно крепкий и здоровый человек. Но хватит об этом, старина, лучше

расскажи что-нибудь об осаде Кимберли. Я просто умираю от желания услышать все подробности.

— Я не расспрашивал об этом.

— Что? Ну, ты даешь! — Дик недоверчиво затряс головой. — В таком случае, расскажи что-нибудь об автомобилях. Ты ничего не слышал об Уильямсе?

— Он все еще работает на «Даймлере», в Ковентри.

Филип охотно переменял тему и пустился рассказывать об Уильямсе, который когда-то служил конюхом у его деда. Но позднее, когда уже отпраздновали замечательный успех Итона, победившего таки Винчестер, Филип снова задумался о том пути, который так неожиданно указал ему в тот солнечный полдень Дик. Это был путь к новым отношениям с отцом, путь к самоутверждению, к новому восприятию жизни — и в предвкушении перспективы поиграть мышцами и отшлифовать интеллект его охватил небывалый энтузиазм...

Однако в эту ночь после гонок предстояли иные упражнения. Девушка расстегнула его брюки, ее пальцы скользили вверх-вниз по его телу, а он ощущал под юбкой ее обнаженную плоть. Стоит ли решиться? Филип проверил, не наблюдает ли кто-нибудь за ним и его дамой, но никому не было до них никакого дела. Так почему бы и нет? Через час он будет слишком пьян, чтобы справиться с этим. Он жестом предложил девушке сесть на него верхом, и она подчинилась ему, расправив при этом юбки, словно кринолин, чтобы скрыть ото всех, чем они занимаются. Ради приличий необходимо было несколько сдерживать свои движения, но удовольствие от занятий любовью на публике более чем вознаграждало его. Правда, подумал Филип, слова «занимаются любовью» вряд ли подходят к их упражнениям, но какая, впрочем, разница? Тогда в Итоне, пять лет назад, он решил, что никогда не влюбится. Никогда, никогда, *никогда*.

Тиффани наблюдала, как удалялся Филип, окруженный толпой поклонников, унося с собой все краски и веселье жизни и оставляя ей лишь томящее чувство скуки. Она потерпела фиаско, и ее настроение ничуть не улучшилось от того, что Фрэнк, чью преданность не могли поколебать никакие соблазны и удовольствия, остался с ними.

— Думаю, мы могли бы съездить в Париж, — сказала за обедом миссис Уитни. — Как вы на это смотрите, Тиффани?

— В *Париж*? Когда же мы поедем в Оксфорд? — ошеломленно воскликнула Тиффани.

Миссис Уитни была встревожена ее реакцией. Она опасалась, что в Оксфорде все свое внимание невольно отдаст Винсенту, а Тиффани будет скучать.

— Университет на каникулах, дорогая. Винсент говорит, мы должны приехать в Оксфорд на что-то такое, что они называют Восьмой неделей. Это будет в конце мая.

— В конце *мая*?!

Да ведь до него еще целая вечность, подумала Тиффани и сердито надула губы. Фрэнк вздохнул. Теперь с Тиффани будет нелегко сладить.

Но на самом деле время пролетело гораздо быстрее, чем ожидала Тиффани. Весна в Париже произвела впечатление даже на ее неромантическую душу. Используя свое умение добиваться желаемого, она буквально принудила братьев Уитни вступить с ней в заговор против их матери и сопровождать ее в разные нереспектабельные и сомнительные места. Свой восемнадцатый день рождения она отметила в монмартрском кафе, где пила абсент,

упражнялась в своем французском с местными художниками, в общем, всячески испытывала свою способность противостоять приманкам и соблазнам богемной жизни.

Ее так увлекло это занятие, что она чуть было не закатила скандал, когда пришло время оставить непринужденную атмосферу Парижа и возвращаться в Англию, к жестким ограничениям ее светского общества. Раздражение Тиффани достигло пика, когда она узнала, в каком именно отеле в Оксфорде решила остановиться миссис Уитни.

— В «Рэндольфе»? Об этом не может быть и речи, — ледяным тоном заявила она Фрэнку и его матери.

— Но Винсент уверяет, что это *единственный* подходящий отель, — запротестовала миссис Уитни. — Там даже есть лифт.

— Слава Богу, я располагаю превосходной парой ног, которые в состоянии носить меня вверх и вниз по лестницам, так что лифт будет совершенно излишней роскошью.

Миссис Уитни разволновалась. Еще в Париже она страдала от мигрени и проводила большую часть времени в своей комнате, предоставив мальчикам приглядывать за Тиффани. И сейчас она почувствовала приближение нового приступа. Она угодила в ловушку, обнаружив, что гораздо менее утомительно лежать в затемненной комнате, чем сражаться с Тиффани Корт. Кроме того ей ужасно не понравилось, что молодая незамужняя леди упомянула в присутствии джентльмена свои ноги.

И вот они остановились в другом отеле на углу Турл-стрит и Хай-стрит, где превосходно кормили, номера были освещены электричеством, а содержимое винного погреба датировалось тринадцатым веком. Но самое главное — хотя и не упомянутое в рекламном проспекте, отель получил одобрение Тиффани Корт.

Погода для Англии имеет слишком большое значение, решила Тиффани, проходя мимо колледжа Тела Господня и колледжа Мертон, а затем вдоль усаженной вязами улицы через лужайки колледжа Церкви Христовой. Осмотр лондонских достопримечательностей в холодную и дождливую погоду наводил тоску. Оксфорд в солнечный полдень был прекрасен и весел. Кругом царил праздничная атмосфера: мужчины в ярких куртках, брюках спортивного покроя и соломенных канотье, женщины с разноцветными зонтиками в ярких летних платьях и шляпах с огромными полями. Острее, чем обычно, она ощущала взгляды, бросаемые ей вслед, а временами до нее доносились восторженные восклицания. Ее изящный ансамбль, купленный Париже, состоял из платья, шляпы и зонтика цвета сливок, отделанных кружевами. Обычно Тиффани носила обувь без каблуков, но на этот раз, вспомнив, как высок ростом один из гребцов команды Итона, она изменила правило и купила туфельки в стиле Людовика XIV с изящным каблуком, которые добавили ей еще один дюйм рост. И сейчас, в результате этих преобразований, она шла не порывисто и решительно, как раньше, но более плавно и изящно, держась очень прямо, и окружающая ее аура индивидуальности и отличия от других стала еще заметнее.

Она поднялась на баржу Баллиоля, и ее провели на лучшее место, откуда можно было наблюдать за гонками. Нетерпение и предвкушение витали над баржами колледжей, выстроившихся вдоль берегов. Множество празднично украшенных плавучих домиков с яркими полосатыми навесами и ялики, снующие туда-сюда, перевозят студентов с берега на берег, добавляли веселой суеты в эту красочную картину.

— Гонки будут проводиться в течение шести дней, — объяснял Винсент. — Правила таковы: лодки стартуют одна за одной через определенный промежуток времени и задача заключается в том, чтобы настичь и, желательно, задеть носом своей лодки идущую впереди.

Проигравшие выбывают, а оставшиеся соревнуются между собой в следующих заездах. В последний день соревнований победитель будет удостоен титула «короля реки».

Тиффани нетерпеливо кивнула. Вереница узких лодок, вырвавшись из-за поворота, устремилась к финишу. Сверкание рассыпаемых веслами брызг, загорелые тела гребцов, напряженные в отчаянном усилии, создавали незабываемое зрелище. Облепившая берег толпа болельщиков, крича и размахивая флажками, подбадривала соревнующихся.

— Мы догоняем! Вперед, Баллиоль, вперед! — кричал Винсент, вне себя от восторга, но Тиффани оставалась спокойной. Она была уверена и в том, что Баллиоль догонит идущую впереди лодку, и в том, что именно Баллиоль станет «речным королем» — Филип Брайт будет первым во всем, за что бы ни взялся.

И, само собой, Баллиоль ударил переднюю лодку как раз перед самой баржей, вызвав взрыв постороженных криков. Команда в бело-красных спортивных костюмах, делая последние усилия, наваливалась на весла, некоторые из гребцов, подняв головы с победной улыбкой бросили взгляд на своих болельщиков — и увидели Тиффани. Семь гребцов и рулевой восхищенно взирали на нее, но восьмой не поднял светловолосой головы. И правильно, решила Тиффани, на его месте она поступила бы так же. Ее все время невольно подталкивали болельщики Баллиоля, и эта суэта раздражала ее. Она не желала встречаться с ним в этой толчее; их знакомство должно состояться в более спокойной обстановке, чтобы ничто не могло уменьшить впечатления от этого знаменательного события.

Миссис Уитни с тоской посмотрела на буфет, где подавали чай, но до слуха Тиффани донеслось хлопанье пробок от шампанского.

— Идемте на берег, — твердо заявила она.

На прибрежных лужайках болельщики расположились для пикника; яркие платья женщин на фоне зеленой травы напоминали цветы. Тиффани уверенно вышагивала рядом с Винсентом. Миссис Уитни, решившая непременно выпить чаю, велела Фрэнку сопровождать их.

— Пойдемте, я познакомлю вас с Диком Латимером, — пригласил Винсент, жаждущий представить Тиффани своим друзьям. — У Нетертонов должно быть шампанское.

В ходе представления Тиффани грациозно наклонила голову, но даже не пыталась запомнить прозвучавшие имена и многочисленные титулы. Однако, она отметила, что Дик Латимер — очень приятный и красивый молодой человек — держится с окружающими довольно отстраненно.

Каждый, кто знал Тиффани по Нью-Йорку, заметил бы непривычную сдержанность, а ее близкие знакомые могли подумать, что она неважно себя чувствует. В подобных случаях лишь ее старая нянька чувствовала опасность, зная, что кроткое поведение мисс Тиффани обычно предвещало бурю. Зная ее лучше всех, она всегда боялась, что Тиффани может пойти по дурной дорожке и что когда-нибудь она пожелает чего-то такого, что просто нельзя получить.

Тиффани не стала присаживаться, зная, что ее высокий рост усиливает первое впечатление при знакомстве и кроме того, для контроля над ситуацией ей был необходим хороший обзор. Потягивая шампанское, она ждала продолжения событий, и сразу напряглась, когда Винсент спросил:

— Ты уже видел Филипа, Дик?

— После гонок еще нет, — ответил Дик Латимер. — Он где-то здесь, общается с семьей, но, думаю, скоро появится.

— Не хочешь ли ты сказать, что сюда заявился его ужасный папочка-людоед?

— Нет, — рассмеялся Дик. — Но здесь прекрасная Лора, младшая сестра Филипа Миранда, его кузина Джулия и друзья семьи.

Мать Дика, леди Нетертон отчетливо фыркнула и сразу же нарочито закашлялась, чтобы скрыть свою реакцию, но острый слух Тиффани уловил ее недовольное бормотание.

— Как не стыдно Джулии, — прошептала леди Нетертон, — выставлять напоказ свою связь. А она, не стесняясь, сидит себе между мужем и любовником, этим Рэйфом Девериллом!

Рэйф Деверилл?! Тиффани осторожно бросила взгляд через плечо и тут же повернулась спиной к открывшейся ей картине. По каким-то необъяснимым причинам в этот день ей не хотелось встречаться с Рэйфом Девериллом и испытывать на себе его разрушительный сарказм. К тому же в ее планы совершенно не входило, чтобы Филип Брайт увидел ее в обществе другого мужчины.

— Хотелось бы мне знать, почему связь Рэйфа Деверилла с Джулией Фортескью тянется так долго? — услышала Тиффани шепот другой женщины. — Конечно, она очень красива, но они же совсем не подходят друг другу.

— Гораздо более странно и загадочно то, что он оставил службу, — ответила леди Истертой. — Это такая нелепость, ну просто трагедия! Его мать в полном отчаянии.

— А вот и Филип, — громко объявил Винсент.

Тиффани поставила бокал с шампанским и, наклонив зонтик, прикрылась ним от посторонних глаз. Позади раздались поздравления и смех, а затем голос Винсента:

— Тиффани, я хочу представить вам Филипа Брайта.

Она медленно повернулась, губы ее мягко улыбнулись, голова слегка склонилась в сторону, а глаза смеялись. Они взглянули друг на друга.

Они казались удивительно похожи, хотя по-настоящему одинаковыми на их лицах были только глаза — фиалковые глаза Энн. И глаза эти смотрели внимательно и изучающе. Оба они были одинаково уверены в себе, одинаково убеждены в своей неотразимости, а потому беззаботно относились к погоне за насаждениями жизни. Это не была любовь с первого взгляда — ни Тиффани, ни Филип не думали о любви. Просто они сразу без слов поняли друг друга — каждый нашел в другом родственную душу. Взаимное очарование и взаимопонимание пришли к ним в одно мгновение, но кроме них этого никто не заметил.

— Мисс Корт и ее придворные! — Он поднял брови, мальчишеская улыбка осветила его красивое лицо и он шутливо раскланялся. — Не найдется ли у вас в свите местечка для нового поклонника? Меня вообще полезно иметь под рукой. Во мне есть все что угодно.

— А больше всего бриллиантов, — засмеялся Дик.

— Филип, ты даже не поздоровался с мисс Корт, — запротестовал Винсент.

— К чему эти формальности, — заметила Тиффани, — тем более, что мы с мистером Брайтом уже встречались.

— Разве?

— Несмотря на всю мою скромность, вам все же удалось произвести на меня неизгладимое впечатление, — поддразнила его Тиффани. — Вы первый, кто сумел забыть встречу со мной.

— Ваша скромность уступает только моей забывчивости, мисс Корт.

И они обменялись легкими понимающими улыбками.

— Теперь, мне, наверное, следует просить у вас прощения? — предположил он.

— Что ж, я охотно вас прощаю, тем более, что встречались мы очень давно. Вы были скверным маленьким мальчиком, который ужасно хмурился и швырял камнями в лебедей.

— Я и теперь это делаю... хмурюсь, я хочу сказать. А на этой неделе мне и швырять приходилось... мы купали рулевых после окончания гонок. Кстати, вы видели, сколько брызг поднял старина Смитерс? Просто удивительно, как такой маленький человек сумел вытеснить столько воды!

Тут начался очередной заезд и внимание всех присутствующих вновь обратилось к соревнованиям. Пока остальные наблюдали за тем, что происходит на реке, Филип и Тиффани были заняты друг другом, обмениваясь между собой понимающими, почти интимными взглядами и улыбками.

— Между прочим, отец Тиффани тоже делает деньга на бриллиантах, — сообщил через плечо Винсент, с волнением наблюдая, догонит ли лодка колледжа Магдалены команду Мертона.

— Какое совпадение, что мы познакомились...

— А в этом нет никакого совпадения, — Тиффани повернулась и понизила голос. — Я нарочно искала вас.

Он приподнял бровь в ответ на ее столь откровенные слова, но в глазах светилось одобрение. Тиффани нравилась Филипу именно такая.

— Вы мне льстите.

— Ничуть, — насмешливо ответила она. — Дело не в моих симпатиях, а в том, что наше знакомство очень не понравилось бы моему отцу.

Он рассмеялся.

— Забавно, но мне кажется, это в вашем стиле! Я знаю вашего отца?

— Нет, но, оказывается, Джон Корт и Мэтью Брайт старые враги. Я обещала отцу всеми способами избегать сэра Мэтью.

— Вот как? Значит, со мной вы будете в полной безопасности, потому что там, где я, его искать бесполезно.

— Какой замечательной свободой вы, должно быть, наслаждаетесь, — с завистью заметила она. — И где же теперь ваш отец?

— Только что вернулся из Южной Африки. Вы, конечно, знаете, зачем он туда ездил?

— Побойтесь Бога! — воскликнула Тиффани, в ее голосе явственно послышался американский акцент. — Я же не ясновидящая!

— Алмаз, огромный алмаз, найденный Томасом Куллинаном в шахте недалеко от Претории.

Тиффани порылась в памяти.

— В шахте «Премьер»?

— Точно! А вы вообще не так бестолковы, как кажетесь, — он уклонился, когда она шутливо попыталась ткнуть его зонтиком. Эта самый большой камень в мире, он весит более трех тысяч каратов. У отца чуть удар не случился, когда он услышал о нем.

В голосе Филипа слышалось некоторое сожаление, что здоровье сэра Мэтью оказалось таким несокрушимым.

— И сколько же он стоит? — спросила Тиффани.

— Кто знает? И кто может определить стоимость подобного камня?

Тиффани кивнула, с ее лица сбежала улыбка все, что касалось алмазов, она воспринимала серьезно. Она задумалась. Винсент вернул ее к действительности,

обратившись к Филипу:

— Уж если ты знаешь и можешь все что угодно, то подскажи, чем нам заняться сегодня вечером?

— Мы можем показать Тиффани достопримечательности Оксфорда, — предложил Дик.

— Нет, на *сегодня* лучше придумать что-нибудь другое, — проговорила она, искоса взглянув на Филипа, и тот, ни на минуту не усомнившись, понял, что ее больше устроит прогулка наедине.

Пока продолжался спор относительно планов на вечер, Филип шепнул:

— Когда мы встретимся?

— Завтра утром — пораньше.

— Будьте у Баллиоля в шесть.

Она кивнула и спросила, чуть повысив голос:

— Вот там не ваша семья? Наверное, вам надо подойти к ним?

Филип бросил совершенно безразличный взгляд в указанном направлении.

— Они уже возвращаются в Лондон к отцу и на этой неделе больше не будут докучать мне. На гонках они поприсутствовали, так что семейный долг по отношению ко мне можно считать исполненным.

Тиффани уловила в его голосе горькие нотки, но ничего не сказала. Она осмелилась еще раз взглянуть в ту же сторону, надеясь, что Рэйф Деверилл ее не заметит.

— Это ваша младшая сестра? Та, о которой вы когда-то давно говорили, что она любимица отца?

— Она самая. Она по-прежнему любимая собачка папочки, хотя моя мачеха производит на свет детей так часто, что это становится неприличным. Конечно, меня это не волнует, но отпрыски Лоры могут обидеться на столь сильную соперницу.

Он помолчал, а потом небрежно добавил:

— Миранда глухая.

— Глухая?!

Она взглянула на отстраненное лицо и почти неподвижную фигурку девочки.

— Ну, для меня-то она не соперница, — с оттенком презрительной жалости заметила Тиффани.

Глава шестая

Миранда смиренно сидела в кресле рядом с мачехой и наблюдала за течением реки, являя собой тихий маленький островок среди оживленного движения, голосов и веселого смеха. Общаться с окружающими она могла лишь читая по губам собеседников, внимательно вглядываясь в их лица. Обычно, находясь на людях, она была полностью сосредоточена на этой задаче, причем сама говорила мало. Но время от времени она погружалась в свой собственный мир. Сегодня она чувствовала себя совсем несчастной, раздумывая который уже раз о том, почему Филип, ее старший брат — такой красивый, умный и достойный всяческого восхищения, — так ее ненавидит.

Они плохо знали друг друга и из-за разницы в возрасте, и потому, что семейные обстоятельства лишали их возможности много бывать вместе. Но главный удар по их отношениям нанес Филип пять лет назад, когда он неожиданно ворвался в ее детскую перед своим возвращением в Итон...

Миранде было в то время лет шесть и она была так рада видеть своего старшего брата, что подбежала к нему, протягивая руки, обняла его за ноги и, запрокинув голову, засмеялась. Но Филип оторвал ее от себя, причем так неосторожно, что девочка упала. Ошеломленная, она так и осталась лежать на полу, ее глаза наполнились слезами недоумения. Филип не хотел делать ей больно, но ревность настолько переполняла его, что требовала немедленного выхода. И он стал кричать на Миранду, с его губ срывались самые ужасные слова, которые только приходили ему в голову.

Он полагал, что она не понимает того, что он выкрикивает, раз не может слышать. Никто ему не говорил, какова глубина постигнутого ее несчастья, и Филипу никогда не приходило в голову, что она может читать по губам. Он дал полную волю своей ярости и обиде, и они вырывались на свободу бурным потоком слов.

Сначала Миранда не могла понять, что он говорит. Он ходил, выплевывая злые слова, то у нее за спиной, то сбоку, так что она не видела его губ. Но затем он наклонился и зашипел ей в лицо:

— Папочкина любимица! Всегда получаешь все, что ни захочешь! Он ведь только тебя и любит!

Миранда начала всхлипывать, но Филип продолжал:

— Но скоро этому конец! Теперь у него есть Лора, и тебя он больше любить не будет. К тому же ты глухая, а папа любит только тех, у кого все в полном порядке!

Эта угроза показалась Миранде такой страшной, что она расплакалась, лежа на полу и уткнувшись лицом в ковер. Но и потом, когда слезы высохли, ужасные воспоминания не изгладились из ее памяти, а случившееся оказало воздействие не только на ее отношения с Филипом, но и на ее чувства к Лоре и, что самое важное, к отцу. Раньше она обожала Лору, но теперь была уверена, что любовь, которую папа и Лора чувствуют друг к другу, уменьшает ту долю любви, которая предназначена ей, Миранде. Она стала избегать мачехи, все больше и больше погружаясь в собственный мир. Ее лицо стало замкнутым, она жила за стеной, которую возвела сама и проникнуть за которую мог только Мэтью.

Но самые важные последствия этот эпизод имел для их отношений с отцом, Миранда поверила, что может лишиться его любви, которая наполняла всю ее жизнь и была единственным смыслом существования. С этого момента она более не считала любовь отца само собой разумеющейся и сознательно поставила перед собой задачу завоевания и укрепления его чувства.

Папа придет завтра утром! Она сняла шляпку и, поглощенная мыслями о долгожданной встрече, принялась вертеть ее в руках, машинально сгибая и разгибая поля. Неожиданно чья-то рука коснулась ее волос, и она вздрогнула от неожиданности... Миранда обернулась и увидела капитана Деверилла. Она застенчиво улыбнулась; Рэйф Деверилл нравился, ей. К тому же он подарил ей Ричи в день рождения, когда ей исполнилось шесть лет.

— У тебя в волосах запутался мотылек, — сказал Рэйф. Однако он не ответил на ее улыбку; выражение его лица было очень странным. — Марианна... Миранда... даже имена звучат похоже, — пробормотал он.

Марианна? Лора не слышала, чтобы он когда-нибудь упоминал это имя. Девушка из его прошлого — или настоящего? Спросить его? Нет, это может показаться навязчивым. Глядя на его лицо, несшее печать пережитых страданий, Лора вздохнула. О Рэйф, подумала она, до чего же ты изменился!

Все трое расположились в плетеных креслах, которые распорядился установить Рэйф, зная, что Лора вновь беременна; Джулия и ее муж, лорд Альфред, беседовали с друзьями, стоя на берегу немного ниже по течению, а Лора и Рэйф, как старые, испытанные друзья, которым хорошо друг с другом и без слов, погрузились в уютное молчание. И в этом тихом забытии Лоре вспомнился другой берег и тот давний разговор с Рэйфом, за который она будет ему вечно благодарна.

Нелегко было бывшей гувернантке занять место леди Брайт в светском обществе Лондона. Когда после осады Кимберли Лора вернулась в Англию, она столкнулась с неприязнью не только семьи Мэтью, но и его друзей и даже слуг. Этот брак был воспринят всеми как мезальянс, и Лора очень страдала, встречая всеобщее неодобрение. Особенно усердствовали леди Джулия и Генриетта, горничная первой жены Мэтью. Она при каждой возможности вспоминала леди Энн, стараясь как можно чувствительнее уколоть самозванку. А когда Филип и Миранда не ответили на искренние усилия Лоры завоевать их привязанность, она чуть было не признала поражение. Ей настолько изменили ее обычное спокойствие и здравый смысл, что она стала винить во всех своих несчастьях бриллиант — грушевидную подвеску, которую подарил ей Мэтью. Она убедила себя что этот камень оказывает на своего владельца злое влияние. Лора не смела обратиться за помощью к мужу, так как ужасно боялась, что Мэтью раскается в своем поспешном браке, и поэтому старалась продемонстрировать перед ним уверенность, которой совсем не чувствовала. Вот тут-то ей и помог Рэйф Деверилл.

Однажды погожим летним днем они разговорились на берегу реки под названием Ричмонд, и он восстановил ее душевное равновесие и самоуважение всего несколькими дружелюбными словами... и одним поцелуем. Он представил ситуацию в ином свете, убедив Лору, что первый брак Мэтью счастливым не был, а общество, в конечном счете, признает ее, и что лишь любовь Мэтью должна иметь для нее значение.

— Вы должны помнить, что главное в другом. Ваш муж, Лора — замечательный человек. Еще ребенком я восхищался им и мечтал, когда вырасту, стать таким же богатым, красивым, удачливым и, главное, *не таким, как все!*

Рэйф помолчал, а затем мягко добавил:

— Но и вы можете добиться того же, если найдете свой *стиль*.

Тогда она впервые почувствовала, что ее брак вполне может стать удачным. Но кое-какие препятствия к этому еще оставались, и злополучный бриллиант был не последним из них.

— Вы можете посчитать меня сумасшедшей, Рэйф, но этот камень — вечный источник моих бед.

Бриллиант сверкал на ее груди, словно демонический глаз, его тяжесть душила, а ледяной холод обжигал.

— Это свадебный подарок Мэтью, но в этом камне заключено какое-то зло... он словно намертво впился в меня, а я почему-то не осмеливаюсь снять его!

Он спокойно наклонился и снял с ее шеи подвеску. Его лицо приблизилось, глаза потемнели, как это бывало с Мэтью, когда он хотел... Неожиданно Рэйф обнял ее, его губы коснулись ее рта... Хотя Лору кроме Мэтью еще никто не целовал, она ощутила естественный отклик на призыв Рэйфа; ее губы раздвинулись, принимая поцелуй. Она почувствовала холодную твердость его рта, упругий и в то же время нежный язык, скрытую

силу его молодого тела, ощутила тепло солнечных лучей на своем лице, в то время как руки Рэйфа ласкали ее спину.

— Счастливый, счастливый Мэтью, — прошептал он, отодвигаясь от нее. Его голос слегка дрожал.

Лору тоже была дрожь. Этот поцелуй принес неизъяснимое наслаждение, хотя она знала, что продолжает любить только Мэтью. Не в состоянии решить эту загадку, она, пряча смущение, принялась поправлять растрепавшиеся волосы.

— А та девушка, на которой вы женитесь, будет еще счастливее, — искренне ответила она.

Рэйф улыбнулся.

— Буду только рад, если вы поможете мне в поисках подходящей кандидатуры. Но время терпит. Я даже допускаю, что стоит подождать, пока не подрастет ваша дочь. Я хотел бы, чтобы моя невеста была похожа на вас как две капли воды.

Лора покраснела от удовольствия, но возразила:

— Мне бы не хотелось, чтобы моя дочь вышла замуж за человека, который позволяет себе обниматься в траве с женой другого мужчины.

Она поднялась и отряхнула с платья приставшие стебельки.

— Если когда-нибудь вам понадобится помощь, — серьезно сказала она, — можете без колебаний обратиться ко мне.

— Спасибо, — Рэйф поднес ее руку к своим губам. — Я это запомню.

Эти слова, сказанные Лорой в порыве благодарности, и его ответ, конечно, давно забыты Рэйфом. Но сейчас ему, похоже, действительно требовалась помощь. Очевидно, во время войны с ним что-то произошло, и Лоре было очень больно, что он не поделился с ней. Она была уверена, что Джулии известна по крайней мере часть истории.

Когда она думала о Джулии, ее сердце терзала ревность. Как глупо!.. Она была счастлива с Мэтью и ожидала третьего ребенка. Более того, она допускала, что Рэйф начал оказывать внимание Джулии ради нее же, стараясь отвлечь племянницу Мэтью от злобной кампании, которую та вела против Лоры. И все же у нее сжималось сердце, когда она представляла Джулию в объятиях Рэйфа.

А Рэйф тем временем наблюдал за Тиффани. Сначала он хотел возобновить их знакомство; было бы очень забавно узнать мнение Лоры о ней. Однако затем он решил, что реакция Джулии не будет столь же забавной. Он вздохнул: Джулия оказалась слишком уж большой собственницей. Давно бы стоило разорвать их отношения, но Рэйф продолжал поддерживать эту связь, хоть как-то скрашивающую его бесцельное существование.

Тиффани, похоже, уверенно чувствовала себя в компании, собравшейся вокруг Нетертонов. Хороший парень этот Дик Латимер! Если бы Тиффани заигрывала с ним, стоило бы вмешаться, но она явно сосредоточила свои усилия на Филипе Брайте, а это Рэйфа вполне устраивало. Он не любил Филипа, находя поведение молодого человека в отношении Лоры недостойным. Что ж, решил Рэйф, эти двое стоят друг друга.

Он полузакрыв глаза; как обычно, присутствие Лоры действовало на него успокаивающе. Вокруг нее всегда возникала такая мирная, освежающая атмосфера, что после пары часов общения с ней он начинал смотреть на общество и мир, в котором жил, гораздо менее мрачно. Она была мила и проста в обращении, но никто не считал бы ее посредственностью. Возможно, подумал Рэйф, когда-нибудь ему удастся найти такую же Лору и для себя. Он вновь взглянул на Тиффани Корт: конечно, Лора красива, но с Тиффани

ей не сравниться. Однако жизнь с Тиффани напоминала бы ношение власяницы — сплошное мучительное раздражение. И лишь изредка сладкие мгновения, когда она соблаговолит пролить бальзам на его тело и душу своими ласками. Если бы она обладала хоть частью спокойствия Лоры, ее зрелостью... И Рэйф погрузился в мечты о чудесном мире, населенном женщинами, в которых сочетались бы лучшие качества Лоры и Тиффани.

Затем с немалым усилием он заставил себя вернуться к реальности.

— Как поживает Ричи? — спросил он Миранду, отчетливо произнося слова и глядя ей прямо в лицо.

— Спасибо, хорошо.

Ричи, сокращение от Ричмонд, было кличкой самки датского дога. Рэйф назвал ее в честь одного прекрасного дня, проведенного на берегу реки.

— Надеюсь, тебе не мешает, что приходится звать ее мужским именем? — сказал Рэйф.

— Нет. Ведь и работать она может не хуже, чем собака-мужчина, — серьезно ответила Миранда.

Слова ребенка странно подействовали на Рэйфа. Уж не предсказание ли это будущего самой Миранды?

— Действительно, может... Я рассчитывал, что она станет твоими ушами, будет предупреждать тебя о любой опасности. Ведь нам с тобой не хочется, чтобы кто-то злой незаметно подкрался к тебе сзади, правда?

Он повернулся на тихий возглас Лоры, и, увидев ее тревожно расширившиеся глаза, поспешно сменил тему.

— Но больше всего я хочу, чтобы она стала твоим другом, — торопливо продолжил Рэйф. — Ричи не умеет говорить, и ей нет дела до того, что твои ушки не слышат — ты ведь можешь общаться с ней и другим способом. Знаешь, я постарался выбрать щенка с самым громким лаем, — и очаровательная улыбка осветила его смуглое лицо.

Редко кто-либо напоминал Миранде о ее несчастье, а она была такой чувствительной девочкой, что ее реакцию невозможно было предугадать. Несколько мгновений она неуверенно смотрела на Рэйфа, а потом улыбнулась тепло и непринужденно.

— Может быть, вы приедете в Брайтуэлл навестить Ричи? — предложила Миранда.

Рэйф вопросительно взглянул на Лору.

— Завтра возвращается Мэтью, — мягко напомнила она.

— А! — он коротко рассмеялся. — Извини, Миранда, но сейчас я очень занят. В другой раз! — Он вновь взглянул на Лору. — После приезда Мэтью вы вернетесь в Брайтуэлл или останетесь на сезон в Лондоне?

— Вернемся в Брайтуэлл, — без колебаний ответила она. — Там мне лучше всего. Ведь в нем нет воспоминаний.

Она чуть было не сказала «призраков», но вовремя вспомнила о присутствии Миранды. Обстоятельства, напоминающие о первом браке Мэтью, уже не так нервировали ее, однако в Брайтуэлле, где Энн никогда не бывала, Лора чувствовала себя спокойнее.

— Вам надо чаще появляться в свете. Многие были бы рады вашему обществу.

— Вы уверены? А вот я не могу с вами согласиться. Люди оказывают мне внимание лишь из любопытства, что за антикварная редкость явилась из этого Брайтуэлла.

— А вот и любитель антиквариата! Сюда направляется герцог Фонтуэлл. Посмотрите, он просто раздувается от важности. Лора, прошу вас, отошлите это ископаемое!

— Это будет невежливо, — она встала и сделала несколько шагов навстречу гостю.

Обмениваясь с герцогом любезностями, Лора посматривала в ту сторону, где расположились Филип и его компания. Филип... как же он обижает ее! Лора была уверена, что он делает это сознательно, но не могла понять, за что. Потом Лора заметила девушку и глаза ее расширились. Какое совершенство лица и фигуры, как нарядно она одета! И как, должно быть, счастлив Филип рядом с ней, какой красивой парой они будут! Но кто она? Лора решила спросить об этом Рэйфа или Джулию.

Джулия, заметив, что Лора отошла от своего кресла и занята разговором с герцогом, оставила мужа и устремилась к Рэйфу.

— Слава Богу, ты мой хотя бы на пять минут, — заявила она, не обращая внимания на Миранду. — Я уж думала, Лора так и будет весь день торчать около тебя. Не могу понять, что ты находишь в этой пресной корове? К тому же, она опять понесла!

Глаза Рэйфа сверкнули гневом, но ярость его тут же погасла. Бедная бездетная Джулия, как она завидует Лоре! Злые языки утверждают, с мрачным юмором подумал Рэйф, что Джулия, с таким энтузиазмом распространяющая листовки, агитирующие за контроль над рождаемостью, сама может служить им прекрасной рекламой.

— Зачем я тебе так срочно понадобился? — сдержанно спросил он.

— *Зачем?* — она изумленно уставилась на него. — Затем, что я всегда хочу быть с тобой. Затем, что я люблю тебя. Какие еще нужны причины?

— Я думал, есть более серьезная причина. — Не желая обострять ситуацию, он высказал свое неодобрение достаточно осторожно.

— Более серьезная?! Как я могу быть серьезной, когда ты сидишь тут такой чертовски соблазнительный, что я совершенно теряю голову?

— Джулия, — резко остановил он, — здесь ребенок.

— Миранда? Но она глухая.

— Она слышит больше, чем ты думаешь. Не так ли, Миранда?

Но Миранда не ответила. Она спокойно смотрела на него и ее лицо и глаза были лишены всякого выражения.

— Временами от этого ребенка у меня мороз по коже, — перейдя на французский, произнесла Джулия. — А о любви всегда лучше говорить на этом языке, он куда выразительнее.

Французским Миранда владела в совершенстве. Гувернантка и логопед, занимавшиеся с ней, были поражены успехами юной ученицы. Даже произношение Миранды было гораздо лучше, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах. Конечно, языки представляли для нее особую трудность, но препятствия лишь заставляли Миранду еще больше стараться. Впоследствии в доме появилась и *фройлейн*, обучавшая ее немецкому. Поэтому девочка без труда поняла сказанное своей кухней, но слово «любовь» означало для нее Мэтью и Миранда вновь вернулась к мыслям о возвращении отца.

Прошло почти четыре года с тех пор, как Джулия и Рэйф стали любовниками, но ей все также были желанны его прикосновения, как и в начале их связи. Не заботясь о том, что их видят, она положила руку ему на бедро и почувствовала, как охватывает жар желания. Она была так одержима физической привлекательностью Рэйфа, что с трудом могла вспомнить то время, когда подобные чувства вызывал в ней Мэтью.

Отцом Джулии был родной брат Мэтью, а матерью — сестра Энн; следовательно, Мэтью являлся ее дядей не только по родственным отношениям; но и по крови. Однако она

никогда не воспринимала его как родственника. В то время, когда он в Африке делал себе состояние на бриллиантах, она была еще подростком и жила с родителями в Беркшире. Вернувшись в Англию, Мэтью приобрел просто необыкновенную значительность в глазах Джулии благодаря семейным обстоятельствам. Но еще больше ее очаровала именно его мужская привлекательность. Он просто излучал мужественность, которая сквозила в каждом движении его тела, притягивая к себе Джулию. Конечно, вся эта ситуация была совершенно бесперспективна. Хотя Джулия и была достаточно эксцентрична, кровосмешение не входило в число ее причуд. Она вышла замуж за Альфреда Фортескью и обнаружила, что ее муж совершенно беспомощен как любовник. К 1901 году, когда Джулии было уже двадцать пять лет, она так и не испытала физического удовлетворения и продолжала тосковать по своему красивому дяде.

Как-то раз она танцевала на балу с Рэйфом Девериллом. За его банальной любезностью она ясно почувствовала сдерживаемое желание; он смотрел на нее с тем самым выражением, которое Джулия так долго мечтала увидеть в глазах Мэтью. И неожиданно Рэйф, высокий и сильный, заслонил в ее сознании образ Мэтью.

Рэйф ловко увлек ее через балконную дверь в сад, и там его губы встретились с ее губами и она впервые испытала не в мечтах, а наяву, как приливная волна желания переносит ее в мир, где время остановилось, где ничто и никто не имеет значения, кроме любви.

А потом она долго ждала... она старалась встречаться с ним как можно чаще, рискуя репутацией, балансируя на лезвии ножа. Она даже с готовностью бросалась в объятия супруга в отчаянной надежде, что на этот раз все будет иначе. Но лорд Альфред в очередной раз проявлял свою полную несостоятельность, оставляя Джулию лежащей без сна, в жару, опустошенную отчаянием... Так тянулись долгие месяцы без Рэйфа, который возвратился в Южную Африку, где шла война, пока она не придумала способ отправиться вслед за ним.

В Трансваале Джулия наконец-то завладела им и оказалось, что она не ошиблась в своих ожиданиях. Боже, это было так прекрасно!

Да, она заполучила его, и теперь отчаянно старалась удержать. Верная своей натуре, она еще и пыталась кое-что исправить в нем в соответствии со своими вкусами.

— Единственный твой недостаток, — произнесла она, переходя на английский, когда к ним вновь подошли Лора и Альфред, — это отсутствие перспективы. К счастью, в твоих силах легко его исправить. Тебе пора уж изменить свой образ жизни!

— И ты, конечно, знаешь, что я должен сделать, — с иронией произнес Рэйф.

— Это же очевидно! Прежде всего, ты должен заняться политикой. Рэйф, ты можешь многого достичь в Парламенте.

— Ты должна бы понять, что после увиденного в Южной Африке я не желаю становиться частью истеблишмента.

— Тем больше оснований бороться с ними, но только словом, а не мечом, — страстно заявила она, — ведь ты будешь кандидатом либералов, а не тори.

— Ах вот в чем дело! Теперь я понимаю; ты не столько беспокоишься о моих перспективах, сколько желаешь рекрутировать в Парламент нового сторонника права голоса для женщин.

— Конечно, это я тоже учитываю. Ты ведь поддержишь нашу кампанию, не так ли?

— Согласен, женщины должны иметь право голоса. Но вот в чем я не уверен, так это в порядочности людей, с которыми придется иметь дело, равно как и в доброй воле

либеральной партии.

— Но программа либералов выглядит наиболее привлекательно.

— Возможно, — согласился Рэйф, — но политики поддерживают лишь те цели, которые способны дать им что-то взамен.

— Уж не принимаешь ли ты меня за дурочку? Конечно, они ждут благодарности, и они ее получают. По крайней мере, я буду поддерживать либералов.

— Часть радикально настроенных женщин — например, Кей Харди, одна из самых видных, ваших соратниц, возможно, и поддержат лейбористов. Что же касается остальных, то всем известно, что женщины по природе и по своим политическим пристрастиям консервативны — большинство из них будут поддерживать тори. И либералы это знают.

— Ты ошибаешься, — бурно запротестовала Джулия. — На следующих выборах победят либералы и дадут нам право голоса.

— И все будет замечательно! Неравенство в обществе будет сглажено, исчезнет низкооплачиваемый женский труд, в общем, наступит полная идиллия! Джулия, Джулия, я желаю вам успеха, но не будь ты такой наивной.

— Я?! Наивном?! Как ты можешь говорить такое! Лора, что ты молчишь? Скажи ему, что он невыносим. Ведь ты согласна с нашими целями!

Лора спрятала улыбку. Она терпеть не могла политических увлечений Джулии, но ее развеселило то, как ловко Рэйф перевел разговор с себя и своего будущего на проблемы женского равноправия.

— Джулия, я за то, чтобы женщины имели право голоса, — ответила она, — но члены Женского социально-политического союза, то есть суфражистки, мне совершенно не нравятся. Многие из них не столько беспокоятся о правах женщин, сколько ненавидят мужскую свободу. А остальные — просто неудовлетворенные дамочки, ищущие острых ощущений и готовые участвовать в любом деле, лишь бы рассеять тоску своей серой жизни.

— Это самое напыщенное, самодовольное и возмутительное заявление, которое я только слышала! И я не позволю тебе причислить Эммелину Пэнхарст, ее дочерей или меня саму к одной из этих категорий. Впрочем, таким пассивным особам как ты, Лора, не место в наших рядах.

Глаза Джулии засверкали.

— Осенью мы начнем более решительное наступление. В Южной Африке я тоже научилась кое-каким приемам партизанской войны!

— Ради всего святого, Джулия, — воскликнула Лора, — надеюсь, ты не собираешься стрелять в людей?!

— Думаю, что так далеко мы не зайдём.

— Еще одна причина, по которой я не желаю сотрудничать с либералами, это их политика по отношению к Южной Африке, — спокойно заметил Рэйф. — Я совершенно уверен, что они пойдут на сделку с Луисом Бетой и отдадут все, за что мы сражались.

— Да кому до этого дело! — воскликнула Джулия. Ее несколько не беспокоила судьба Трансвааля. Неожиданно она ощутила усталость и раздражение. Джулия ни за что не призналась бы, что ее увлечение политикой и социальными проблемами просто помогает ей заполнить пустоту ее жизни, что в глубине души она ненавидит мужчин, которые в конце концов всегда разочаровывали ее.

Рэйф не разочарует меня, яростно сказала она сама себе, он *не должен*. Но ведь может случиться и так, что он устанет от меня, или женится, или уплывет куда-нибудь на своей

проклятой яхте... Ей хотелось схватить его за широкие плечи и как следует встряхнуть. Как сделать, чтобы он был доволен, счастлив и всегда оставался рядом с ней? Но даже в те минуты, когда они любили друг друга, с бесконечной печалью она чувствовала, что его мысли блуждают далеко-далеко...

Рэйф был так ровен, бесстрастен, словно она его больше не интересовала. Он стал прямо как Антон Элленбергер, яростно подумала она и вне себя от обиды и отчаяния высказала ему это.

— Если ты стараешься оскорбить меня, Джулия, то выбрала неудачное сравнение, — заметил Рэйф. — Возможно, Элленбергер не блещет индивидуальностью, но приятен в общении, честен и к тому же он один из самых проникательных людей в Лондоне. Они с сэром Мэтью вдвоем представляют грозную силу.

— Не вижу ничего замечательного в столь невыносимо нудном человеке. Я говорила с ним пару раз, он старался казаться любезным, но при этом от него веяло арктическим холодом.

— Но в этом-то и заключается его сила, — заявил Рэйф. — Он человек целеустремленный. Антон Элленбергер — это машина, эффективная и безжалостная, и никакие посторонние интересы не отвлекают его. У него нет друзей, но он старательно поддерживает деловые знакомства. Не могу утверждать, что знаю его цели в жизни, но готов держать пари, что он их достигнет, каковы бы они ни были.

Он повернулся к Лоре.

— Вы лучше знаете его, Лора. Что вы о нем думаете?

— Вообще-то, я его вижу редко. Время от времени он приезжает на Парк-Лейн, был несколько раз в Брайтуэлле, чтобы обсудить с Мэтью неотложные дела. Но с Мирандой он проводит времени больше, чем со мной. Не так ли, Миранда?

Миранда не ответила. Ей было очень трудно уследить за общим разговором, так как она, не зная, кто будет говорить следующим, не успевала перевести взгляд. Лора наклонилась к ней и повторила вопрос.

— Да, — согласилась Миранда.

— И о чем же он говорит с тобой? — спросил Рэйф.

— О бриллиантах, но его истории не так интересны, как папины, — Миранда торжественно взглянула на Лору. — Думаю, что это папа велел ему меня учить.

Раньше, чем Лора успела ответить, вмешалась Джулия.

— Ты должна быть настороже, Лора, совершенно очевидно, какую цель он преследует.

Лора была шокирована.

— Ты хочешь сказать, что Антон намерен жениться на Миранде? Не может быть! К тому же он много старше ее, ему, должно быть, около тридцати!

— И это говорит женщина, которая вышла замуж за мужчину вдвое старше себя и годящегося ей в отцы, — язвительно парировала Джулия. — Женитьба на дочери хозяина всегда была надежным путем к успеху. К тому же не забывай, что хотя Элленбергер не обладает блеском и стилем бриллиантовых магнатов, Миранда не в том положении, чтобы привередничать.

— Пожалуйста, тише, — в испуге взмолилась Лора. Рэйфу показалось, что в глазах Миранды промелькнула искра понимания, но быстро погасла, и на ее личико вновь вернулось замкнутое выражение. Лора принялась торопливо собираться. Стараясь замять бестактность Джулии и отвлечь Миранду от возможных горьких мыслей, она совершенно

забыла спросить, кто же эта красивая высокая девушка.

Но все усилия Лоры были тщетны, потому что жестокое замечание Джулии накрепко врезалось в память Миранды, как когда-то тирада Филипа. Никто не будет любить меня, потому что я глухая, думала она, но это не имеет значения — раз папа меня любит, все остальное неважно.

На следующий день в доме Брайтов на Парк-Лейн Миранда с нетерпением прохаживалась по холлу, уступая дорогу Генриетте, когда та проходила мимо или поднималась по лестнице. При встрече с ней Миранду всегда обдавало холодом. Она побаивалась Генриетты, ее жуткого лица, усеянного оспинами, девочку отпугивала странная атмосфера недоброжелательности, окружающая домоуправительницу.

Но тут открылась входная дверь и появился отец. Ее папочка, светловолосый, с загорелым лицом, со смеющимися ярко-голубыми глазами и сильными руками, которые так крепко и надежно обняли ее, что все ее страхи улетучились.

— Ты, наверное, совсем по мне не скучала, — поддразнил он ее.

— Скучала... ужасно, — серьезно заверила она, приходя в восторг оттого, что он дома, и что рядом с ним не было других детей, так что он принадлежал только ей и, конечно, Лоре. — Ну как, алмаз Куллинан очень большой?

— Просто *огромный*, — и Мэтью жестами изобразил величину драгоценного камня.

— И из него получится красивая подвеска?

— Подвеска? — Мэтью рассмеялся. — Если ты повесишь этот камешек на шею, он опрокинет тебя и ты упадешь! Нет, для этого его пришлось бы разрезать на несколько меньших камней.

— И что ты будешь с ним делать?

— Не знаю. Алмаз Куллинан просто уникален, ему нет цены.

— Тогда будем надеяться, что другого такого камня в шахте «Премьер» не найдут.

— Умница, — Мэтью одобрительно погладил ее светлую головку. — Что еще важнее, будем надеяться, что никто больше не откроет других алмазных копей. А знаешь почему, Миранда?

— Новые находки нарушают равновесие рынка, — серьезно ответила она, — и предложение может превысить спрос.

— Так, продолжай.

Миранда, нахмурившись, погрузилась в размышления, но затем ее лоб разгладился.

— Ах да, я знаю. Антон недавно говорил мне об этом. Чтобы удерживать высокие рыночные цены, Синдикат вынужден скупать у производителей все добытые камни, а если добыча будет слишком высокой, финансовое положение Синдиката будет расшатано.

Мэтью кивнул.

— Призрак новых алмазных копей, которые мы не сможем контролировать — это ночной кошмар, который вечно преследовал Родса, а теперь по наследству перешел ко мне. Знаешь ли ты, сколько алмазов было добыто в Южной Африке в прошлом году?

Это был настоящий экзамен. Миранде еще не было одиннадцати лет, но Мэтью с раннего детства серьезно говорил с ней о бриллиантах и учил ее тонкостям дела. Но этот вопрос оказался слишком сложен, и она отрицательно покачала головой.

— Шахта «Премьер» добыла 700 000 каратов, а шахта Кимберли — больше двух миллионов каратов. Как же мы сможем продать такое количество алмазов?!

— Ты сможешь все, — уверенно ответила Миранда.

Мэтью рассмеялся, и выражение тревоги исчезло с его лица.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, потому что судьба всей промышленности зависит от того, смогу ли я решить эту проблему! Хочешь посмотреть на мамины бриллианты?

— Конечно, — послушно согласилась она.

Он ненадолго вышел из комнаты, чтобы принести драгоценности. Миранда и Лора в молчании дожидались его возвращения. Лора не завидовала тому вниманию, которое Мэтью оказывал дочери, зная, что ее очередь придет позже. Не завидовала она и тому, что Миранде достанутся знаменитые драгоценности Брайтов, и поэтому спокойно наблюдала, как Мэтью вынимает их из футляра — тиара, браслет, кольцо, серьги и, наконец, самое роскошное украшение — ожерелье Брайтов. Мэтью надел на девочку драгоценности и улыбнулся.

— Твоя мать была в них в день свадьбы, — напомнил он, — и когда тебе исполнится восемнадцать, они станут твоими.

— Спасибо, папа.

Она знала — Мэтью уверен, что игра с драгоценностями доставляет ей удовольствие, но на самом деле это ее вовсе не занимало. Она считала камни холодными, жесткими и тяжелыми. Миранда делала вид, что восхищается украшениями по той же самой причине, по которой выражала интерес ко всему, что касалось алмазов — чтобы сделать приятное Мэтью. В ту минуту, когда Миранда улыбнулась отцу, Лору впервые охватил страх за будущее ребенка. Не удивительно, что Мэтью так много значит для нее. Он был необыкновенным мужчиной; высокий и золотоволосый, он напоминал античного бога или средневекового рыцаря, излучая ауру благородства и силы. Мэтью умел защищать своих женщин. Даже в самые мрачные часы блокады Кимберли Лора не сомневалась, что он предотвратит любое несчастье и найдет выход из самого сложного положения. Сейчас, наблюдая, как Миранда ведет себя с Мэтью, Лора вдруг поняла, что фамильные камни не радуют, а давят и гнетут девочку. Ее бесхитростное сердце сжалось от предчувствия, что для Миранды империя Мэтью, которую ей предстоит унаследовать, станет непомерно тяжелым грузом. Лора увидела и другую опасность, которая подстерегала Миранду в будущем: когда-нибудь Миранда ощутит потребность в любви — но где она найдет мужчину, который не уступал бы сияющему божеству, каким был для нее отец?

Мэтью тоже думал о будущем. Он провел Миранду через гостиную и помог взобраться на стул, чтобы она могла рассмотреть себя в зеркале. Рука об руку они любовались ее отражением. Взгляд Мэтью быстро скользнул по портретам, висящим на стене: в центре был его портрет, на левой картине художник запечатлел его вместе с Лорой, а справа — портрет Энн в серебряном платье и во всех драгоценностях Брайтов. Затем он вновь посмотрел на Миранду, и его рука прижала к себе детское тельце. Она была копией его самого, с такими же золотыми волосами и глазами цвета сапфира, ее кожа имела тот же оттенок, что и его, у нее были такие же длинные и сильные руки и ноги. В Миранде не было ничего от Энн, и он мог не сомневаться в своем отцовстве. Именно поэтому ей предстояло занять его место в империи золота и бриллиантов. Если бы только она не была глуха... и если бы это была не его вина.

Мэтью поверил в ту историю, которую придумала для него Лора, будто глухота Миранды явилась следствием обстрела бурами Кимберли во время осады. На самом деле причиной глухоты была скарлатина, но Лора не решалась сказать об этом: Миранда подхватила скарлатину от Филипа, и Лора не хотела подливать масла в открытую неприязнь

Мэтью к сыну. Скрывая ради Филипа правду о несчастье девочки, Лора не догадывалась, что взвалила на Мэтью тяжкий груз вины. Это он захотел остаться в Кимберли, чтобы защищать город. Он, который все бы сделал ради благополучия дочери, подверг ее опасности, и она пострадала из-за его упрямства. Но чувство вины было не единственным основанием для его печали. Он так любил Миранду, что с трудом мог перенести те страдания и лишения, которые причиняла ей болезнь. Ему, человеку, обладающему таким могуществом; было невыносимо сознавать, что в этой ситуации он бессилен. Это зло победить он не мог, и все его огромное состояние не могло ему помочь.

Его память вернулась в те времена, когда он пытался вылечить Миранду: сначала медицинские обследования, проводимые с помощью камертонов и колокольчиков, потом диагноз: острый отит средней оболочки кровеносного сосуда — скопление жидкости в среднем ухе — и, наконец, операция, выполненная сэром Уильямом Делби в больнице святого Георга, а затем послеоперационное выздоровление.

— Как она будет слышать? — резко спросил Мэтью, когда реабилитационный курс был завершен.

— Перед операцией у Миранды было двадцать процентов от нормального слуха. Мы увеличили ее способность слышать до сорока процентов.

— И это все? — от разочарования голос Мэтью стал хриплым. — Можно еще что-нибудь сделать?

— Медицина здесь бессильна. В таких случаях хорошего результата можно добиться с помощью более эффективных слуховых аппаратов, но я все же предложил бы вам продолжать тренироваться в считывании по движениям губ.

Миранда глуха и останется глухой. Эта мучительная мысль столь ясно отразилась на лице Мэтью, что наблюдающая за ним Миранда все поняла. Она проиграла. Она не сможет нормально слышать и, значит, она неудачница, папа не будет ее любить. Когда сэр Уильям вышел из комнаты, маленькая девочка расплакалась.

— Не пугайся, — Мэтью отбросил ее волосы и стал четко выговаривать слова прямо перед ее залитым слезами лицом. — Ты слышишь лучше, чем раньше, и мы найдем тебе хороших учителей, которые научат тебя все понимать и красиво говорить. Иногда будет трудно, но я знаю, ты будешь стараться.

Миранда кивнула, чуть успокоившись. Стараться ради папы, это было ей знакомо.

И все остальное неважно, — яростно заявил Мэтью, словно хотел убедить не столько дочь, сколько себя. — *Неважно!*

Но все же это было важно, и они знали это, в особенности Миранда; ведь для нее приговор врача означал, что ей придется делать постоянные и неимоверно тяжелые усилия до самого конца жизни.

А сейчас Мэтью снял ее со стула и освободил от бриллиантов, сложив их в футляр. Перед тем, как закрыть крышку, он остановился, очарованный фантастическим блеском драгоценностей. Ему стало жаль предавать их темноте футляра. Свет и тьма — разве не так говорила графиня, когда подарила ему грушевидную подвеску? «История этого бриллианта кровь и резня, предательство и зло: бриллианты порождают ревность, алчность и ненависть, в их сияют таится тьма смерти». Он молча посмеялся над этим женским вздором. Мэтью был уверен, что бриллиант не только не вредил ему, но и приносил удачу — ведь он лежал в его кармане во время неудачного покушения на него Дани Стейна.

Но за Миранду он беспокоился. Во время осады Кимберли ее в целях безопасности

отправили в глубину алмазной шахты, и с тех пор она боялась темноты; ведь в темноте она не могла не только слышать, но и видеть, и становилась совершенно беспомощной. Но Мэтью беспокоила только глухота Миранды. Он позабыл — да никогда и не воспринимал всерьез — угрозу, брошенную ему в лицо Дани Стейном во время их последней встречи. А Дани грозился перенести свою ненависть на следующее поколение Брайтов.

Хотя это был первый вечер Мэтью дома, они посетили бал Эмблсайдов — Мэтью считал лорда и леди Эмблсайд своими старейшими друзьями, но для Лоры они были родителями Рэйфа Деверилла. За обедом Мэтью с удовлетворением отметил, что Шарлотта Эмблсайд усадила Лору и Рэйфа на противоположных концах стола, а рядом с сыном посадила невзрачную, но богатую дебютантку. Последнее обстоятельство доставило Мэтью еще большее удовольствие, но когда обед закончился и мужчин обнесли вином, он обнаружил, что остался наедине с Рэйфом в углу большой столовой.

— Итак, вы вернулись из Трансвааля, сэр Мэтью. Что же вы там видели?

— Насколько я помню, я видел алмаз, — с сарказмом огрызнулся Мэтью.

— О, конечно, алмаз — это *единственное*, что вы заметили. — Рэйф вновь наклонился к обеденному столу и сложил руки. — Но ведь в Трансваале не только алмазы, там есть и люди.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я спрашиваю, оправились ли люди от войны. Я спрашиваю, есть ли какие-либо признаки, что они могут простить... или забыть...

— Простить или забыть что?

— О, бросьте, сэр Мэтью. Большая часть британского общества может игнорировать факты или полагать, что факты соответствуют истине — в конце-концов, кто поверит, что британцы способны творить *такое*! Но вы и я знаем правду — и если вам не говорили другие, то уж Джулия-то рассказала о том, что ей пришлось пережить.

— Ну, ты, конечно, большой специалист по сокровенным переживаниям женщин нашей семьи.

Рэйф проигнорировал издевку.

— Я знаю, как все происходило в Южной Африке, потому что я был там — я ведь один из тех, кто проводил вашу политику. При слове проводил его глаза стали холодными и злыми.

— Ты должен гордиться тем, что исполнил долг перед своей страной.

— Не притворяйтесь, что не понимаете меня, сэр Мэтью. Я очень люблю свою страну, как и все истинные англичане, но как солдат я бы больше гордился, если бы мне пришлось защищать любимую страну от захватчиков, вместо того чтобы самому быть захватчиком. — Он мрачно усмехнулся. — Но не воображайте, что мои убеждения помешали мне честно исполнять свой долг.

Неприязнь Мэтью к Рэйфу Девериллу, пустившая глубокие корни за последние пять лет в эти секунды выросла вдвое. Он старался сдержать свой темперамент, напоминая себе, что этот человек — сын его лучшего друга.

— Но чего я никогда не забуду и не прощу, так это того, что люди вроде вас позволили всему этому произойти, — мягко продолжал Рэйф. — Истеблишмент, общество, бриллиантовые магнаты и аристократы спокойно сидели дома в тепле и уюте, а там, в Трансваале ради защиты их интересов был устроен ад. Назовем вещи своими именами, сэр

Мэтью, бурская война была борьбой за контроль над золотыми и алмазными шахтами — *вашими* золотыми и алмазными шахтами!

Мэтью побагровел.

— Да как ты смеешь! — зарычал он. — Войнам началась лишь по одной единственной причине, для защиты прав *ютландеров*, которые... — он оборвал себя. — Бог мой, — страстно произнес он, — мне нет нужды оправдываться перед тобой! — И он в гневе вышел из комнаты.

В бальном зале Мэтью осушил бокал шампанского и, все еще кипя от гнева, стал наблюдать за гостями. Джулия сегодня была очаровательна — ее светлые волосы сияли в свете свечей. Она обладала материнской красотой и посадкой головы, характерной для женщин Дэсборо. Она оглядывалась, без сомнения разыскивая Деверилла. Потом вошел Рэйф, и руки Мэтью крепче сжали бокал, когда тот подошел прямо к Лоре и поднес ее руку к своим губам. Ревность, разрывавшая Мэтью, ощущалась им почти как физическая боль. Она и была главной причиной его неприязни к Рэйфу Девериллу. Мэтью было пятьдесят пять лет, и его мучил страх, что его красивая молодая жена может пожелать более молодого любовника. Конечно, вокруг были и другие мужчины, но никто из них не представлял такую угрозу, как Рэйф. Никто не был так высок и красив. Никто не обладал такой яркой индивидуальностью, как капитан, и никто не оказывал Лоре такого внимания.

Весь вечер Мэтью наблюдал за Рэйфом Девериллом. Он видел, как женщины провожали его взглядами, кто тоскливым, кто смелым, и узнавал в Рэйфе самого себя, каким он был лет тридцать назад. К вражде и ревности добавилась зависть; Мэтью завидовал молодости Рэйфа, тому, чего не купишь ни за какие миллионы.

Позднее, в спальне, Лора попыталась рассеять мрачное настроение Мэтью. Может, рассказать про Филипа? Что ж, какова бы ни была его реакция, она должна попробовать.

— Мы с Мирандой ездили в Оксфорд на гонки. Баллиоль побивает всех соперников и почти без всяких сомнений станет «речным королем».

Мэтью молчал. Он испытывал по отношению к Филипу столь сложные чувства, что не мог высказать их вслух и хоть как-то объяснить даже Лоре. Мэтью прекрасно понимал, что его реакция на успехи сына в гребле была неправильной и обидной. Но как раз тогда, когда Мэтью начал гордиться успехами Филипа на крикетном поле и на университетской скамье, как раз тогда, когда он начал надеяться, что тот действительно его сын, весть о достижениях Филипа в гребле испортила все дело. И основанием для такой нелепой реакции послужили старые предания о том, что Харкорт-Брайты всегда боятся воды. Тот факт, что Филип явно не страдает водобоязнью, косвенно подтверждал подозрения Мэтью, что Филип не его сын. Это было совсем нелогично, потому что сам Мэтью тоже не боялся воды — и он все это хорошо понимал, но ничего не мог с собой поделать. Но он так привык уважать логику и полностью контролировать свое поведение, что его нелогичная и неуправляемая реакция на успехи сына в гребле привела к тому, что его антипатия к Филипу лишь усилилась. И положение становилось все более оскорбительным и непереносимым.

Молчание затягивалось.

— У Филипа все хорошо, — продолжала Лора с фальшивым оптимизмом. — А после гонок он беседовал с какой-то ослепительно красивой девушкой. О, Мэтью, хотела бы я, чтобы и ты на нее посмотрел! Она так прекрасна, что любой мужчина будет счастлив возможностью полюбоваться на нее! Она понравилась бы тебе, я уверена.

К Мэтью вернулось чувство юмора. Чья еще жена может выражать подобные чувства

или демонстрировать такую открытую и искреннюю щедрость?

— И как же зовут это чудо?

— Я не знаю, — смутилась Лора. — Я хотела спросить, но что-то меня отвлекло. К тому же Филип еще в таком возрасте, когда подобные отношения вряд ли воспринимаются всерьез, так что не так уж и важно, кто она.

— Да, — мягко согласился Мэтью, нежно проведя кончиками пальцев по ее щеке, — это неважно.

Глава седьмая

В это утро Оксфорд был великолепен, легкая дымка плыла над древними стенами, позолоченными майским солнцем. Тиффани отправилась на свидание много раньше назначенного часа и вместо того, чтобы сразу направиться по Турл-стрит к колледжу Филипа, она пошла по Хай-стрит в другую сторону, дошла до башни Карфакс, а затем свернула на Корн-маркет-стрит. Ее совершенно не смущали недоуменные взгляды встречаемых прохожих, попадавшихся ей на улице в такую рань. Она прошла мимо места, где в шестнадцатом веке были сожжены на костре архиепископ Кранмер и епископы Латимер и Ридли, а затем вошла в ворота Баллиоля, где ее поджидал Филип. Увидев друг друга, они не испытали ни волнения, ни восторга, ни смущения. Встреча Филипа с Тиффани была естественной и дружеской, словно они знали друг друга вечно. Тиффани даже не пожелала Филипу доброго утра.

— Этот самый епископ Латимер, которого сожгли, случайно не предок твоего друга Дика?

— Понятия не имею, но вполне возможно. Дик происходит из страшно древней и знатной семьи.

— А ты?

— Наша семья тоже ; довольно почтенная — мой кузен граф.

Тиффани рассмеялась при таком небрежно-скромном заявлении.

— Да. Думаю, ты можешь называть свою семью довольно почтенной!

Они вошли в четырехугольный двор Баллиоля.

— И здесь ты занимаешься?

— Иногда. Мои занятия, как правило, это зубрежка в последнюю минуту перед экзаменами. Вон там направо часовня, налево библиотека. Между прочим, какую записку ты оставила, чтобы объяснить свое отсутствие.

— Записку? Я не оставляла никаких записок, — презрительно ответила Тиффани.

— Здорово! «Никогда не сожалеть, никогда не объяснять, никогда не извиняться».

Тиффани даже замерла посреди двора Баллиоля от приятного изумления, настолько в ее духе было это изречение.

— Кто это сказал?

— Бенджамин Джоуэтт, великий магистр Баллиоля.

— Великий магистр Баллиоля, — Тиффани просмаковала эти слова. — Звучит так же прекрасно, как и его изречение. И эти маски тоже прекрасны, — с улыбкой добавила она, указывая на фантастические фигуры, украшавшие водосточные трубы.

Но Филипу не хотелось задерживаться в Баллиоле, они зашагали по Брод-стрит, миновали колледж Святой Троицы, книжный магазин Блэкуэлл и Шелдонский театр, а затем

свернули на Кэтта-стрит и дошли до Хай-стрит. Мимо проплыли колледжи: Хартфорд, Колледж Всех Душ, колледж Королевы, и, наконец, они увидели Башню Магдалены.

— В башне Магдалены, — сообщил Филип, — оксфордские студенты празднуют Майский день. Певчие...

— Не рассказывай, — Тиффани выставила указательный палец. — Еще один древний и тщательно сохраняемый обычай. В этой стране их слишком много.

— Ты не уважаешь традиции? — с притворным ужасом спросил Филип.

— Я не поклоняюсь традициям, в отличие от миссис Уитни, которая с тех пор, как мы приехали в Англию, ходит на цыпочках и говорит испуганным шепотом! Но кое-что, например, эти камни, которые напоминают о прежних временах, да и сами по себе — история, — тут Тиффани широким жестом указала на окутанные мягкой дымкой башни и шпили, — производят на меня впечатление. Я ведь дочь бриллиантового магната и поэтому способна разглядеть и оценить стоящие вещи, и я признаю, что Англия и, в особенности, Оксфорд — истинная ценность.

— Мне кажется, Оксфорд больше подходит мужчинам, чем женщинам, — заметил Филип, — потому что здесь царит мужская атмосфера. Этот город очаровывает, но его романтика чистая классическая, в ней нет страстности и чувственности. Это город молодых мужчин, для которых идеалом любви является возведение женщины на пьедестал и поклонение ей как богине.

— Ну, ты-то этим не грешишь!

Тиффани оставила при себе, что это ее страстное, но неисполнимое, желание быть мужчиной, возможно, и помогло ей воспринять подлинное очарование Оксфорда.

— Конечно, нет. Вместо этого я бы завлек тебя к себе в канаву!

— Чудесно! Канавы гораздо интереснее пьедесталов.

Они дошли до моста Магдалены и облокотились о высокий парапет, чтобы посмотреть вниз на Черуэлл. Плакучие ивы, каштаны, вязы и дубы превращали реку в тенистую беседку. Покой нарушали только ласточки, которые иногда задевали крылом неподвижную поверхность воды, да водоплавающие птицы, пошевеливающие густые заросли осоки.

— Интересно, почему наши почтенные родители перестали сотрудничать? — лениво спросил Филип. — Что же такое между ними произошло, что они разошлись и стали враждовать?

— А тебя, похоже, совсем не удивляет, что у твоего отца есть смертельный враг.

— Не удивляет. Наоборот, я не могу не удивляться, что у него есть друзья. И мне кажется, что этих друзей больше всего привлекают его денежки.

— Это относится к большинству друзей, а не только к друзьям твоего отца, — сухо ответила Тиффани, — и я не знаю, что между ними произошло. Я пыталась выспросить, но ничего не добились, а так как он обычно исполняет все, что я ни попрошу, то причина ссоры видимо очень серьезная, должно быть это и вправду было что-то жуткое.

— Как я понял, они были вместе в Кимберли, следовательно, это «что-то» произошло именно там. Убийство? Захват чужого участка? Незаконная продажа бриллиантов? Или, — Филип сделал полную драматизма паузу, — *леди*?

— Ну, я не думаю, что это была женщина. Мой отец не дамский угодник. Он очень... — она поколебалась, — *целомудрен*. Ему бы подошла атмосфера Оксфорда. Пьедесталы — это по его части.

— Итак, наши отцы затаили злобу друг против друга, совсем как Монтекки и Капулетти.

Тиффани засмеялась.

— Мне не очень-то нравятся вздохи и обмороки Ромео и Джульетты, и в мои планы не входит становиться чьей-то возлюбленной, хоть несчастной, хоть счастливою.

— Хорошо сказано! Это по мне. Тиффани Корт, ты — бриллиант Куллинан среди женщин, такая же уникальная и бесценная. К тому же ты знаешь Шекспира.

— Это одна из папиных слабостей. Он настоял, чтобы моя гувернантка изучала со мной Шекспира. Оказывается, сборник его пьес был первым подарком, который папа сделал маме. До чего же глупо. Я уверена, она предпочла бы бриллиант.

— Мой отец уж точно подарил бы ей бриллианты, — с усмешкой прокомментировал ее слова Филип, не подозревая, насколько он прав. — Кстати, касательно охов и вздохов, погляди-ка на ту парочку.

Внизу, по лугу, примыкающему к реке, взявшись за руки, прогуливалась парочка. Не зная, что за ними наблюдают с моста, они остановились для долгого поцелуя. Их тела прильнули друг к другу, потом влюбленные двинулись дальше держась за руки и склонив головы друг к другу.

— Ничего себе, действительно «чисто мужская атмосфера», — проговорила Тиффани.

— Это все из-за гонок, — развел руками Филип. — Приехало много болельщиц.

— Вот, значит, что, — она насмешливо вздохнула, глядя вслед удаляющейся паре, — ну разве они не *милы*?

— До отвращения, — смеясь согласился он, и, взяв ее за руку, потянул Тиффани за собой. Они прошествовали по мосту в обратном направлении, дурашливо копируя парочку внизу. Ни Филип, ни Тиффани не испытывали и тени смущения, абсолютно уверенные, что вправе сами определять условия любой своей игры, даже любовной. Когда они устали от своего развлечения, то, по-прежнему держась за руки, стали весело ими размахивать в такт своим шагам. Лицо Филипа освещала мальчишеская улыбка. И без слов было ясно, что это свидание останется их личным секретом, которым они ни с кем не поделятся.

Они стали встречаться каждое утро, и лишь горничная Тиффани знала об этих свиданиях. Филип и Тиффани бродили по Оксфорду или катались на ялике по Черуэллу. Им было весело. Они были так не похожи на шекспировских влюбленных, что семейная вражда только добавляла их взаимоотношениям особую остроту и привлекательность. Филип и Тиффани не походили на своих отцов, и их тайные встречи, которые вызвали бы в Джоне Корте и Мэтью Брайте ярость и замешательство, доставляли им огромное удовольствие. Но те усилия, которые они прилагали, чтобы держать в тайне свои свидания, показывали, что их отношения куда более глубоки, чем им казалось. И прервать эти отношения они ни за что бы не согласились.

Однажды они гуляли в ботаническом саду неподалеку от моста Магдалены, несколько не интересуясь окружающими их редкостями.

— В Британии этот ботанический сад самый древний, — тоном гида рассказывал Филип. — Но, что гораздо интереснее, здесь в 1784 году был совершен настоящий подвиг. Отсюда, с этого самого места впервые к небу поднялся англичанин.

— Полет на воздушном шаре? Хм, может быть, в 1784 году это и было событием, но после того, как восемнадцать месяцев назад братья Райт подняли в небо свою машину, воздушные шары безнадежно устарели. Согласись, что именно *американцы* делают все как надо.

— Вот еще! В том, что касается автомобилей, Америка отстает, — негодуяюще объявил Филип. — Все самое новое и интересное в этом деле, включая крупнейшие гонки, происходит в Европе.

— Но они... подожди, я же сама прошлой осенью была на гонках на кубок Вандербильта. Я хорошо знаю Вандербильта, — небрежно добавила она тем же тоном, каким Филип сообщил, что его кузен — граф.

Филип расхохотался.

— Полагаю, Вандербильт — тоже *довольно* почтенное знакомство, — пошутил он. Ну и как тебе понравились гонки?

Она красочно описала машины, гонщиков и свои собственные впечатления. Тиффани помнила, кто победил, на какой машине и какая была средняя скорость. Филип был поражен.

— Не думал, что во всем мире может найтись девушка, которая разбиралась бы в автомобильных гонках, — объявил он. — Но кубок Вандербильта — это детское развлечение по сравнению с соревнованиями, проводящимися в Европе.

И он стал рассказывать ей о гонках 1902 года Париж — Вена, о «ралли смерти» Париж — Мадрид в 1913 году, и о трагических авариях, из-за которых гонки теперь проводятся на специальных трассах, а не на дорогах.

— Мы, британцы, считаем, что самые замечательные гонки провел Гордон Беннет, сообщил он. — Это было в 1902 году, когда С. Ф. Эдж привел к победе свой «напье».

— Ты ведь тоже хотел бы участвовать в таких соревнованиях, правда?

— Больше всего на свете, — обычная шутливость сменилась в нем необыкновенной серьезностью. — И я буду в них участвовать, как только закончу учебу.

— А что для этого нужно?

— Придется обзавестись некоторой суммой денег. К тому же у меня есть знакомый — человек по имени Уильямс. Он когда-то служил конюхом в загородном доме моего деда. Сейчас он работает в мастерских Напье. Я убежден, что именно там определяется будущее британского автомобилестроения.:

— Конюх?! Ты явно не сноб, раз не брезгуешь таким знакомством!

— Думаю, и ты тоже.

Тиффани подумала о Джерарде и тайно улыбнулась. Это воспоминание натолкнуло ее на новую мысль:

— Этот твой дед — он был графом?

— Нет, герцогом.

— Ах, да. — Она помолчала, а потом медленно произнесла: — Странно, но у нас с тобой похожие глаза.

— Это знак родства душ, дорогая!

— Нет, ты не понял. Папа говорил мне, что мои глаза точно такого же цвета, как и у мамы. В вашей семье кого-нибудь звали Алида?

— Что-то не припоминаю. А почему ты спрашиваешь?

Тиффани пересказала вымышленную ее отцом историю — легенду о ссоре в знатном английском семействе, о бегстве супружеской пары с юной дочерью, о трагических событиях в Кейптауне, осиротивших красавицу Алиду, и о ее спасении Кортон.

— Может быть, она была из вашей семьи? — жадно предположила она.

Филип покачал головой.

— Даю тебе слово, что все члены нашей семьи налицо.

— Но, может быть, существовали какие-нибудь дальние родственники, — настаивала Тиффани.

— В нашей семье, конечно, есть и тайны, и парочка паршивых овец, но никто никогда не убежал в Кейптаун.

— А имя Алида тебе знакомо?

— Никогда его не слышал.

— Я могу показать тебе ее портрет.

— Зачем? — недоумевающе сказал Филип, удивленно глядя на нее. — Никак не думал, что ты склонна к романтике, — медленно добавил он.

Тиффани впервые посмотрела на историю своего рождения чужими глазами, и пока она мысленно ее быстро перелистывала, у нее засосало под ложечкой. История матери и ее портрет с детских лет были неотъемлемой частью ее жизни. Обстоятельства жизни Тиффани и врожденные свойства характера привели к тому, что ее юность прошла фактически в одиночестве. Так случилось, что основой ее мира стала легенда. И в это солнечное майское утро Тиффани впервые поняла, что любила — да, любила мать, которую никогда не знала. Или, по крайней мере, она любила придуманный ею образ матери, и если бы этот образ у нее отобрали, не смогла бы пережить потерю.

— Я вовсе не романтична, — напряженно произнесла она. — А ты, похоже, считаешь эту историю несколько... неправдоподобной?

— Именно, — поспешно согласился он, обрадованный, что она сама нашла смягчающую формулировку. — Может быть, семья Алиды была не столь знатна как она предполагала? Ведь для ее родителей было бы так естественно слегка приукрасить свое происхождение.

Тиффани кивнула.

— Ты первый человек, кому я все это рассказала, — сообщила она, — и по твоей реакции могу заключить, что на эту тему лучше помалкивать. Говорить о моей матери я больше не буду, но, — ее глаза засверкали, — приложу все усилия, чтобы выяснить, кем она была. Алида — редкое имя. Но в Южной Африке я встречала человека по имени Дани Стейн, его сестру тоже звали Алида. И вот я думаю... — она оборвала себя и сменила тему. — Сегодня мой последний день в Англии. Пойдем на реку? Или гонки так утомили тебя, что на воду и смотреть не хочется?

— С греблей покончено.

— Почему? Ведь у тебя это прекрасно получается!

Он пожал плечами.

— Оксфорд побил Кембридж, а Баллиоль стал «речным королем». Ради чего теперь стараться? Опять мучиться на тренировках только затем, чтобы повторить то, чего я один раз уже добился?

Тиффани никогда об этом не задумывалась, но сейчас она смутно почувствовала, что в его рассуждениях что-то не так, и что большинство людей думает иначе.

— Ты никогда ничего не добьешься в жизни, если будешь отступать — полушутя-полусерьезно заметила она.

— Мне ничего не надо добиваться — мой отец добился всего до меня.

И вновь усмешка искривила его губы, а в голосе проскользнула горечь, но лишь на мгновение. Тиффани ничего не заметила.

На следующее утро они катались на ялике по Черуэллу, а затем постояли на мосту Магдалены, как в первый день.

— Я буду скучать по тебе, — сказала Тиффани. Она спрашивала себя, чего именно ей будет больше всего не хватать, когда они расстанутся, и решила, что это готовность Филипа участвовать во всех ее затеях. Фрэнк тоже помогал ей бросать вызов условностям, но делал это крайне неохотно, а Филип — с удовольствием и без виноватой оглядки.

— Мы еще встретимся, — он произнес это спокойно, как нечто само собой разумеющееся.

— Ты приедешь в Нью-Йорк на кубок Вандербильта?

— Возможно, в следующем году, когда окончу Оксфорд.

— А до этого я еще раз приеду в Европу, и без надзирателей.

Тиффани нахмурила лоб, соображая, что устроить это будет весьма непросто.

— Ты говорила, отец у тебя под каблуком — ты можешь добиться от него всего, чего захочешь. Используй эту власть над ним и бери в свои руки его бизнес; не столько ради денег, сколько ради свободы, — и Филип улыбнулся, вспоминая совет, данный ему Диком Латимером.

— Ты прав, — согласилась она, — я так и сделаю.

— Знаешь, я был очень удивлен, когда ты не сразу вспомнила о находке в шахте «Премьер». — Он поднял голову, оторвав взгляд от игры солнечных бликов на поверхности воды. — В этой области ты должна знать все.

Она почувствовала, как в мозгу у нее складываются друг с другом кусочки головоломки, исчезает сумятица мыслей, и вдруг отчетливо увидела свое будущее. Тиффани кивнула, в ее голове стоял звон от идей и открывшихся перспектив.

Он взял ее за руку.

— Я совершенно уверен, — сказал он, — что если мы с тобой сейчас заберемся на парапет моста и прыгнем, то не упадем в реку, а взлетим к небесам. — Он поднял вверх руки и засмеялся.

Тиффани тоже смеялась, но когда он не поцеловал ее на прощание, она испытала чувство разочарования. Такое же, как на террасе в Ньюпорте, когда Рэйф Деверилл покинул ее. Но, как сказал Филип, они прощались не навечно.

Они сидели в спальне Тиффани в их нью-йоркском доме. Тиффани обдуманно выбрала ее для этого разговора, чтобы Рэндольф не мог им помешать.

— Папа, я так скучала по тебе! — Тиффани ангельски улыбнулась и обняла отца за шею.

Джон Корт, измученный долгой разлукой с дочерью, верил каждому ее слову и таял от счастья.

— Дом был так пуст без тебя, — пробормотал он, — но зато ты хорошо отдохнула. И я надеюсь...

— Мне все понравилось, — быстро перебила его Тиффани, и хитро прищурившись, добавила: — в особенности Париж, который гораздо интереснее Лондона. Я хотела бы вновь отправиться в Париж, и вообще я бы хотела больше путешествовать — по делам, конечно, а не для удовольствия.

— По делам? — Корт был озадачен. — Но ты же собираешься замуж!

— Еще нет, папа, — Тиффани грациозно присела на краешек кровати и на ее лице

появилось выражение необыкновенной искренности. — Боюсь, мне потребуется больше времени, чтобы обдумать наш с Рэндольфом брак. — Ей было нелегко произнести эти слова, и еще труднее изображать кротость, вместо того чтобы громко заявить о неповиновении. — Посуди сам; Рэндольф был для меня всегда близким родственником, и должно пройти какое-то время, чтобы я научилась воспринимать его в другом качестве.

— Рэндольф очень расстроится, — вздохнул Корт, хорошо понимая, что с недовольством Рэндольфа придется считаться.

— Какое несчастье! — с ядовитой иронией выпалила Тиффани и, спохватившись, вновь напустила на себя кроткий вид: — Я хочу сказать, что вовсе не желаю расстраивать Рэндольфа. Все это время я буду жить в одном доме с ним. Я буду с ним вежлива. Я буду появляться в обществе, а тетя Сара поможет в подготовке моего официального бала в Ньюпорте этим летом. *А взамен...*

То, что она продемонстрировала свое согласие пойти на компромисс и отказалась от своих прежних угроз, заметно ободрило Корта. Теперь ему легче было встретить ее ультиматум.

— *Взамен*, — Тиффани выделила это слово, и в ее голосе прозвучала сталь, — я хочу принимать участие в делах «Корт Даймондс». Не возражай! — Она подняла руку жестом королевы, призывая отца к молчанию. — Я должна научиться руководить делами компании. Я знаю, ты передал Рэндольфу банк, но ведь бриллиантовый бизнес ты ему не отдал. Он должен принадлежать мне, и я хочу сама управлять им!

Рэндольфу это не понравится, с несчастным видом размышлял Корт, но разве может он сказать ей «нет»? Как он может отказать ей хоть в чем-нибудь? К тому же в этом случае он сможет сохранить ее для себя чуть дольше...

Тиффани легко читала его мысли.

— Только подумай, папа, — с улыбкой продолжала она, — каждое утро мы будем встречаться; ведь ты отведешь мне кабинет рядом со своим.

— Шаг необычный, но... я согласен, — и он был вознагражден поцелуем.

— И еще, папа. В Англии я не встречала никого, кто знал бы маму. Но, ведь все, что ты рассказывал, это правда?

Это был последний шанс Корта. Он мог ухватиться за него и все рассказать, но при этом заслужить презрение дочери. И это было выше его сил. Опасаясь потерять привязанность Тиффани, он упустил свой шанс:

— Конечно, правда...

— Спасибо, папа! — И теперь, когда ее сомнения рассеялись, Тиффани ослепительно улыбнулась.

Часть вторая

Америка и Европа

1906–1907

Глава восьмая

Майским денем 1906 года Тиффани сидела в своем кабинете в офисе фирмы «Корт Даймондс» и смотрела на поверхность стола, которой были рассыпаны драгоценности. Перед ней лежали бриллиантовые ожерелья, браслеты с сапфирами, кольца с рубинами и изумрудные серьги. Она взяла бриллиантовую тиару и принялась ее внимательно разглядывать. Камни были великолепны, но оправы тяжеловата и старомодна — украшения были приобретены у наследников скончавшегося торгового агента, который собирал их в 1880-х годах. Но если драгоценности заново огранить и сделать более современные оправы... Тиффани положила тиару и невидящим взглядом уставилась в окно. Да, это неплохая мысль, пожалуй, даже *очень* хорошая мысль.

В ее памяти зазвучал голос Чарльза Тиффани, рассказывающего, как изделия старых ювелиров Европы создали ему репутацию и состояние. Медленная перекачка бриллиантов из Старого Света в Новый продолжалась до тех пор, пока богатейшие женщины Америки не стали обладательницами большего количества драгоценностей, чем коронованные особы Европы, если, конечно, не считать королеву Викторию и российскую императрицу. Возможно, некоторые из этих украшений носили императрицы и королевы, их придворные дамы. Пальцы Тиффани, легко и любовно касаясь камней, слегка вздрагивали, она словно заряжалась от них энергией. Ее влечение к драгоценностям было таким же сильным и всепроникающим, как земное притяжение. Иногда ей казалось, что она, подобно Афине Палладе, рожденной из головы Зевса, вышла не из чрева женщины, а из сердцевины магического бриллианта.

Торговлю этими изделиями — после того, как они приобретут современный вид — можно было бы организовать через магазин Чарльза Тиффани. Но необходимо найти в Нью-Йорке квалифицированного ювелира, чтобы дать ее камням новую жизнь. Тиффани не отрывала взгляд от бриллиантов, их блеск гипнотизировал ее, и, наслаждаясь радужными переливами света, она словно растворилась в ослепительном бело-голубом сиянии. Затем густые темные ресницы взмыли вверх, открывая такое же ослепительное сияние ее фиалковых глаз. Бриллианты дали Тиффани ответ.

— Картье! — громко воскликнула она.

Торговый дом Картье, центральная контора которого размещалась в Париже, возглавлял сын отца-основателя, Альфред, который, в свою очередь, ввел в дело трех своих сыновей — Луи, Жака и Пьера. В 1902 году Жак открыл отделение в Лондоне на Нью-Бонд-стрит. Если в Париже преемником Альфред станет Луи, рассуждала Тиффани, то Пьер вполне мог бы отправиться в Нью-Йорк. Во время предстоящей поездки в Европу она может заглянуть, на Рю-де-ла-Пакс и сделать им это предложение. Ей не придется долго убеждать семейство Картье, что торговля драгоценностями имеет в Америке великолепные перспективы. А в обмен на ее поддержку можно будет добиться, чтобы «Корт Даймондс» обеспечивал значительную часть потребностей Дома Картье в алмазах.

В углу лежащего на столе листка бумаги рука Тиффани машинально выводила контур цветущей ветви. Хотя у нее отсутствовал талант рисовальщика, это не были бессмысленные каракули; набросок легко изливался из-под карандаша. Но для Тиффани это была не просто веточка, а усыпанная бриллиантами брошь: мысленным взором она была способна увидеть величину и огранку каждого камня. Хот она менее года занималась этим бизнесом, однако драгоценные камни окружали ее всю жизнь. Еще в раннем детстве она играла «красивыми камешками», подаренными отцом, да и все светские женщины, с которыми она была

знакома, были увешаны драгоценностями. Постепенно и неосознанно у нее вырабатывалась способность безошибочно оценивать красоту камней и ювелирных изделий. Теперь это умение давало ей уникальные возможности для изучения рынка и удовлетворения его спроса.

Но что представлял из себя этот рынок? И кто были их клиенты?

Тиффани встала и прошла через комнату к окну, выходящему на Пятую авеню. Убранство ее кабинета было скромным, под стать ее строгому платью из синего бархата. Но больше, чем простота обстановки, посетителей удивляло превращение хозяйки кабинета из светской девушки в деловую даму. Но Тиффани обладала безупречным вкусом. Рюши и оборки, подчеркнутая женственность не подходили ее высокой фигуре и резкому характеру, однако благодаря покрою и дорогой ткани платья она добивалась безукоризненной элегантности. Синий бархат, облегающий ее сегодня, был наилучшего качества, и, стоя у окна, Тиффани, скрестив на груди руки, поглаживала рукава платья и наслаждалась мягкостью и блеском ткани так же, как летней порой бывало нежилась от ласкающего прикосновения шелка.

Рынок, думала Тиффани, сейчас находится в плачевном состоянии. Цены на бриллианты падают, в основном благодаря шахте «Премьер», которая продолжает наводнять рынок своими камнями, а тут еще этот проклятый француз, утверждающий, что может создавать искусственные бриллианты! Тиффани скорчила сердитую гримаску. Она не верила в заявление французского ученого, хотя кто знает... От этих ученых всего можно ожидать! Это тоже следует выяснить в Париже. Времена меняются, меняются и клиенты. На смену аристократам пришли новые миллионеры, которые в свою очередь уступили место звездам сцены. Кто же составит следующую элиту? Тиффани подумала, что всегда появляются герои толпы, с которыми публика сможет себя идентифицировать, чьи манеры и обычаи она сможет копировать. Нет, не герои, а *героини*. Именно женщины всегда жаждали бриллиантов и на одну, которая могла приобрести кольцо за сто тысяч долларов, придется сотни, которые купят кольца за двести долларов, если... если их убедить, что бриллианты предназначены для всех, а не только для обитателей Пятой авеню, Ньюпорта и Род-Айленда. Острый и гибкий ум Тиффани отлично подходил для подобных расчетов. Как и Сесиль Родс до нее, она предвидела мир, где каждая девушка захочет получить к свадьбе кольцо с бриллиантом. В конце концов бриллианты еще в пятнадцатом веке считались камнем невест.

Тиффани вернулась к столу и некоторое время стояла в задумчивости, рассматривая собственную руку. Неужели наступит такой день, когда и на ее пальце тоже окажется обручальное кольцо? Нет, замужество ее нисколько не интересовало. В ее сознании сам собой возник образ Филипа Брайта. Возможно, во время поездки в Европу они смогут увидеться. Это была бы их третья встреча...

И все же, как реализовать идею переделки украшений? Ей нужен ювелир, способный придумать обрамление для камней, соответствующее ее представлениям. А поскольку она желала сохранить полный контроль над проектом, он должен работать анонимно и контактировать непосредственно с ней.

Тиффани тщательно сложила драгоценности в сейф и заперла, отчасти ради безопасности, а главное, желая сохранить свои планы в тайне. И дело было не в том, что кто-то мог сделать ей замечание за разбросанные украшения. Наоборот, и Джон Корт, и Рэндольф были бы в восторге, обнаружив, что она, посидевшая в своем кабинете, играет с

красивыми безделушками и, значит, не собирается вмешиваться в деловые вопросы. Однако ничто не было более чуждо характеру Тиффани, чем подобное занятие. Хотя она получала удовольствие от своей затеи, драгоценности были для нее лишь инструментом, неотъемлемой частью бизнеса.

Она завернулась в темные меха, столь эффектно оттеняющие ее матово-бледное лицо, обрамленное гладкими пышными волосами цвета воронова крыла, взяла шляпку и, вызвав шофера, вышла из здания к ожидавшему автомобилю. В машине она надела шляпку, опустила вуаль, чтобы защитить от ветра лицо и глаза, и велела водителю ехать на Макдугаллаллею.

Снаружи дом номер пятнадцать почти не изменился. Возможно, он стоял чуть более обшарпанным, краска осыпалась, но в остальном все показалось ей знакомым и удивительно приветливым. Перед тем как постучать в дверь, Тиффани с минуту постояла перед ней, чувствуя, как ей приятно вернуться сюда. Вероятно, даже если бы не эта затея с украшениями, она рано или поздно пришла бы в этот дом.

Конечно, Джерард не рассчитывал, что увидит ее вновь, и был ошеломлен ее появлением. Однако Тиффани была не из тех людей, которые уделяют прошлому излишнее внимание. Она пришла к Джерарду, рассчитывая получить здесь то, что нужно ей теперь, а не ради бывших отношений. То, что когда-то произошло между ними, совсем не занимало Тиффани. Без единого слова она прошла через всю студию к мольберту и критически осмотрела незаконченный холст.

— Неплохо, — заметила она. — Полагаю, ты начал писать это после того, как была оплачена твоя квартира?

Картина изображала уличную сценку, предположительно в Нью-Йорке, но Тиффани не могла точно назвать место. Тем не менее внимание привлекали не мрачные дома на заднем плане, а люди на переднем: молодые и старые, празднично торчащие у дверей лавок и бредущие по улице с видом вызывающим или покорным — все это были *бедные*. Тиффани не была ценительницей живописи, а сюжет картины не вызвал в ней отклика — к низшим слоям общества она относилась с презрительным безразличием. Но когда передней представал талант, она была в состоянии его разглядеть. Искренняя и смелая манера живописи, цельность композиции создавали впечатление по воздействию не менее сильное, чем игра света на гранях бриллиантов.

Тиффани молча взглянула на Джерарда. Целью ее визита было узнать, не подскажет ли он имя мастера по металлу, способного выполнить ее заказ. А теперь она спрашивала себя, не мог бы он сам взяться за эту работу, если бы сумел свой талант художника приложить к металлу и драгоценным камням.

— Ты художник и скульптор, — отчетливо проговорила она. — А с металлом ты когда-нибудь работал?

— Конечно, только больно уж это дорогой материал, не всем по карману. — Он криво усмехнулся, как бы признавая собственную неполноценность. Она была так прекрасна, так самоуверенна и могущественна, что трудно было поверить, что когда-то он держал ее в объятиях. — Перед тобой мастер на все руки, но ни на что не годный!

Эти слова, сказанные с горечью, пробудили в ней теплые воспоминания о Филипе. С несвойственным ей фатализмом Тиффани увидела в их с Джерардом встрече перст судьбы. Она объяснила ему свою идею.

— Ну, что скажешь? Хочешь попробовать?

Она поднялась и подошла вплотную к художнику, ее глаза горели.

— Способен ли ты отдаться этой работе полностью, создать что-то необыкновенное, или она будет для тебя лишь шансом избавиться от нищеты?

— Тебе это не безразлично? — в удивлении произнес он. — Ты говоришь об украшениях, словно это произведения искусства, а не просто полоски золота, осыпанные блестящими стекляшками.

— В них сосредоточено для меня все.

— Никогда не думал, что ты можешь к чему-либо относиться столь серьезно. Но сейчас твои глаза сверкают такой одержимостью, будто ты могла бы за эти бриллианты продать душу дьяволу.

— Что значит «могла бы»? Я уже ее продала!

Ответ, сорвавшийся с ее уст, был неожиданным для нее самой и граничил с богохульством. Конечно, она никогда так не считала, но, произнеся эти жутковатые слова, Тиффани с удивлением подумала: а что, если в них есть доля истины? Неужели бриллианты так важны для нее? А если бы ей пришлось выбирать между драгоценностями или чем-то — или кем-то что ей дорого, неужели бриллианты значили бы для нее больше? Неужели они так крепко завладели ею? Она нетерпеливо повела плечами: к чему тратить время на пустые рассуждения? Невозможно даже представить, что перед ней встанет подобный выбор.

— Я берусь за эту работу и посвящу ей все силы, — торжественно заявил Джерард.

— Поклянись.

— На чем? У меня нет Библии.

Она взяла его руку и приложила ее к поверхности незаконченного холста.

— Теперь клянись!

Он поклялся, и Тиффани отпустила его руку. Затем вновь взглянула на картину.

— Как я поняла, такие картины не покупают?

Джерард коротко рассмеялся.

— Ты дважды права.

— А где ты выставяешься?

— Нигде. В Нью-Йорке нет галереи, которая взяла бы эту картину. Видишь ли, Тиффани, ты и твои друзья цените лишь старых европейских мастеров.

— В таком случае, — заявила она, — самое время открыть людям глаза на современное американское искусство. Но не сейчас, я займусь этим осенью, после возвращения из Европы. Украшения тоже подождут до осени, когда я получу из Амстердама камни для новой огранки.

Она вытащила пачку долларов и небрежно протянула ее художнику.

— Прими этот задаток в знак моего доверия, Джерард. Да, и еще купи каких-нибудь дешевых сплавов для пробных поделок — перед отъездом в Лондон я пришлю несколько набросков и немного драгоценных камней низкого качества. Сделаешь несколько образцов. От результата будет зависеть, продолжится ли наше сотрудничество.

Тиффани прибыла в Лондон в июне, сопровождаемая лишь своей преданной горничной. Идея отправиться в поездку без сопровождения старших вызвала бурю протеста со стороны Джона Корта и Рэндольфа.

— Любая другая девушка... — начал было Корт.

— Но, папа, ты же не хочешь, чтобы твоя дочь походила на какую-то там «любую» девушку! Я такова, какой ты меня воспитал, и если тебе не нравятся плоды твоего труда,

согласись, менять что-либо уже слишком поздно. Ты же не приставил бы к сыну опекуншу, не нуждаюсь в ней и я. Я еду в Европу по делам и не собираюсь ронять свое достоинство и срывать возможные сделки, таща за собой дуэнью на важные встречи.

— Но светские приемы...

— Никаких приемов, — резко отрезала Тиффани. — Я буду слишком занята днем, чтобы еще развлекаться по ночам.

Рэндольф негодуяюще стиснул зубы, но промолчал. Тиффани догадывалась, о чем он думает: пусть она порезвится на свободе, а через одиннадцать месяцев сама прибежит к нему, умоляя вытащить ее из неприятности. Как мало он ее знает! Словно она когда-либо теряла контроль над ситуацией — в личном ли, в деловом ли плане — и искала у него помощи!

В Лондоне она прежде всего собиралась встретиться с представителями Синдиката, который совместно с «Даймонд-Компани» фактически обладал монополией на продукцию южноафриканских шахт. В Синдикат входили восемь компаний, среди которых наиболее известной являлась «Брайт Даймондс», возглавляемая Мэтью Брайтом. И все же шахта «Премьер» не продавала свои камни через этого посредника.

Тиффани была ужасно заинтригована этим человеком, которого все, казалось, ненавидели, но который оказывал столь сильное воздействие на их жизни. Любопытство заставило ее взять такси и отправиться в Хэттон-Гарден, где она, не выходя из автомобиля, минут двадцать наблюдала за входом в «Брайт Даймондс». Она ощущала насущную потребность увидеть его, взглянуть на человека, чье имя так часто слетало с уст торговцев бриллиантами, чтобы оценить своего противника. Она была уверена, хотя и не могла объяснить почему, что когда-нибудь им придется столкнуться лицом к лицу. Люди входили и выходили через парадный вход «Брайт Даймондс», но никто из них не мог быть сэром Мэтью. Ей думалось, что он должен напоминать отца — конечно немолодой и седой, но притом высокий и представительный.

Она уже готова была отказаться от своей попытки, когда подъехала роскошная машина и остановилась прямо напротив входа. Тиффани немедленно насторожилась. Это был новый «роллс-ройс» модели «Серебряный призрак», который мог принадлежать лишь кому-то вроде сэра Мэтью. По ступенькам здания спустился человек, за ним спешили клерки, размахивающие листками бумаги и делающие торопливые пометки, записывая последние указания. Тиффани поняла, что это тот, которого она ждала.

Он был великолепен: золотистые волосы сияли на солнце, загорелое лицо выражало волю и решительность, когда он отдавал распоряжения. Серый костюм безукоризненного покроя подчеркивал его высокую стройную фигуру. Да, выглядит Мэтью Брайт прекрасно — но ведь он немолод? А на вид можно подумать, что он моложе ее отца и, Бог мой, как, должно быть, красив был он в молодости! Теперь она знала, за что его ненавидят мужчины. Это была ненависть, рожденная завистью, потому что ни одна женщина не могла бы перед ним устоять. Даже через улицу, и даже учитывая пропасть лет, разделяющую их, Тиффани ощущала его магнетизм — редкое качество мужчин, ради которых женщины готовы были умереть. Рэйф Деверилл тоже обладал подобными качествами. При воспоминании о Рэйфе ее осенила замечательная идея.

Велев водителю ехать дальше, Тиффани принялась обдумывать все, что увидела, и сопоставлять с тем, что знала о Мэтью от его сына. Неудивительно, что Филип так озлоблен. Всю жизнь провести в тени подобного успеха и великолепия! И не только в

алмазном бизнесе — Филип всюду должен оставаться на вторых ролях.

В полдень Тиффани посетила контору шахты «Премьер» по сбыту и приобрела партию чудесных бриллиантов. Она уходила в необыкновенно приподнятом настроении, пронизанная тем особым чувством удовлетворения, которое женщина ощущает, достигнув чего-то в мире, где хозяйничают мужчины. Однако ее настроение резко изменилось, когда на улице она лицом к лицу столкнулась с человеком, которого сразу узнала.

— Мистер Элленбергер?!

Эта встреча никак не входила в ее планы — Элленбергер был, пожалуй, единственным человеком, который мог сообщить сэру Мэтью о ее появлении в Лондоне. Клерки конторы по сбыту вряд ли имели возможность общаться с этим великим человеком, а от газетчиков она намеревалась держаться подальше. Тиффани не хотела, чтобы Мэтью знал о ее приезде в Лондон, опасаясь, что это может помешать ей увидеться с Филипом. Однако она была заинтригована, обнаружив, что Элленбергера тоже встревожила их случайная встреча. Он вежливо приветствовал ее, но при этом нервно огляделся по сторонам, словно желая убедиться, что за ними никто не наблюдает.

— Я немного устала, мистер Элленбергер, — ровным тоном произнесла Тиффани, — и была бы вам очень признательна, если бы мы продолжили разговор в машине.

Поспешность, с которой он принял это предложение, укрепила ее подозрения, и Тиффани уселась в автомобиль в полной уверенности, что выиграла первый раунд. Она обнаружила растерянность Элленбергера, не выдав собственной.

— Вы прогуливаетесь довольно далеко от офиса Синдиката, мистер Элленбергер, — заметила она.

— Как и вы, мисс Корт, — ответил он, стараясь выиграть время и восстановить самообладание.

— «Брайт Даймондс» является членом Синдиката, а «Корт Даймондс» — нет.

— Но сэр Мэтью — один из директоров шахты «Премьер»...

— Безусловно, вы правы.

И тут ее осенила мысль: если Антон Элленбергер такой преданный служащий сэра Мэтью, зачем же он вошел в контакт с Рэндольфом Кортом? Ей очень хотелось задать ему этот вопрос в лоб, но нет, следует действовать осторожнее.

— Как вы полагаете, Синдикат сохранит контроль над алмазной промышленностью?

Облегченно вздохнув, Элленбергер погрузился в детальный анализ ситуации в блаженном неведении, что его прекрасная слушательница великолепно осведомлена о ситуации в алмазном бизнесе и может изложить ее с не меньшей достоверностью. Тем временем Тиффани постаралась поставить себя на его место — захотела бы она вечно оставаться на побегушках у сэра Мэтью? Нет, конечно нет, и, если она не ошибается, Антон Элленбергер жаждет самостоятельности. Как и Рэндольф до нее, она разгадала план Элленбергера и поняла, зачем он приходил к Рэндольфу. Скрыв за очаровательной улыбкой свое возмущение подобным предательством, она прервала собеседника:

— Очень интересно, мистер Элленбергер, и все же вы не ответили на мой вопрос: каково будущее Синдиката? И сумеет ли «Даймонд Компани» стать мировым монополистом?

— Бриллианты, безусловно, должны остаться монопольным товаром, — ответил он и вкрадчиво добавил, — но будут ли они контролироваться *этим* Синдикатом и *этой* «Даймонд Компани» — вопрос иной, — и он бросил на Тиффани пронизывающий взгляд,

ожидая ее реакции.

Последний кусочек головоломки встал на свое место. Она еще не определила свое отношение к Элленбергеру, но... нужно отдать ему должное. Она с трудом сохранила внешнюю невозмутимость, представив сражение между Элленбергером и Мэтью Брайтом за контроль над этой отраслью промышленности. Эта битва, несомненно, будет не менее ожесточенной, чем схватка титанов в Кимберли, когда Сесиль Родс нанес поражение Барни Бернато. Конечно, сейчас все делается несколько иначе, более изящно, скрытно; кампания, которая может растянуться на годы... Однако... И вновь ее захлестнули эмоции. Она тоже могла бы принять участие в этой кампании!..

— Трудно представить, что кто-либо мог бы бросить вызов Синдикату, — заявила она. К тому же сэр Мэтью внедрился в правление шахты «Премьер».

— Это не является непреодолимым препятствием. — Элленбергер сделал небрежный жест, словно смахивая с шахматной доски ненужную фигуру. — Хотя тактика сэра Мэтью — контроль изнутри — достойна подражания. Как только будет открыто новое алмазное месторождение, у его конкурентов появится возможность использовать этот прием.

«Не слишком ли я откровенен с ней? — с тревогой размышлял Элленбергер. — Неужели на меня так подействовало ее красивое личико? Или я просто боюсь, как бы она не раззвонила по всему Лондону о моих контактах с Кортами? Да нет, она не станет болтать. Она не менее умна и осторожна, чем ее кузен Рэндольф...»

Тиффани тоже не забыла о Рэндольфе, подводя итог их разговору:

— Я продвигу наше дальнейшее сотрудничество, мистер Элленбергер, — произнесла она, протягивая руку для прощального пожатия. — Я уверена, что ваш визит в Соединенные Штаты убедил вас, что вы можете рассчитывать на поддержку Корттов. *Однако*, — и ее тон стал жестким, — хотя я понимаю причины, заставившие вас искать расположения моего кузена, в будущем вы будете обращаться непосредственно ко мне. Я наследница Джона Корта, и «Корт Даймондс» принадлежит *мне!*

Вернувшись в свои апартаменты в отеле «Савой» с окнами, выходящими на Темзу, Тиффани еще раз обдумала разговор с Антоном Элленбергером и похвалила себя за то, что свои планы и соображения она удержала в секрете. Если Элленбергер тот человек, которому под силу одолеть Мэтью Брайта, его игре можно будет посодействовать. А пока достаточно понаблюдать за его действиями. До недавнего времени вражда между Кортами и Брайтами ее прямо не затрагивала, но при виде сэра Мэтью у Тиффани возникло предчувствие, что личное соперничество между ними неизбежно. Отсюда ясно следовало, что она должна действовать совместно с Элленбергером. А чью сторону примет Филип?

Тиффани взяла с письменного стола конверт, адресованный в Оксфорд, в колледж Баллиоль, и задумчиво повертела его в холеных пальцах. Воплощение в жизнь планов по подрыву могущества «Даймонд Компани» и Синдиката растянется, скорее всего, на долгие годы. За это время вполне может случиться так, что сэр Мэтью скончается или уйдет на покой, и Филип унаследует его бизнес. Хотя Филип и ненавидит отца, но вполне может стать на защиту интересов «Даймонд Компани». Но хватит ли у него сил и твердости для этой борьбы? Тиффани вспомнила, как быстро он пресытился греблей, и слегка нахмурилась. Складки на лбу делались все резче, пока она размышляла, как трудно предугадать поведение капризного, любящего развлечение Филипа в подобной ситуации. В его характере было нечто ненадежное, какой-то изъян, из-за чего совершенно невозможно было представить Филипа хладнокровно и уверенно руководящим семейным бизнесом. Он

был не лишен интеллекта, но ему явно недоставало таких качеств, как честолюбие, целеустремленность и умение добиваться своего во что бы то ни стало. Тиффани без ложной скромности считала, что сама она обладает всем этим в избытке.

Ее пальцы выбили торопливую дробь на поверхности стола. Жизнь неожиданно показалась ей слишком сложной, а затеянное ею свидание с Филипом в Париже приобрело более серьезный аспект.

До сих пор Тиффани мало думала о браке вообще, а уж меньше всего о браке с Филипом. Он обладал незаурядной внешностью, с ним было весело, а то, что ее отец запретил всякие контакты между ними, лишь добавляло ему привлекательности в ее глазах. Она всегда была уверена, что из знакомых мужчин Филип нравится ей больше всех, но прошел уже год со времени их последней встречи. Сейчас она намеревалась взглянуть на их отношения с другой точки зрения. Безусловно, брак с Филипом мог бы привести к слиянию «Брайт Даймондс» и «Корт Даймондс», вызвав при этом ярость их отцов, и до основания потрясти рынок бриллиантов. Она была уверена, что смогла бы манипулировать Филипом, ведь она сильнее его — и изменить ситуацию в нужную ей сторону. При этом она тоже действовала бы изнутри, хотя и не таким образом, как планировал Элленбергер! Возможно, Элленбергер даже не понадобится... мысли Тиффани устремились дальше, и ей пришлось приложить усилия, чтобы привести их в порядок. Слишком рано об этом думать, она еще плохо знает Филипа, ей надо разработать более тщательную стратегию... но встреча во Франции определенно открывает немалые возможности.

При этом Тиффани даже не приходило в голову, что Филип может отвергнуть сотрудничество, отказавшись от брака с ней или на ее пути к цели могут возникнуть еще какие-то препятствия. И в равной степени она не осознавала, что строит точно такие же планы в отношении Филипа, какие Рэндольф вынашивал в отношении ее самой — планы, которые у нее вызывали яростный протест.

Но пока основное внимание Тиффани занимали проблемы дня сегодняшнего. Она уселась за стол и своим размашистым твердым почерком набросала короткую записку. Вызвав коридорного, она вручила ему записку с указанием передать из рук в руки, а письмо в Оксфорд распорядилась отнести на почту. Затем она вызвала горничную и потратила по крайней мере вдвое больше времени, чем обычно, одеваясь к обеду. Наконец волосы Тиффани были причесаны и уложены так, что она осталась довольна. На ней было шелковое платье цвета примулы и лучшие бриллианты. Она выглядела великолепно, но вот придет ли он? Против воли, Тиффани без устали мерила шагами гостиную и сердито убеждала себя выбросить из головы все волнения. Не так уж важно для нее, придет он или нет, ведь это будет чисто деловая встреча. Повернувшись к огромному зеркалу на стене, Тиффани увидела в нем себя в сверкании надетых бриллиантов. И вдруг перед ее мысленным взором возникла его высокая элегантная фигура, она вспомнила суровость его худого лица и насмешливый взгляд серых глаз.

— Идиотка, — громко сказала она, — ты же напоминаешь рождественскую елку!

Она бросилась в спальню, где без помощи горничной стянула с себя желтое платье и вытащила из шкафа другое. Черный цвет, как утверждал Джон Корт, совершенно не подходил для юной незамужней барышни, но Тиффани поняла, что сегодня необходимо именно это. Платье с широкой юбкой и низким вырезом на груди было сшито из совершенно черного гладкого атласа. Сочетание блестящей ткани с ее иссиня-черными волосами было очень эффектно. Сняв чересчур роскошное ожерелье, она заменила его на простую подвеску

с одним большим камнем, но в ушах оставила сияющий каскад бриллиантов. Потом надела другие туфли и прошла по комнате, бросая на себя взгляды в зеркало. Да, черное лучше, *гораздо* лучше — но придет ли он? «Пожалуй, — расстроено подумала она, — записка была слишком сухой и краткой. Он мог счесть ее вызывающе невежливой».

Ей стоило немалых усилий скрыть свое облегчение и радость, когда Рэйф Деверилл все же появился в дверях. Не показывая переполняющих ее чувств, Тиффани величественно двинулась навстречу гостю и протянула ему руку как истинно великосветская дама. Он изящно склонился к ее руке, но во взгляде его серых глаз по-прежнему была холодная ирония, хотя Тиффани заметила в них и знакомую искорку восхищения ее внешностью. Прикосновение его руки было необыкновенно приятно; легкое и уверенное, ладонь гладкая и твердая. Она была немного разочарована, что он не задержал ее руку в своей долгие, чем это было принято. Что он думает о ней, неожиданно спросила она себя, что он думает *на самом деле*?

— Хотите что-нибудь выпить, капитан?

— Благодарю, виски.

Увидев, как Тиффани решительным жестом протянула руку к стоявшему на столе графинчику, Рэйф только сейчас с изумлением обнаружил, что они одни в комнате.

— Вы всегда прислуживаете своим гостям?

— Только в случаях, когда присутствие слуг может оказаться нежелательным, — смело ответила она.

— Если бы такие слова прозвучали из уст любой другой девушки, их расценили бы как проявление недостаточной воспитанности; Однако когда дело касается вас, полагаю, их следует считать «обезоруживающей откровенностью»?

— Когда дело касается *меня*, нет необходимости считать что-либо. Я...

— ...Тиффани Корт, — закончил он с иронической усмешкой. — Как же, я все прекрасно помню. Ведь Тиффани Корт выше всех правил и ограничений, которые жизнь налагает на нас, простых смертных, не так ли?

Она с вызовом взглянула на собеседника, ее задели нотки осуждения, прозвучавшие в его голосе.

— Да, можете считать именно так. И, между прочим, я решила сегодня отобедать с вами в номере. Здесь уютнее.

— Конечно, — мягко согласился он. — Очевидно, ваша оригинальность заходит столь далеко, что граничит с вопиющим пренебрежением своей репутацией. Что касается меня, то я не уверен, что смогу разделить ваше отношение к светским условностям. К слову говоря, в «Савое» прекрасный ресторан с видом на город...

— Может быть, вы беспокоитесь о *своей* репутации?

Он откинул назад голову и громко расхохотался. Впервые за время их разговора Тиффани удостоилась наблюдать его в хорошем настроении.

— Наоборот, известие о подобном свидании лишь усилит мою популярность и подтвердит то, что люди всегда обо мне думали.

Она не сразу решила, как реагировать на его слова. В них чувствовалось понимание обоснованности такого рода суждения и скрытая горечь, замаскированная насмешкой.

— И все же мы будем обедать здесь, — объявила она после некоторой паузы. — Никто об этом не узнает, если вы сами не расскажете. Конечно, и я не собираюсь сообщать о нашей встрече всем и каждому.

— А служащие отеля? Вы думаете, они тоже будут держать язык за зубами?

— Конечно. Я достаточно щедра к ним.

Рэйф, улыбнувшись, развел руками, показывая, что сдается. С начала их встречи ее удивительная красота и ум, который чувствовался в каждой ее острой реплике и сиял в обманчивом блеске ее глаз, все сильнее и сильнее действовали на него. Тиффани Корт напоминала бриллиант, роковое сочетание красоты и зла. Она была средоточием всего, что Рэйф презирал, и все же обладала магической привлекательностью. Ее волшебная загадочная красота околдовывала настолько, что заставляла любого мужчину забыть обо всем. Так же завораживало людей ослепительное бело-голубое сияние бриллианта. Однако Рэйф Деверилл оставался настороже. У него сохранилось стойкое предубеждение против этой девушки, и он не собирался становиться ее очередной жертвой. Но ему было любопытно, зачем она его пригласила. В записке было сказано — деловое предложение. Но первым начинать этот разговор он не хотел, к тому же было невежливо упоминать о делах до конца обеда.

— Долго ли вы пробудете в Лондоне? — спросил Рэйф, когда они приступили к рыбе.

— Через день я уезжаю в Амстердам, — ответила она. — А перед возвращением в Нью-Йорк ненадолго загляну в Париж.

— А в Оксфорд вы не собираетесь?

— Тиффани чуть было не поперхнулась камбалой и была вынуждена торопливо отхлебнуть шампанского, чтобы протолкнуть застрявший в горле кусок. Затем, закашлявшись, покачала головой.

— Филип будет разочарован, — язвительно заметил Рэйф, с интересом наблюдая за ее реакцией.

— Филип?! О ком вы?

— Да бросьте, вы же не могли забыть такого красивого и обаятельного молодого человека. Во время гонок вы интересовались им куда больше, чем соревнованиями.

— Ах, *этот* Филип! Но ведь мы с ним едва знакомы... хотя он, как сын бриллиантового магната, конечно, представляет интерес.

Тиффани помолчала, вспоминая, что на берегу реки Рэйф находился в обществе родственников Филипа.

— А что вы знаете о семье Брайтов? — спросила она.

— Не больше, чем другие, лишь то, что известно официально.

— Расскажите о них, — потребовала Тиффани. Рэйф задумчиво посмотрел на нее. — Пожалуйста, — торопливо добавила она с самой очаровательней улыбкой.

— Многие говорят, что история жизни Мэтью Брайта напоминает легенду о бедном оборвыше, ставшем богачом, — начал Рэйф. — Но это не совсем так. Хотя в начале своей карьеры Брайт действительно был беден. Тут сработала наша система первородства: дед Мэтью имел графский титул, но сам Мэтью был младшим сыном младшего сына и, конечно, никаких денег в наследство получить не мог. Затем случился какой-то скандал с дочерью некоего герцога, который счел Мэтью недостойным ее руки, и Мэтью, отправился на поиски сокровищ.

— И встретил моего отца.

— Совершенно верно. Сотрудничая, Корт и Брайт создали себе огромные состояния. Но самое замечательное заключалось в том, что Мэтью, вернувшись домой, женился на младшей дочери того самого герцога — и вряд ли хоть кто-нибудь из присутствовавших

забудет эту свадьбу и бриллианты, которые Мэтью преподнес леди Энн.

Глаза Тиффани сияли. Какой великолепный финал! Удивительный человек этот Мэтью Брайт! Однако пора вернуться к делам.

— Сотрудничество Корта и Брайта... — медленно повторила она. — Уж очень неравное это было сотрудничество, если оно оставило «Брайт Даймондс» 30 процентов акций в «Даймонд Компани», в то время как я имею всего 15 процентов! Они из-за чего-то поссорились... и мой отец вернулся домой, оставив Мэтью все поле деятельности.

Ее губы презрительно скривились. Порицая отца за слабость, Тиффани была уверена, что уж она-то ни за что бы не отступила — оказавшись в подобной ситуации, она сохранила бы свои позиции, заставив бежать соперника.

— Вы не знаете, из-за чего они поссорились? — спросила Тиффани.

Рэйф покачал головой.

— Мне неприятно говорить это вам, но имя Джона Корта неизвестно в Лондоне.

— Когда-нибудь Лондон узнает мое имя!

— Без сомнения, — согласился Рэйф. — Будем надеяться, что обстоятельства, которые приведут вас к известности, не будут слишком печальными.

За этими словами последовала пауза, во время которой Тиффани старалась подавить вспышку раздражения, вызванную его очередным уколом. Наконец, ей это удалось.

— Мэтью Брайт вернулся в Лондон уже после создания «Даймонд Компани»?

— Да, и в девяностые годы он стал очень могущественным бриллиантовым магнатом. После смерти первой жены он имел связь с принцессой из одной экзотической страны, но в конце концов женился на гувернантке дочери.

— О нет, он не должен был так поступать!

— Почему же?

— Это слишком сентиментально. Слишком... слишком обыденно, слишком предсказуемо и... ну, вы понимаете, слишком *сусально*, словно подарок в яркой обертке, перевязанный розовой ленточкой.

— Вам не нравятся счастливые концы?

Она поколебалась.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Да нет, но это *скучный* конец. Лучше бы он остался с принцессой.

Упоминание о принцессе навело ее на мысли о матери, и она чуть было не принялась расспрашивать Рэйфа, не знал ли он женщину по имени Алида. Но воспоминание о скепсисе, с которым Филип отнесся к этой истории, остановило Тиффани.

— А что вы знаете о матери Филипа?

Рэйф отметил, что она сказала «мать Филипа», а не «леди Энн» или «жена сэра Мэтью». Видимо, Тиффани знакома с этим молодым человеком гораздо ближе, чем хочет показать. Описав внешность Энн, он добавил:

— Она была нежной и слабой, совсем не похожей на своих сестер... или на племянницу, — последнее было сказано как бы про себя.

— Джулию?

— Откуда вы знаете о Джулии? — он был скорее удивлен, чем растерян.

Но Тиффани лишь улыбнулась и покачала головой, не желая повторять сплетни леди Нетертон. Со стола убрали и они вновь остались вдвоем. Рэйф поигрывал бокалом бренди. Красивые у него руки, решила Тиффани, немного разомлевшая от еды и вина.

Она вспомнила свои ощущения при его кратком прикосновении к ней, когда он целовал ей руку. Тиффани внимательно наблюдала за движениями его длинных пальцев, представляя, как они скользят по ее коже, ласкают ее, не пропуская ни одного изгиба ее тела, ни одного сантиметра... Что-то в ее животе сжалось в тугий узел. Тиффани торопливо встала.

— Возьмите сигару. Мне нравится табачный дым.

— Благодарю.

Он поставил бокал и взял из предложенной ею коробки сигару. К ее разочарованию, при этом он не коснулся ее руки.

— Вы и правда не возражаете против курения?

— Я часто думаю, не попробовать ли мне самой, — она поставила коробку на стол и, вынув из ведерка со льдом бутылку, наполнила свой бокал шампанским.

— Я бы не советовал, но у меня такое чувство, что вы все равно сделаете по-своему.

Подчеркнуто независимое поведение Тиффани зачастую вызывало у Рэйфа восхищение и в то же время слегка раздражало; слишком уж далеко она в нем заходила. Если ей хочется шампанского, он предпочел бы налить ей сам. В ее манерах и поступках было нечто оскорбительное для мужчины. Тиффани была из тех женщин, что способны относиться к представителям противоположного пола как к никчемным, беспомощным существам. Однако видя перед собой ее великолепную фигуру в облегающем черном платье, ощущая призывный взгляд ее чудесных глаз, Рэйф временами чувствовал, что теряет голову.

— Итак, чем вы были заняты последнее время, капитан? Как вы проводите свои дни, если, конечно, не считать занятий любовью с леди Джулией?

«Вот стерва!», чуть не вырвалось у Рэйфа, но он моментально прикусил язык. Имея дело с Тиффани, невозможно было предугадать, что она скажет или сделает в следующий момент. Немного поразмыслив, он нашел этому объяснение: Тиффани Корт была непредсказуема, потому что обладала внешностью красивой женщины при уме и манерах, подходящих мужчине.

— Я человек праздный, — равнодушно ответил он. — Как вы справедливо предположили, я много времени провожу в постели.

— А как вы зарабатываете на жизнь?

— Никак. Я имею скромную, но, учитывая мои ограниченные потребности, достаточную ренту. И какое, черт побери, это имеет значение?

Тиффани пропустила вопрос мимо ушей.

— Вы типичный английский джентльмен, так что ваш доход, без всякого сомнения, имеет отношение к земельной собственности. И каковы ваши перспективы, капитан? Загородный дом, ферма, арендаторы и ежегодные светские сезоны в Лондоне?

Он молча стиснул зубы с такой силой, что его лицо побледнело.

— Может быть, у вас есть желание посвятить себя какой-нибудь великой цели? — мягко спросила она.

— Нет, хотя мог бы, если бы меня не старались так энергично к этой цели направить, — Рэйф отвечал рассеянно, потому что воспоминание о Джулии, наложившись на энергичные манеры Тиффани, помогло ему совершить открытие. В Ньюпорте Тиффани кого-то ему очень напоминала и теперь он понял кого: Джулию. Удивительное сходство обнаруживалось в их резких манерах, в наклонах головы.

— Если помните, в записке говорилось, что у меня есть к вам предложение, —

Тиффани кратко изложила свой план по новой огранке старинных драгоценностей.

Рэйф слушал вежливо, но с заметным недоумением:

— Замечательно, моя дорогая! Я уверен, ваш план будет иметь успех и увеличит ваше и без того огромное состояние. Но я не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

— Я могу присматривать за американской стороной предприятия, но мне нужен кто-нибудь в качестве моего представителя в Англии — в частности, для приобретения старинных украшений. Я буду выплачивать вам определенную сумму плюс проценты от прибыли.

— *Представитель... проценты... мне?* — Рэйф был ошеломлен.

— О Боже, неужели я так шокировала вас, капитан? Значит, ваше благородное происхождение не позволяет вам пачкать руки о презренный металл? Вы предпочитаете иметь дело с товаром, полученным через третьи руки, при посредничестве управляющего или дворецкого?

Именно так Рэйф всегда и поступал, но он был способен признать, что в ее глазах выглядит глупым снобом. Он встал и поклонился.

— Покорно прошу меня простить, мисс Корт. Я как-то не сообразил, что все, что подходит вам, должно подходить и мне.

— Бриллианты это не торговля, капитан Деверилл. Имея дело с бриллиантами, становишься причастным к удивительному и прекрасному миру, который, как хорошо обработанный камень, блистает множеством граней — восторг, сила, романтика, богатство далеких земель и красота, созданная другими народами и цивилизациями.

Рэйфу не было дела до подобных аргументов, но ее искренность подкупала. Она тем временем продолжала:

— Вам не нравится это предложение, вы даже сочли его оскорбительным. Но в вас есть все необходимое для такой работы. К тому же, вы занимались торговыми операциями тогда, на своей ужасной яхте в Карибском море, и делали это ради денег.

— Это совсем другое дело.

— Чем же оно отличается от того, что предлагаю я? Тем, что вы были далеко от дома, где никто бы вас не узнал?

Тиффани поднялась, подошла вплотную к нему и доверительно коснулась его руки.

— Что я должна сделать, чтобы вы согласились? — мягко спросила она.

Рэйф смотрел на ее прекрасное лицо, ее нежно приоткрытые розовые губы, ослепительную кожу и высокую грудь, и видел приглашение в удивительных фиалковых глазах. Он отступил назад, убрав руки за спину.

— Вам не следует в одиночестве принимать мужчин в своей комнате и задавать им такие вопросы. Когда-нибудь один из них может воспользоваться вашей кажущейся... готовностью.

— Может быть, именно поэтому я вас и пригласила, — быстро ответила Тиффани и ее вдруг охватил испуг от сознания того, что это, должно быть, правда.

А Рэйф снова видел в ней только испорченную девчонку, которая затеяла игру, значения которой не понимает, а о возможных последствиях не имеет представления. И он снова разозлился.

— Бог мой, да тебя следует проучить! — грубо сказал он и, притянув ее к себе, впился в ее рот губами.

Он хотел напугать Тиффани, заставить ее биться в его объятиях, кричать,

сопротивляться изо всех сил. Но ничего этого Тиффани Корт не сделала. Она обвила его шею руками и ответила на поцелуй жарко и жадно. И короткий, жестокий, но полезный урок, который он намеревался дать ей, обернулся долгими объятиями, в которых они, изнывая от желания, не осознавали уже ничего, кроме своей плоти, губ, языков... Наконец они опомнились и, дрожа от взаимной страсти, отпрянули друг от друга.

— Мое предложение остается в силе, капитан, — переводя дух наконец произнесла Тиффани.

Он чуть было не спросил «какое именно?», но промолчал, потому что отныне уже не считал себя неуязвимым перед ее чарами. По крайней мере, решил он, теперь понятно, почему Тиффани путешествует в одиночку — она не нуждается в защите, это других необходимо оберегать от нее!

— Премного благодарен, — церемонно ответил он, — но мне это вряд ли подойдет.

— У вас будет время подумать. Не забывайте, что это может быть выгодно не только мне, но и вам, — ответила она, уже полностью овладев собой. Это произошло автоматически, как только разговор вернулся к бизнесу.

— Моя беда, мисс Корт, заключается в том, что каждый раз, когда я пытаюсь воспринимать вас как добрую фею, вы тут же превращаетесь в злую ведьму.

Он взял ее руку и поднес к губам.

— Благодарю вас за замечательный обед и за еще более интересный вечер, — и Рэйф вышел из комнаты.

Тиффани не двинулась с места, глаза ее расширились от негодования. Обида и усталость переполняли ее, она напоминала выдохшееся шампанское. Опять! Уже второй раз этот невыносимый человек встал и ушел от нее! Чувство поражения было прямо-таки удушающим. Чего же она в действительности от него ждала? Ничего, гордо ответила она сама себе, абсолютно ничего. Она на самом деле *ничего* от него не хочет. Просто он подходящий человек, который мог бы приобрести для нее у древних матрон парочку старинных украшений. Только и всего. Но в глубине души она знала, что не смогла бы противиться ему, и была немного рада, что он ушел, потому что по-прежнему боялась беременности. Но злость оттого, что он не попытался ее соблазнить, была куда сильнее радости.

Рэйф вернулся в дом Эмблсайдов на Беркли-сквер. Он крайне редко возвращался домой так рано, и его мать не преминула перехватить его в холле. Неохотно он последовал за ней в гостиную, налил, исполняя скучные сыновние обязанности, два бокала вина, и уселся в ожидании неминуемой лекции.

Для Шарлотты Эмблсайд Рэйф был воплощением того, каким каждая мать хочет видеть своего сына — высокий, красивый, умный, идеальный джентльмен и, что еще важнее, добр по отношению к матери. Им все восхищались, и Шарлотта привыкла принимать поздравления по поводу сына или — такое тоже бывало — сталкиваться с завистью к ее удаче. Но так продолжалось до тех пор, пока Рэйф носил кавалерийскую форму. Теперь же комплименты сменились слухами, причем самыми злобными. Расстроенная отказом Рэйфа объяснить свой уход из армии, Шарлотта направила свою печаль в русло ревности по отношению к Джулии Фортескью, на которую и свалила вину за его отступление с прямого и ясного пути. Это было ужасно несправедливо по отношению к Джулии, которая, хоть и старалась изо всех сил удержать Рэйфа в своей постели, развила бурную деятельность,

пытаясь вернуть его на стезю общественного служения. Однако Шарлотта хотела быть единственной женщиной в жизни Рэйфа. Бывали минуты, когда она с ужасом думала о его возможной женитьбе, которая отодвинет мать на задний план! Но потом она рассудила, что жена быстрее, чем мать сумеет образумить Рэйфа. К тому же, невесту Шарлотта намеревалась выбрать сама. Она прочесала всю страну в поисках подходящей девушки, не переставая сожалеть, что Миранда Брайт не может быть в числе соискательниц. Девочка была слишком юной, хотя, конечно, разница в возрасте не была непреодолимым препятствием. К тому же Миранда глухая, а по мнению Шарлотты, только самая лучшая девушка была достойна ее любимого сына.

— В субботу мы даем обед, объявила она. — И я буду очень благодарна, если ты будешь на нем присутствовать.

— Хорошо.

О Господи, еще одна предполагаемая невеста!

— На обеде будет мисс Палмер.

— Вот как, — он не смог скрыть сарказм. — И *кто такая* эта мисс Палмер?

— Но, Рэйф, за последние недели я не раз говорила о ней. Как бы я хотела, чтобы ты *прислушивался* к моим словам! Она богатая наследница, сирота и живет в семье своего дяди. Он ее опекун. Ее наследство включает в себя городской дом и замечательное поместье в десяти милях от Эмблсайда — ты будешь поблизости от нас и...

— ... и ты желаешь, чтобы я нашел путь к ее сердцу и состоянию. За обедом ты усадишь меня рядом с ней, присутствующие, прекрасно понимая твои намерения, начнут украдкой переглядываться... В общем, все это будет происходить с тем же изяществом и деликатностью, с которой жеребец покрывает кобылу.

— Рэйф!

— Но принцип один и тот же, мама, так что не надо смотреть на меня с таким возмущением. А не вызвано ли возобновление кампании тем фактом, что мой брат и его жена производят на свет одних девочек? Но ведь будущая леди Эмблсайд опять беременна, так что будущее нашего родового имени может и не зависеть от меня и моего гипотетического наследника.

— Рэйф, я хочу, чтобы ты обещал мне...

— Я приду на твой прием, мама, — ответил он, вставая, — и буду вежлив с мисс Палмер. Но я *не могу* дать никаких обещаний.

Его холодность словно нож терзала сердце бедной Шарлотты, боль лишила ее последней способности защищаться и вынудила признать, что она любит Рэйфа больше других своих детей... и, конечно, больше, чем мужа. Ей казалось, что с некоторых пор между ними выросла невидимая стена, которая отдалила ее от сына и нарушила их былую близость. Отчаяние и тщетная надежда, что звук ее голоса поколеблет невидимую преграду, продиктовало ей гневный ответ.

— Если ты вскоре не женишься, ты обязательно попадешь в серьезную неприятность из-за женщины, — выкрикнула она. — Я уверена, что Джулия Фортескью может быть очень опасна, если ее сильно разозлить. А я не сомневаюсь, что за тобой охотится множество других подобных ей женщин. Предупреждаю, если ты обрушишь на наши головы скандал, не ищи у меня утешения!

— Ни при каких обстоятельствах, мама, я не заставлю тебя разрываться между мной и преданностью семье и долгу, — он вышел из комнаты, а Шарлотта залилась слезами. Эта

сцена расстроила ее куда сильнее, чем, бывало, любовные огорчения.

Наверху Рэйф рухнул одетым на кровать, сложил руки на затылке и уставился в потолок. Ему следовало бы чувствовать раскаяние из-за того, что он обидел мать, но он оставался бесстрастен. Точно так же он уже давно был не в силах получить удовольствие хоть от чего-либо. Его охватила печаль, хандра. Его бесцельная жизнь была тоскливой и мучительной, и не было сил, чтобы что-то изменить. Но сегодня, в обществе Тиффани Корт, он испытал несколько приятных минут. Он вспомнил данное ею описание его предполагаемого будущего: дом в сельской местности, фермы, арендаторы и ежегодные сезоны в городе. Была ли она права? Неужели это все, что он может дать мисс Палмер и ее бесчисленным потомкам? Неожиданно Рэйф ощутил зависть к старшему брату, который вел жизнь, полную достатка и удовольствий. Должно быть, гораздо легче быть старшим сыном, наследником, чье будущее известно, а финансовое состояние надежно. Младшие сыновья обладают большей свободой выбора, но ирония судьбы в том и заключается, что на самом деле выбор этот весьма ограничен.

Счастливец Мэтью, вновь подумал Рэйф, алмазы разрешили все его проблемы, но увы, времена новых крупных открытий миновали. К тому же Рэйф сильно сомневался в своей способности использовать людей и обстоятельства для достижения успеха так, как это делал Мэтью.

Неожиданно Рэйфа охватила тоска по «Корсар» у» и свободной, вольной жизни на море. Ему надо было бы продать яхту; хотя у него и не было долгов, его доходы почти не превышали расходы, а «Корсар» стоил ему немалых затрат. Лишь на прошлой неделе он получил письмо от сержанта с просьбой денег на новые паруса. Да, яхту следует продать, но он не в силах заставить себя сделать это. И он не знал, что тому виной: упрямство, глупость или нелепая чувствительность. «Корсар» был калиткой ведущей к свободе, и ее следовало всегда держать открытой.

Рэйф поднялся и подошел к окну. Может быть, ему стоит подумать о женитьбе. Возможно, его жизнь приобретет смысл, когда в ней появятся обязанности и ответственность. В этом случае придется всерьез рассмотреть достоинства мисс Палмер.

Но он может заняться и старыми драгоценностями — хотя будь он проклят, если примет за это деньги, — ведь это даст ему возможность вновь встретиться с Тиффани Корт.

Глава девятая

Тиффани провела несколько дней в Амстердаме, в ювелирной мастерской Ашероф, обсуждая размеры и форму драгоценностей, подходящих для ее проекта. Она выслушивала советы и открыла для себя много нового в области обработки алмазов. Она испытывала огромное уважение к этим гранильщикам, потому что именно здесь, в Нидерландах, мастера пятнадцатого века освоили геометрическую огранку камней, которая полностью выявляет в бриллианте его красоту и сияние.

Затем она отправилась в Париж. Мысли о встрече с Филипом вызывали в ней непонятное напряжение, и почему-то вдруг ее стало тревожить, не пострадали ли их отношения за время длительной разлуки.

Она решила встретиться с ним в фойе отеля, прекрасно зная, что при публичной встрече легче будет скрыть любое напряжение или неловкость, если что-то между ними пойдет не так. Но никакой неловкости не было. Филип был таким же красивым, обаятельным и

дружелюбным, как и раньше. Тиффани даже решила, что ощущение уюта, которое она испытывала в его обществе, стало еще ошутимее после встречи с Рэйфом Девериллом, оставившей неприятный осадок. В тот миг, когда она взглянула в смеющееся лицо Филипа, все воспоминания о бизнесе, кузене, отце и отвратительных английских джентльменах исчезли. На сердце у нее стало легко, она была счастлива, а мир наполнился солнцем, радостью и красотой.

— Я так рада, что ты пришел, — заявила она и взяла его за руку, собираясь предложить побродить вместе по Парижу. Ей стало ясно, несмотря на все свои сомнения, подсознательно она всегда была уверена, что он приедет. — Трудно было вырваться?

— Не так трудно, как я полагал. Слава Богу, экзамены позади, а чтобы уломать отца, я проявил интерес к семейному бизнесу. Странно даже, он почти напоминал человека. Если бы я не знал его слишком хорошо, я мог бы подумать, что он обрадовался.

Филип замедлил шаг и уставился на девушку.

— Боже, Тиффани, да понимаешь ли ты, что я закончил Оксфорд, что учеба позади и что я наконец-то свободен? Впрочем нет, ты ведь не училась в школе и представления не имеешь, что это такое.

— Не знаю, как насчет всего остального, а уж что такое личная свобода, это я хорошо понимаю, — пылко ответила Тиффани. — Но это же чудесно, Филип! Теперь мы можем чаще встречаться, если ты, конечно, этого хочешь, — ее фиалковые глаза смеялись.

Он схватил ее за руку.

— Ты же не можешь в этом сомневаться! — белые зубы засверкали, когда он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой. Жизнь была прекрасна, ведь этим июньским полднем он шел по Парижу с самой красивой девушкой в мире, в то время как сэр Мэтью Брайт остался по ту сторону Ла-Манша.

— Ты не встретишь тут своих знакомых? Нам не надо соблюдать осторожность? — спросила Тиффани, когда они сели за столик в кафе, которое располагалось прямо на тротуаре.

Филип пожал плечами.

— Насколько я знаю, никого из моих друзей в Париже сейчас нет, а отец пробудет в Лондоне до конца сезона. А как насчет тебя?

— Меня могут и узнать, — и Тиффани шаловливо пригнула голову. — Думаю, мне стоит держаться подальше от людных мест.

— Все твой рост, — важно заявил Филип. — Это из-за него тебя заметишь в любой толпе.

Тиффани рассмеялась, притворяясь в то же время сердитой.

— Нам лучше обходить шикарные заведения. Мы могли бы пойти на Монмартр. Пара часов, проведенных в кафе в обществе тамошних художников, доставит нам уйму удовольствия.

— Как хочешь.

Он проявлял странное равнодушие к любым планам. Развалившись на стуле, элегантно положив ногу на ногу, он был неправдоподобно красив и удивительно удачно вписывался в здешнее окружение. Филип не выглядел как повеса — он был еще слишком молод для этого, — скорее, он казался вечным студентом: в спортивной куртке и шелковом галстуке, веселый, ищущий удовольствия и неизменно молодой.

— Надеюсь, ты не обиделся, что я послала тебе деньги на дорогу и отель, — заметила

она.

— Конечно, нет! Я жутко благодарен тебе. С чего мне обижаться?

— Ну, я думала... — какой-то неясный голос нашептывал ей, что для мужчины должно быть оскорбительно, если женщина так открыто дает ему деньги. Вот жениться ради денег — это другое дело.

— А почему ты их послала? Почему решила, что они мне нужны? — его тон был вполне обычным, но выражение лица показалось ей более настороженным, чем раньше.

— Я вспомнила наш давний разговор, медленно ответила она, — помнишь, около вашего загородного дома, когда мы еще были детьми? Ты говорил тогда, что твой отец не посылает тебе в школу ни гроша, вот я и решила, что он скуповат.

— С годами мое финансовое положение немного улучшилось. Думаю, это влияние моей мачехи — она все время старается подкупить меня. Было очень великодушно с твоей стороны выслать мне денег, но в этот раз я смог бы обойтись без твоей поддержки — папочка был до того сражен моим интересом к бриллиантам, что против своего обыкновения расщедрился.

— Замечательно. — Но тогда уж и вовсе было странно, что он не предложил вернуть высланные ему деньги. И Тиффани отметила, что если в денежных вопросах Филип может быть так небрежен, за ним придется внимательно приглядывать. — Значит, ты сможешь отправиться со мной на гонки?

— Гонки?

— Ну, на Большой кубок Франции, — нетерпеливо пояснила она. — Боже мой, я думала, что время и место этого события должны навеки запечатлеться в твой душе.

— Конечно, я просто не смел надеяться... — он наклонился через стол, схватил ее руку и стал покрывать ладонь, пальцы и запястье поцелуями. — Ты замечательная — красивая, волнующая, умная, интересующаяся автомобилями и... — он подмигнул, — *богатая!*

— Тогда договорились. Перед тем, как отправиться в Ле-Ман, мы три дня проведем в Париже. Наша первая цель этот шарлатан Лемуан, утверждающий, что умеет делать бриллианты.

Тиффани с серьезным видом взглянула на Филипа.

— Ты ведь тоже считаешь, что он шарлатан, верно?

— Понятия не имею, — легкомысленно рассмеялся тот. — Да и какое это имеет значение?

— Имеет, — твердо объявила Тиффани. — Мы должны знать наверняка.

— Но подумай, если его открытие окажется правдой, как известие об этом подействует на наших почтенных родителей! Их удар хватит!

— Я думаю не об этом, — строго ответила Тиффани, а о том, какое влияние окажет его открытие на алмазную промышленность и *наше* будущее.

— Ладно, но это не к спеху, — легко ответил он. — Пойдем полюбуемся Парижем, а уж потом будем беспокоиться о судьбе алмазной промышленности.

— Нет. — Тиффани встала. — Дело прежде всего. Завтра утром мы отправимся к Лемуану.

— Разве ты не хочешь пробежаться по магазинам? Я думал, женщины с ума сходят по парижской моде и покупают здесь горы тряпок.

— Только те женщины, которым нечем заняться. Лично я „считаю беготню по магазинам скучным и отвлекающим от дел занятием, и к тому же у меня столько нарядов,

что при желании я могла бы открыть магазин.

Филип было вздохнул, однако Тиффани в своем шелковом фиолетовом платье была так прекрасна, что вскоре к нему вернулось его радостное настроение.

— Ну и замечательно, пусть будет, как ты хочешь! Дело так дело, но сегодня Париж к нашим услугам.

— Конечно, утверждения, что алмазы можно создать в лаборатории не новы, — рассуждала Тиффани следующим утром, когда они шагали к зданию склада, где Лемуан проводил свои опыты. — И что особенно удивительно, все возмутители спокойствия — за одним единственным исключением — были французами.

— Как много знает эта маленькая девочка!..

Тиффани уловила в его голосе интонацию, которая вовсе не была хвалебной.

— Именно ты сказал мне, что интеллект и знания — это в моем стиле.

— Говорил, и это действительно так.

— Тогда почему...

Тиффани запнулась на середине фразы и оканчивать свой вопрос не стала. В его отношении к ней было какое-то противоречие, непоследовательность, что казалось ей довольно странным. Может быть, Филип предпочитает, чтобы она проявила свои деловые качества где-нибудь в другом месте, а с ним вела себя как хорошенькая девушка, жаждущая удовольствий? Но для меня бизнес и есть удовольствие размышляла она, но петом нашла правильный ответ — просто Филипу бриллианты совсем неинтересны.

— Лавуазье доказал, что алмаз есть не что иное, как кристаллический углерод, продолжала она. — Эксперименты по его получению проводили французские физики, но в 1880 году алмазы на основе древесного угля синтезировал какой-то шотландец.

— Это был Джеймс Хэнней, и он чуть было не взлетел на воздух в ходе опыта.

Тот факт, что Филип знал о деле больше, чем утверждал, не прошел мимо внимания Тиффани, но она продолжала:

— И все же он создал алмазы, правда, микроскопические, но они были признаны настоящими. А затем через несколько лет об успехе в этой области объявил Анри Муассан.

— Его утверждение было проверено?

— Полагаю, что да. Муассан был выдвинут на Нобелевскую премию по химии, да и вообще у него незапятнанная репутация. Но, к счастью, его алмазы оказались слишком дорогими — гораздо дешевле копать в синей земле Кимберли! Лемуан работал у Муассана инженером и считается, что он улучшил технологию своего работодателя. Ну что ж, скоро мы все узнаем — я распорядилась о полной демонстрации опыта.

Лаборатория Лемуана размещалась в подвале склада. Тиффани, не обращая внимания на жалкую обстановку и экспансивные приветствия француза, сосредоточила все внимание на электрической печи, в которой он якобы создавал драгоценные камни. У нее было сильное подозрение, что она знает причину его радушия — они с Филипом были молоды, красивы и неопытны, всего-навсего дети удачливых отцов; если этот человек мошенник, нет ничего удивительного, что он счел, что их будет легко обмануть. Тиффани не пыталась развеять его заблуждение. Она согласилась с предупреждением хозяина, что секрет получения алмаза он никому не открывает, но внимательно наблюдала за каждым его движением. Очевидно, решила она, сущность процесса заключалась в том, чтобы нагреть порошок углерод до необыкновенно высокой температуры, но возможно, использовались и какие-то неизвестные

добавки. Инженер повернулся к ней спиной, и она не могла уследить за тем, что делают его руки.

Наконец, Лемуан вытащил из печи камень — настоящий или фальшивый — и заявил, что это и есть результат его опыта.

Тиффани внимательно рассмотрела камень, после того как его охладили в холодной воде, и заявила, что это настоящий алмаз. Филип согласно кивал, а Тиффани недоверчиво слушала, как Лемуан рассказывает, что получил финансовую поддержку от Юлиуса Вернера, партнера Альфреда Бейта, и поэтому собирается перенести свои опыты на фабрику в Пиренеях.

На улице Тиффани схватила Филипа и закружилась с ним в вальсе.

— Слава Богу! — воскликнула она. — Он мошенник! Я это знаю, правда доказать не могу; сейчас, во всяком случае.

— Но как же он обманул Юлиуса Вернера?

— Кто его знает... Но это неважно, главное, что мы спасены.

Филип с любопытством взглянул на девушку.

— Почему ты так уверена?

— Чувствую, — медленно ответила она. — Весь опыт был фальшивым. Я все думала, что у него есть тайный ингредиент, но теперь уверена, что он просто подложил в печь настоящий алмаз в тот момент, когда повернулся к нам спиной. Этот камень очень подозрителен — он слишком напоминает южноафриканский.

— Что ты хочешь сказать? — в изумлении спросил Филип.

— Вид камня выдает его происхождение. Опытный эксперт смог бы даже назвать шахту, где он добыт.

— Бог мой! И ты тоже можешь сказать, откуда этот камень?

Тиффани с сожалением покачала головой.

— У меня нет таких знаний. Но есть люди, обладающие ими, и я намерена организовать в их присутствии повторную демонстрацию опыта.

— Нет, не надо!

— Но почему? Мы должны раз и навсегда пресечь все слухи и вывести мошенника на чистую воду.

— Но Тиффани, — умоляюще произнес он, — подумай, как будут *мучиться* наши отцы, пока не узнают правду. Почему бы не продлить немного их страдания?

Конечно, все, что касается алмазов, Филипа волнует мало, но не настолько же он безразличен, чтобы пренебречь интересами всей отрасли ради удовольствия слегка насолить отцу? Она не разделяла его отношения к ее любимому делу. Вчера Тиффани решила не обращать внимания на его равнодушие к предмету семейного бизнеса — в конце концов ее конечной целью было держать Филипа от него подальше. Но станет ли она играть в игру, которую тот предложил? Хочет ли она заставить мучиться *своего* отца? Если Филип не выносил Мэтью, то она вовсе не ненавидела Джона Корта. Однако она манипулировала им на каждом шагу, и его постоянные уступки уже давно не вызывали у нее никаких чувств, кроме презрения.

— Думаю, большого вреда не принесет, — нехотя согласилась она, — если мы поначалу станем выражать некоторое беспокойство по поводу достижений Лемуана. Но я отказываюсь притворяться и разыгрывать из себя дурочку, если все откроется! И я оставляю за собой право сказать правду, если его деятельность окажет отрицательное воздействие на

отрасль. — Она взяла Филипа за руку, охваченная волной легкости и эйфории, как только все сомнения были разрешены. — А теперь с делами покончено до самых гонок. Давай веселиться!

Оставшиеся дни они провели в праздности. Словно в прошлом году в Оксфорде, они бродили по берегу Сены и по Булонскому лесу, но как она и предполагала, лучше всего им было на Монмартре. Ей стало очень весело, когда Филип настоял, чтобы они зашли в кафе д'Оркур: он объяснил это тем, что первая часть его полной фамилии — Харкорт-Брайт — по-французски читается как название этого заведения. Когда они сидели в кафе, к ним подошла собака, выпрашивающая подачку. Тиффани бросила ей несколько кусочков и потрепала по голове, но Филип не был столь гостеприимен.

— Ты не любишь собак? — спросила она.

— Не то чтобы не люблю. Просто это датский дог, а я их терпеть не могу.

— Почему?

— У моей сестры такой же, и ходит за ней, как тень.

— Значит, ты не любишь сестру? А почему — из-за того, что она любимица отца?

— Конечно, нет. — Причина была именно в этом, и оба прекрасно это знали, но Филип хотел, чтобы его отношение к сестре выглядело оправданным. — Дело в том, каким способом Миранда завоевала такую привязанность, в ее самодовольстве и чувстве превосходства... — тут Филип улыбнулся, чтобы Тиффани не решила, что он жалеет себя, и продолжил: — Это несколько раздражает. К счастью, я ее редко вижу.

Тиффани лучше других знала, что в отношении отцов к любимым дочерям чаще всего отсутствует объективность и разум, и сейчас она была искренне расстроена из-за Филипа, так как понимала, насколько он одинок.

— Тогда мне тоже не нравится Миранда. Все, что расстраивает тебя, расстраивает и меня. Ведь мы... друзья.

Она замолчала, и их глаза, встретившись, без слов сказали им то, что не было произнесено вслух. Из их отношений ушла невинность. И все же они пока сопротивлялись волшебству любви. Они оба осознавали, что их влечет друг к другу физическая красота и одинаковый образ мыслей, а острый ум Тиффани еще и просчитывал финансовые и стратегические преимущества объединения. Филип взял ее руку и поцеловал. Он делал так и раньше, но этот поцелуй был совсем другой, его губы были страстными и горячими, вызывая у Тиффани самые восхитительные ощущения и пробуждая неясные желания.

Тиффани не знала, смеяться ли ей от облегчения или вопить от ярости, когда их отвлек появившийся владелец собаки. Это был молодой американец и, бросив быстрый взгляд на Филипа, Тиффани пригласила молодого человека подсесть к ним. Она с интересом слушала его рассказ о своей безденежной жизни в мансарде на Монмартре.

— Собака ест больше меня, — сказал он, потрепав собачьи уши. — Я питаюсь хлебом, а он требует еду из лучших ресторанов.

И на что же вы живете? — спросила Тиффани, вспомнив Джерарда и его копии с картин старых мастеров.

— Портреты. В основном я делаю карандашные рисунки богатых американских туристов, — его кривоватая улыбка была обаятельной и оптимистичной.

— А меня ты можешь нарисовать?

Выполненный тут же рисунок оказался удивительно хорош, особенно учитывая скорость, с которой он был выполнен. Тиффани думала, что Филип купит его, но он такого

намерения не выказал, и она сама щедро заплатила художнику.

— Этого тебе хватит на год, но поделись, пожалуйста, с собакой!

Пока потрясенный художник бормотал слова благодарности, Тиффани подписала свой портрет, поставила дату и подала Филипу.

— Пусть он напоминает тебе обо мне.

Затем она потащила всю компанию, включая и собаку, на ужин с омарами и шампанским. Можно было подумать, что она боится оставаться наедине с Филипом, но вечером, когда он проводил ее до номера отеля, этого уже невозможно было избежать. Вместо того чтобы оставить ее у двери, Филип быстро вошел за ней в темную комнату, обнял и прильнул к ее губам. Этот поцелуй заставил Тиффани замереть от восторга и желать большего, но Филип с восклицанием, которое можно было принять за извинение, выскочил из комнаты.

Именно в те мгновения, когда она впитывала его поцелуй, а его руки обнимали ее, Тиффани решила, что выйдет замуж за Филипа. Ей по-прежнему была чужда романтика и она еще верила, что чувствительность и муки любви не для нее, но планируя свое будущее, Тиффани знала, что Филип Брайт именно тот мужчина, о котором она мечтала. Он будет и другом и любовником. А все, что она испытывала к Рэйфу Девериллу, не более, чем похоть. К тому же, не Рэйфу предстояло унаследовать бриллиантовую компанию.

А Филип спешил в отель, чтобы снять проститутку. Как и многие другие до него, он выбрал девушку, как можно более похожую на предмет его страсти — самую высокую и черноволосую, которую только мог найти, и попытался представить, что это — Тиффани. Филип убежал от Тиффани так внезапно, потому что, оставшись, он совершил бы недопустимое — соблазнил невинную девушку своего круга. Даже ему не хватало смелости нарушить это правило.

Проститутка оказалась миленькой, и любовь с ней доставила ему удовольствие, но ему всегда везло в таких приключениях, начиная с самого первого раза, когда в искусство любви его посвятила жена-актриса его кузена Чарльза. Да, тогда все было замечательно, просто удивительно, но он никогда не смешивал секс с любовью, хотя и полагал, что это нечто близкое.

Но теперь он уже не был в этом уверен. Его охватила жажда по великолепному телу Тиффани, сжигающая мечта обладать ею, но для него она была не просто красивая и богатая девушка, а нечто гораздо большее. У Филипа было много красивых и богатых женщин, но в этот вечер ему казалось, что Тиффани совсем особенная, и в нем зажглась слабая надежда, что его мечта о настоящей семье может осуществиться.

Вернувшись в свою комнату, он осторожно разгладил портрет Тиффани и поставил его так, чтобы на него можно было смотреть, лежа в постели. Он часто бросал взгляд на подарок, пока перед тем, как лечь спать, укладывал свой чемодан для поездки на гонки.

В шесть утра 26 июня Тиффани и Филип сидели на трибуне, глядя на замкнутую петлю трассы, построенной неподалеку от Ле-Мана. Тиффани с некоторой тревогой огляделась по сторонам, но, не найдя в толпе знакомых лиц, вздохнула с облегчением. Тем не менее, она опустила на лицо вуаль, словно для того, чтобы защитить лицо от солнца и пыли, а на самом деле, чтобы не быть узнанной; в конце концов не было ничего невозможного в том, что сюда явится кто-нибудь из Вандербильтов. Но подобные соображения не приходили в голову Филипу. Он был полностью поглощен гонками, впитывая атмосферу состязаний и наблюдая,

как на старте выстраиваются автомобили.

— Теперь я понимаю, что ты хотел сказать, утверждая, что европейские гонки отличаются от американских, — заметила Тиффани.

— Это настоящее испытание на прочность, — с энтузиазмом ответил Филип. — Сегодня машины должны пройти шесть кругов, еще шесть завтра, это расстояние почти в 770 миль. При этом на некоторых участках гонщики должны соблюдать некоторое ограничение старости, а поломки могут устранять только водитель и его механик, сидящий в машине.

— Как ты думаешь, кто выиграет?

— Француз, — сразу же ответил он, — хотя бы потому, что они выставили двадцать шесть машин, в то время, как немцы всего три, а итальянцы шесть.

Гонки начались, и десятки самых мощных автомобилей лучших европейских марок, каждый с двигателем объемом более двенадцати литров, с яростным рычанием помчались к победе, освещаемые утренними лучами солнца. Филип был полностью захвачен этим зрелищем, но Тиффани обнаружила, что гонки не так уж и интересны, как она предполагала. Она объяснила это тем, что ей не за кого было болеть. Если бы в состязании участвовали американцы или британцы, она могла бы принять чью-то сторону. Но она не видела интереса в том, какой именно европейской стране или какому незнакомому водителю достанется победа.

И все же посещение гонок не было пустой тратой времени, потому что вместо того, чтобы смотреть на автомобили, она могла наблюдать за Филипом. Перемены были просто удивительными. Выражение скуки и лени исчезло с его лица, с каждой минутой он выглядел все увереннее; руки сжались, словно он держал воображаемый руль, ноги с силой давили на невидимые педали. И душой и телом он был там, на трассе. Конечно, ему хотелось, чтобы англичане тоже принимали участие в этих гонках, но сейчас он, забыв о национальной принадлежности людей и машин, полностью растворился в том, что происходило на трассе. Патриотизм, конечно, добавлял остроты переживаниям зрителей — особенно французов и немцев. Однако главным в гонках было другое — сами автомобили, в которых воплотились все новейшие достижения конструкторов.

Однако для Тиффани наибольший интерес представлял тот факт, что Филип избрал для себя именно это поле деятельности; причем избрал самостоятельно, не считаясь с мнением отца, выйдя из его тени. Если они поженятся, Филип займется автомобилями, она будет управлять бриллиантовым бизнесом, а Рэндольф, так и быть, может сохранить свой проклятый банк! Да, увлечение Филипа автомобилями надо только приветствовать.

— Ты собираешься после возвращения домой поговорить с Напье? — спросила она Филипа на следующий день, наблюдая за ходом гонки.

— Не откладывая! — он повернулся к ней, его глаза сияли. — Ходят слухи, что в Англии строится новая великолепная трасса, специально для гонок. В следующем году я мог бы уже принимать участие в состязаниях.

— Тебе придется заплатить за место в команде Напье? — в вопросе не было оскорблений, Тиффани просто прикидывала расходы.

— Да.

— А у тебя уже есть нужная сумма?

— Еще нет, но будет, когда я начну работать в «Брайт Даймондс»!

— А на каких условиях? — Он непонимающе уставился на нее. — Как партнер? — нетерпеливо спросила она. — Или директор? Или клерк по продажам? Твой отец может

пожелать, чтобы ты начал карьеру с самого низа, а в таком случае твое жалование не позволит тебе оплачивать свое увлечение автомобилями.

Филип об этом никогда не задумывался.

— Как партнер, — ответил он, но в его голосе не было уверенности.

Тиффани сомневалась в этом, очень даже сомневалась. И то, что ей удалось узнать о сэре Мэтью, и собственные впечатления от него заставляли ее думать, что вряд ли Филип добьется таких же условий от своего отца, какие она получила от Джона Корта. Однако она удержала свои сомнения при себе из опасения, что такое неравенство только усилит неприязнь Филипа к избалованным дочерям.

— Это хорошо. И к тому же, я всегда буду рада одолжить тебе денег.

Его лицо просияло.

— Честно? Здорово, Тиффани, это и правда здорово!

— А зачем же еще существуют друзья? — легкомысленно спросила она.

— Ты можешь дать их сейчас?

— Конечно, но не *прямо* сейчас! Уж придется тебе подождать, пока я не схожу в банк. Я не ношу такое количество денег в сумочке и, знаешь ли, не прячу их в ящиках с нижним бельем!

Филип расхохотался, восхищенный ее очаровательной вульгарностью. Он сжал руку Тиффани, наблюдая, как венгр Жиж выиграл для Франции гонки на большом «рено». Двенадцать часов четырнадцать минут, размышлял он, следовательно, скорость была около шестидесяти трех миль в час.

— Тиффани, — проговорил он, — ты само совершенство, просто совершенство.

— Да, — с улыбкой ответила она. — Я знаю.

Они по-прежнему старались не замечать растущей интимности их отношений и не говорили о чувствах, которые испытывают друг к другу. Чтобы осознать, что это любовь, им надо было бы воплотить ее, довести до конца, отрезать себе пути к бегству... но они еще не были готовы к этому. В Париже в их последний совместный вечер Тиффани вновь устроила в своем номере ужин на двоих, и в этот раз она была в желтых шелках и надела свои лучшие бриллианты. Ей ужасно не хотелось расставаться с Филипом, и потом ее движения были порывистыми, остроумие неотразимым, смех громким, а веселье било через край. С ним она была счастливее, чем с любым другим человеком. Он был ее второй половиной: ее близнец, ее друг, ее возлюбленный. Она ясно видела свое будущее, в личном и деловом плане ее ждал только успех. Все было так, как и должно быть — девушка, у которой было все, получит и идеального мужа.

Весь вечер она ждала, когда же он прикоснется к ней, и после обеда нарочно перебралась на диван, чтобы дать ему возможность сесть рядом. Усталость и слишком большое количество шампанского мало-помалу приглушили их возбуждение. Она смотрела в пол, но краешком глаза наблюдала за его рукой, которая медленно придвигалась к ней. Филип начал ласкать ее обнаженную руку, очень медленно и как бы задумчиво проводя пальцами от плеча до запястья. Он наклонился и припал губами к ее плечу, а потом стал целовать длинную изящную шею. Наконец он встал, прошел через комнату, чтобы закрыть дверь, и вернулся к ней. Обе его руки были протянуты к Тиффани.

— Иди ко мне.

Она потянулась к нему и оказалась — она даже не могла вспомнить, как поднялась — в его объятиях. Пока Филип целовал ее, он освободил ее грудь, спустив платье почти до пояса.

Потом он потянул ее за собой на пол.

Через двадцать минут ее одежда была уже в полном беспорядке, волосы рассыпались по плечам, лицо разругалось, а тянущее ощущение между ног усилилось так, что его стало почти невозможно переносить. Она ощущала в себе какую-то пустоту, которая должна была быть заполнена, какое-то томление, которое надо было утолить. Но Филип не давал ей этого утоления. Он целовал и лаская ее, он вздыхал, стонал и задыхался, он лег на нее и так сильно прижался, что она ощущала жесткость его тела. Но он не взял ее и в конце концов они отодвинулись друг от друга, дрожащие и несчастные. Филип встал и несколько мгновений смотрел вниз на лежащую на спине Тиффани, на ее обнаженную грудь в обрамлении пышных желтых шелков, ее черные волосы, струящиеся по ковру.

— На следующий год, — прошептала она.

После того, как Филип уехал, Тиффани осуществила свою последнюю задумку, нанеся визит в дом Картье на Рю-де-ла-Пакс, чтобы обсудить возможность открытия их отделения в Нью-Йорке. Альфред Картье с интересом выслушал ее, отметил, что среди его клиентов много богатых американцев, но обращаются они в их парижское отделение, и согласился, что его третий сын Пьер мог бы принять предложение Тиффани и отправиться в Соединенные Штаты. Пообещав всячески содействовать Пьеру, Тиффани удалилась, очень довольная переговорами и уверенная в установлении нового рынка сбыта для своих камней.

Покидая Европу, Тиффани впервые обнаружила, что расставание может причинить боль. И дело было не только в том, что пройдет целый год, пока она вернется и вновь увидит Филипа. Она попала под обаяние Европы, наслаждалась ее космополитизмом и небывалой свободой, дома, увы, недостижимой. Может быть, думала она, это зов ее английской крови.

Она задумывалась не только об этом, пересекая океан на трансатлантическом пароходе. В своей каюте Тиффани не раз разглядывала обрамленную бриллиантами миниатюру, с которой никогда не расставалась. Она пыталась представить, что за женщина была ее мать, и, вспомнив, что ее рождение отняло у матери жизнь, впервые испытала тревожное чувство вины. Алида была молода, красива и счастлива, и, конечно, не хотела умирать. Тиффани впервые испытала подобные чувства, она вдруг поняла, что значит теплота, открытость и доброта. Она даже и не подозревала, что способна на такую нежность, но, должно быть, в ней изначально было заложено семя добра, ожидающее целительного дождя, который пришел к ней в образе Филипа Брайта. Филип, решила она, оказывает на нее благотворное воздействие.

Нью-Йорк тоже был красив, и здесь ее ожидала новая интересная работа — бриллианты требовали внимания своей возлюбленной властительницы. Тиффани обладала чудесным даром быть счастливой там, где она находится, талантом жить настоящим днем. Париж и Лондон померкли, хотя и не были забыты.

И только Рэндольф омрачал картину, отбрасывая угрожающую и зловещую тень на ее счастье. Он по-прежнему был рядом, он терпеливо ждал своего часа, а его любезное обращение могло обмануть всех, кроме нее. И вот настал день, когда он предстал перед ней.

— Пришло время поговорить, моя дорогая.

— Да? А о чем? — хотя Тиффани и знала, что неприятный разговор неизбежен, она тянула время, собирая силы перед неминуемым столкновением.

— Я просил твоей руки и терпеливо ждал ответа.

— И я дала ответ — *нет*.

— После твоего первого скоропалительного отказа мы согласились, что тебе нужно время подумать еще. В отличие от твоего отца, я все прекрасно понимаю. Я отлично вижу, как ты спекулируешь хорошим обращением с ним, чтобы получить дополнительную свободу действий в «Корт Даймондс». — Рэндольф помолчал, и на его бледном лице появилась доверительная улыбка. — Я понимаю твои мотивы, — повторил он, — и, когда мы поженимся, я буду готов к подобным действиям с твоей стороны.

— Ты будешь *готов*? — подавив свое возмущение его снисходительностью, Тиффани откинулась на спинку кресла и задумалась. С Рэндольфом приходилось считаться; это было неприятно, но никакие ее желания не заставят его исчезнуть. Как бы ни сложилась ее жизнь — выйдет она замуж за Филипа или за кого-нибудь другого или останется одна, — она обязана будет работать совместно с Рэндольфом, ведь ее отец отдал племяннику одно из ключевых мест в семейной империи. Тиффани понимала: важнее всего то, что Рэндольф — прирожденный банкир. И даже если она ухитрится и не выйдет за него, будет практически невозможно изгнать его из дела, не повредив интересам «Корт Банка». Она должна преодолеть свое отвращение и научиться мириться с ним — как с *кузеном*.

— Рэндольф, я очень польщена твоим предложением, но, к сожалению, должна от него отказаться. — Ее слова прозвучали неловко, а вежливость формулировки казалась неправдоподобной ей самой. Искусство компромисса давалось Тиффани очень нелегко. — Мне приятно, что ты занял такое важное место в банке. Я же буду заниматься делами нашей бриллиантовой компании. Когда-нибудь мы оба вступим в брак и, без сомнения, наши семьи будут очень дружны. Я отношусь к тебе как к родному брату, Рэндольф, а не как к кузену.

Он спокойно улыбнулся. Тиффани с удивлением обнаружила, что он красив особой, сдержанной и элегантной красотой. Черты его лица были правильными, изящными и аристократичными, губы красиво очерчены, волосы густые, темные и блестящие. Она попыталась разобраться, почему же он столь неприятен ей, но не смогла объяснить это какими-либо особенностями его внешности. Возможно, дело было в несколько неестественной манерности, с которой он наклонял голову или подавал руку, в выражении лица... не говоря уже о том, как он сгреб девушку на яхте... Тиффани так и не смогла сформулировать для себя истоки своей неприязни к Рэндольфу и, отказавшись от этих бесплодных попыток, сосредоточила внимание на его словах.

— Ты настоящая деловая женщина, Тиффани, и к тому же очень талантливая! Однако понимаешь ли ты, какие трудности и неудобства могут возникнуть если ты выйдешь замуж за другого мужчину, а я женюсь на другой женщине? Во-первых, твой муж — который, возможно, женится на тебе из-за денег — неизбежно начнет завидовать моему положению, что создаст проблемы в вашей семье и в наших деловых отношениях. Во-вторых, когда вырастут наши дети, кто что унаследует? Представь только вражду между нашими сыновьями или дочерьми, — торопливо добавил он. — Ничто не ослабляет предприятие сильнее, чем внутренние раздоры, и я не хочу видеть, как империя Кортвов распадется на мелкие осколки, дабы каждый претендент получил свою долю. Она должна сохраниться как единое мощное предприятие; каждый из наследников делает свой вклад, но один — не обязательно самый старший, но зато самый способный — должен стать во главе. Ты же знаешь, что я прав, Тиффани, и только вместе мы сможем достигнуть этого.

Посмотрев на проблему с его точки зрения, Тиффани должна была признать, что все это звучит довольно разумно. Согласившись на его условия, она могла бы способствовать упрочению бизнеса и в то же время иметь связи на стороне — ведь именно в этом

заклучалась предложенная им сделка. Но она не могла сказать ему, что бизнес расцветет и в том случае, если она расширит с помощью Филипа бриллиантовую империю; что Филип не будет обижаться на Рэндольфа, потому что их интересы лежат в разных плоскостях. Что она зубами и когтями будет добиваться, чтобы ее дети правили миром. Она не должна была говорить об этом, потому что — и это было важнее всего — не вынесла бы прикосновения Рэндольфа.

— И есть еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать. — Рэндольф вновь улыбнулся, причем с такой искренностью, что Тиффани сразу почувствовала: сейчас он сообщит нечто, дающее ему огромное преимущество перед ней. — Пока тебя не было, твой отец рассказал мне о некоторых мерах, принятых им для твоего же блага на случай его непредвиденной кончины. Проще говоря, дорогая, пока тебе не исполнится двадцать пять лет, все твои финансовые интересы будут находиться под опекой, а я буду твоим официальным опекуном.

Вырвавшееся у Тиффани ругательство было совершенно не подобающим девушке из хорошей семьи. Рэндольф удивленно приподнял бровь, но воздержался от замечаний.

— Это все ты устроил! Ты использовал свое влияние на отца, стоило мне отвернуться, — набросилась она на кузена, совершенно не владея собой. Но что же делать? Надо немедленно потребовать, чтобы отец объяснил условия опеки, а самое главное — может ли она выйти замуж по своему выбору или должна ждать двадцатипятилетия. Ведь Рэндольф никогда не даст согласия на ее брак. Что ж, останется только молиться, чтобы Джон Корт дожил до ее двадцать пятого дня рождения. Сколько же ему лет? Шестьдесят один, подсчитала она, и у него хорошее здоровье. Господи, пусть он подольше это здоровье сохранит!

— Дело вовсе не во мне, — спокойно ответил Рэндольф. — Это очень разумное распоряжение, когда речь идет о богатой юной девушке вроде тебя. Что же до «влияния на отца», то я вовсе не добивался чести быть твоим опекуном. Просто такие условия являются обычными в деловом мире: Если ты по какой-либо причине не сможешь или не захочешь работать в семейном бизнесе, я всегда подстрахую тебя. И, конечно, если выйдешь за меня замуж, то сможешь спокойно проводить время — например, путешествовать по миру, — а я позабочусь о твоём имуществе.

И вновь ей была предложена сделка — личная свобода в обмен на совместное ведение бизнеса. И она допускала, что в этом вопросе ему можно довериться — он будет оберегать ее бриллианты лучше, чем кто бы то ни было. Но даже если бы не было Филипа, брак с Рэндольфом совершенно немыслим.

Но сегодня они, по крайней мере, обсуждали проблему в спокойном разумном тоне, что было, конечно, гораздо продуктивнее взаимных оскорблений, таких, как в прошлый раз.

— Извини, Рэндольф, — и она протянула ему руку.

— И ты меня, но я все же буду надеяться, что ты передумаешь, — он взял ее руку, не выказывая никаких признаков бешеной страсти или гнева. — Твоя несдержанность, Тиффани, часто провоцирует проблемы. Я хотел бы, чтобы ты знала, что всегда сможешь положиться на меня в трудную минуту.

Она недоверчиво рассмеялась.

— Господи, да что же, по-твоему, может со мной случиться?

— О, чего только не бывает. Например, ты очень красива, однако ведешь себя слишком смело и неосторожно — это может спровоцировать изнасилование и даже беременность.

Рэндольф произнес это небрежным тоном, однако тема была слишком скользкой, чтобы доставить Тиффани удовольствие.

— Ты можешь считать меня шлюхой, Рэндольф, — резко заметила она, — но не оскорбляй меня, принимая за дуру!

— Я и не думал оскорбить тебя, дорогая. Если бы ты была дурой, я не добивался бы твоей руки.

— Ты хочешь моих денег, а не меня!

— Может быть, поначалу это и было правдой, но, к своему несчастью, я полюбил тебя. Я не хотел этого: довольно глупо постоянно терпеть унижения и оскорбления от объекта своей любви, особенно если тот не испытывает к тебе симпатий. Временами я даже не могу сдерживать свои чувства и совершаю глупости, но бывает, я горжусь своей любовью, хотя мне и не отвечают тем же. Спокойной ночи, дорогая.

Он поцеловал ее руку и вышел. Тиффани торопливо поднялась в свою комнату и тщательно вымыла то место, к которому прикасались его губы. Потом она села на постель и задумалась. Действительно ли он любит ее? Его голос звучал искренне, и в этой новой роли он выглядел вполне терпимо. По крайней мере ненависть и страх, испытываемые ею по отношению к нему, несколько поутихли. И все же в нем было нечто макиавеллиевское, к тому же она была не уверена в его искренности. Сидя в сгущающихся сумерках, Тиффани пришла к неприятному выводу, что ее переиграли.

Рэндольф тоже удалился в свою комнату. Рукою, дрожащей от усилий сдерживать себя в присутствии Тиффани, он вытер пот с лица, а затем отпер большой шкаф. Внутри него стояли ряды книг, из которых он выбрал один том, и с блеском в глазах, учащенно дыша, стал медленно переворачивать своими белыми пальцами страницы, с похотливым наслаждением разглядывая непристойные картинки. В шкафу находилась его порнографическая коллекция, быстро растущая библиотека эротики, которой Рэндольф упивался втайне от всех. Но сейчас она не могла удовлетворить его.

Вновь заперев шкаф, он вышел из дома и быстро направился на квартиру своей любовницы. Без единого слова он указал ей на спальню, нетерпеливо подтолкнув девушку, когда та неохотно повернулась к двери. Это была другая девушка, не та, которую Тиффани видела на яхте, но лицо ее точно так же исказил страх, когда она поняла, чего он хочет от нее сегодня.

Спальня была задрапирована в черное, начиная от стен и кончая покрывалом на постели, на которое лицом вниз легла девушка. Вместо украшений на стенах висели кнуты. Рэндольф дотошно осмотрел их и выбрал один, с ремнем, усеянным по всей длине узлами. После этого он сам полностью разделся, облизывая пересохшие губы, и поднял кнут.

Эта девушка омерзительна, подумал Рэндольф, и вытянул ее кнутом по голой спине. Она слишком покорна, слишком безответна, в то время как Тиффани боролась бы, царапалась, кричала. Ему нравилось причинять боль, но немой страх и жалкие всхлипывания девушки были слабой заменой того высокомерного духа, которые он жаждал сломить. Однако его возбуждение росло, и он спустил с привязи свои эмоции, которые усиленно сдерживал в присутствии Тиффани. К облегчению девушки — ее шрамы едва зажили от предыдущего избиения — он отбросил кнут раньше, чем обычно, и вошел в нее сзади, быстро закончив с громким восторженным криком.

Затем он оделся, бросил на стоя пачку долларов и ушел, не сказав девушке ни слова. Идя по улице и расслабленно переставляя ноги, Рэндольф размышлял, что сегодня неплохо

провел разговор с Тиффани. Рано или поздно, но он получит ее. В этом он не сомневался.

Перед тем как отправиться в Брайтуэлл, где Мэтью с Лорой и детьми проводили уик-энд, Филип посетил предприятие Напье, чтобы побеседовать со своим старым приятелем, Уильямсом. Бывший конюх стал крепким жилистым мужчиной лет тридцати, который, казалось, по-прежнему создавал вокруг себя атмосферу конюшен, хотя и был с ног до головы вымазан машинным маслом. Когда Уильям увидел Филипа, его грязное лицо расплылось в веселой улыбке, и он шагнул навстречу, вытирая пальцы грязной тряпкой.

— Мастер Филип! Рад вас видеть!

— Есть какие-нибудь новости о гоночном треке? — без всяких вступлений спросил Филип.

— Да-да! Мистер Кинг берется за дело.

Филип не сдержал вздох удовольствия и облегчения.

— Расскажи поподробнее, — попросил он.

— Трассу будут строить в Суррее рядом с Уэй-бриджем, недалеко от дома мистера Кинга в Брукленде. Она будет шириной в сто футов и две и три четверти мили в длину, к тому же внутри круга построят дополнительный прямой участок длиной в полмили для финиша. Для прохождения поворотов без снижения скорости радиальные участки поднимут на насыпи и сделают наклонными.

— И когда начнутся работы?

— В сентябре. Мистер Кинг хочет закончить строительство к лету.

— Вряд ли ему это удастся! — воскликнул Филип. — Насыпи потребуют огромного труда.

Уильямс пожал плечами.

— Он хочет попытаться. К тому же насыпи не единственное препятствие — надо будет выкорчевать несколько акров леса, осушить болота и построить мосты. Говорят даже об изменении русла Уэя.

Филип с любовью смотрел на мощные автомобили, выкрашенные в ярко зеленый цвет, обычный для британских гоночных машин.

— Я бы хотел помочь, Уильямс, больше всего на свете я бы хотел принять в этом участие. Мог бы ты замолвить за меня словечко мистеру Эджу? Я буду приходить и бесплатно работать в свободное время — ты ведь многому научил меня. И я могу водить, у меня есть деньги... — от восторга и возбуждения речь Филипа была почти сумбурной. — Я мог бы купить машину или сделать денежные вложения, если это потребуется мистеру Эджу.

— Да, времена меняются, мастер Филип, — с одобрением заметил Уильямс, вспоминая грустного жалкого маленького мальчика, у которого не всегда хватало денег, чтобы добраться до школы.

— Я начинаю работать в отцовской фирме, так что у меня будет уйма денег. У меня и сейчас с собой кое-что имеется, — заявил Филип, небрежно помахивая пачкой долларов, взятых у Тиффани.

— Сегодня мистера Эджа не будет, но я упомяну о вас, даю слово.

Окрыленный надеждой, Филип приехал в Брайтуэлл, где дал отчет о поездке в Париж. Правда, весьма далекий от истины.

— Похоже, Лемуан — гений, — заключил он, — и говорят, что его исследования финансируются Юлиусом Вернером.

С удовлетворением он отметил, что лицо отца приняло пурпурный оттенок.

Мэтью и правда был очень встревожен. Кроме того, что все это имело огромное значение для алмазной отрасли, этот романтик, скрывающийся под жесткой личиной бизнесмена, был до глубины души возмущен самим предположением, что простой смертный в состоянии сотворить такое божественное чудо, как алмаз.

— Продолжай следить за Лемуаном, — проворчал он, — но в остальном твой обязанности в «Брайт Даймондс» будут более обыденными. Тебе надо многому научиться, и ты должен делать это — как и я в свое время — не щадя сил. Начинать нужно с самого низа, поработать в различных отделах, изучая каждую грань — буквально — этого бизнеса. Я буду платить тебе чисто номинальное жалование, ведь ты и так будешь жить на Парк-Лейн и у тебя будет немного расходов.

Филип побледнел, видя, как рушатся его надежды, но он давно научился мастерски прятать от отца свои чувства. К тому же помогло появление Лоры, которая торопливо вошла в комнату. Выглядела она явно взволнованной.

— Шофер неожиданно заболел, — нервно объявила Лора, — а он должен был встречать в Ридинге Джулию, приезжающую лондонским поездом. Я решила послать за ней карету, но это так долго, и Джулии придется ждать.

Тут она наконец заметила Филипа, и ее осенило:

— Филип, а ты не мог бы помочь? Леди Нетертон рассказывала мне, что вы с Диком регулярно водите машину в Нетертон-Парке. Как думаешь, ты справишься с «роллс-ройсом»?

Филип колебался, разрываемый между гордостью и страстным желанием сесть за руль.

— Запросто, — ответил он.

— Слава Богу! — и Лора облегченно улыбнулась. Ни Филип, ни Мэтью не догадывались, что «недомогание» шофера было тщательно организовано Лорой, дабы преодолеть сопротивление Мэтью, который не разрешал Филипу пользоваться их автомобилем.

Филип вел машину очень аккуратно, наслаждаясь каждым мгновением и желая доказать самому себе, что он достоин этого прекрасного автомобиля. Если бы Тиффани могла его видеть! А еще лучше, если бы она находилась рядом! Сейчас, когда он сидел за рулем великолепной машины, мечтая о Тиффани, весь мир казался ему прекрасным и сияющим. Что с того, что его папочка так прижимист? В бриллиантовой компании всегда есть возможность найти дополнительный источник денег!

Глава десятая

Для этого времени года день был удивительно солнечным; пушистые белые облака плыли по бледно-голубому небу, а серебристые березы украсились нежно-зелеными листочками, извещая о приходе весны; поэтому ничто не могло быть приятнее для мисс Палмер, чем провести день на открытом воздухе, где для игры в крокет собрались четверо игроков. Элис Палмер не любила сидеть дома, будучи непревзойденным мастером по части игры в теннис и крокет, к тому же она великолепно сидела в седле и принадлежала к тому типу людей, которых леди Эмблсайд называла «хребтом Англии». Она не испытывала ни малейшего страха, когда, взобравшись на своего гнедого, легко перемахивала через изгороди; так же неустрашима она была бы и в бассейне Амазонки, в Гималаях или в русских степях.

Лишь раз в жизни ее охватила неприкрытая паника; это случилось, когда она осталась наедине с Рэйфом Девериллом. Сраженная робостью, она краснела, запинаясь и вообще вела себя с удивительной неловкостью вчерашней школьницы. Но на крокетной площадке она буквально преображалась, нанося точные удары колотушкой по шару, восклицая от удовольствия при удачных ударах, и комично возмущаясь когда шар шел не так, как ей хотелось.

Ее партнеры и противники наслаждались игрой меньше, чем она — солнце светило, но не грело; и, судя по морозцу, холодный ветер дул из Арктики. Однако несмотря на холод, мисс Палмер надела тонкое белое платье и белую шляпу; в подобной выносливости было нечто подкупающее, чисто английское — каких сыновей она бы родила! Рэйф, заметив застывшую улыбку матери и ее посиневшие руки, скрыл охватившее его веселье; Шарлотта Эмблсайд страдала, но страдала достойно — она готова была перенести все, лишь бы упрочить отношения Рэйфа и Элис Палмер!

Они были знакомы уже девять месяцев, и хотя перед ним демонстрировали свои достоинства и другие наследницы, он отдавал предпочтение Элис. Те другие были более симпатичными, но слишком восторженными, или более богатыми, но менее умными. Мисс Палмер не была душой и, бесспорно, постепенно приучалась все более спокойно принимать его общество. Иногда Рэйф пытался представить ее в своей постели, но хотя он и решил, что сумеет честно исполнить свой долг, и она, возможно, будет тихо ржать от удовольствия, словно кобыла, однако особого удовольствия от этих мыслей он не испытывал. Невозможно было представить себе ночь безумной страсти с подобной девушкой, но Рэйф сам себе напомнил, что жизнь состоит скорее из обязанностей, чем из удовольствий. И все же приятно было бы совместить обе стороны монеты... Рэйф мысленно сорвал белое платье с тела благоразумной мисс Палмер, но его память упрямо представила ему образ красивого сердцевидного лица, огромных фиолетовых глаз, ослепительной кожи и иссиня-черных волос. Его рука дрогнула, и он неточно нанес удар, отправив шар на клумбу.

Его ошибка вызвала веселую суматоху. Однако Рэйф не пожелал к ней присоединиться, находя все это ужасно нелепым. Да чем же он занимается, думал Рэйф в этот первый день весны, в самом расцвете молодости и силы — играет в глупую игру в компании глупых людей. Но ведь это не так, тут же укорил он себя. Здесь его родные и, возможно, будущая жена. Рэйф сморщился, словно от зубной боли. Не дело все это... Он уже не мог бороться с собой, он *должен* был вновь увидеть Тиффани. Но перед тем, так отправиться в Нью-Йорк, следовало объясниться с Джулией.

Он навестил Джулию в ее лондонском доме, зная, что лорд Альфред отсутствует. Супруги Фортескью чаще проводили время поодиночке, чем вместе, поскольку Джулия предпочитала жить в городе, где имела возможность полностью отдаваться любезному ее сердцу суфражистскому движению, тогда как Альфреду были по душе прелести деревенской жизни. Альфред Фортескью и Элис Палмер, праздно решил Рэйф, были просто созданы друг для друга.

— Рад, что застал тебя дома, Джулия. Я с трепетом подходил к твоим дверям, не зная, увижу ли тебя здесь или ты уже в тюрьме.

— Меня не арестовали — пока.

— Все впереди! Еще немного усилий, и корона мученицы тебе обеспечена.

Он мельком взглянул на разбросанные по письменному столу бумаги.

— А-а, изобретаешь новые попытки для либералов, как я погляжу. Что же на этот раз?

Налет на Парламент? Или годовичные казни министров на ваших митингах? Я...

— Если ты скажешь: «Я же говорил», я закричу — разгневанно ответила Джулия. — Признаю, мы от души надеялись, что правительство либералов даст женщинам право голоса, но увы... Что ж, мы прибегнем к более эффективной тактике и все равно добьемся своего. А ты мог бы сделать пожертвование в нашу пользу, — она взяла ящичек для сбора денег и поднесла к его лицу.

— Извини, Джулия, но я не финансирую общественные беспорядки.

Она презрительно фыркнула и поставила ящичек на стол. Пустой звук свидетельствовал, что в ящике нет ни одной монеты.

— Прямо как дядя Мэтью... и это со всеми его миллионами. Ладно... — она села на подлокотнике кресла Рэйфа и растрепала его волосы. — Рада, что ты застал меня. Нас никто не потревожит.

Она наклонилась, желая поцеловать его в губы, ее рука скользнула по его телу, лаская его сквозь одежду.

К своему ужасу Рэйф почувствовал, как его мышцы напряглись, отзываясь на ее прикосновение, но ему все же удалось мягко отстранить ее.

— Сядь, Джулия. Я должен поговорить с тобой.

Он хочет сказать, что все кончено, отрешенно подумала она. Он собирается обручиться с этой противной девчонкой Палмер. Я не перенесу этого — *просто не переживу!*

— Не сегодня, — произнесла она, вымученно улыбнувшись. — Я не в настроении обсуждать что-либо.

— Мы больше не можем оттягивать этот момент, — он глядел на нее с состраданием, но был непреклонен. — Я не должен тебя видеть, Джулия. Наши отношения пора прекратить.

— Но ты по-прежнему хочешь меня! Лишь мгновение назад я ощутила, как сильно ты хочешь меня!

— Конечно, хочу, ты очень красива.

Это было правдой. В свои тридцать два года Джулия была неподвластна времени, оставаясь стройной и гибкой, словно юная девушка.

— О нашей связи все знают, и еще несколько лет назад такая бестактность заставила бы общество отвернуться от нас. Мир изменился, но не до такой степени, чтобы все было дозволено. Мы не можем допустить, чтобы наши отношения причиняли кому-то страдания.

Будь осторожной, предупредила себя Джулия. Не устраивай ему сцен — мужчины их терпеть не могут.

— Ты собираешься жениться? Поздравляю! Полагаю, эта счастливица — Элис Палмер?

— Я подумываю о женитьбе, но необязательно на ней.

Тупая ноющая боль в душе Джулии сменилась жгучей яростью. Как и Шарлотта Эмблсайд, она чувствовала, что сможет примириться с существованием Элис Палмер, которая была ничем не примечательной девушкой, чья участь находится на вторых ролях, но не могла вынести женитьбы Рэйфа на ком-либо, кого она не знала... на девушке, которая, возможно, окажется очень красивой, которую Рэйф мог по-настоящему *полюбить*.

— Значит, есть еще кто-то? Кто именно? — резко спросила она.

— Я на некоторое время уеду, — сообщил он, поднимаясь и как бы не замечая ее вопроса. — Будет лучше, если мы попрощаемся сейчас.

— И куда же ты собрался?

— В Америку.

— Значит, *она* там? Она американка? — в голосе Джулии зазвучали истерические нотки, но она уже ничего не могла с собой поделать.

— Я отправляюсь в Америку по делам. Одновременно это путешествие позволит мне все тщательно обдумать. — Рэйф с удивлением понял, что говорит правду. Он собирался привести свою жизнь в порядок, и очень многое зависело от того, как встретит его Тиффани Корт.

— Рэйф, женись на Элис Палмер, пожалуйста! Тогда все будет как прежде — никто ничего не узнает, и мы сможем притворяться, что между нами все кончено!

— Но все *действительно* кончено.

Джулия бросилась к Рэйфу и, изо всех сил обхватив руками его шею, повисла на нем.

— Я не могу расстаться с тобой после того, что мы перенесли, чем мы были друг для друга! Я покончу с собой!

Рэйф оттолкнул ее и покачал головой.

— Не глупи! Я был о тебе лучшего мнения, Джулия. Где твоя гордость?

— Когда дело касается тебя, у меня ее нет! — слезы струились до ее щекам, но она даже не пыталась их вытирать. — Я думала, в наших отношениях есть нечто особенное, родившееся в страшные дни в концентрационных лагерях. Как ты мог забыть?

Действительно, когда-то общими узами их связали лагеря — те лагеря беженцев, куда загоняли бездомных бурских женщин и детей, пока британская армия проводила в Трансваале политику выжженной земли. Когда слухи об ужасном положении в этих лагерях достигли Англии, Женский комитет организовал расследование и Джулии, через свои связи в женском суфражистском движении и благотворительных организациях, удалось выехать в Трансвааль. Главная ее цель была предельно проста — увидеться с Рэйфом Девериллом. Но ей потребовался всего час пребывания в первом же лагере, чтобы она, забыв все свои первоначальные планы, вложила все силы в миссию комитета.

Ужасные условия, нехватка продовольствия и одежды, загрязненная вода, отсутствие отхожих мест, нехватка топлива для приготовления пищи и кипячения воды... список можно было бы продолжать до бесконечности. Лагеря являлись страшным источником распространения заразы. Эпидемии там свирепствовали нещадно: корь, брюшной тиф, коклюш, малярия, желтуха, грипп, воспаление легких, бронхит... и в этой антисанитарии и грязи малочисленные врачи пытались хоть что-то сделать. Каждый месяц в лагерях умирало по две тысячи женщин и детей.

Джулия знала, что главная причина в плохой организации лагерей, что население лагерей растет слишком быстро, знала, что и сами буры отчасти были виновны в собственной трагедии, но ни одно из этих соображений не могло смягчить впечатление от увиденного, когда она вынуждена была беспомощно наблюдать за смертью еще одного истощенного ребенка.

Она сидела у его смертного одра, покрытая детскими испражнениями и рвотой, когда вдруг заметила стоящего рядом Рэйфа. Нет-нет, взмолилась она, только не он, только не здесь. Но он помог ей подняться, сказав, что она еще никогда не была так красива, как сейчас. Он нашел местечко, где Джулия смогла вымыться и выстирать свою одежду, а затем любил ее со страстью и нежностью, вытеснившими из ее сознания все пережитые страдания...

Теперь он наблюдал за ней с печалью в глазах, но ни один мускул на его лице не

дрогнул.

— К моему сожалению, — спокойно ответил он, — я никогда не смогу забыть тех концентрационных лагерей.

Он вытащил носовой платок и осторожно вытер слезы на ее щеках.

— Не забуду я и счастья, которое мы подарили друг другу.

— Не хватало еще, чтобы ты сказал: «Мы останемся друзьями». Но это невозможно, ни сейчас, ни когда-либо. Я могу быть только твоей возлюбленной или... — неожиданно она оборвала себя и подняла на него испуганные глаза.

— ... врагом? — мягко закончил он. — Стоит ли?

Рэйф вспомнил предупреждение матери, что Джулия станет опасной, если ее рассердить, но был не склонен воспринимать эти слова всерьез. К сожалению, он не имел возможности обсудить эту проблему с человеком, который по собственному опыту знал, что отвергнутая Джулия может быть очень злопамятной — с Мэтью Брайтом.

— Эта девушка, — неожиданно произнесла она, — конечно, она гораздо моложе меня?

— При чем тут возраст?

Не этих слов жаждала Джулия, она хотела, чтобы он уверил ее, что никаких других девушек, кроме мисс Палмер, не существует.

— Если для тебя так важна молодость, — яростно воскликнула она, — почему ты не хочешь подождать, пока не вырастет Миранда? Ей почти тринадцати лет и она обещает стать красавицей. Подумай, какое приданое принесет она — и какие прекрасные отношения установятся тогда у вас с Лорой!

— Сомневаюсь, что это понравится сэру Мэтью, — Рэйф приподнял за подбородок пылающее лицо Джулии и прижал к ее горячему лбу свои холодные губы. — До свидания, Джулия. Либо ты будешь вести себя цивилизованно, либо мы станем чужими. Выбор за тобой.

Рэйф остановился в «Уолдорф Астории» и, убедив себя, что после морского путешествия ему необходимо поразмяться, отправился по улицам Нью-Йорка пешком. Оказавшись у дверей «Корт Даймондс» и ощупав сверток, спрятанный во внутреннем кармане, он подумал, что вовсе не обязательно передавать его самой Тиффани. Но когда клерк заявил, что встретиться с мисс Корт можно только по предварительной записи, его характер моментально дал о себе знать.

— Мне совершенно безразлично, увижу я или нет мисс Корт, — ледяным тоном заявил он, — но я не намерен отдавать этот пакет ни в какие другие руки, кроме ее собственных. Так что вам лучше проинформировать ее о моем появлении.

— Капитан Деверилл не нуждается в испрашивании аудиенции, — чистый голос Тиффани зазвенел в комнате, заставив клерка в удивлении повернуться, а Рэйфа на мгновение задержать дыхание. Он медленно обернулся и увидел, что Тиффани стоит в дверях своего кабинета и повелительным жестом предлагает ему войти. Она закрыла за ним дверь и прислонилась к ее темным панелям, на ее губах играла улыбка.

Скажите, капитан, вы нарочно так неуважительны с окружающими, или это получается у вас произвольно? — с очаровательной непосредственностью спросила она. — Однако, я рада вас видеть. Садитесь.

Рэйф чувствовал себя ужасно неудобно, и держался холодно и отстраненно.

— Вам нужно было известить меня о своем приезде, и я бы организовала более

гостеприимную встречу.

Он пожал плечами.

— Я оказался в Нью-Йорке проездом и подумал, что мог бы лично передать вам драгоценности.

Тиффани взяла протянутый им пакет, но не стала сразу же его открывать.

— Что привело вас в Америку, капитан?

— Множество разных вещей: и дела, и погоня за развлечениями, — и какой-то демон заставил его продолжить: — Я полагаю, дела надо закончить прежде всего.

Другие мужчины пересекали океан ради нее самой, сердито подумала Тиффани, но только не этот, нет, только не этот! Она разыграла великолепный спектакль, внимательно изучая содержимое пакета, после чего поместила драгоценности в сейф и вытащила большой grosсбух, в котором сделала несколько аккуратных пометок. Затем она задумчиво взглянула на него.

— Вы по-прежнему не желаете принимать вознаграждение за услуги? — спросила она.

Загипнотизированный красотой Тиффани, одетой в синее платье сапфирового оттенка, на которое бросали радужные переливы гроздьа бриллиантов, сияющих в ее ушах, Рэйф даже вздрогнул, когда она обратилась к нему. Но Тиффани приняла его рассеянность за равнодушие, и решила, что его мысли далеки от нее и сосредоточены на ином, более приятном свидании. Она сердито бросила перед ним grosсбух и постучала кончиком ручки по странице.

— Это мой долг перед вами, капитан, а я предпочитаю платить долги.

Рэйф пренебрежительно взглянул на страницу, но против воли был восхищен дотошностью, с которой она отмечала каждую посылку, отправленную им со времени их встречи в Лондоне прошлым летом.

— Я не хочу получать от вас деньги, — повторил он, возвращая ей книгу записей.

— О, я не знаю никого, кто столь крепко цеплялся бы за свои принципы и свою гордыню, — воскликнула она, раздраженная его упрямством. К тому же она терпеть не могла оставаться в долгах, ни в моральных, ни в денежных.

— Вы считаете эти качества грехом, а не добродетелью?

— Я считаю их ненужной роскошью, которую вы, к сожалению, можете себе позволить, — отрезала она, с шумом захлопывая переплетенный в кожу grosсбух.

Некоторое время они молчали, каждый по-своему ведя борьбу со своим неуступчивым характером. Кто-то из них должен был сделать шаг навстречу другому, иначе оставалось только по возможности вежливо распрощаться. Но оба они не хотели этого.

— Если вы сегодня свободны, — словно издали услышал Рэйф свой собственный голос, — я был бы рад позволению отплатит вам за ваше лондонское гостеприимство, пригласив вас пообедать.

— Да, конечно, — оживленно ответила Тиффани. — Благодарю.

— И я был бы очень рад, если бы к нам присоединился ваш отец или кузен.

— О нет, я не хотела бы этого, — откровенно призналась она. — Я предпочла бы быть одна.

Рэйф слегка улыбнулся.

— Как хотите, но должен предупредить, что этот обед пройдет в обстановке не столь интимной, как в прошлый раз.

Как только они расстались, их настроение изменилось и каждый пожалел о

проявленной слабости, молчаливо обвиняя другого в непроходимой гордыне, испорченности и несносности, злясь на себя за слишком легкую уступчивость перед очарованием противника.

Однако встретившись вновь, они опять ощутили странную притягательность друг друга. Они чинно обедали в пальмовом саду «Уолдорф-Астории», но затем поднялись наверх, где в стороне от шумного оркестра и гирлянд фонариков стоял укрытый от холодного ветра столик. Они сели рядом, очень близко друг к другу, притворяясь, что разглядывают лица сидящих за другими столиками, но на самом деле не видели никого, кроме друг друга. Затем совершенно неожиданно — случайно или намеренно, они не знали, — их руки соединились, и они погрузились в странную расслабленность, в негу, которая, казалось, полностью овладела ими.

Рэйф крепко сжал ее руку, а затем поднял ее так, что их сомкнутые пальцы оказались в мягких теплых складках ее меховой накидки. Он наклонился поближе к ней, и его рука проскользнула под накидку и опустилась на тонкий шелк платья. Очень медленно он начал водить рукой по ее бедру, ощущая тепло ее тела под тончайшей тканью, задерживаясь на выступающих подвязках, и каждый раз, когда в этих томительных ласках его рука шла вверх, она все ближе приближалась к той запретной зоне, где Тиффани так жаждала его прикосновения. И все это время он смотрел прямо перед собой, так что ни один посторонний наблюдатель не мог бы предположить, чем на самом деле заняты его руки. Тиффани закрыла глаза, заставляя себя сидеть совершенно неподвижно, хотя все ее существо стремилось в объятия Рэйфа. Лишь ее рука, по-прежнему лежащая в его ладони, не оставалась неподвижной, а судорожно извивалась, лаская его руку, словно она была всем ее телом, заключенным в его объятия. После целой вечности, показавшейся им одним мгновением, пальцы Рэйфа прекратили блуждание по интимным уголкам ее тела, и его рука крепко прижалась к ее бедру. Она услышала его глубокое шумное дыхание.

— Завтра, — начала она, и собственный голос показался ей чужим, — вы должны будете посмотреть на результат своих поисков и моих усилий. Я устраиваю в своей студии презентацию коллекции. В семь часов. Макдугал-аллея, пятнадцать... и постарайтесь остаться, когда все разойдутся.

Найти нужный ему дом оказалось весьма несложно: он выделялся из окружающих его строений не меньше, чем орхидея среди одуванчиков. Окна сияли огнями, стены и двери, судя по всему, были недавно выкрашены, улица перед входом заполнена автомобилями и модными колясками, давая понять, что сегодня в Гринвич-Вилледж собралось высшее общество. Подойдя ближе к своей цели, Рэйф обнаружил, что дом под номером пятнадцать перестроен из трех стоявших рядом зданий и, зная о склонности Тиффани к внешним эффектам, не сомневался, что внутреннее убранство дома будет еще более грандиозно.

С невзрачной улицы он вошел в мечту, в роскошный мир шелков и бархата, опьяняющего аромата множества цветов и дорогих духов, блеска драгоценностей и сияния ярких холстов на обитых штофом стенах... На фоне удачно подобранных драпировок цвета бледного пергамента радужно переливающиеся украшения, выставленные под стеклом в центре комнаты, и картины на стенах смотрелись весьма эффектно.

Тиффани нигде не было видно, и Рэйф подошел к выставленным украшениям. Замечательные произведения ювелирного искусства, оригинальные, прекрасно задуманные и исполненные, они несли в себе безошибочную примету прихода нового столетия.

Неожиданно для себя он почувствовал радость, что внес свой вклад, пусть и небольшой, в создание этого сияющего моря света и красок, и попытался разыскать добытые им камни, хотя и понимал, что это безнадежная задача. Как глупо, ошеломлено размышлял он, ведь это же всего-навсего бесполезные побрякушки, которые носят пустоголовые женщины, не знающие, на что бы потратить деньги. Но его радость и не думала исчезать, и когда в комнату вошла Тиффани, Рэйф все еще находился под обаянием мерцающих, сияющих, блестящих камней. Впервые после войны он сделал крошечный шаг из тьмы и отчаяния в мир, где дарила не печаль, а красота.

Тиффани, вся в белых кружевах и бриллиантах, подошла к нему ближе.

— Ну как? — спросила она, кивая на украшения.

Он взял ее руку и крепко пожал.

— Поздравляю! — просто сказал он.

Его одобрение, ясно читавшееся в крепком рукопожатии и искреннее восхищение в голосе и серых глазах, значило для Тиффани больше, чем все восторженные похвалы, услышанные ею сегодня.

— Понимаете, я люблю их, и вовсе не из-за их ценности.

Рэйф взглянул в ее сияющие глаза и понял, что ее душа полностью принадлежит этим побрякушкам, что бриллианты являются смыслом ее жизни. Он высвободил свою руку.

— Понимаю. Это вы организовали перестройку дома?

— Конечно. В отличие от некоторых людей, — и Тиффани бросила на него характерный для нее насмешливый взгляд, — я не принадлежу к категории бездельников. За прошедшую зиму мне удалось очень многое сделать.

— Эти дома, их расположение в Гринвич-Вилледж просто идеальны для ваших целей. Вам повезло, что они продавались.

— Повезло?! Бог мой! Возможности *создаются*, — они ведь не придут к вам и не постучатся в дверь, и они не валяются на улице. Эти дома не продавались. Я потратила уйму времени и денег, убеждая владельцев, что продажа определено в их интересах.

— А главное — в *ваших*.

— В данном случае, — внушительным тоном произнесла Тиффани, — наши интересы счастливо совпали. А теперь позвольте показать вам все остальное.

Смежная комната была меньше размером, и украшений там не было, только картины. Дальше находилась мастерская, где изготавливались украшения, а наверху располагались комнаты Джерарда и нескольких других художников.

— У меня также есть небольшая студия, где я разрабатываю эскизы украшений, — как бы между прочим сообщила Тиффани, — но ее я покажу вам позднее.

Чтобы выбросить из головы мысли о возможностях, которые могут возникнуть при этом, Рэйф принялся рассматривать картины, написанные очень экспрессивно. Темой большинства из них были удручающие городские пейзажи. Рэйф счел, что они выглядят несколько... непривычно.

— Похоже, в искусстве вы предпочитаете авангардизм, — заметил он. — Кто писал эти картины?

— Вам их имена ничего не скажут, но когда-нибудь они будут не менее знамениты, чем имена Тициана и Рембрандта, — убежденно ответила Тиффани. — На выставке представлены работы Роберта Генри, Джона Слоуна и Джорджа Лукаса. Я намерена проводить регулярные выставки их работ, на которые буду приглашать всех этих идиотов, —

и она указала на разодетое светское общество. Леди и джентльмены прохаживались по галерее и в изумлении разглядывали картины.

— Вы собираетесь приучить американское общество к новому американскому искусству, не спрашивая, хотят они этою или нет? — Рэйф усмехнулся, но Тиффани даже не обратила внимания на его иронию.

— Кто-то должен это сделать. Вы только взгляните на этих слабоумных, — она рассмеялась. — Думаю, это не особенно оригинальное определение, но точное.

— Я вижу, некоторые картины уже проданы.

Тиффани сделала очаровательную гримасу, разыгрывая одновременно разочарование и смущение:

— На самом деле это я купила их, — призналась она. Она взяла Рэйфа за руку и одарила его самым нежным взглядом и самой победоносной улыбкой из своего арсенала. — Не хотели бы и вы что-нибудь приобрести? Американская картина на память о вашем посещении? Они стоят недорого.

Рэйф вновь взглянул на холсты, пытаясь представить эти беспокойные, яростные, полные боли картины среди милых, очаровательных полотен, украшающих стены родительского дома, и улыбнулся при мысли о том выражении отвращения, которое исказило бы аристократические черты его матери. Но тут он представил иное, более тревожное зрелище: Тиффани со своей яркой неординарностью среди тишины и сдержанности лондонского света; Тиффани с ее порывистостью дочери Нового Света, с ее открытостью и прямоотой в денежных вопросах — в лицемерной гостиной леди Эмблсайд, где приданое девушки являлось делом первостепенной важности, однако никогда не упоминалось вслух. Джулия потрясла чувствительность вдовствующих герцогинь, но Тиффани!.. Тиффани приведет их в ярость, вызовет вечное порицание, в лондонском высшем свете она будет так же неуместна, как и картины Джона Слоуна рядом с Гейнсборо, Но Рэйф также знал, что все эти обстоятельства не остановят его, если придется принимать решение... Тиффани была той девушкой, с которой можно было все приобрести или все потерять... Он взглянул на нее с таким страстным выражением серых глаз, что она почувствовала, как ее колени подгибаются.

— Я должна переговорить с несколькими покупателями. Но не забудьте, капитан, я хочу, чтобы вы ушли последним.

На другом конце комнаты возвышалась массивная фигура седовласого человека. Это был Джон Корт, он беседовал с молодым Пьером Картье, который заверил его, что дом Картье на следующий год откроет свое отделение на Пятой авеню. Тем временем Рэндольф, стоявший рядом с ними, наблюдал за Рэйфом и Тиффани. Рэйф подошел к Джону Карту, чтобы засвидетельствовать свое уважение. К тому же он хотел поговорить о недавно открытом месторождении бриллиантов в Арканзасе. Рэйф почтительно слушал, как Корт объясняет, что алмазосодержащая труба на удивление похожа на южноафриканскую, однако он не верит, что американская шахта будет иметь серьезное коммерческое значение; Рэйф, согласно кивая, подумал про себя: остается только надеяться, что Корт не обманется в этом вопросе, как он обманывается в отношении дочери. Он отошел, испытывая неловкость и чувство вины при мыслях о предстоящей встрече с Тиффани, потому что в соответствии с моралью верхушки общества секс был позволителен с замужней женщиной, но не с юной непорочной девушкой. Но была ли Тиффани девственницей? Рэйф взял новый бокал шампанского, поскольку прием, судя по всему, подходил к концу, направился к двери,

ведущей в мастерскую. Но по дороге его перехватил Фрэнк Уитни.

Фрэнк с самым несчастным видом стоял в углу комнаты рядом с Полиной. С недавнего времени он стал замечать, что Тиффани отодвинула его на задний план. Для него было непереносимо сознавать, что приглашение на сегодняшнюю выставку он получил не от Тиффани, а от Джона Корта, попросившего сопровождать Полину. Прошли те дни, когда Тиффани награждала Фрэнка поцелуем или объятием, теперь она в нем не нуждалась. Но поскольку она еще не изгнала его открыто и не вышла замуж за другого, Фрэнк продолжал надеяться.

Его чувства к Тиффани были очевидны для всех, но также было очевидно и отношение Тиффани к нему. Полина, убедившись, что Тиффани не собирается выходить за Фрэнка замуж, питала некоторые надежды, но вынуждена была признать, что подобное положение вещей не дает никакого преимущества ей самой. Похоже, Фрэнк никогда не смотрел на нее, как на женщину. Вот и сегодня он стоял, неподвижный и печальный, не отводя глаз от ее кухни. Может быть, если бы он поверил, что она нравится мужчинам, он бы...

— Сегодня очень многие хотели прийти сюда со мной, — смело заявила она.

Фрэнк бросил на нее презрительный взгляд.

— Думаю, на самом деле они хотели видеть Тиффани.

— Нет, — упорствовала она, — они хотели быть со мной.

— Тогда зачем ваш дядя просил меня сопровождать вас?

Полина заколебалась, как это нередко случалось с ней, когда его абсолютное безразличие болезненно ранило ее самолюбие.

— Я сама выбрала вас, — заявила она, слегка заикаясь.

Он рассмеялся с горечью и издевкой. В последнее время у Фрэнка появилась подобная жестокость, безразличие к чувствам других людей, странное желание причинять окружающим такую же боль, от которой страдал он сам. Он презирал Полину, испытывая отвращение к ее тупости, ее полноте и невзрачной внешности, и ненавидел ненужную ему доступность, в то время как его мечта была недостижима. Он согласился сопровождать ее лишь ради возможности увидеть Тиффани.

В отчаянии Полина предприняла новую попытку.

— Дядя Джон положил на мое имя значительную сумму. Как он добр! После его смерти я буду богатой женщиной, хотя надеюсь, что он проживет еще долго, — торопливо добавила она.

Фрэнк чуть было не сказал, что для Полины покупка мужа — единственный способ вступить в брак, но вместо этого он лишь презрительно фыркнул и, заметив Рэйфа Деверилла, направился к нему.

Полина осталась одна, отчаянно пытаясь сохранить самообладание и мечтая поскорее вернуться домой.

Фрэнк был рад вновь увидеть Рэйфа. Англичанин немало сделал для него, восстановив его репутацию, и чуть ли не убедил Фрэнка к собственному героизму. В эти дни, говоря о войне — что он делал все чаще, — Фрэнк занимал скорее пробританские позиции, чем пробурские. И все же в его глазах промелькнуло беспокойство, когда он узнал официальную причину присутствия Рэйфа на приеме.

— Вы приобретали для нее драгоценности? Не хотите ли вы сказать, что встречались с ней в Лондоне?

Теперь высокая и элегантная фигура капитана Деверилла показалась ему несущей

угрозу.

— А почему бы и нет?

— Ее поведение возмутительно! Не могу понять, как отец позволяет ей подобные выходки... путешествовать совершенно одной в ее возрасте... — лицо Фрэнка исказилось ревностью. — Каждый раз, когда она уезжает, мы испытываем тревогу, думая, не случилось ли что-нибудь с милой беззащитной девушкой...

— Как вы сказали? «Милая, беззащитная»... Фрэнк, характер Тиффани, безусловно, многогранен, но уж эти-то качества за ней не числятся! — Рэйф покачал головой и засмеялся. — Думаю, вам пора оставить надежды и жениться на ее кузине — этой, как ее там? — Полине.

— Я лишь тогда оставлю надежду, когда она выйдет замуж за другого. К тому же, — добавил Фрэнк, — я всегда нравился ее отцу. Надеюсь, это поможет...

— Джон Корт одобрит лишь один брак — с Рэндольфом.

Фрэнку уже приходилось слышать намеки на такую возможность, и он находил им подтверждение в поведении Рэндольфа. Но он упрямо продолжал цепляться за свои иллюзии.

— Может, и так, — ответил он с деланной беззаботностью, — но не похоже, чтобы Тиффани мечтала об этом браке.

Да уж, подумал Рэйф, что верно, то верно. Зато Рэндольф по-прежнему жаждет ее. Неожиданно ему показалось, что он опутан крепкими сетями или же бьется в щупальцах спрута. Он чувствовал, что их с Тиффани отношения становятся все более запутанными, сковывая его волю, связывая по рукам и ногам. Сейчас он испытывал страстное желание вырваться из этих сладких настойчивых пут, бежать отсюда и никогда больше не видеть Тиффани. Но не мог этого сделать. Он попал в ловушку, подобную той, в какие попадали охотники за алмазами, околдованные сверканием драгоценных камней. Он тоже был очарован Тиффани, которая так походила на свои возлюбленные бриллианты — злая грань камня тоже должна была увидеть свет. В Рэйфа словно вселился дьявол. Его дико раздражала наивность и глупость Фрэнка. К тому же, возможно, сказать ему правду было бы добрым делом.

— Даже если она не выйдет замуж за Рэндольфа, Тиффани Корт не для вас, — резко заметил он.

Фрэнк сделал вид, что не слышал этих слов.

— После войны вы бывали в Южной Африке?

— Нет.

— Я бы хотел вернуться. Я уже говорил, с кем мне особенно хочется встретиться — с Полем. Он был мягким и добрым, совсем непохожим на других. Вы помните Поля?

— Помню. — Пальцы Рэйфа сжали бокал. И дьявол внутри него убеждал не останавливаться; говорить с Фрэнком дальше, испытать себя, попытаться выяснить, есть ли какое-нибудь объяснение или извинение случившемуся. Или, по крайней мере, посмотреть, нельзя ли свалить на кого-нибудь хоть часть своего бремени.

— Он единственный пытался защитить этого бура, Япи Малана. И когда Дани все же настоял на расстреле, Поль встал вместе с Япи на колени у могилы и молился с ним, перед тем как завязать ему глаза.

— Вы не сможете найти Поля. Он мертв.

— С чего вы взяли? Вы же сказали, что он не погиб в долине, когда вы уничтожили

отряд Дани.

— Он погиб потом.

— Вы уверены?

— Конечно, — Рэйф сделал глоток шампанского. — Дело в том, что это я убил его.

— *Что?*

— Я казнил его, — серые глаза Рэйфа впились в лицо Фрэнка, и этот миг он показался молодому американцу самим Сатаной. — *Казнил*, Фрэнк. Я вывел его в пустынные холмы и расстрелял.

— *За что?!*

— Поль был буром из Кейптауна. Он был британским подданным, а не гражданином Трансвааля или Оранжевой республики, которые сражались за так называемую свободу. Поль был предателем.

Рука Фрэнка задрожала, расплескивая из бокала шампанское, но он не замечал этого, уставившись на Рэйфа, пораженный небывалым ужасом.

— Таков был мой долг, Фрэнк. За короля и Британию! Вот и все, — и Рэйф спокойно сделал еще один глоток шампанского я мрачно улыбнулся.

— Вы негодяй! *Как вы могли?!* Это омерзительно, это гадко... Поль, Боже мой, Поль...

— Полегче на поворотах, Фрэнк. В конце концов Поль не лежал бы в могиле, если бы не вы! А Япи Малана вам не жалко? И Чарли, зулуса, чье единственное преступление заключалось в том, что он присматривал за нашими лошадьми, но которого Дани велел привязать к дереву и расстрелять? Япи и Чарли были бы живы, *если бы вы не завели нас в ловушку!*

Фрэнк вздрогнул и сделал шаг назад.

— Сколько раз за время войны вы переходили из одного лагеря в другой, Фрэнк? Сколько раз вы нарушали свой статус гражданского человека? Сколько раз вы пятнали кровью белый флаг сдачи — я-то знаю про один раз. И очень хорошо это помню!

— Дани называл вас дьяволом, и он был прав! На моей совести нет и сотой доли того, что пятнает вашу!

Рэйф издевательски рассмеялся.

— Может и так. Ведь расстрел Поля был не самым страшным моментом в этой войне... и не его лицо преследует меня по ночам.

Фрэнк углубился в толпу в поисках выпивки, которая последнее время все чаще и чаще была ему необходима, а Рэйф побрел через галерею в уединение мастерской. Закрыв дверь, он сел и поднял бокал:

— За короля и Британию! — издевательским тоном провозгласил он. На несколько мгновений боль полностью завладела им, но потом он справился с ней, спокойно закурил и стал ждать, когда наконец закончится этот вечер. Однако не прошло и десяти минут, как дверь распахнулась, и вошел Рэндольф Корт. Рэйф был не в том настроении, чтобы соблюдать приличия.

— Следить надо за девушкой, а не за мной, — резко заявил он.

— О, я слежу. Уж можете поверить.

Они смотрели друг на друга, не скрывая ненависти, но в душе каждый невольно признавал достоинства противника — Рэндольф завидовал внешности Рэйфа, чувственности его облика, обаянию его индивидуальности, которая делала его неотразимым в глазах любой женщины и предметом зависти для мужчин; Рэйф завидовал образу жизни Рэндольфа, его

влиянию, его гладкой карьере, контролю над своим будущим, который он ни на минуту не выпускал из своих рук, в то время как Рэйф потерял себя в равнинах Южной Африки.

— Не знал, что ваше знакомство с Тиффани продолжилось и после встречи в Ньюпорте, — произнес Рэндольф.

— Рад слышать, что ваша шпионская сеть несовершенна.

— Я не считал необходимым распространять ее за пределы Соединенных Штатов, — ничуть не смутившись, ответил Рэндольф. — Хотя бывали случаи, когда я делал это. Тем не менее я прекрасно знаю о существовании наверху маленькой студии, в которой Тиффани развлекается. Полагаю, сегодня очередь дошла и до вас.

— А что делаете в таких случаях вы, Корт? Приставляете к стене лестницу и подсматриваете в окно?

— Зачем же так грубо, капитан. И потом, во всех этих мерах просто нет необходимости. Я боюсь, вы будете сегодня разочарованы. Потому что при всем бесстыдстве ее речей, Тиффани хватает ума держать колени вместе, даже когда ее милый ротик открыт.

Рэйфу были отвратительны грубые речи Рэндольфа, но он знал, что подобная реакция отчасти объясняется чувством вины. Рэндольф был родственником Тиффани и имел все права защищать ее добродетель от имевшего дурную репутацию англичанина. Еще отчетливее, чем раньше, Рэйф понимал, что ему следовало бы бежать без оглядки, но, даже если отбросить то, как отчаянно он хотел Тиффани, гордость не позволяла ему сдаваться без боя и оставить победу за Рэндольфом.

— И еще, не мечтайте жениться на ней. Тиффани не может выйти замуж без согласия отца — или опекуна — до тех пор, пока ей не исполнится двадцать пять лет. Думаю, мне не надо объяснять, что ее отец не согласится на этот брак, так же как и я.

— Значит, ее опекуном в случае смерти отца будете вы?

— Вы быстро все схватываете, капитан.

— Не все подвластно деньгам.

— Возможно, — мягко ответил Рэндольф, — но хотел бы я найти человека, который смог бы оторвать Тиффани от «Корт Даймондс». — Он повернулся к двери. — Уверен, семья Кортвов может положиться на вашу благовоспитанность. Вы ведь не захотите поставить под удар репутацию английского джентльмена.

— Не стоит взывать к моему патриотизму, Корт. Я похоронил его среди холмов Южной Африки.

Рэндольф приподнял бровь.

— В таком случае, мы будем надеяться, что вы дорожите своим добрым именем и репутацией. Всего хорошего, капитан.

После его ухода Рэйф долго сидел в одиночестве, пока в дверях наконец-то не появилась Тиффани. Он пошел за ней наверх в большую, уставленную книгами комнату, в центре которой стояли письменный стол и стулья. Он решил, что неправильно понял намерения Тиффани, но она нажала на кнопку, и одна стена отодвинулась. Полки с книгами служили лишь хитрым прикрытием, за которым была ее студия. Тиффани вновь поманила его, и Рэйф неуверенно вошел внутрь.

Когда она включила свет, комната оказалась залита мягким голубым сиянием. Темные стены и потолок были испещрены какими-то яркими крупинками. Сначала Рэйф подумал, что все это убранство изображает ночное небо, но потом сообразил, что фантазия Тиффани привела ее к имитации подземелья алмазной шахты. Она включила дополнительные

светильники, и стали видны предметы обстановки: белая софа и толстый белый ковер камин, по бокам которого стояли позолоченные статуи обнаженной женщины и обнаженного мужчины, прикрытые фиговыми листочками. На потолке красовалось солнце, выложенное из золота и серебра, его лучи касались других обнаженных фигур, грифонов, драконов и — что было довольно странно, если вспомнить недавние ощущения Рэйфа — огромного спрута. Вокруг стены шел узкий фриз, и Рэйф двинулся вдоль него, желая рассмотреть поближе, и увидел резвящихся небесных херувимов, сцены охоты диких зверей, обнявшиеся человеческие фигуры, причем мужские явно находились в состоянии возбуждения, несколько даже преувеличенном. Этот фриз был достоин храма какой-нибудь языческой богини или дворцов римских императоров, и против воли Рэйфа его тело напряглось в ответ на эти эротические сцены.

Тиффани передала ему бокал с шампанским.

— На своих вечеринках я по-прежнему обхожусь без слуг.

— Ваша так называемая студия больше напоминает бордель.

— Неужели? Я никогда не была в борделе и не могу судить.

— Не могу поверить, что вы не распознаете порнографию, если увидите ее.

— Это не порнография, — вспыхнула она. — Это искусство.

— Этот аргумент стар, как мир, — сухо ответил он. — И могу я спросить, кто же художник?

— Джерард. Он же делает и украшения. Над оформлением студии он работал между делом. В основном он занят созданием моей коллекции и своими собственными творениями.

— Счастливчик Джерард! И вы присутствовали во время его... вспышек вдохновения, когда он *создавал* этот фриз?

— Конечно, — она высокомерно посмотрела на него и, поняв, воскликнула: — Уж не думаете ли вы, что я и он!..

— Такая возможность приходила мне в голову.

Рэйф поставил бокал на каминную полку, не желая, чтобы она заметила дрожь его рук.

— Если при этом он не прикасался к вам, то заслуживает всяческого восхищения за редчайшую выдержку перед лицом величайшей провокации. Но как художник он вряд ли может рассчитывать на награду за эту работу.

— Он не прикасался ко мне и, предвосхищая ваш вопрос, я не позировала для него.

— Вот эта статуя, — и Рэйф обвиняющим жестом указал на нагую женскую фигуру у камина, — очень похожа на вас.

Тиффани повернула голову, и ее глаза в удивлении расширились. Черт возьми, да ведь он прав! Ее гордость не позволяла заметить это сходство раньше.

— Что ж поделаешь, если я вдохновляю художников, — вызывающе ответила она.

Рэйф закрыл глаза. Каждая клеточка его тела, казалось, вибрировала от отчаяния, разочарования и желанья. Она была так прекрасна, так бесконечно, душераздирающе прекрасна! Ее красота и ум были столь ясными, сияющими и непобедимыми, как золото и бриллианты, с которыми она имела дело, но почему, *почему* она столь обесценивает себя? Была ли она шлюхой или просто дразнила его? Но тут, пытаясь определить ее природу, он вспомнил дикий свободный дух, замеченный им во время их беседы на террасе в Ньюпорте. В ней не было вульгарности; наверное, многие женщины жаждали сексуальной свободы, но лишь такие отчаянные, как Тиффани, имели смелость добиваться ее.

А Тиффани вновь спрашивала себя, что же он думает о ней, и удивлялась, зачем она пригласила его к себе. Она приготовила эту студию именно для таких свиданий, но, несмотря на всю убежденность Рэндольфа, Рэйф был единственным мужчиной, получившим приглашение... он всегда был груб с ней, и все же она искала его общества. Единственным объяснением, заявила она себе, было мощное притяжение, возникшее между ними, ей все время хотелось прикоснуться к нему и ощутить его ответное прикосновение.

Обычно Тиффани была равнодушна к сильному полу, но некоторые мужчины вызывали в ней страсть, и она не считала это чем-то постыдным — ведь никто не считал бы это дурным в мужчине, значит, это не могло быть дурным и для нее.

Она видела тревожное выражение на лице Рэйфа и была обижена его явным неодобрением.

— Почему вы всегда меня осуждаете? За что вы так ненавидите меня? — взорвалась она.

— Ненавижу вас? — Рэйф в удивлении уставился на девушку. — Я вовсе не ненавижу вас. Я...

Он замолчал, пораженный словами, которые чуть было не сорвались с его уст. Со вздохом, напоминающим стон, он шагнул вперед и, схватив ее в объятия, пристально взглянул прямо в глаза, после чего наклонил голову и впился губами в ее губы. И вновь они слились, и близость их тел заставила их забыть обо всем. И вновь они были только плотью и ничем иным. По их коже пробежал озноб, и вместе с тем она горела, языки старались достигнуть еще большей близости, которой они отчаянно жаждали.

Тиффани чувствовала, как его крепкие пальцы расстегивают лиф ее платья и оттягивают короткую сорочку, желая коснуться ее груди. Он увлек ее за собой на пол, целуя ее грудь, пока его рука пробиралась через множество слоев дамского белья, в которые были упакованы женщины той эпохи. Быстро и смело его рука проникла под панталоны Тиффани и его пальцы наконец-то коснулись влажности между ее ног. Когда Тиффани застонала, он заглушил ее стон своим поцелуем, продолжав круговое движение пальцами вокруг и внутри нее, и его поцелуи и ласки становились все более страстными, нежность шла рука об руку с настойчивостью.

Если бы Рэйф был обнажен, он мог тут же взять ее, войти в нее и она стала бы принадлежать ему. Но он был одет, и ему пришлось выпустить ее, чтобы сбросить одежду. Как только он отстранился, Тиффани опомнилась. Она не должна этого делать! Как бы ей хотелось быть мужчиной и иметь свободу, которой наслаждались они. Но, увы, она была женщиной, и с этим ничего нельзя было поделать — она не могла пойти на риск беременности. И она должна сберечь себя для Филипа — это было необходимо ради бриллиантов.

— Нет, — произнесла она, натягивая платье. — Нет!

Рэйф замер, его руки, расстегивавшие рубашку, расслабленно упали вдоль тела. Он криво улыбнулся.

— Значит, Рэндольф был прав...

— Вы говорили обо мне с Рэндольфом?! — ее голос стал пронзительным от ярости, и она вскочила на ноги.

— Это он говорил о вас со мной, что не одно и то же. Может вас это и удивит, но он не так глуп, как вы полагаете. И он намерен жениться на вас.

— Никогда! И потом я выхожу замуж... — она оборвала себя.

— За кого? За кого вы выходите? — он грубо схватил ее, яростно глядя сверху вниз. Его пожирала ревность к этому неизвестному мужчине, заполучившему ее.

— Не ваше дело!

Он отпустил ее и привел в порядок одежду.

— Что ж, он к вашим услугам. Вот только скажите мне, зачем вы пригласили меня сюда?

— Я хотела... хотела поговорить.

Рэйф зло рассмеялся и указал на фриз.

— Замечательная тема для разговора, мисс Корт. Вы любите этого человека?

— Конечно.

— Я не верю вам. Вы не способны любить. Вы живете только для себя и своих чертовых бриллиантов. Забавляйтесь своими кусками углерода, мисс Корт, только вот уменьшат ли они жжение у вас между ног!

Тиффани с размаху хлестнула его по лицу, но он не дрогнул.

— Вон! — зашипела она, ненавидя его за то, что он был прав, за то, что он заставил ее пожелать его.

Какое-то время он не двигался. Его лицо было белым как мел.

— Рано или поздно какой-нибудь мужчина вас изнасилует, — спокойно сказал он ей, — и никто здесь не услышит ваших криков. И не говорите потом, что вас не предупреждали.

Изнасилование? Интересно, как это бывает? Уже трое мужчин говорили ей об этом.

— Ни один мужчина не пойдет на риск обвинения в изнасиловании, — заявила она, вспомнив слова Джерарда. — Прежде чем уйти, помогите мне одеться. Я не могу идти домой в таком виде.

— Вы должны были подумать об этом раньше, — холодно ответил Рэйф, стоя у двери. — И я уверен, Джерард с радостью окажет вам такую услугу.

Она прислушалась к его шагам на лестнице — они становились все тише и наконец в доме воцарилась печальная тишина. Неужели он прав и она не способна любить? С некоторым усилием она подумала о Филипе. Конечно, она любит Филипа и летом докажет это. Но пристальные серые глаза и чувственный рот, словно насмехающийся над ней, неотрывно стояли перед ее взором.

Глава одиннадцатая

Полотно трека около Брукленда было уже уложено, закончились и работы по сооружению моста через Уэй. Полностью кольцевая трасса должна была быть готова к июню, но Филип сейчас думал не о предстоящей грандиозной церемонии открытия. Он был целиком поглощен идеей С. Ф. Эджа о двадцатичетырехчасовом автомобильном заезде. Эдж заговорил об этом проекте еще в то время, когда строительство гоночной трассы в Брукленде только обсуждалось. Он предложил воспользоваться ею еще до официального открытия для проведения двадцатичетырехчасовой гонки со средней скоростью 60 миль в час. Реализация этой идеи ставила несколько интересных проблем, и главная из них заключалась в том, сможет ли автомобиль выдержать подобную нагрузку, и выдержит ли напряжение сам гонщик. Для начала Филип предложил ему свою помощь в атлетической подготовке к заезду: как спортсмен, он будет и руководить его тренировками, и сам участвовать в них. Однако Филип, конечно, жаждал играть более существенную роль, и когда Эдж решил, что

его будут сопровождать еще две машины, то Филип вознамерился занять место одного из водителей.

Постепенно он вошел в число основных испытателей Напье. Сначала заменяя постоянных водителей, когда те по тем или иным причинам не могли участвовать в пробегах, затем, когда его мастерство было признано, он стал принимать все большее участие в гонках. Филип управлял огромной машиной с той же легкостью, с какой добивался успехов в спорте; гребля и крикет, от которых он давно отказался, укрепили его мышцы и выносливость, и его природные способности были замечены командой Напье, которая принялась холить и лелеять его, как свою будущую звезду. Филип добился бы такого положения и без всяких финансовых вложений, но он не догадывался об этом, считая, что все дело в его деньгах.

Каждый фунт, который ему удавалось выпросить, стащить или занять, он вкладывал в усовершенствование машин и постепенно научился более искусно добывать деньги, в которых нуждался. Сначала он просто экономил на своих карманных деньгах, жульничал с расходами и даже вытаскивал при удобном случае по несколько фунтов из отцовского бумажника. Затем его тактика стала более хитрой, он осмелел и, начав работать в «Брайт Даймондс», воспользовался открывшимися перед ним возможностями.

Синдикат настаивал, чтобы бриллианты продавались партиями, а не по отдельности. Следовательно, для того чтобы приобрести камни нужного размера и формы, торговец вынужден был покупать и те, в которых у него не было непосредственной нужды. В настоящее время рынок бриллиантов переживал спад, и «Брайт Даймондс» хранила немалый излишек камней. Хотя для охраны предпринимались весьма строгие меры, но они не были совершенны. Однажды Филип оказался в хранилище фирмы один и, моментально приняв решение, засунул в карман пакетик мелких камней. Некоторое время, рассуждал он, никто их не хватится и даже когда пропажа будет обнаружена, никто не заподозрит его; ведь никто и представить себе не мог, что у Филипа Брайта нет ни гроша.

Продажа неограниченных алмазов представляла некоторую проблему. Не решаясь сбывать их в Лондоне, он брал камни на континент, где и продавал по самой низкой цене гранильщикам Амстердама. Следовательно, и доходы от этих мелких краж были весьма невелики. Увлечение автомобилями держало Филипа в финансовой зависимости от Тиффани, но он не поверял ей секрет своих побочных доходов, зная, что она не одобрит его действия.

И это вовсе не кража, убедил он себя, ведь это же моя собственность. В худшем случае, я обворовываю своего папочку! Эта сторона дела доставила Филипу особое удовольствие, и он улыбался, запирая очередную партию алмазов в бюро своей спальни на Парк-Лейн. Вскоре он должен был отправиться в Париж и собирался взять камни с собой.

Почти все свободное время он проводил в команде Напье, но старался не пропускать некоторые уикэнды в Брайтуэлле. Как раз накануне прибытия Тиффани он решил совершить очередной визит долга, чтобы ничто не мешало ему потом общению с любимой девушкой. Мэтью был где-то на скачках, так что в гостиной он увидел одну Лору.

— Тебе нравится работа в «Брайт Даймондс»? — после приветствия спокойно спросила она.

— Конечно.

— Нет, это не так, — она мягко улыбнулась, когда он в удивлении поднял голову. — Ты не обманешь меня, Филип! Где же тогда твой огонь, лихорадка, одержимость? Любовь к

делу, к бриллиантам, которая на долгие годы захватила твоего отца?

Лора заметила его беспокойство и вновь улыбнулась.

— Не волнуйся, я ничего ему не скажу. Но я кое-что скажу тебе, нечто, чего Мэтью не знает. У бриллиантов есть невидимые темные грани, и влияние, которое оказывают эти драгоценности, бывает злым и разрушительным. Конечно, это относится не к средним камням, а только к большим, необычным, которые сами по себе из-за своей ценности и красоты обладают огромной притягательной силой.

— О чем вы?

— Когда твой отец попросил моей руки, он подарил мне бриллиант удивительную грушевидную подвеску. Эта была самая прекрасная драгоценность, которую я когда-либо видела, и была очарована. Но после возвращения в Лондон, когда... — Лора на мгновение запнулась, — когда у меня начались трудности, я поняла, что это бриллиант приносит мне вред. Я физически это чувствовала он был таким холодным, что обжигал меня, таким тяжелым, что пригибал меня к земле. И в то же время он словно пиявка, так присосался ко мне, что стал частью меня самой, и как бы мне ни хотелось избавиться от него, у меня не было сил.

— Но раз я никогда его не видел, значит, вам удалось его снять, — в голосе Филипа послышалось недоверие.

— Да, удалось... с чужой помощью. Но с тех пор я не носила его.

— И где же он теперь?

— Стыдно сказать, но я не знаю. Все остальные мои драгоценности находятся под замком, а этот бриллиант я швырнула в ящик туалетного столика на Парк-Лейн и не видела его лет семь.

С точки зрения Филипа вся эта история была романтической чепухой, но чем-то слова и искренность Лоры напомнили ему сказку Тиффани об Алиде. Мысли о Тиффани остановили скептические замечания, готовые сорваться с его языка и смягчили его сердце. Лора была не так уж и плоха, подумал Филип, а он ведет себя по отношению к ней как капризный ребенок. Появление в его жизни Тиффани восполнило потери прошлого.

— И отец никогда не спрашивал, почему вы его не носите?

— Нет. Мэтью не до таких мелочей. Он знает, что я не поклонница бриллиантов и предпочитаю изумруды. Уверена, что он не забыл о подвеске, но больше заботится о бриллиантах Брайтов.

Настроение Филипа испортилось. Бриллианты Брайтов... почему, собственно, ими завладела Миранда? Они должны принадлежать ему, чтобы он мог передать их будущей жене. С каким восторгом Тиффани приняла бы эти драгоценности! А как они будут смотреться на ней! Обида на Мэтью и Миранду вспыхнула с новой силой, но в этом не было вины Лоры — в конце концов не она владела бриллиантами Брайтов.

— Филип, я вовсе не собиралась рассказывать тебе историю одного единственного камня. Я просто хотела сказать, что если ты не очарован бриллиантами, оставь их, пока еще возможно. Твой отец мечтает о династии, но ты не обязан следовать его желаниям, если они расходятся с твоими. И будь уверен, я говорю это не ради выгоды моих собственных детей!

Филип взглянул в ее открытое лицо, в чистые зеленые глаза и поверил ей.

— Я знаю... спасибо, — тихо ответил он.

С чувством благодарности Лора ощутила потепление, наступившее между ними. Должно быть, это увлечение автомобилями совершило в нем такое замечательное

превращение, решила она, или какая-нибудь девушка, хотя он и не признавался. В чем бы ни была причина, она надеялась, что теперь возврата к прошлому не будет.

Возможно, Филип и забыл бы романтическую историю грушевидного камня, но вернувшись на Парк-Лейн, почувствовал неожиданное любопытство. Он лишь взглянет на драгоценность, твердил он себе, просто посмотрит, что это за камень, который способен возбудить такие странные фантазии. Поздно ночью он все-таки решился, прошел в спальню Лоры и стал рыться в ящиках ее туалетного столика.

Но когда он нашел подвеску, его мнение об истории, рассказанной Лорой, изменилось. Филип никогда не испытывал благоговения перед бриллиантами, но даже он восхитился размером и сиянием этого камня. И больше всего его поразила одна мысль: до чего же этот бриллиант необъяснимо напоминает ему Тиффани. Он обязательно должен показать ей камень. Ничего не случится, если он одолжит его на пару дней. Даже не вспомнив о предупреждении Лоры, что этот бриллиант несет в себе зло, Филип запер его в свое бюро вместе с остальными камнями.

На следующий день в комнату Филипа заглянула Генриетта. Ее присутствие здесь не было чем-то необычным, поскольку в ее обязанности домоуправительницы входила и забота о его удобстве на Парк-Лейн. Однако сегодня она была занята совершенно иным. Она хотела осмотреть его одежду, чтобы выяснить, хорошо ли камердинер выполняет свои обязанности. Мэтью объявил, что Филип не нуждается в собственном камердинере, достаточно одного слуги, и Генриетте пришло в голову, что поводом для увольнения одного из слуг могло бы стать небрежное отношение к гардеробу Филипа. Она открыла шкаф и стала осматривать одежду, с неохотой признавая, что может и не найти недостатков.

И вот тут-то она и увидела портрет...

Простой рисунок девичьей головки был приколот с внутренней стороны дверцы. Красивая, — подумала Генриетта, вздохнув по своей увядшей внешности. — Должно быть актриса, приглянувшаяся Филипу. — Она внимательно посмотрела на подпись и окаменела.

Она не знала, долго ли стояла так, но в конце концов ослабевшие ноги подогнулись и она опустилась на краешек кровати. Подпись была неразборчивая, почти непонятная для тех, кто никогда не слышал это имя раньше, ничего не сказавшая бы камердинеру или горничной. Но не Генриетте. Память вернула ее в Кейптаун 1887 года, когда она унесла от постели леди Энн крохотный сверток и передала его Джону Карту. *Не может быть...* и все же это случилось. Совпадение... судьба... рок... чем бы это ни было, колесо совершило свой оборот. Для Генриетты это был дар небес. Господь накажет семью Мэтью Брайта. День, который она так ждала, наконец-то настал.

Тридцать лет назад она последовала за леди Энн на алмазные копи Кимберли и была преданна хозяйке до самой ее смерти, не в силах забыть, как Энн выхаживала ее во время болезни черной оспой, которая изуродовала ее, но оставила в живых. Ее любовь к Энн могла равняться лишь ненависти к Мэтью, не только потому, что брак оказался несчастным, но и потому, что, по мнению Генриетты, леди Энн была ангелом, а Мэтью дьяволом, погубившим ее. Не особенно привязанная к Филипу, она не любила Миранду даже больше чем он из-за того, что ее рождение стало причиной смерти Энн, а также по причине удивительного сходства Миранды с отцом.

Она осталась в доме Брайтов, потому что ее муж был поваром Мэтью, но была и другая причина. Многие годы Генриетта лелеяла свою ненависть, ожидая момента, когда она

сможет отомстить Мэтью за все несчастья, постигшие Энн. Она старалась, хотя ей это и не удалось, довести его до разрыва с Лорой. Теперь же в ее руках было смертельное оружие... Она знала, что ей следовало бы отнести портрет сэру Мэтью, но не сделала этого. Генриетта жаждала растянуть удовольствие, она хотела смаковать возникшее положение, пока оно не зайдет безнадежно далеко — тогда-то она и сорвет с него покров.

Тиффани в очередной раз прибыла в Европу, и их первая встреча с Филипом в Лондоне состоялась в «Савое». Они тайно встречались еще несколько раз, а потом решили, что хватит прятаться. Они нарочно стали искушать судьбу, идя на риск быть узванными, возможно, они даже искали его. И Филип, и Тиффани были готовы к последствиям, которые это могло иметь.

— В субботу меня приглашают на костюмированный бал, — сообщил Филип. — Пойдем?

— Я не против, но где раздобыть костюм?

— Ты можешь надеть обычное платье. Все будут в масках, ты тоже наденешь. Я притащу тебе из дома: у нас где-то хранится много старых маминых и Лориных масок. Я спрошу у Генриетты.

— Генриетта, это опять ты! Что-то ты слишком заботишься обо мне в эти дни.

— Не больше, чем обязана, мастер Филип, особенно когда леди Брайт за городом.

— Спасибо за маску.

— Для красивой молодой леди, не так ли, сэр?

— *Очень красивой.*

— Я знаю ее?

— Нет, она американка. Генриетта, ты ведь была когда-то в Кимберли. Не помнишь человека по имени Джон Корт?

(Помню ли я его? Я десять лет жила в одном доме с ним.)

— Нет.

— Значит, ты не знаешь, почему они с папой поссорились?

— Боюсь, что нет.

— Жаль. Кстати, ты не слышала, папа собирается на сегодняшний вечер у Фонтуэллов?

— Сэр Мэтью не любит костюмированных приемов, мастер Филип, хотя я помню один... Нет он не пойдет.

— Слава Богу! Значит, надо опасаться только кухни Джулии. Спокойной ночи, Генриетта.

Я должна увидеть Тиффани, думала она, хоть раз, ради бедной леди Энн. Как хорошо, что мой Пьер дружен с поваром Фонтуэллов.

В доме Фонтуэллов было людно — лакеи, одетые гондольерами, старательно прислуживали гостям, сидящим за множеством маленьких столиков. Джулия сидела с Альфредом и его друзьями. Рэйф Деверилл расположился за столом Эмблсайдов рядом с Элис Палмер и своими родителями, братом, женой брата, которая недавно родила еще одну девочку, и сестрами. Рэйф не вырядился в костюм — несмотря на уговоры леди Эмблсайд он надел обычный вечерний наряд, а его маской было выражение утонченной скуки.

Джулия наблюдала за Рэйфом, надеясь привлечь его внимание, но он избегал ее взгляда, впрочем, как и ее саму после возвращения из Соединенных Штатов. Ее немного успокаивало

его мрачное настроение и продолжающаяся неопределенность отношений с мисс Палмер, пока ей не пришла мысль, что его несчастный вид может объясняться разлукой с девушкой, с которой, как она предполагала, он познакомился в Америке. Она смотрела на него неотрывно, внимательно и пристрастно. И заметила, как внезапно выражение его лица изменилось, он весь напрягся, в глазах промелькнули недоверие, дикая надежда, всесокрушающее отчаяние и боль — чувства, которые он сам вызывал в Джулии. Медленно, словно боясь того, что она может увидеть, она повернулась в направлении его взгляда и заметила две садящиеся за крайний столик фигуры в масках. Но это же Филип, в удивлении подумала она. Его волосы я везде узнаю. Но следующий взгляд на Рэйфа подтвердил, что он смотрит на спутницу Филипа. Ну почему, почему, в молчаливой муке думала Джулия, он никогда не смотрел так на меня?

— Интересно, почему та женщина, в черном, без костюма, — заметил один из ее друзей.

— Может быть, она только что приехала в Лондон, — предположил другой. — Должно быть, с континента.

— Или из Америки, — прошептала Джулия.

Поскольку они сидели за столиком вдвоем, Филип не удержался и показал Тиффани бриллиант. Это был самый прекрасный камень, который она только видела, и, затаив дыхание, она долго смотрела на него, благоговейно держа его в руках, испытывая очарование, равного которому раньше не знала. Она решила, что он дарит ей камень.

— Спасибо, — вымолвила она наконец. — Я всегда буду его беречь.

Она ошиблась, но разве мог он теперь забрать у нее подвеску? Бриллиант был прекрасен, как она сама. Как он уже заметил, они были очень похожи. Лора не хватится его, а если Мэтью узнает... ну его к черту! Миранда завладела всеми драгоценностями Брайтов, так неужели он не может получить одну единственную подвеску! Филип улыбнулся и сжал руку Тиффани.

— А я всегда буду беречь тебя, — нежно проговорил он.

Генриетта стояла среди других слуг, глядя на бальный зал с галереи. Она так встала вместе с Пьером, чтобы ей были хорошо видны Филип и Тиффани. Оттуда она наблюдала тот самый момент, когда Филип наклонился к Тиффани и прошептал: «Я люблю тебя». И хотя Генриетта не могла слышать его, их глаза и движения были красноречивее слов. Лишь влюбленные сидят так близко, держась за руки, лишь влюбленные так неотрывно глядят в глаза друг другу, а их губы что-то шепчут.

Наконец настал момент, когда гости сняли маски. Джулия, Рэйф и Генриетта смогли ненадолго увидеть прекрасное лицо Тиффани, так как она и Филип тут же поднялись, чтобы покинуть вечер.

Генриетта знала, что должна бежать за ними, должна что-то сделать, сказать, но она не могла даже пошевелиться, застыв в беспомощной неподвижности, прикованная к месту ужасом. В ее голове что-то шумело, звучали чьи-то голоса, мелькали какие-то лица. Один голос твердил, что они не могут зайти так далеко, другой голос был голосом леди Энн, и он умолял ее остановить их. Но самым отчетливым было лицо Мэтью, и она представляла, что с ним будет, когда он узнает — *когда она скажет ему!* И Генриетта осталась стоять, переполненная ненавистью, и не сделала попытки остановить несчастье.

Впоследствии люди отмечали, что костюмированный бал был единственным случаем, когда они видели Рэйфа Деверилла пьяным. Конечно, позднее в свете последующих событий

это стало понятным. Он вообще был несколько странным после англо-бурской войны, но в эту ночь перешел все границы. Рэйф напился, потому что знал, куда отправились Тиффани и Филип, потому что мог представить — слишком живо представить — все, происходящее сейчас в ее номере отеля. Быть отвергнутым ради другого уже неприятно, но ради *Филипа*... И Рэйф вновь хватался за бокал, когда думал об этом зеленом безусом юнце со смазливой физиономией, крепким телом и пустой эгоистичной головой. И словно поворот ножа в ране была для него мысль, что эти отношения продолжались все эти годы — еще с Оксфорда — и что он сам дразнил ее Филипом! Глупец он и больше никто, а она — лживая сука! Как она могла. И тут у него в голове все окончательно сложилось.

В девять часов вечера в пятницу на треке Брукленда горели огни — триста пятьдесят две мощные красные лампы, по одной на каждые десять ярдов вдоль всего пути, скупленные во всех дорожных компаниях Лондона. Огни сияли вдоль верха всей насыпи, отражаясь от фар автомобилей, они отбрасывали красные блики на полотно трека и три машины, мчащиеся по нему. Ночь обещала быть холодной, а темная угрожающая бахрома пихт, возвышающихся над насыпью, делала всю картину совершенно нереальной.

Филип, одевший под белый водительский комбинезон побольше теплого белья, ожидал своей очереди сесть за руль, и рядом с ним стояла Тиффани. Большого от жизни ему и не надо, думал он.

Все в Брукленде приводило его в восторг. Он видел, как шло строительство, но его сердце по-прежнему начинало отчаянно биться, когда, проехав через туннель, он попадал в огромный котел амфитеатра с жуткой крутизной его насыпи, и впереди открывался широчайший размах устремленного вдаль пути. Он мчался по кругу, достигая скорости 70 миль в час. Скорости такой огромной, что на поворотах он, вжимаемый в сиденье, утрачивал все ощущения: оставалось лишь полотно трассы, летящее под колеса, бьющий в лицо поток воздуха и жалящие укусы песчинок.

Официально гоночная трасса была открыта одиннадцать дней назад, но Филип ждал именно нынешнего дня: двадцатичетырехчасовой гонки Эджа, который пытался побить рекорд двух американцев, прошедших 1096 миль при средней скорости 45,6 миль в час. Три машины стартовали в шесть часов вечера, чтобы можно было провести ночную часть заезда, пока команда еще не устала. Автомобиль, который вел Эдж, был выкрашен в британский гоночный цвет — зеленый. Специально для рекордного заезда его существенно переоборудовали. С машины сняли кузов, а огромный бак с бензином был установлен за передними сиденьями. Две другие машины, выкрашенные соответственно в красный и белый цвет и тоже с открытыми шасси, вели сменяемые каждые три часа испытатели Напье. В любой момент водитель белой машины мог подъехать к ремонтному пункту и уступить руль Филипу.

— Вот он. — Филип обнял Тиффани за талию и крепко прижал к себе. — Сначала заменят покрышки, а потом я стартую. Светло, как днем, правда? Эти фонари так хороши, что мы можем не пользоваться фарами. А ты не замерзла? Может быть, пойдешь отдохнуть? Три часа — это очень долго.

— Не беспокойся обо мне. Удачи!

— До встречи.

Быстрый поцелуй, и он помчался к машине. Тиффани мгновенно ощутила одиночество и угнетенность. Ей хотелось уйти в теплую палатку, где можно было что-нибудь съесть и

выпить, но она ни с кем не хотела говорить. И потому она бродила взад-вперед, усиленно стараясь согреться и отвлечься от неприятных мыслей, так как кроме холода у нее были и другие причины для ходьбы и вынужденных упражнений. Ее месячные запаздывали уже на десять дней.

Возможно, беспокоиться пока не о чем, пыталась она убедить себя — так, ложная тревога. Может быть, это сексуальная жизнь расстроила ее физиологические ритмы. Но Тиффани не могла избавиться от страха, потому что раньше ее месячные никогда не опаздывали и были регулярными, словно фазы луны. В своем страхе она даже сердилась на Филипа. Это он виноват, потому что забеременеть она могла только в первый раз. За прошедшие три недели они много раз занимались любовью, но она была осторожна... очень осторожна. Филип принес брошюру о контроле над рождаемостью, видимо, позаимствованную у кузины Джулии, которая попутно с благотворительной деятельностью занималась их распространением. Таким образом Тиффани узнала, что вулканизация резины привела к появлению резинового презерватива, который теперь предпочитают старым, изготовленным из овечьих кишок. Она также узнала все о прерванном половом акте, спринцевании, безопасном периоде и многом другом. Так что случиться это могло лишь в первый раз. И вот она все быстрее и быстрее ходила по дорожке и резко подпрыгивала, как будто с помощью этих яростных упражнений можно было изгнать из себя нежеланное существо. К черту! И почему она женщина, а не мужчина?!

Если она беременна, стоят ли их плотские радости такого результата? Да, не сомневаясь, ответила она. Филип был замечательный любовником. Кроме того, она любит его, иначе не стояла бы на этом проклятом поле, открытом всем ветрам, да еще ночью!

Именно поэтому она ничего не сказала ему о своих страхах, но, возможно, скажет завтра после гонки. Они должны выработать планы на будущее. К ее удивлению в последнем письме Джон Корт сообщил, что прибывает в Англию. Она была недовольна этим, но теперь решила, что в подобных обстоятельствах визит отца будет кстати. Ну, да ладно, Бог с ним. Однако, как здесь холодно! Тиффани вошла в палатку, села в уголке и до возвращения Филипа притворялась уснувшей.

Огромная машина с ревом и грохотом неслась на бешеной скорости. Покрышки сходили с колесных дисков, поверхность трека начала крошиться так сильно, что гравий набивался во все отверстия. Чтобы охладить дымящиеся покрышки, приходилось поливать их водой. От вибрации треснуло, а затем рассыпалось лобовое стекло. Но С. Ф. Эдж продолжал двадцатичетырехчасовой пробег до шести часов следующего вечера и, пройдя 1581 милю при средней скорости 65,905 миль в час, установил двадцать шесть потрясающих рекордов в разных категориях.

Две другие машины отстали, но не сильно. Команда Напье была в восторге, однако больше всех ликовал Филип. Он ужасно устал, все мышцы его одеревенели, лицо и руки были покрыты ссадинами. Но все же они с Тиффани добрались до Белого Льва в Чобаме, где для них были сняты комнаты. Он сразу же уснул, но через пару часов проснулся посвежевшим и жадно потянулся к Тиффани. Он был предупредителен и нежен... а когда страсть улеглась, тихо лежал, прижав ее к сердцу.

— Подари этому чудесному дню чудесный конец, — прошептал он, глядя ее волосы. — Скажи, что выйдешь за меня замуж.

— Конечно. Наверное, я даже обязана это сделать.

Он приподнялся на локте, радостно вглядываясь в ее лицо.

— Ребенок? Уже? Как здорово! Но не слишком ли рано говорить об этом?

— Конечно, это здорово, хотя я не слишком рада. Но, видишь ли, я еще не до конца уверена. Лишь одно бесспорно хорошо: когда наши дорогие папочки узнают о ребенке, они не смогут помешать нашему браку. Я-то сумею уломать своего отца, но вот думаю, не выгонят ли тебя без единого гроша.

— Мы расскажем им нашу новость одновременно.

— Для этого их придется собрать в одном месте.

— Что-нибудь придумаем. Милая моя Тиффани, я просто не могу дождаться, когда же увижу их лица!

— Когда мы поговорим с ними?

— Дай подумать... На следующей неделе я должен ехать во Францию, чтобы вновь прощупать этого мошенника Лемуана; совершенно пустая трата времени, как ты знаешь, но зато я держу папу в тревоге. Когда я вернусь, твой отец уже придет. Значит, после моего возвращения. Филип засмеялся. — Не могу дождаться! — повторил он.

На мгновение Тиффани ощутила сомнение. Дело касалось всей их будущей жизни, а Филип думал лишь о том, как этот брак поразит его отца. Конечно, это было важно, Тиффани не отрицала, но у них было что обсудить и кроме этого.

И необъяснимым образом, с абсолютным пониманием, что было характерно для их отношений, Филип ощутил ее беспокойство.

— Ты же знаешь, что дело не в этом, — спокойно сказал он, — и не в деньгах. Я люблю тебя. До безумия!

В то утро, когда Филип должен был отправиться из Лондона во Францию, он, как и все влюбленные, ощутил настоятельную необходимость написать письмо любимой. Он виделся с Тиффани вечером и попрощался с ней, но нуждался в этом последнем обращении, словно письмо могло приблизить их друг к другу. Она еще не была у врача, но тошнота по утрам подтверждала, что она беременна.

«Моя любимая Тиффани, — писал он. — Не могу уехать, не сказав тебе еще раз, как я тебя люблю и как буду скучать без тебя. Береги себя и нашего малыша. Я настаиваю, чтобы ты, как только я вернусь, проконсультировалась с врачами. Затем мы сообщим эту потрясающую новость Джону Карту и Мэтью Брайту, и я уверен, что это обстоятельство заставит их согласиться на наш брак. До свидания. Я буду любить тебя вечно».

Филип причудливо подписался, запечатал письмо и передал Генриетте, которая как раз вошла в комнату.

— Отправь его в «Савой», Генриетта. Я хочу, чтобы оно дошло не позже полудня.

Из верхнего окна она наблюдала, как он сел в машину, которая повезла его на вокзал. Как только он скрылся из виду, она медленно вошла в свою комнату и с превеликими предосторожностями вскрыла письмо...

Генриетта долго сидела неподвижно. Сознание ее мутилось от ужаса, отвращения и страха перед своей ролью, достойной пьесы Эсхила. В полном смятении она думала о противоестественности случившегося, о грехе против всех законов природы, который с ее точки зрения, не умалялся неведением преступников. Она размышляла о собственном грехе и с ужасом поняла, что предала леди Энн, что ее преданность умершей госпоже толкнула ее на ложную и скользкую дорожку ненависти и озлобления. Конечно, Энн хотела бы, чтобы она защитила ее детей, а не стояла отчужденно, словно околдованная, когда они играли роли в своей трагедии. И с осознанием катастрофы и своей ужасной вины ненависть Генриетты к

Мэтью растаяла. Все эти годы она мечтала о мести, а когда она состоялась, горькое сожаление охватило ее. Теперь она должна была рассказать ему о случившемся, но не могла.

Она вновь вошла в комнату Филипа, сняла с дверцы портрет Тиффани, вновь вернулась к окну и тут увидела путь, который избавит от разговора с Мэтью.

Шофер, отвезший Филипа на вокзал Виктория, вернулся с двумя пассажирами, приехавшими из Паддингтона; к парадному входу направлялись Миранда и ее гувернантка.

Генриетта, находясь в смятении чувств, совсем забыла, что Миранда должна была приехать в Лондон из Брайтуэлла, чтобы пройти у врача регулярный медицинский осмотр. В этом заключалось спасение Генриетты, но это же означало, что весь этот день она должна скрывать охватившее ее возбуждение. В полдень гувернантка отвела Миранду к врачу, затем они вернулись домой. И наконец из конторы прибыл сэр Мэтью. Как обычно, когда Лоры не было в городе, он прошел прямо в библиотеку, где Паркер уже приготовил ему выпить, и где зимой и летом горел камин. Генриетта ждала у дверей библиотеки, когда Миранда спустится из своей комнаты, чтобы повидать отца.

Вот и она; волосы расчесаны и сияют темным золотом, чинно шагает по лестнице. Миранда никогда не торопится, она всегда знает свое время и место, рассудительная и осторожная девочка, оставляющая впечатление, что она всегда совершенно четко знает, куда идет и что делает. Нелюбовь Генриетты к Миранде испарилась вместе с ее ненавистью у Мэтью, но она не испытывала сожаления, вкладывая в руку девочки сложенный портрет и письмо.

— Отдай все это отцу, но сама не смотри.

Миранда кивнула. Ее не интересовали бумаги, предназначенные отцу, она решила, что они связаны с хозяйственными делами, но в любом случае у нее не было возможности заглянуть в них, потому что она стояла уже у самой двери в библиотеку, и Генриетта следила за ней.

Мэтью стоял перед камином. Для июля погода была холодной и пасмурной, но он любил камин за уют, создаваемый им в помещении, а не за тепло. Когда Лоры не было рядом, он скучал.

— Дорогая! — он протянул руки, крепко обнял Миранду и нежно поцеловал ее в лоб. — Рад тебя видеть. Можешь остаться и пообедать вместе со мной. Филип сегодня уехал.

Миранда вспыхнула от радости и от приглашения, и от известия об отсутствии Филипа.

— Я была у доктора.

— Что он сказал? Это его отчет? — и Мэтью указал на бумаги, которые она по-прежнему держала в руках.

— Нет, это Генриетта просила передать тебе. — Она протянула ему портрет и письмо. — А сэр Уильям пришлет тебе отчет завтра, — закончила она.

— Что он говорит? — вновь спросил Мэтью. — Он обнаружил какие-нибудь улучшения твоего слуха?

— Нет, — она чуть улыбнулась на его разочарование. — Папа, ты же знаешь, все эти осмотры — пустая трата времени. Вряд ли что-нибудь изменится. И это не имеет значения. Я могу прекрасно обходиться и без слуха.

Мэтью улыбнулся ей в ответ.

— Да, ты чудесно справляешься. Я горжусь тобой.

Он задумчиво постучал своими изящными сильными пальцами по бумагам и взглянул на них. Повернувшись к огню, он неторопливо развернул портрет. Красивая девушка,

подумал он, но с чего Генриетта решила, что это должно заинтересовать его? Могла бы и прекратить эти попытки! Роскошное создание... Затем он прочитал подпись и его сердце дрогнуло... Он прочел имя на конверте, подписанном рукой Филипа, и трясущимися пальцами открыл его. Наконец он решился прочесть само письмо. Его лицо побагровело, он зашатался, из горла вырвался ужасный сдавленный вопль, и Мэтью Брайт рухнул. Когда он упал на пол, его рука, держащая бумаги, попала в огонь, но он уже не чувствовал боли.

Миранда закричала.

И мир никогда уже не стал прежним.

Глава двенадцатая

С лица Мэтью исчез багровый румянец, и оно приобрело тусклый свинцовый оттенок. Правая рука была туго забинтована, но боль в ней почти не ощущалась по сравнению с мукой в сердце.

— Полный покой, сэр Мэтью, — заявил врач. — Без всякого сомнения, у вас случился удар.

— Чушь, — слабо ответил Мэтью. — Я споткнулся о каминный коврик.

— У вас нелады с сердцем. Малейшее усилие может спровоцировать новый приступ. Я настаиваю, чтобы вы оставались в постели.

Левой рукой Мэтью дернул шнурок звонка.

— Доктор уходит, Генриетта. Проводите его и возвращайтесь.

Когда она вернулась, они долго безмолвно смотрели друг на друга, не зная с чего начать.

— Я не стану спрашивать, Генриетта, откуда вы все узнали, — произнес наконец Мэтью. — Я лишь благодарен вам за это. Теперь мне нужно время, чтобы решить, что можно сделать.

— Разве не слишком поздно что-либо предпринимать?

— Никогда не поздно! Как-нибудь, чем-нибудь, кто-нибудь может быть спасен... О Боже, ребенок...

Мэтью закрыл глаза, сраженный ужасом.

— Как это началось? Когда они встречались? Но есть еще кое-что, о чем я хотел бы узнать, Генриетта, и ты одна из двух оставшихся в живых людей, кто может ответить мне. Как долго Энн спала с Джоном Кортотом?

Генриетта очень удивилась подобному вопросу.

— У них было множество возможностей, — медленно заговорила она, и в ее тоне проскользнула нотка осуждения за то, что в свое время он так забросил Энн, — но они лишь раз воспользовались случаем.

— Лишь раз? Вы уверены? — Мэтью попытался сесть в постели, его серые щеки порозовели.

— Конечно, — ответила она, — и в результате на свет появилась Тиффани. — Лишь теперь Генриетта начала понимать его поведение по отношению Филипу. — Уверяю вас, это правда. Я знала ее лучше всех и я постоянно была в доме. Я бы знала, если бы у них было что-то еще с Кортотом. — Она помолчала. — Мистер Филип и мисс Тиффани лишь наполовину брат и сестра, — произнесла она со значением.

Мэтью вновь откинулся на подушки: наконец-то в его мире все становилось на свои

места, хотя и ценой катастрофы; в этом кошмаре была и светлая сторона — у него есть сын. И после этого открытия в Мэтью проснулось желание в первую очередь защитить Филипа.

— Что бы ни случилось, Филип не должен узнать истину. Слава Богу он в отъезде... мне нужно время...

Он протянул здоровую руку и со всей силой ухватил Генриетту за запястье.

— Генриетта, я надеюсь, вы никому ничего не расскажете, ни сейчас, ни потом. Обещайте!

— Обещаю.

— Вы должны сказать другим слугам и леди Брайт, что произошел несчастный случай. Никто не должен подозревать, что я болен, никто не должен знать, что меня потрясло. Я споткнулся о коврик, от удара о камин потерял сознание и немного обжег руку. Вы понимаете?

— Да, сэр. Генриетта чуть не плакала. — Но доктор говорит, что вы должны лежать.

— Мне надо многое сделать. Я должен разобраться...

Мэтью попытался выбраться из постели, но ему не хватало сил, и он выругался.

— Позовите Миранду.

Неожиданно его лицо исказила страдальческая гримаса:

— О Энн, — простонал он, — твои дети... бедные, бедные дети!

Генриетта расплакалась и выскочила из комнаты. Ей потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, поэтому она не сразу отправила Миранду к отцу. И это время ушло у Мэтью на горькие сожаления — сожаления, что он не верил Энн, когда она утверждала, что Филип его сын, сожаления, что он отказался от Тиффани, ведь если бы он воспитывал ее как свою дочь, кровосмешения никогда бы не случилось. Он отчаянно бранил судьбу за столь ужасные события, но когда появилась Миранда, он вновь стал самим собой.

Миранда вошла неуверенно, ее лицо было еще бледнее, чем его, но когда она увидела, что он сидит в постели, она бросилась ему на шею.

— Я думала, ты умер, — прошептала она.

— Родная моя, — Мэтью погладил ее по волосам. — Прости, что я напугал тебя. Со мной все в порядке и завтра я уже встану.

Она присела на краешке кровати.

— Твоя бедная рука, — прошептала она, осторожно касаясь повязки. — Я вытащила ее из огня, но она так обожглась, вся... — она задрожала.

— Бумаги, которые я держал, что случилось с бумагами? — резко спросил он.

— Они сгорели. Я не успела их вытащить.

«Слава Богу», — подумал Мэтью. — Ты не читала их?

— Я не могла. Я же говорю, они сгорели. Там было что-то важное?

— Нет, ничего, солнышко; я попрошу, чтобы ты кое-что сделала для меня. Я хочу, чтобы ты написала Лоре, рассказала ей об этом нелепом несчастном случае и о том, что я обжег руку. Напиши, что у меня все в порядке, но рука перевязана и я не могу писать сам. Напишешь?

— Конечно.

— Спасибо. Когда напишешь, принеси письмо мне, и мы попросим Паркера немедленно его отправить. Понимаешь, я вовсе не хочу, чтобы она мчалась сюда, сломя голову, — и он с видом заговорщика улыбнулся Миранде. — У меня много дел, а она может мне помешать, и я бы хотел, чтобы ты побыла со мной несколько дней, помогая мне с

письмами и другими делами. Поможешь?

— С радостью, — и Миранда обняла отца.

Очень чувствительная, она понимала, что происходит что-то странное. Папа не спотыкался о коврик, как убеждала ее Генриетта, и она твердо знала, что он что-то от нее скрывает. Но она была дочерью своего отца и могла играть в ту же игру, что и он. Она даже поняла, что он использует ее, что он уверен, что может обмануть ее, но не сможет обмануть Лору, однако это не волновало ее. Она была слишком счастлива тем, что отец нуждается в ней и разрешает находиться рядом, помогая ему во время болезни.

На следующее утро Мэтью выбрался из постели и потребовал одежду, почем свет ругая камердинера за неловкость. Тот терпеливо разрезал рукав рубашки, чтобы в него могла пролезть забинтованная рука, поправил повязку и заколол пустой рукав пиджака, чтобы он не болтался. Мэтью, пошатываясь, отправился в библиотеку и вызвал Миранду. Он посмотрел на телефон и проклял то обстоятельство, что для того, чтобы им пользоваться, необходимо две рук.

— Сегодня у нас будет очень напряженный день, — весело объявил он. — Я должен установить контакт с мистером Джоном Кортм.

К концу дня лицо Мэтью стало пепельным от усталости и боли в обожженной руке, но он ощущал нечто сходное с триумфом. С необыкновенным облегчением он узнал, что через три дня Джон Корт прибывает в Англию и вместе с дочерью будет проживать в «Савое». Три дня... Мэтью было дано три дня, чтобы полностью прийти в себя и собраться с силами. Он должен будет лицом к лицу столкнуться со своим прошлым, вспомнить Кимберли, но сражение за бриллианты было ничто по сравнению с этим с самым жестоким сражением в его жизни.

Дни тянулись изнурительно медленно. Каждое утро в доме появлялся Антон Элленбергер и приходил в ужас от вида Мэтью. Признаки болезни были столь очевидны, что он не верил в историю с каминным ковриком. Состояние здоровье Мэтью было важно для Антона по многим причинам, и не последним было то обстоятельство, что приближалось время, когда он мог предпринять давно задуманные шаги — порвать с «Брайт Даймондс» и начать собственное дело. Но хотя во всем, что касалось бизнеса, он был безжалостным и аккуратным, Антон знал, что его совесть будет неспокойна, если он оставит компанию в такое время, когда Мэтью не способен ею руководить. Филип тут не поможет — он не интересовался делом, и, как Антон чувствовал, был очень ненадежен, — а Миранда была еще не готова. Миранда... тут лежала истинная причина беспокойства Элленбергера. Он общался с ней так часто, как только это было возможно, рассказывал ей о бриллиантах, посвящая во все тонкости и дополняя знания, которые она получила от отца. Очень часто они разговаривали на родном ему немецком языке, которым Миранда овладела в дополнение к французскому, и Антон мягко поправляя ее произношение и пользовался идиомами, повторяя одно и то же бесконечное число раз, пока почти глухая девочка не произносила слова абсолютно правильно.

Однако же его интерес к дочери хозяина шел гораздо дальше уроков немецкого и рассказов о бриллиантах. Джулия была права — Антон Элленбергер мечтал жениться на Миранде. Но постепенно помимо первоначальной цели — очевидной коммерческой выгоды от такого союза — к нему пришла истинная привязанность и восхищение девочкой. Ему нравились ее мужество и спокойная решительность, ее ум и вежливость. Не был он слеп и перед не раскрывшейся еще, но многообещающей красотой ее лица и тела, роскошью

золотых волос. Но хотя Антон был абсолютно уверен в себе, когда речь шла о бизнесе, то при общении с женщинами он этого ощущения не испытывал. А рядом с Мирандой его врожденная неуверенность лишь возрастала. Окружающее ее величие, высокое общественное положение и, более всего, ее любовь к отцу, представлявшему собой великолепный образец красавца-мужчины, вызывали у него чувство горечи. Он дал себе клятву, что когда-нибудь, добившись соответствующего положения, обеспечит ее той роскошью, к которой она привыкла, а сейчас он должен проложить путь к ее душе, чтобы облегчить путь к ее сердцу, когда придет время. А пока, ради создания собственного дела и достижения богатства он должен был покинуть Лондон, а, значит, и ее. Но ей еще только тринадцать лет, и у него есть время. И он очень хотел, чтобы Мэтью выздоровел, потому что грядущую битву за контроль над алмазной промышленностью он будет вести только с Мэтью — лишь так он мог достичь желаемого.

Когда на четвертый день после «несчастливого случая» его вызвали на Парк-Лейн, Антон с облегчением увидел, что состояние здоровья Мэтью явно улучшилось, и ему приятно было увидеть Миранду за письменным столом библиотеки. Когда Мэтью вышел из комнаты, он приблизился к девочке и улыбнулся.

— Твоему отцу гораздо лучше, — по-немецки сказал он.

— Вы думаете? — пылко спросила она. — Я тоже так думаю, не когда люди чего-то очень хотят, они легко принимают желаемое за действительность.

— До чего мудрые мысли в столь юной головке, — ответил он. — Но не волнуйся, Миранда, на этот раз все так и есть. Ты уже начала читать немецкую книгу, которую я принес?

— Я дочитала ее.

— Так быстро?

— У меня много свободного времени для чтения, ведь друзей у меня нет, — ее взгляд был откровенным, без всякой жалости к себе. Иногда она думала, что было бы хорошо ходить в школу и подружиться с другими девочками, но она знала, что глухота и необходимость специального обучения делала ее мечту невозможной. Взамен у нее были книги, ее собака Ричи и папа.

— Но сегодня ты очень занята...

— Я пишу письма для папы.

Ее глаза засияли, и Антон вновь подумал, как трудно будет оторвать ее от отца.

— Хорошо. Если я смогу тебе чем-либо помочь, Миранда, ты знаешь, где меня найти.

— Да, спасибо.

Антон направился было к двери, но затем остановился.

— Было бы полезно, если бы ты пошла в школу — твоя четкая речь и умение читать по губам настолько хороши, что это вполне возможно.

— Я рада, что вы так считаете, — ответила она, очень уважая его мнение. — Папа говорит, когда я стану чуть старше, я смогу отправиться в школу на континент. Я должна буду выбрать между Францией и Германией, но я уже решила, — очаровательная улыбка осветила ее лицо. — Я выберу Германию.

Ему приятно было слышать это, и Миранда понимала его! Когда он ушел, она попыталась разобраться в их отношениях. Антон был больше, чем просто служащий, но меньше, чем член семьи; его отношение к ней и положение в обществе ставили Антона где-то посередине. Возможно, подумала Миранда, именно он мог бы стать ее другом.

Она опустила глаза на только что законченное письмо. Оно было адресовано мистеру Джону Карту в отель «Савой» и гласило: «Настоятельная необходимость побуждает меня просить Вас как можно скорее нанести мне визит. Дело касается Вашей дочери. Прошу никому, включая и ее, не говорить об этой встрече».

Как ей и было сказано, Миранда сделала пояснение, что пишет вместо отца, поскольку он поранил руку. Без этих слов, сказал Мэтью, мистер Корт может оскорбиться, увидев чужой почерк. Потом она запечатала письмо, отправила его в «Савой» и начала новое.

Первой реакцией Джона Корта на письмо было возмущение и твердое решение никуда не ходить. Он часто утверждал, что ничто не заставит его вновь заговорить с Мэтью Брайтом, ничто не может иметь для него такое важное значение. Но ведь Тиффани была важнее всего. Что же случилось, и почему она не должна знать об этой встрече? Он украдкой взглянул на нее через обеденный стол.

Казалось, у нее отличное настроение, хотя она была несколько бледна и плохо ела — вот и к завтраку она почти не притронулась. Дело, на которое ссылается Мэтью, должно быть связано с бриллиантами, решил Корт, или — словно холодная рука сжала его сердце — это связано с прошлым?

Когда Тиффани заявила, что днем хочет пройтись по магазинам, Корт проводил ее на Бонд-стрит, а затем, против собственной воли, пошел по Пиккадилли на Парк-Лейн. Перед самым домом Мэтью он было заколебался, но потом поднялся по лестнице и его спешно провели в библиотеку, где Мэтью занимал свое привычное место у камина, спиной к нему. Они молча взглянули друг на друга. Прошло уже двадцать лет, как они виделись в последний раз, а когда-то они делили радости и неудачи на алмазных полях Кимберли, жили в одном доме, вместе создавали себе свои огромные состояния. И все это было перечеркнуто и пошло прахом из-за того, что Корт однажды, всего однажды позволил себе согрешить с Энн, и чего Мэтью так и не смог простить. И теперь оба были рады, что перевязанная правая рука Мэтью избавляла их от рукопожатия.

— Я бы не просил тебя прийти, — резко начал Мэтью, — если бы дело не было очень важным. Столь важным и личным, что я не мог никому его доверить. Ни человеку, ни бумаге.

— А я бы и не пришел, если бы ты не упомянул Тиффани, — напряженно ответил Корт. Он почувствовал возбуждение Мэтью, и его тревога возросла.

— Полагаю, тебе не известно, что Тиффани и Филип весьма близки?

Корт побледнел.

— Я запретил ей и близко подходить к кому-либо из Брайтов! — воскликнул он, и ужас ситуации ледяной рукой стиснул ему сердце.

— Глупец! Все, чего ты достиг, так это подстегнул ее любопытство и, возможно, стихийный мятежный дух. Это все объясняет. Она намеренно искала Филипа.

— Уж скорее Филип бегал за ней, ведь она так красива! — в ярости ответил Корт.

— Тем более, ты мог бы приглядывать за ней, — выкрикнул Мэтью. Затем он приложил здоровую руку ко лбу.

— Бессмысленно спорить, Джон, и винить друг друга, все зашло слишком далеко. Они собираются пожениться.

Корт пошатнулся.

— Но она должна выйти замуж за Рэндольфа, — жалобно произнес он, не в силах осознать положение, — за своего кузена Рэндольфа.

— К черту Рэндольфа! Тиффани ждет ребенка от Филипа!

Смертельно побледнев, Корт зашатался и упал бы, если бы Мэтью не подхватил его здоровой рукой и не усадил в кресло.

Корт спрятал лицо в ладони и стал всхлипывать.

— Прости, — наконец произнес он.

— Не надо извиняться, — грубо ответил Мэтью. — Если уж хочешь знать, твоя реакция гораздо спокойнее моей: у меня был удар и я упал в камин. Как бы смеялась Изабелла!

— Изабелла?

Корт вспомнил, кого любил Мэтью: Изабелла, Алида, Энн... Энн!

— Это неправда! — неожиданно произнес он. — Ты говоришь все это, чтобы помучить меня. Ради своих целей ты всегда мучил людей и заставлял их страдать.

Он вглядывался в глаза Мэтью, отчаянно ища освобождения от завладевшего им кошмара, но не нашел ничего утешительного в пристальном взгляде синих глаз собеседника.

— Ты уничтожаешь всех и все, к чему только ни прикоснешься, — беспомощно произнес он.

— Не смей так говорить! Думаешь я не понимаю, что если бы я не отвернулся от малышки, этого ужаса никогда бы не было?

Но подобное признание не успокоило Корта.

— Она была нужна мне. Пока ее не было, моя жизнь была бессмысленна. Все это богатство — и не на кого тратить.

— Почему ты не женился? — Мэтью вновь подошел к камину.

— Не мог. — Корт взглянул на застывшее суровое лицо бывшего друга и отвел взгляд. — Я любил Энн, ты знаешь. Любил по-настоящему. А потом я посвятил всю свою жизнь Тиффани.

— Значит ты еще больший глупец, чем я думал! Это самая худшая ошибка, которую только может совершить отец. Отец должен любить детей, но не цепляться за них, не подавлять их, не отдавать им свою жизнь. Он должен понимать, что когда-нибудь будет вынужден отпустить дитя на свободу!

На посеревшем лице Мэтью выступили капли пота, он еще неважно себя чувствовал, и волнение делало свое дело.

— Я знаю, что ты испытываешь, потому что то же самое я чувствую, когда думаю о Миранде, — заявил он уже спокойнее. — Мне не следовало бы превращать ее в любимицу, но я сделал это. Однако когда придет время отпустить ее, молю Бога, чтобы я не забыл данного тебе совета.

Медленно, шаг за шагом, Корт начал осознавать случившееся.

— Что же делать? — беспомощно спросил он. — Мэтью, раньше ты всегда знал, что делать.

— Кому-то из них надо все открыть — но не Филипу.

— Я не могу сказать такое Тиффани! — Корт был в ужасе. — Филип мужчина. Это он должен взять на себя груз.

— Нет. — Мэтью выпрямился, расправил плечи и приготовился к борьбе. — Двадцать лет я был уверен, что Филип твой сын. Двадцать лет я обращался с ним так, словно это был твой сын. Хватит ему расплачиваться за наши грехи. Он уже достаточно страдал.

— Другие страдали не меньше.

— Другие, но не ты! Сначала я, потом Энн, потом Филип... теперь Тиффани, потому

что она беременна ребенком от брата. Лишь ты не поплатился — у тебя-то все хорошо, — ты получил ребенка, о котором мечтал и который дал тебе смысл жизни. Теперь твоя очередь платить!

— Я не могу сказать ей! Я не могу нанести ей такую рану!

— Ты должен.

— Но зачем? — в отчаянии спросил Корт. — Ведь по-прежнему есть Филип... и, Боже, ребенок!

— Она скажет Филипу, что ошиблась, что она не любит его и что никакого ребенка нет. Я устрою так, чтобы он уехал из Лондона. А потом мы решим и остальные проблемы. Прежде всего, Джон, я думаю о Филипе.

— Лишь ты и я знаем правду, — воскликнул Корт. — Если мы будем молчать, они смогут пожениться, и никто ни о чем не узнает!

Во взгляде Мэтью было такое недоумение и ужас, что ответа не потребовалось.

— Ты прав, — произнес Корт, — конечно, это невозможно. Но ты не понимаешь, Мэтью... ты не знаешь, какие истории... какие прекрасные истории я рассказывал ей о матери... сам я не могу это сделать!..

— Если не скажешь ты, — пригрозил Мэтью, — расскажу я.

Джон Корт вернулся в отель. Воспользовавшись предложенной Мэтью машиной, он попал в свой номер гораздо раньше, чем вернулась из магазинов Тиффани. Из саквояжа он извлек маленький револьвер, потом торопливо прошел в ванную комнату, приставил дуло к голове и выстрелил.

Тело нашла горничная, и когда Тиффани вернулась, пол и стены ванной уже были отмыты от пятен крови и мозгов.

Почему?

Весь следующий день голова Тиффани гудела от потрясения и растерянности, но больше всего ее мучил этот вопрос. Почему?

Полиция была уверена, что это самоубийство. Не было никаких признаков борьбы, из номера ничего не исчезло; конечно, это мог быть несчастный случай, но довольно странно, если человек идет чистить свое оружие в ванну. Итак, самоубийство. Но почему? Единственной нитью было письмо Мэтью Брайта. В результате необыкновенной удачи Тиффани нашла это письмо в спальне отца до того, как полиция обыскала номер. Оцепеневшая от потрясения, но понимающая значение письма, она спрятала записку и ничего не сказала полиции. Она не может иметь отношения к случившемуся, решила Тиффани. Даже если отец Филипа раскрыл их секрет, это не могло быть причиной самоубийства, никакие семейные распри не способны привести к такому концу!

Она предприняла лишь два шага: приобрела черное траурное платье и отправила телеграмму Рэндольфу. Теперь, перед тем как предпринять следующий шаг, она ожидала, когда пройдет неприятное ощущение от утренней тошноты. Она была удивлена глубиной своего горя по ушедшему отцу, но к ее чувству примешивались, а затем и вытеснили его гнев и страх. Гнев, потому что отец бросил ее как раз тогда, когда был особенно нужен ей. Страх, поскольку отныне ее опекуном становился Рэндольф. Даже при наличии ребенка позволит ли ей Рэндольф выйти замуж за Филипа?

Днем Тиффани прошла через фойе отеля, делая вид, что не замечает сочувствующих и любопытных глаз, и села в такси.

— Парк-Лейн, — приказала она. — Дом сэра Мэтью Брайта.

Ее проводили в гостиную, но она осталась стоять, не обращая внимания на обстановку, и устремив взгляд на дверь. Вошел Мэтью, закрыл за собой дверь и подошел к ней. Это был тот же человек, которого она видела на Хэттон-Гардон, но очень изменившийся — он казался старым, его лицо посерело и покрылось морщинами, из походки исчезла упругость. Он поклонился.

— Примите мои соболезнования, мисс Корт.

Она понимала, что он уже знает о случившемся и не желала тратить время на формальности. Она властным жестом протянула письмо.

— Связано ли это с тем, что он сделал?

— Да.

Его прямота, столь соответствующая ее характеру, удивила Тиффани и она умолкла; несколько мгновений Мэтью и Тиффани стояли, вглядываясь друг в друга.

— Тогда вы должны рассказать мне об этом.

— Я думаю, вам лучше сначала сесть.

— Я предпочитаю стоять.

— Как хотите.

Мэтью глубоко вздохнул. Потрясенный известием о самоубийстве Корта и восхищенный красотой и мужеством этой девушки, он обнаружил, что сказать правду гораздо труднее, чем он предполагал.

— Ваш отец и я были партнерами в Кимберли...

— Переходите к делу, сэр Мэтью, — она начала надеяться, что сэр Мэтью не знает о ее отношениях с Филипом. — Мне кажется, это имеет какое-то отношение к конфликту между вами и моим отцом. В чем была причина распри?

— В вас.

— Во мне? — она была поражена. — Но я же была младенцем, когда после смерти моей матери отец привез меня домой в Америку.

— Что он говорил о вашей матери?

— Что ее звали Алида... — Тиффани оборвала себя, заметив, как исказилось лицо Мэтью. — Что с вами?

— Алида... значит, вот какое имя он выбрал? Боже, старые призраки преследуют меня! Нет, Тиффани, вашу мать звали Энн. — Он мягко положил руку ей на плечо и повернул ее к портретам на стене гостиной. — Вот ваша мать. Она же моя жена и мать Филипа.

Тиффани побледнела еще до того, как Мэтью заговорил. Теперь же с ее щек исчезли последние следы краски, оставив лицо бескровным и прозрачным. Она смотрела на портрет, ее глаза стали огромными, расширяясь до тех пор, пока, казалось, не заполнили все лицо. Но там, где Мэтью, узнав о случившемся, свалился от удара, а Корт ударился в слезы, Тиффани стояла высокая и прямая, с высоко поднятой головой и сухими глазами.

— Я жду от Филипа ребенка, — четко заявила она.

— Я знаю. Поэтому-то я и встречался с вашим отцом.

— И он не осмелился рассказать мне?! — гнев и презрение полыхнули в ее глазах, но в остальном она полностью контролировала себя. — Думаю, я теперь сяду, сэр Мэтью, и вы сможете мне рассказать о связи моего отца с вашей женой. После этого, возможно, мы сможем решить, что нам с Филипом делать в отношении зачатого в кровосмешении ребенка.

Она потрясающая, подумал Мэтью, или находится в состоянии шока. Но в любом случае она прекрасна! И сердце Мэтью сжалось от боли за сына, который должен потерять такую

девушку.

Когда Мэтью завершил рассказ, Тиффани кивнула.

— Теперь я понимаю, почему отец не сказал мне правды, но это ничего не меняет; я никогда не прощу его. Что ж, сэр Мэтью, когда Филип вернется из Франции, мы втроем сможем решить, что делать.

— Нет, не втроем.

— Но вы, по крайней мере, можете помочь, — она вспыхнула.

— Я, да, но Филип не должен быть в это замешан.

— Нравится вам это или нет, но Филип уже во всем замешан. Он должен принять на себя равную долю ответственности.

— Вы любите его?

— Конечно. Очень.

— Если вы любите его, то избавите от муки, которую сейчас испытываете, от ужаса узнать, что он любит сестру.

Тиффани хладнокровно оценила факты и, отбросив эмоции, сосредоточилась на том, что она может сделать в этом диком положении.

— Я вижу лишь один способ достигнуть этого — сказать ему, что я не люблю его, что никакого ребенка нет, что все было роковой ошибкой, и попроситься навеки.

И вновь Мэтью преисполнился восхищения перед ее трезвой оценкой ситуации.

— Я думаю так же.

— Он будет потрясен, — продолжала она. — Он нуждается в любви, у него ее было слишком мало в жизни, — она холодно наблюдала, как Мэтью вздрогнул. — Я не знаю, какое зло будет для него меньшим — правда или новое подтверждение того, что его никто никогда не любил.

— Он не может получить вас, он не может жениться на вас, он не должен вас видеть — здесь нет выбора.

Достаточно ли она любит Филипа, чтобы принести такую жертву и в одиночестве нести тяжкое бремя? Из глубин памяти она услышала голос Рэйфа Деверилла, утверждающего, что она не способна любить, что она любит только себя.

— Хорошо, я так и сделаю, но в обмен вы поможете мне избавиться от ребенка.

— Аборт? Вы готовы пойти на такой риск?

— Полагаю, у вас должны быть связи — врачи, которые могли бы хорошо провеет эту операцию.

Мэтью затряс головой.

— Я могу лишь просить врача проследить за вашим здоровьем и дать совет, как лучше переносить беременность — и я даже настаиваю на этом, — но не больше. Можно сделать лишь незаконный аборт, а от них часто гибнут.

— Действительно, я не собираюсь умирать, — твердо ответила она. — У меня еще много дел.

Ее глаза вновь обратились к портрету Энн, и она вспомнила, как, оставаясь одна, любовалась миниатюрой с изображением Алиды, размышляя, что эта женщина вовсе не хотела умирать.

— Итак, моя мать вовсе не умерла от родов.

— Да нет, как раз от родов она и умерла. Когда родилась Миранда.

Это известие добавило ей боли, и внутри Тиффани поднялась дикая волна ревности.

Затем она вспомнила одну деталь, связанную с письмом, которое держала в руках.

— Записку написала Миранда. Разве это разумно?

— Она единственная, кому я мог поручить это дело. Понимаете, после того, как Миранда передала мне письмо. Филипа, то самое, что он написал вам, в котором...

Тиффани уже не слушала продолжения. Она испытала слишком большой гнев, обнаружив, что Миранда шпионила за братом, и не только читала его письма, но и относила их папочке. И все же она решительно заставила себя перевести внимание на самое важное — на младенца.

— Хорошо, никаких аборт, — оказалось, что в ходе беседы он дважды заставил ее изменить решение. Рожденное этим фактом уважение дало ей мужество высказать ему самые глубокие опасения: — Но боюсь, ребенок, рожденный в результате кровосмешения, будет уродлив... ненормален... — ее голос слегка дрогнул.

— Сказки, — резко выпалил Мэтью, но с такой уверенностью, что Тиффани немного успокоилась и приободрилась, доверяя его познаниям. — Но мы дошли до сути дела — необходимо найти ребенку другого отца. Джон Корт упоминал о Рэндольфе. Может ли этот человек сделать такое одолжение? Сделает ли он то, что не сделал я: примет ли как своего чужого ребенка?

— Да, — без колебания ответила Тиффани, — но это даст ему слишком много власти надо мной.

Мэтью кивнул, задумавшись. Что за женщина, и каким же он был глупцом — как бы он гордился подобной дочерью!

— А вы не могли бы внушить ему, что этот ребенок его, спать с ним как можно чаще, а затем рассказать сказку о преждевременных родах?

Тиффани слабо улыбнулась.

— Нет. Он из тех людей, которые очень проницательны, тем более при столь внезапной перемене.

— В таком случае можете ли вы предложить другого кандидата?

— Да, — ответила Тиффани. — Да, полагаю, я знаю подходящего человека.

Мэтью услышал имя и улыбнулся.

— Замечательно, произнес он с тайным восторгом. — Великолепно. Тогда вот что мы сделаем...

Через некоторое время Тиффани спустилась в холл и там задержалась, пока Мэтью вызывал шофера, который отвез бы ее в отель. Ее внимание привлекло какое-то движение; она обернулась и увидела, как по лестнице спускается девочка.

Миранда. Сестра, которую терпеть не может Филип, папочкина любимица, забравшая себе всю его любовь и ничего не оставившая брату. Миранда, которая подкрадывается и шпионит, чье рождение убило их мать... дочь этого выдающегося человека. Миранда, у которой была нормальная семейная жизнь, которая была законной дочерью, которая пользовалась всем этим, зная, что ее брат лишен всего, что имела она; которая была так юна, счастлива и не знала сотой доли страданий, выпавших на долю Тиффани.

Все эти чувства, отразившись на лице Тиффани, зажгли пламя в ее глазах. Неприкрытая ненависть, высокая выразительная фигура, бледность прекрасного лица, оттененная траурным платьем, слились вместе в жуткое послание, пронзившее Миранду, которая, уже ступив было на последнюю ступеньку, со всех ног бросилась бежать обратно.

Не было произнесено ни слова, но это мгновение навеки запечатлелось в их памяти.

Владельцы отеля тактично переселили Тиффани в другой номер, и когда она вернулась, горничная уже закончила приводить его в порядок. Тиффани резко велела девушке выйти и не беспокоить ее в течении всего дня. Заметив встревоженный взгляд горничной, она слабо улыбнулась.

— Не волнуйтесь, — произнесла она. — Я не собираюсь следовать примеру отца.

Оставшись в одиночестве, Тиффани, до сих пор так мужественно державшаяся, наконец дала волю чувствам. Она металась по комнате, борясь с засасывающей ее удушающей трясиной несчастья. Наконец, издав приглушенный крик загнанного зверя, она бросилась на кровать и зарыдала.

Она оплакивала свое детское поклонение «Алиде»; мать, никогда не существовавшую; Филипа, того единственного человека, которого она хотела, но не могла иметь своим мужем; ребенка, которого не хотела, но должна была выносить. Да, в ее горе было и чувство жалости к себе. Но она не оплакивала Джона Корта.

Филип оказался ее братом. Этот грубый факт проникал в ее мозг через все преграды, терзая обнаженные нервы, так что голова Тиффани гудела и раскалывалась от бушующей боли. Не в состоянии больше выносить тошноту, она бросилась в ванную, наклонилась над умывальником, и ее вырвало. В ее животе разлилась боль и она опустилась на пол, охваченная надеждой, что зародившаяся в ней хрупкая жизнь не выдержит подобных испытаний. Но спазм прошел, а выкидыша так и не случилось.

Тиффани встала, вытерла с бледного как мел лица бисеринки пота и вернулась в спальню. Она не должна больше страдать из-за того, что Филип оказался ее братом. Она будет думать о нем как о любовнике, получившем отставку, не больше. Это единственный способ сберечь разум, вынести настоящее и встретить лицом к лицу лежащие перед ней годы. Эти часы слабости и горя сняли напряжение и сделали Тиффани даже сильнее, чем она была раньше. Необходимость действовать заставила ее почувствовать себя лучше. Будущее было не так уж и мрачно. Ее ждали удивительные возможности если она, конечно, сможет осуществить свой план. Если же не сможет — и ее лицо исказилось от омерзения — ничто не спасет ее от Рэндольфа. Ночью, одетая во все черное, Тиффани в одиночестве стояла на мосту Ватерлоо, глядя в темные воды Темзы, а потом швырнула вниз какой-то предмет. Украшенная бриллиантами рамка, обрамляющая крошечную миниатюру, вспыхнула созвездием лучистых искр и исчезла во тьме, камнем опустившись на илистое дно реки.

Глава тринадцатая

— Нет, я не верю в это! Ты просто расстроена! Твои чувства придут в норму, когда пройдет потрясение от гибели твоего отца! — Филип, отчаянно пытаясь утешить и успокоить ее, был не в силах поверить в свою окончательную отставку.

— Смерть отца повлияла на меня только в одном плане: она заставила меня пересмотреть свои чувства и виды на будущее. Ты мне очень нравишься, Филип, но этого недостаточно, чтобы выйти за тебя замуж.

— Ты говорила, что *любишь* меня! — потрясенно воскликнул он.

— Я ошиблась.

— А ребенок?..

— Не было никакого ребенка. В этом я тоже ошиблась.

— Как ты можешь? Как ты способна оставаться такой холодной и такой спокойной в то время, когда ты уничтожаешь меня?

— Не разыгрывай пошлую мелодраму, Филип. Я вовсе не уничтожаю тебя. Я просто говорю, что не люблю тебя. А это еще не конец света. Ты еще много раз в жизни будешь влюблен, поверь мне.

— Никогда! — Он беспомощно, как утопающий, цеплялся за последнюю соломинку. — Ведь это Рэндольф, правда? Ты боишься, что он не позволит тебе выйти за меня. Я готов подождать, пока ты не выйдешь из-под его опеки. Я буду ждать вечно.

— Я не хочу больше тебя видеть.

— Значит, есть еще причина. Ты влюбилась в другого?

— Да, честно говоря, я уже давно люблю его.

Филип уставился на нее в немом отчаянии.

— Тогда, почему ты согласилась выйти за меня? Почему занималась со мной любовью?

— Ты очень красивый мужчина, Филип — не стоит недооценивать свою физическую привлекательность, но, честно говоря, была и другая причина — ваша алмазная компания. Я полагала, что слияние «Корт Даймондс» и «Брайт Даймондс» будет для меня чрезвычайно выгодным. Однако, — Тиффани вздохнула, — когда пришло время сделать последний шаг, я поняла, что никакие расчеты не могут победить диктат сердца.

Филип, не в силах сдержать свой гнев, выругался сочно и грубо.

— Алмазы! — яростно прошипел он. — Как я ненавижу эти проклятые стекляшки! — Затем, словно вспышка молнии озарила его сознание, он с сомнением взглянул на Тиффани. — За этим стоит мой отец, да? Ты говорила с ним, когда я был в отъезде и он каким-то непостижимым образом заставил тебя изменить решение.

— Чепуха! — резко сказала Тиффани. — Положительно, Филип, ты слишком преувеличиваешь влияние своего отца.

— Не без основания. Он стоит за всем, что мешает мне жить.

— Ты ошибаешься. По-правде говоря, я думаю, что ты сильно ошибаешься относительно отношения отца к тебе. — У Тиффани была возможность совершенно объективно оценить, как Мэтью защищал своего сына, и даже позавидовать этому. — Но все-таки ты испытываешь к своему отцу то, чего я никогда не испытывала к своему.

— Что же?

— Уважение.

Филип горько рассмеялся. Ему было гораздо проще во всем винить Мэтью, чем взглянуть в лицо собственным недостаткам или вероломству возлюбленной.

— Черта-с-два я его уважаю. Но я все равно с ним еще справлюсь. К несчастью, я уже открыл ему, что Лемуан — мошенник, но может представиться и другая возможность.

— Я должна вернуть это, — Тиффани с видимой неохотой протянула грушевидный кулон.

Внезапно он вспомнил слова Лоры о том, что этот бриллиант приносит зло. Когда-то Филип решил, что, если он не может сделать так, чтобы Лора принадлежала ему, то в таком случае он вправе заставить ее страдать. Теперь он чувствовал то же самое к Тиффани. И если бриллианту действительно сопутствует зло, то пусть падет на нее это проклятие!

— Оставь себе, — небрежно произнес он.

— Твой корабль из Саутгемптона в Кейптаун уходит послезавтра.

Мэтью положил билет на стол перед сыном.

Филип упал в кресло. Его лицо горело, а голова кружилась — действие виски, которым он с утра накачивался. Он пил беспрерывно после разрыва с Тиффани, и почти преуспел в достижении благословенного забытья и невосприимчивости к сердечным мукам.

— Я не хочу ехать в Кимберли, — пробормотал он.

— Это необходимо для твоего дальнейшего обучения.

— К чему такая спешка?

— Особых причин нет. Возможно, это слишком короткое предупреждение, но в Кимберли освободилась вакансия, и эту возможность тебе не стоит упускать. Надеюсь, это ни в коей мере не повредит твоим планам, которые у тебя могут оказаться — твоему увлечению автомобилями, например?

— К черту автомобили! Ты прекрасно знаешь, что у меня уже нет никаких планов и обязательств — ты успешно содействовал этому.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь. Ты отправишься завтра. Я велю Генриетте уложить твои вещи и телеграфирую в Кимберли, чтобы к твоему приезду успели все подготовить.

— Я не поеду.

Мэтью вздохнул. Он надеялся, что в последнем доводе необходимости не возникнет.

— Думаю, поедешь, — мягко сказал он, — если не хочешь, чтобы все узнали вот об этом, — и разжал левую ладонь. На ней поблескивала горстка алмазов.

Филип вскочил на ноги и замер, с побагровевшим лицом глядя на алмазы, которые он в своей эйфории забыл захватить на континент.

— Эти камни ничего для меня не значат! Где ты их нашел?

— В твоём столе.

— Как ты смел обыскивать мою комнату?

— Смел, потому что ты — мой сын, это — мой дом, а эти алмазы — собственность моей компании. — Мэтью обыскал комнату Филипа в поисках возможных свидетельств его связи с Тиффани, потому что беспокоился, что лакей или горничная могут завладеть порочащей информацией, и нашел эти алмазы случайно. Его возмутил поступок Филипа, но потом он понял, что может обратить это обстоятельство в свою пользу.

— Что ты еще нашел и утащил — портрет Тиффани?

— Тиффани? Кто это? Ах да, дочь Джона Корта. Какая чепуха? Меня не волнуют твои отношения с ней.

— Ложь!

Мэтью с трудом сохранил самообладание.

— Ты поедешь в Кимберли, Филип, и останешься там по меньшей мере на год. И ты поостережешься присваивать камни — охранная служба там работает превосходно.

— Ты все предусмотрел, правда? Ладно, кажется у меня нет выбора.

Из груди Мэтью вырвался вздох облегчения.

— Когда ты вернешься, думаю мы сможем лучше понимать друг друга. К сожалению мы не были так близки, как бы я того хотел.

Филип, бросив на него недоверчивый взгляд, расхохотался. Все еще продолжая смеяться, он подхватил бутылку виски и неверной походкой удалился к себе в комнату.

Лоре было не по себе. Что-то неопределенно странное было в этом приеме на уик-энд,

но она никак не могла понять — что именно. Дело даже не в чем-то конкретном, решила она, расставляя белые розы в серебряной вазе, просто несколько факторов, вроде бы не связанных между собой, неожиданно сложились вдруг в тревожное целое.

Возможно, все дело в ее огорчении и удивлении из-за поспешного отъезда Филипа в Кейптаун. Возможно, просто виновата тяжелая давящая жара и предчувствие грозы. Возможно, то обстоятельство, что обычно они никогда не устраивали приемов в имении до конца летнего сезона. В волнении уколов палец о шип, Лора коротко, совсем не по-дамски выругалась, и потеряв терпение, поставила сразу все оставшиеся цветы в вазу, — результат получился неважный, особенно после того, как она тщательно подобрала орхидеи для украшения обеденного стола, но ей стало все равно. Это состав приглашенных, внезапно подумала она, да, это именно он вызвал ощущение неотвратимой катастрофы.

Она взяла список, который продиктовал ей Мэтью, — он пока не мог пользоваться правой рукой — и еще раз пробежалась по нему. На первый взгляд все выглядело прекрасно: герцог и герцогиня Десборо, герцог и герцогиня Фонтуэлд, Джулия и Альфред — при обычных обстоятельствах Лора была бы только рада, ибо, при всем их личном несходстве, Джулия, благодаря своему очарованию, могла поддержать ее, развлекая гостей, — затем леди Элизабет Крафтон, леди Джейн и Роберт Брюс, и Эдвард, младший брат Джулии. Подозрение вызывали три последних имени: Рэйф Деверилл, Элвис Палмер и Тиффани Корт. Помимо того обстоятельства, что Мэтью питал отвращение к Рэйфу, как вообще он мог пригласить его вместе с невестой на один прием с Джулией? Их связь за последние пять лет стала так широко известна, что Лора была убеждена — это одно из самых бестактных приглашений светского сезона и оно даже могло быть истолковано как попытка шокировать мисс Палмер. Помолвка еще не была официально объявлена, но представлялась скорой и неминуемой.

Если приглашение Рэйфа казалось странным, то при чем здесь Тиффани Корт, было совсем непонятно. Девушка была совершенно чужой их кругу, в трауре по отцу, и Лора не представляла себе, как она станет вести себя с другими гостями. Бедная девушка страдает совсем одна в гостинице, где ожидает прибытия своего кузена — так сказал Мэтью, — сущее ханжество с точки зрения Лоры, — а он, по крайней мере, может оказать ей гостеприимство в память о старом друге. Он заверил Лору, что Тиффани не хочет, чтоб к ней отнеслись как-то по-особому, и что она желала бы, чтоб все гости развлекались и веселились, как обычно. Это все прекрасно, думала Лора, но станут ли люди вести себя как ни в чем не бывало, если она забьется в угол точно умирающая утка в бурю?

Кстати о буре... Лора распахнула окно и взглянула на небо. Атмосфера стала еще более тяжелой, душной и полной тревожного затишья, предшествующего грозе. Она внезапно вздрогнула, перенесясь в воспоминаниях на несколько лет назад: так же было перед концом осады в Кимберли, как раз перед гибелью Николаса.

Не глупи, резко приказала себе Лора, самое худшее, что может случиться это повальная скука на протяжении всего жалкого, скучного уик-энда, и искренняя радость гостей, когда он наконец кончится. И после такого оптимистичного решения она принялась распределять места за столом и четверки для бриджа. Распределение спален — всегда непростой и деликатный вопрос в такого рода приемах — было уже закончено и Лора надеялась, что она не ошиблась.

В данной ситуации это было не так уж трудно, поскольку все супружеские пары являлись таковыми лишь формально, поэтому мужей и жен можно спокойно размещать в

смежных комнатах в главной части дома. Достопримечательностью Брайтуэлла были его две башни, каждая с винтовой лестницей и комнатами необычной формы и планировки. Восточная башня со своей относительно скромной обстановкой предназначалась для детей, но одна комната — Филипа — сейчас пустовала. Первоначально Лора предназначала Западную башню Элис Палмер, Рэйфу, Джулии и Альфреду, а комнату Филипа — мисс Корт. Однако Мэтью вмешался, уверив ее, что неприлично помещать Рэйфа и мисс Палмер так близко друг к другу, а дети, сами этого не желая, могут усугубить состояние Тиффани. Поэтому Лора перевела Элис Палмер в Восточную башню, Эдварда туда же в мансарду Тиффани, Джулия и Альфред заняли главные комнаты Западной башни, а Рэйф — ее верхний этаж.

Лора вздохнула и пожала плечами. Домашние приемы — это своего рода минные поля, настигиваемые неразорвавшимися бомбами человеческих отношений, но ей уже не казалось, что ошибка в обращении с этими устройствами может быть роковой. Она, по крайней мере, больше не проводила бессонных ночей, терзаемая мыслями о подобных материях — благодаря Рэйфу Девериллу.

Тень грусти легла на лицо Лоры. Элис Палмер — совершенно неподходящая для него женщина, подумала она, но здесь я ничего не могу поделать.

Спустя несколько часов ее настроение несколько улучшилось. Общество собралось в Западной галерее к чаю, старые друзья благодушно болтали, а кошачье личико Джулии было постоянно обращено к Рэйфу Девериллу, но она была вежлива с мисс Палмер. У Мэтью был измученный вид. Тиффани Корт еще не прибыла. Не зная ничего об ее личных пристрастиях, Лора беспокоилась о состоянии девушки и о том, останется ли что-нибудь к чаю, когда она придет. На самом деле было просто невозможно физически для восемнадцати человек уничтожить огромные горы сэндвичей, кексов, печенья, тостов, бриошей с розочками джема от Типтри, имбирных бисквитов из Биаррица, но тем не менее Лора все равно беспокоилась.

Вскоре со смесью облегчения и страха она услышала, как двери в конце галереи распахнулись и голос дворецкого произнес имя Тиффани Корт. Все повернули головы и воцарилась абсолютная тишина, подобная той, какая бывает в театре, когда занавес перед кульминацией драмы взмывает вверх.

Это *она*, подумала Лора, узнав спутницу Филипа на Восьмой неделе.

Неужели, — Джулия, вспомнив венецианский бал, повернулась так, чтобы видеть Рэйфа.

Тиффани, — Рэйф не знал, что она приглашена, и на какой-то миг выражение лица выдало его.

— Тиффани! Дорогая! — Мэтью пошел в атаку, приветствуя ее, и пока представлял гостям, покровительственно держал под руку на отцовский манер.

Беседы возобновились, но уже не так громко, как прежде, поэтому Лора расслышала замечание Тиффани: — С капитанам Девериллом мы знакомы, — когда их представляли друг другу. О Боже, подумала она, снова придя в отчаяние, ясно видя, как хорошо, как гармонично они смотрятся вместе... и заметив, что ее правоту подтверждают злобные взгляды Джулии и жалкий, приниженный вид Элис Палмер. Тиффани села, приняла чашку чая, но от сэндвича вежливо отказалась. Ее манеры были безупречны, сохраняя внешнюю сдержанность, свидетельствующую о понесенной ею тяжелой утрате, но выказывая при этом достаточно живости, чтобы избежать впечатления уныния. Красота ее затмевала день и покоряла мужчин, в особенности Эдварда, который явно был сражен. И снова Лора испытала

чувство, что перед ней разворачивается, некое представление, идет пьеса, причем, как сильно подозревала она, скорее трагедия, чем комедия, и где Тиффани — несомненная звезда труппы.

Лора, как это было ей свойственно, не ощущала ревности из-за внимания Мэтью к девушке, не удивилась его уверениям о дружбе с Кортм, о которой она прежде никогда не слышала, но принудила себя помочь другим почувствовать себя свободнее. «Джулия, ты будешь осторожна, не правда ли? Я знаю, как сильно ты сочувствуешь суфражисткам, но пожалуйста, не доводи дело до ареста...», «Элис, что за прелестное платье, какой очаровательный оттенок небесно-голубого. Когда вы с Рэйфом... ну, я надеюсь, что *очень скоро* мы будем видеть вас чаще». И наконец «Рэйф, вы счастливы? Действительно счастливы?»

Он улыбнулся и вынул из кармана портсигар работы Фаберже.

— Можно?

— Конечно.

Он закурил сигарету, но портсигар не убрал. Напротив, он вертел его в руках, несомненно, стремясь привлечь к нему внимание.

— Разумеется, я счастлив, а как же иначе. Вам нравится этот портсигар? Подарок от моей нареченной — гравировка и все такое, — и он снова открыл, чтобы показать ей, что там написано.

— Он очарователен... как и она. — Лора помедлила. — Простите, я просто не уверена в верности вашего выбора... портсигар прекрасен, но как-то не для вас.

— А, вы имеете в виду, что я продался? Принимаю дорогие подарки от будущей жены, вместо того, чтобы делать их самому? Младшие сыновья должны продаваться, Лора, это единственный путь к выживанию, и лишь так они могут поймать фортуна... ну, скажем, на алмазных копиях.

— Я просто хочу, чтобы вы были счастливы, — Лора мягко коснулась гибкой белой рукой его плеча. — Я желаю вам счастья... как и всем людям.

— И я буду счастлив. В любом случае, жребий брошен. Я уже дал слово, и отступление невозможно, даже если бы я его искал, а я не ищу.

— Иногда, — медленно произнесла Лора, — я чувствую, что совсем вас не знаю.

— Если бы вы не были замужем и счастливы в браке, у вас была бы возможность узнать меня ближе.

С бьющимся сердцем и спазмом в горле, которые он всегда вызывал в ней, Лора с облегчением устремилась навстречу детям, пришедшим пожелать доброй ночи отцу и гостям. За Мирандой бежал большой датский дог, и Рэйф подошел, чтобы потрепать собаку по голове.

— Она порядком выросла, с тех пор, как я в последний раз ее видел! Ты можешь слышать, как она лает?

Миранда улыбнулась.

— Думаю, весь Беркшир слышит ее лай!

— Ей сейчас семь лет, правда? У нее были щенки?

Миранда покачала головой, и Рэйф заметил печаль в ее тазах.

— Собаки живут не так долго, как люди, — мягко сказал он, — и я уверен, что когда ее не будет, ты бы хотела иметь при себе сына или дочку Ричи. У меня есть пес, которого я могу с ней познакомить.

Лицо девочки просияло, и Миранда, тихая, застенчивая Миранда, бросилась к Рэйфу и обняла его. Он засмеялся и ласково сказал: — Я буду оказывать тебе и другие услуги, если захочешь. Но ты должна спросить у отца разрешения на щенков. — Он обернулся, глянул в помрачневшее лицо Мэтью.

— Довольно, Миранда, — резко сказал тот. — Иди, попрощайся с остальными гостями. Но в этот момент Миранда увидела Тиффани и поспешила покинуть комнату.

Лора была занята организацией вечерних развлечений.

— Мэтью оказывается Тиффани — это та самая девушка, о которой я тебе говорила. Она была с Филипом в Бампсе два года назад. Какое совпадение.

— Да, конечно. Жаль, что Филипа нет здесь, чтобы возобновить знакомство.

— Думаю, это как раз хорошо — опасных подводных течений и камней сегодня более, чем достаточно. Джулия и Элис вне себя из-за того, что Рэйф не может отвести от нее взгляда.

— Только что Деверилл смотрел вовсе не на Тиффани. Он проявил исключительное внимание к тебе, а затем и к Миранде. — Резкость его тона была довольно заметна, хоть он и улыбался. — Но не загружай свою прелестную головку, дорогая. Предоставь весь этот замечательный квартет мне.

Но сам ограничился лишь тем, что проводил Элис Палмер к столу для бриджа в Красную гостиную, где они присоединились к Элизабет и Чарльзу. Два других стола тоже были заняты, и Рэйф, Альфред и Эдвард удалились в бильярдную, оставив Лору беседовать с Тиффани (которая не играла в бридж), Джулией и женой Чарльза — довольно вульгарной актрисой. Боже, подумала она, что за странный подбор гостей! И вздохнула с облегчением, когда пробило семь тридцать и все разошлись, чтобы переодеться к обеду.

Они собрались снова часом позже в Голубом зале. Тиффани снова появилась последней, одетая в черное кружевное платье. Низкий вырез подчеркивал великолепие ее алебастровой кожи и лебединую шею. Роскошные бриллианты блистали на ее груди, запястьях и в ушах — к счастью, грушевидного кулона на ней не было, иссиня-черные волосы были высоко зачесаны. За обедом она сидела между Чарльзом, чьи подчеркнута косые взгляды она игнорировала, и лордом Эмблсайдом, на которого обратила все свое очарование. Вдобавок она находилась достаточно близко к Мэтью, чтобы поддерживать с ним беседу об алмазном бизнесе, благодаря чему до конца обеда оставалась в центре внимания восхищенных мужчин. Она отчасти польстила Мэтью, коснувшись его участия в приобретении алмаза «Куллинан» трансваальским правительством за его номинальную стоимость в 125 000 фунтов для подарка королю ко дню рождения. Она обсуждала различные аспекты так называемого «рабского труда» китайцев в южно-африканских штатах и планов правительства либералов насчет самоуправления Объединенных южно-африканских территорий. Короче, Тиффани Корт беседовала только с мужчинами и казалась уместнее в их обществе, чем в дамском, настолько, что когда Лора подала женщинам знак удалиться, у нее осталось неуютное ощущение, что вернее было бы оставить Тиффани потягивать портвейн. Тиффани чинно восседала среди дам в галерее, но беседа как-то незаметно увяла, и никто не удивился, что мужчины присоединились к ним уже через пятнадцать минут вместо принятых полчаса, когда никто не выказал большого желания к возобновлению бриджа.

Лора заметила, что Тиффани распределяет свои милости равномерно, как на весах

отмеряя порции своего внимания каждому — за исключением Рэйфа. Они совсем не разговаривали, исключая короткое приветствие при встрече. Рэйф также не принимал участия в общей беседе за столом, даже тогда, когда обсуждались обычно интересовавшие его темы. Тогда откуда, гадала Лора, взялось у нее отчетливое впечатление, что эти двое постоянно сознают присутствие друг друга, что Рэйф — ведущий актер происходящей драмы?

Прекрати, — приказала она себе, — ведь Мэтью сказал, что тебя не должно все это беспокоить. Предоставь их ему.

Вторая партия в бридж началась поздно, около одиннадцати, когда женщины вновь оставили своих спутников в Красной гостиной. Тиффани подошла к Лоре.

— Вы не обидитесь, если я уйду спать пораньше? Я очень устала.

— Простите меня. Этот бесконечный бридж может быть ужасно утомителен, если сама не играешь, — извиняющимся тоном воскликнула Лора.

— Не в этом дело. Я не играю, потому что нахожу карточную игру бессмысленной тратой времени. Но временами я действительно сильно устаю. Я ни разу не спала как следует с тех пор... с тех пор, как это случилось с папой.

— Еще раз простите. Могу ли я чем-либо вам помочь? Вам что-нибудь нужно?

Тиффани покачала головой, и пробормотав спокойной ночи, тихонько выскользнула из комнаты, оставив после себя ощущение, что с вечерними развлечениями на сегодня покончено.

— Двое для бриджа лишние, — бодро обратился Мэтью к Рэйфу. — Не совершить ли нам отступление в бильярдную?

— Но ваша рука?

— Настало время, когда я наконец-то должен начать пользоваться этой проклятой рукой. Надо же на чем-то попробовать. Давайте ускользнем прежде, чем Лора заметит, что у нее переизбыток дам за четвертым столом.

В бильярдной Мэтью освободил руку из повязки и взял кий. Боль была мучительной, но он продолжал улыбаться и шутить над своим неуклюжеством, продвигалась неспешно, черепащим шагом, и стаканы с виски заполнялись чаще чем забивались шары. Минут через двадцать Рэйф, примерив очередной удар, небрежно спросил: — Так о чем вы хотели со мной поговорить? — и точно направил шар в центральную лузу.

— Скажем так — о людях, которым, с моей точки зрения, нежелательно встречаться с вами.

Рэйф осторожно отложил кий, взял стакан и пересек комнату по направлению к камину. Опершись рукой на широкую каминную решетку, он наблюдал за Мэтью, который, сняв смокинг, расположился в кресле поблизости.

— И кому-нибудь особенно? — спросил Рэйф. Его голос был полон ледяного спокойствия.

— Некоторым... но, да, кое-кому особенно.

— Кому же?

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, я попрошу вас, пользуясь привилегиями своего возраста и нынешнего увечья, сообщить мне — вы на самом деле собираетесь жениться на Элис Палмер?

— Не вижу, какое отношение к вам имеют мои брачные намерения.

— Они весьма меня касаются как мужа и отца.

— Какого черта! На что вы намекаете?

Лицо Рэйфа побелело от ярости, но Мэтью только улыбнулся.

— Возможно, мне следовало добавить; также и как дядю. Ваше панибратство, если не употреблять более сильного слова, с представительницами нашей семьи длится уже довольно долго.

Рэйф рассмеялся.

— В точности то же самое я уже месяцами твержу и Джулии. Хотел бы я, чтоб вы в отношении ее употребили силу своего убеждения, сэр Мэтью. — Он машинально достал портсигар и предложил Мэтью сигарету.

— Благодарю. — Мэтью снова улыбнулся, увидев гравировку. — Что ж, это и хорошие и плохие вести. — Когда Рэйф удивленно поднял бровь, Мэтью объяснил: — Хорошая весть, что вы женитесь, плохая — что эта дама мисс Палмер.

— Я гость в вашем доме, сэр Мэтью, но не заходите слишком далеко!

— Хорошая весть, — продолжал Мэтью с удовольствием, — потому что я, как большинство отцов в Англии не хотел бы, чтоб вы оставались холостяком, когда моя дочь вырастет. Я допускаю, что Джулия не была робкой девственницей, когда вы залучили ее в постель, но не позволю вам вольничать с Мирандой в том же доме несколько лет спустя.

— О, не волнуйтесь, Миранда в полной безопасности. Ее сходство с вами слишком разительно, чтобы я находил ее привлекательной.

— Однако, как я уже сказал, я желал бы, чтобы вашей избранницей оказалась не Элис Палмер, ибо она не способна надолго удержать вашу привязанность. И, конечно, я бы предпочел, чтоб ее состояние было больше. Вполне понятно, — Мэтью обезоруживающе улыбнулся. — Я тоже был младшим сыном, но ушел в большой мир и благодаря алмазам научился делать деньги — в поте лица добывая эти самые камни из земли своими руками, — он взглянул на руки, одна из которых была забинтована. — Вы должны были попытаться сделать то же самое.

— Единственное, что бы я хотел сделать своими руками — это двинуть вам по физиономии, — любезно сообщил Рэйф.

Мэтью, не обращая внимания на это замечание, поднялся, чтобы наполнить стакан и встал по другую сторону камина.

— Если вы хотите жениться на деньгах, то Тиффани Корт — идеальная кандидатура. Более того, у меня определенное впечатление, что она не будет против: я заметил, что весь вечер она с вас глаз не сводила.

— Тогда вы заметили больше, чем я. Вы удивляете меня, сэр Мэтью, поскольку я полагаю очевидным, что раз я дал слово Элис, то уже не могу делать предложение кому-либо.

— Вы еще не помолвлены официально, а Элис — не та девушка, чтобы спешить с этим. Ваш отец, можно сказать, полностью покорен мисс Корт. Что до общественного мнения, то гарантирую — все мужья и отцы будут чувствовать то же, что и я, и только будут рады проложить вам дорогу скатертью на ту сторону Атлантики.

— Я знал о вашей растущей ко мне неприязни, — сдержанно сказал Рэйф, — и соответственно был удивлен приглашению на этот уик-энд. Я не понимаю, почему вы ведете себя столь неприкрыто оскорбительно, и не собираюсь предоставлять возможности для дальнейших выпадов.

Он коротко поклонился и направился к двери.

— Минутку, Деверилл, я еще не ответил на ваш первый вопрос. Не назвал имя особы,

которой совсем ни к чему встречаться с вами. Это Лора, — Мэтью сделал паузу и глянул на Рэйфа в упор. Насмешлив огоньки исчезли из его глаз. — *Лора*, Деверилл, — повторил он. — Держитесь, подальше от моей жены!

Дверь хлопнула, и Мэтью откинулся в кресле.

— Я сделал свой ход, Тиффани, — пробормотал он. — Очередь за тобой.

Дверь в спальню Тиффани была слегка приоткрыта. Она отпустила горничную, и, накинув самую прозрачную и соблазнительную ночную рубашку, напрягала слух, стремясь уловить звук шагов на лестнице. Если Мэтью успешно отыграл свою роль, то время близится. Ага, вот! Тиффани осторожно подкралась к двери и мельком увидела Рэйфа на винтовой лестнице. Он поднимался к себе наверх. Мэтью был прав — Рэйф пройдет прямо в свою комнату, слишком возбужденный, чтобы задержаться с другими гостями.

Она вздохнула с облегчением. Итак, план сработал превосходно. Мэтью говорил, что Лора всегда отводила башни самым молодым гостям, и он позаботится, чтобы она и Рэйф оказались в одном крыле. Все, что нужно делать — это ждать, когда он спустится в ванную на ее этаже. Ожидание — хуже всего... искушение взбежать вверх по лестнице было слишком сильно... но нет, это он должен прийти в ее комнату, а не она в его — на тот крайний случай, если она будет вынуждена прибегнуть к запасному варианту.

Последний взгляд в зеркало на водопад волос, черных, как вороново крыло и прекрасное тело, мерцающее сквозь почти прозрачный шелк, но не выказывающее ни намека на беременность. И вот снова его шаги по лестнице, клацание открывающейся двери ванной... пора.

— Рэйф, я должна поговорить с вами. Пожалуйста!

Он был удивлен, рассержен и обескуражен одновременно. Одетый только в шелковый синий халат, он явно не ожидал кого-либо здесь встретить.

— Нам нечего сказать друг другу, — холодно произнес он, — тем более здесь и сейчас.

И он хотел пройти мимо нее по лестнице к себе, но она загородила ему дорогу.

— Пожалуйста! Я нуждаюсь в вашей помощи!

— Хорошо, — согласился он, — но только на пять минут.

И вошел в комнату.

Тиффани закрыла дверь и подошла к нему, встав очень близко, но он отвел глаза от восхитительной округлости ее груди, едва прикрытой ночной рубашкой, и отступил на несколько шагов.

— На самом деле я хотела извиниться.

— Вы хотели извиниться? Не думаю, что вы вообще знаете о существовании этого слова.

— Я была несчастна с тех пор, как мы с вами так нехорошо расстались в Нью-Йорке.

— Разве ваш любовник не заставил вас забыть об этой неприятности? Чем Филип не подходящая замена?

Тиффани растерялась, она даже не подозревала, что он знает о Филипе.

— Нет, это было невозможно. Когда я приехала в Лондон, то поняла, что совершила ужасную ошибку, и что я совсем не люблю его. — Она сделала паузу. — Я люблю вас.

— Тогда вы сделали вторую ошибку, — холодно ответил он.

Он стоял неподвижно, заложив руки в карманы синего шелкового халата, и Тиффани была уверена, что под халатом на нем ничего нет. Внутри у нее все сжалось, и страсть

охватила ее тело, как пламя. На первом месте по-прежнему оставался план, но теперь она желала и его тоже. С дрожью она осознала, что всегда желала его.

— Почему? Конечно же, ваши чувства ко мне не изменились! Пожалуйста, скажите что ваши чувства не изменились!

Она приблизилась вплотную, ее пальцы развязали пояс его халата, пробежались по мускулам обнаженного тела, погладили твердые мышцы живота, прежде, чем нащупать восставший член. Она услышала как прервалось его дыхание и торжествующе подумала, что победила — он поверит, что ребенок от него — и заставит, или окружающее заставят согласиться Рэндольфа на брак.

— Мои чувства здесь ни при чем. Высокопарным выражением, уместным в мелодраме, мне следует ответить: «Я дал слово другой». — Но он не отодвинулся.

— Ах, *она!* Ты не любишь ее! Уедем со мной в Нью-Йорк.

— Странно, что обладая такой великолепной хваткой в вопросах бизнеса, вы, однако, так мало знаете о чести.

— Моя честь — одна из тех вещей, которыми я готова поступиться для тебя.

Она сомкнула руки на его голой спине, прижавшись к нему грудью и бедрами.

— А что об этом скажет Рэндольф?

— Он не сможет сказать ничего, — прошептала она, уткнувшись в его шею, — если ты займешься со мной любовью.

Он медленно извлек руки из карманов, и обхватил ее, прижав к себе еще крепче. Он целовал ее, ласкал ее груди, поглаживая соски, пока они не затвердели под его прикосновением. Тогда он поднял ее и понес в постель. Его губы обжигали, а пальцы касались ложбины между бедрами, доводя ее до экстаза в ожидании магического момента, когда он войдет в нее. Сегодня не будет отступления, потому что нет больше ни страхов, ни сомнений, и хотя Филип был хорошим любовником, он никогда не ввергал ее в такую бездну желаний, как сейчас это делал Рэйф.

— Ну же, — настойчиво прошептали ее губы, — ну же?

Но со сверхчеловеческим усилием Рэйф Деверилл оторвался от нее, скатился с постели и встал, запахнув халат и решительно затянув пояс.

— Не знаю, какую игру ты затеяла, Тиффани, но я в нее не играю.

— Ты не можешь бросить меня *так!* — взмолилась она.

— Ты бросила меня... *так,* — напомнил он. Взгляд его серых глаз прожигал ее насквозь. — Что-то очень странное происходит в этом доме. Сначала Филип внезапно исчезает со сцены, а я получаю неожиданное приглашение только для того, чтобы быть грубо оскорбленным хозяином. Затем прибываешь ты, к явному удивлению всех, за исключением сэра Мэтью, и изображаешь сердечную перемену. — Он умолк и с сомнением покачал головой. — Тиффани Корт не умеет извиняться и никогда не скажет мужчине, что любит его, до того как он сам сделает ей подобное признание, — Тиффани Корт слишком горда, чтобы так поступать. Ты не любишь меня, Тиффани, ты *используешь* меня. А я не тот человек, которого можно использовать.

Тиффани словно окатили ледяной водой; любовный пыл умирал от холодности его слов, сменяясь отчаянием. Сначала Тиффани словно онемела: она проиграла и никак не могла решиться прибегнуть к последнему оружию.

— Кроме того, я не изменю своему слову Элис Палмер. Она не обладает ни твоей красотой, ни твоими миллионами, но никогда не была расчетливой и беспринципной

стервой.

Тиффани поднялась с постели и встала между Рэйфом и дверью. Она потерпела поражение. Ей так хотелось выйти за него замуж, но теперь волей-неволей приходилось обращаться к запасному плану. Мука в ее глазах исходила прямо от сердца, потому, что ничто теперь не могло спасти ее от Рэндольфа. Странно, подумала она с удивительной отстраненностью, как неизбежно все вело к этому концу, как замечания, сделанные когда-то Джерардом, Рэндольфом и самим Рэйфом указывали на неминуемый финал.

Она бросила взгляд на часы — половина первого. И тогда Тиффани открыла рот и закричала.

Мэтью был захвачен врасплох, когда игроки в бридж начали зевать над сэндвичами и напитками уже к полуночи — на полчаса раньше, чем обычно. Уход Тиффани лишил вечер изюминки, и этот эффект усилился пребыванием в бильярдной двух наиболее привлекательных мужчин.

— Где Рэйф? — поинтересовалась Шарлотта.

— Пошел прогуляться. Похоже, его отсутствий достаточно, чтобы испортить настроение любой женщине в этом доме, — легкомысленно ответил Мэтью.

Гости, один за другим удалялись спать. Слава Богу, еще остались Джулия и Альфред, занимавшие комнаты в Западной башне — их он мог ненадолго задержать.

— Лора, я скоро поднимусь... Джулия, Альфред, не уходите — распейте со старым дядей по последнему бокалу.

Джулия широко зевнула.

— Очень любезно, что вы предложили, дядя Мэтью, но не сегодня. Я валюсь с ног.

Он усмехнулся.

— Тем хуже для тебя, ибо я в настроении выслушать перечень твоих наиболее насущных нужд, и обнаружил, что моя больная рука уже в состоянии выписывать чеки.

— Ну, в таком случае я предпочту виски. Так же и Альфред. Садись вон там, Альфред, как хороший мальчик... Так вот...

После двадцати минут разговора и нескольких обещаний Мэтью посмотрел на часы и ловким маневром завершил разговор. Альфред уже спал в кресле.

— Может, не будем его будить? — спросил Мэтью.

— Господи, конечно, а то он непременно заблудится, — Джулия подарила супругу взгляд, полный аффектированного презрения, и продела руку под локоть Мэтью. — Я наслаждалась нашей беседой, Мэтью.

Он улыбнулся, зная, что Джулия называет его по имени только когда она счастлива и смотрит на него с явно не предназначенной доброму дядюшке симпатией. Приятно быть уверенной, что ее чары все еще действуют. Он снова взглянул на часы. Двадцать пять минут первого.

— Я провожу тебя до комнаты.

— Господи Боже! Какая исключительная галантность! Нет необходимости, никто не попытается изнасиловать меня на лестнице... к сожалению.

— Я не хочу допускать даже малейшего риска, — их руки все еще соприкасались, он ласково сжал ее локоть. — Матушка мало занималась моим воспитанием, сосредоточив все усилия на твоём отце, который, как тебе известно, являл собой еще более неблагодарный объект для ее бесконечных попыток — но одно она мне в мозги все-таки вбила: джентльмен всегда должен провожать даму до самой двери.

— Не знаю, что нашло на вас сегодня, но это так приятно, что я не возражаю. Нет, знаю, это влияние американки. Она не выходит у вас из головы — надеюсь, это единственная часть вашего тела, которую она возбуждает.

— Дорогая Джулия, какое шокирующее предположение.

Они достигли подножия винтовой лестницы и начали подниматься.

— Хм. Не дурачьте меня. Если б вы были на несколько лет помоложе...

— Годы ничего не могут поделать со мной, — прервал ее Мэтью, — но ведь есть Лора...

— Я все еще с трудом представляю вас в роли верного семьянина.

— Если бы я не был твоим дядей, Джулия, я гарантирую, что ты сочла бы это еще более затруднительным. — Он стиснул ее руку и порочная усмешка осветила его лицо. — А так тебе придется поискать еще кого-нибудь успокоить там, где свербит.

— Мерзавец! — Она отступила на несколько шагов по лестничной площадке и возмущенно глянула на него. Потом расхохоталась: — Вы всегда были мерзавцем, Мэтью. Полагаю, это одна из причин, по которой я вас так люблю. Всегда питала слабость к мерзавцам. — Выражение ее лица изменилось. Печаль на нем смешалась с яростью и разочарованием. — Но вы не первый в списке. Худший мерзавец в Англии — это...

Пронзительный вопль как выстрел нарушил тишину. Мэтью и Джулия замерли, глядя друг на друга в явном изумлении и шоке, но когда вопли повторились, он выпустил ее руку и, взбежав вверх по лестнице, распахнул дверь комнаты Тиффани. Джулия не отставала от него.

Тиффани била кулачками по груди Рэйфа. Когда Мэтью ворвался в комнату, она с горькими рыданиями кинулась ему на шею. Мэтью освободил забинтованную руку из повязки, нежно обнял девушку, и, словно защищая, прижал к себе.

— Дорогая девочка, скажи мне, что случилось? Неужели он...

Тиффани кивнула.

— Я была в постели... он вошел в комнату... зажал мне ладонью рот, чтоб я не могла кричать и потом... — Она вздрогнула. — Я... не приехала, если... знала, что он здесь! — бессвязно воскликнула она. — Он уже пытался это сделать раньше, в Нью-Йорке.

Мэтью похлопал ее по плечу, но сказать ничего не успел, поскольку Джулия накинулась на Рэйфа как дикая кошка.

— Насильник! — завизжала она. — Тебе мало того, что ты получал законно или добровольно, ты накинулся на гостью в доме моего дяди! Постель — вот все, о чем ты думаешь! Новое тело, еще одна возможность проверить свое мастерство. Большое самомнение говорит тебе, что все женщины на свете только и мечтают заняться с тобой любовью! — Всхлип вырвался из горла Джулии при воспоминании о его объятиях, о прикосновениях, зажигающих в ней пламя. — Насильник! — вновь прошипела она. — Но не думай, что ты уйдешь от расплаты. Я буду кричать об этом на всех перекрестках. Я позабочусь, чтобы все узнали об этом!

— Довольно, Джулия. Полагаю, Тиффани больше нуждается в твоём внимании, чем он.

— Мы должны разбудить домочадцев. Пусть все узнают!

— Утром. Дай лорду и леди Эмблсайд хоть эту ночь поспать спокойно.

Рэйф не мог ни двинуться, ни говорить. Он только ясно понимал: отрицать что-либо тщетно — что будут стоять его слова против показаний прелестной невинной девушки, да еще находящейся в трауре по отцу. Ему все же удалось стряхнуть оцепенение и подойти к

двери. Здесь он остановился и глянул в синие глаза Мэтью.

— Вы не последний раз слышите обо мне, сэр Мэтью, — четко произнес он, — и хотя я не понимаю, какая лично вам выгода от этого спектакля, я вас не прощу. И, раз теперь я не женюсь на Элис Палмер, возможно, вам придется лучше запереть свою дочь!

Он поднялся по лестнице к себе в комнату и хлопнул дверью. Мэтью, выругавшись, последовал за ним и повернул ключ в замке. Размахивая ключом, он повернулся к плачущей Джулии и Тиффани, стоявшей с каменным лицом.

— Я отдам его Лоре, — сказал он.

Много позже Лора приподнялась на подушках, убедилась, что Мэтью спит и выскользнула из постели. Она тихо подкралась по толстому ковру к туалетному столику, взяла ключ, извлекла что-то из ящика и покинула комнату. Затем она пробежала по длинным коридорам, по лестницам вниз, по лестницам вверх — до мансарды Западного крыла. Трясущимися руками она вставила ключ в замок и открыла дверь.

Рэйф, полностью одетый, стоял у открытого окна.

— Лора, я знал, что вы не покинете меня в этой идиотской ситуации.

— Это безумие. Полное безумие. Я знаю, что вы этого не делали, но...

— Мое слово против ее, — закончил он улыбнувшись.

— Знаю, но мы можем подождать завтрашнего дознания. Возможно, ваша мать сумеет заставить Тиффани отказаться от своего обвинения.

— Моя мать не так давно выразилась по этому поводу совершенно определенно. Она давно готова услышать обо мне самое худшее. Мать, — с уверенностью предрек Рэйф, — первой отречется от меня сегодня утром.

— Тогда вы должны бежать, потому что скандал вас погубит. Кроме того, — Лора серьезно взглянула на него, — вы должны поговорить с Элис. Она очень любит вас, и, думаю, выйдет за вас, несмотря ни на что.

— Нет, — он выразительно покачал головой. — Я, кажется, потратил весь последний день в заявлениях о своей верности ей, но вы, Мэтью, и Тиффани были правы — я не люблю ее и из нашего брака ничего бы хорошего не вышло. Нет, лучшее, что я могу сделать для Элис — это исчезнуть и дать ей возможность найти кого-нибудь другого.

— Я помогу вам покинуть дом, но могу ли я еще в чем-то вам помочь! Дорогой Рэйф, вы столько для меня сделали. Позвольте теперь и мне помочь вам.

Он заколебался, борясь со своей гордостью, но решился и взглянул ей в глаза.

— Деньги. Мне крайне неудобно просить, но не могли бы вы ссудить мне немного наличных? К сожалению, я не смогу обратиться в свой банк до понедельника.

— Я подумала об этом. — Лора протянула пачку банкнот.

Он спрятал деньги в карман.

— Не окажете ли мне еще одну услугу?

— Конечно.

Он быстро набросал несколько строк на листке бумаги.

— Пошлите записку сержанту Кингу вот по этому адресу. Пусть собирает команду и ждет меня на «Корсаре».

— А когда вы окажетесь на борту корабля, куда вы отправитесь? — Лора не скрывала печали.

— Куда-нибудь. Туда, где ветры и приливы примут меня. — Рэйф положил руки ей на плечи. — Но где бы я ни был, — тихо сказал он, — я буду думать о вас. — Он обнял ее, и в

его поцелуе было чарующее сочетание нежности и страсти.

Затем, после того как Лора снова заперла дверь его комнаты, они выбрались на парадное крыльцо, и он исчез во мраке грозы.

Глава четырнадцатая

— Он действительно изнасиловал тебя?

Лицо Рэндольфа было абсолютно непроницаемым.

— Да.

— Теперь ты, конечно, выйдешь за меня?

— Не обязательно, Рэндольф. У меня пока нет причин опасаться, что могут быть... последствия.

— Все уже говорят об этом происшествии. Мы должны пресечь слухи, или бизнес пострадает.

Тиффани держала себя в руках. Однажды она сказала, что сам дьявол не сможет создать обстоятельства, при которых она выйдет за Рэндольфа, но она не принимала в расчет Мэтью Брайта.

— Я выйду за тебя, Рэндольф, но при одном условии. Я оставлю тебе банк, однако «Корт Даймондс» — мой.

— Согласен.

Рэндольф ответил сразу же, поскольку предвидел, какую позицию она займет. Он также был хорошо осведомлен о странных обстоятельствах изнасилования, и не был уверен в случайности того, что нападение произошло в доме давнего врага Джона Корта и столь скоро после его самоубийства. Несмотря на постоянные расспросы, Рэндольфу так никогда и не удалось принудить Джона Корта посвятить его в причину этой старой вражды, но было совершенно ясно, что недавние события связаны с ней. Однако он не выдавливал у Тиффани объяснений — он получил что хотел и пока что был согласен довольствоваться этим.

Они прибыли в Нью-Йорк с гробом Джона Корта на борту, и были встречены истерией толпы и клацаньем фотокамер. После похорон Тиффани отправилась в Ньюпорт готовиться к свадьбе. Достойной церемонии при данных обстоятельствах представить было невозможно, но она преуспела достаточно, чтобы не разочаровать обожающую ее публику. Она была одета в великолепное белое платье и позировала фотографам на террасе, придав лицу выражение, в котором было достигнуто верное сочетание счастья и скорби. На фотографиях был виден Рэндольф, который нежно улыбался ей, однако руки его покоились на трости с серебряным набалдашником.

Ночью Тиффани вернулась в свою прекрасную белую спальню, где горничная расчесала ее блестящие иссиня-черные волосы и поправила мерцающие складки шелковой ночкой рубашки. Оставшись одна, Тиффани неустанно ходила из угла в угол. Желудок ее сжимался от зловещих предчувствий, а лицо было бледным как смерть.

Когда вошел Рэндольф, она вся напряглась, но взглянула на него гордо, в ее глазах был вызов. В явлении Рэндольфа было некое несоответствие — он был в халате, но по-прежнему держал свою трость. Пожалуйста, взмолилась Тиффани, пусть все это побыстрее кончится!

Рот его дернулся.

— Снимай рубашку! — грубо приказал он.

Она уставилась на него. Как смеет он так разговаривать? Но затем она истолковала его

слова как признак нетерпения, и, надеясь, что это ускорит представление, подчинилась.

Темные глаза Рэндольфа блеснули при виде совершенства ее белого тела. Этого он и ожидал, но равное удовольствие доставляло ему воинственное выражение ее лица. Он отложил трость и обнажил тело, белое и гибкое, как у нее, но с широкими мощными плечами и мускулистыми руками. Он сгреб ее, привлек к себе, впился ей в губы и почти задушил грубостью своего поцелуя. Держа ее за плечи, он постепенно стискивал их все сильнее, пока Тиффани, высвободив наконец рот, не охнула:

— Ты причиняешь мне боль! Ради Бога, давай поскорее с этим закончим!

— Ну, Тиффани, ты меня удивляешь! Я думал, ты страстная женщина.

Он еще сильнее сдавил ее, и лицо Тиффани скривилось от боли.

— Твои постельные манеры, Рэндольф, оставляют желать много лучшего. Я вряд ли сравню тебя с Казановой — ты точно не тратил время, чтобы ухаживать за женщинами и завоевывать их.

— Нет, — тихо ответил он, — мои вкусы гораздо ближе к одному из его современников. А ты предпочитаешь манеры Рэйфа Деверилла, Тиффани? Опиши их мне.

— Не будь смешон.

— Опиши мне! — быстрым, сильным движением он швырнул ее на постель, так, что она упала на спину, и нависнув над ней, ухватил за локти, наслаждаясь властью своей физической силы.

— Нет! — ее лиловые глаза горели на белом лице, тело напряглось от отвращения и страха. От запаха его одеколона ее тошнило. — Ты что, какой-нибудь извращенец или *вуайер*, который возбуждается от подобных вещей?

— Можно сказать и так.

Внезапно он выпустил ее, и она с облегчением слегка отодвинулась, обхватив себя руками, поглаживая нежную кожу и багровые отметины, оставленные его хваткой. Она повернулась набок, так что могла погрузить лицо в шелковую прохладу покрывала, радуясь ощущению, что он отстал от нее. Но тут она почувствовала обжигающую боль от жестокого удара по ягодицам.

Тиффани закричала и перевернулась на кровати, глядя на него, стоявшего с тростью в правой руке.

— Просто маленькая предварительная игра, Тиффани. Я надеюсь, ты мне подыграешь.

— Игра? Ты называешь порку *игрой*? — Но она была испугана и это читалось в ее глазах. Тиффани осознала не только ужас нынешней ночи, но и всех последующих.

— Тебе не следовало быть такой гордой, Тиффани. И тогда у меня не возникло бы желания сломить твой своенравный дух.

Он снова занес трость с серебряным набалдашником, и Тиффани попыталась уклониться, но молниеносный удар настиг ее, она споткнулась и почти упала. Он замахнулся вновь, и она отчаянно рванулась, чтоб предупредить его и дотянуться до колокольчика — вызвать горничную, но едва она коснулась звонка, как трость обрушилась на костяшки ее пальцев. Придерживая раненую руку, Тиффани забилась в угол. Однако она не сдавалась:

— Я с тобой разведусь! Я обвиню тебя в избиении!

Испарина выступила на его лице, он тяжело дышал, возбужденный насилием, как никогда раньше.

— Сделай это и потеряешь свою алмазную компанию. Конечно, алмазы стоят жертвы?

Она смотрела на него с сердечной болью, зная, что он прав, что она вынесет все ради

алмазов.

— Ты не можешь бить меня! Люди заметят следы. Я не грязная девка, которых ты избивал, чтобы удовлетворять свою извращенную похоть!

Он знал, что она будет сопротивляться, хотел этого, потому что потом ее полная покорность будет еще приятней. Но она была права насчет следов на теле. Нельзя допускать, чтобы горничная их увидела, и догадалась, что произошло. Сегодня он не станет больше ее бить. Однако он пригрозил ей тростью. — Возвращайся в постель.

Молча, не отрывая глаз от его лица, Тиффани доползла до постели и со страхом следила, как Рэндольф бросил трость и достал из кармана халата несколько кусков ткани.

— Что ты делаешь?

Вместо ответа он ухватил ее правую лодыжку, обернул ее полосой ткани и начал привязывать к ножке кровати. На миг Тиффани растерялась, но потом начала яростно бороться, пытаясь высвободить лодыжку, пнуть его свободной ногой, расцарапать ему лицо и вырвать волосы. Рэндольф только смеялся, легко справившись с ее сопротивлением. Он поймал другую лодыжку и поступил как с первой, пока Тиффани не оказалась перед ним связанная, беспомощная, с широко расставленными ногами. Рэндольф встал между ними на колени, прижав ее запястья к постели.

— Пришпилена, как бабочка, — со смешком сказал он, — как я и обещал, — и вошел в нее так грубо, что Тиффани не могла сдержать крика. В экстазе он следил, как отражаются на ее лице ненависть, страх и боль, наслаждаясь каждой секундой своего триумфа.

После он развязал ей ноги, улегся рядом и вскоре уснул, но глаза Тиффани до утра оставались омытыми. Ради алмазов она вынуждена будет жить с Рэндольфом, но как она вынесет это? Что ей делать? Любое решение было плохим, выхода не было, к тому же в результате жестокости Рэндольфа на следующий день Тиффани потеряла ребенка Филипа! Последствием выкидыша было довольно тяжелое состояние, но несколько чудесных дней она смогла провести в определенном покое и постаралась дать уму и телу возможность исцелиться. Но возвращение здоровья означало возвращение Рэндольфа в ее спальню и вскоре с ужасом, не веря глазам, она увидела его, размахивающего плетью.

— Ты сошел с ума! — выкрикнула она в порыве ярости, вырвала у него плеть и хлестнула его. Только позже она вспомнила, что он не сделал никаких попыток удержать оружие. Пока же, в слепом гневе, она просто била его так сильно, как могла... пока не увидела его лица и не поняла, что он этим наслаждается.

Рэндольф был истинным садистом, он получал удовольствие, причиняя боль, а не испытывая ее. Однако с Тиффани его извращенность становилась более утонченной: он желал властвовать над ней, и существовало множество способов, коими он мог этого достигнуть. Поэт Суинберн был поклонником бичевания и описывал прелести порки, которые испытывает беспомощная жертва, бешеную ярость прекрасной женщины. Это было совсем не в стиле Рэндольфа, но его порочный ум измыслил вариацию темы.

Тиффани выронила плеть и закрыла лицо руками, глубоко униженная сознанием того, что ее сопротивление доставляет ему столь извращенное удовольствие. Она поняла смысл сделки: если она будет бить его, он воздержится от того, чтобы бить ее. Тиффани не боялась боли, но не могла допустить, чтобы шрамы и кровоподтеки уродовали ее прекрасное тело. Она медленно подняла плеть и ударила, постепенно осознавая, что удовлетворение Рэндольфа исходит не от боли, что она ему причиняет, а от того отвращения, что она испытывает, принимая участие в этом непристойном действе, что она должна каждый раз

бороться с собой, что ей противно, но она вынуждена подчиниться, признавая тем самым власть Рэндольфа над ней.

Спустя три месяца она забеременела, и Тиффани, — которая ненавидела быть женщиной и вынашивать детей — была счастлива сверх меры. И вовсе не из-за будущего материнства. Нет, она просто предположила и правильно, что Рэндольф до рождения ребенка оставит ее в покое.

— Мы должны назвать его Джоном, в честь твоего отца, — заявил Рэндольф, когда их сын появился на свет.

— Ни при каких обстоятельствах я не назову никого и ничего в честь своего отца, и в последнюю очередь собственного ребенка.

— Ну, тогда Рэндольфом — в честь меня.

— Его имя будет Бенджамин.

— *Бенджамин?* Скажи на милость, почему Бенджамин?

Тиффани не ответила. Она взяла ребенка на руки и крепко прижала к себе, желая, чтоб ребенок пошел в нее, а не в Рэндольфа, унаследовал ее дух, ее веру и стремления, переносящие их на залитый солнцем двор в Оксфорде: *никогда не сожалеть, никогда не объяснять, никогда не извиняться.*

Часть третья

Германская Юго-Западная Африка

1908 год

Глава пятнадцатая

С моря берег казался абсолютно пустынным. Серые гранитные скалы, источенные песчаными бурями, придавшими им странные причудливые формы замыкали гряды голых, бесплодных гор посреди наползающих дюн пустыни Намиб. Нигде не росло ни дерева, ни кустика, не заметно было даже стебелька травы. Пронзительный ветер не мог разогнать безжалостную жару, восточный ветер, который готтенготы называли «зу-уп-ва», и вместо прохлады его порывы приносили лишь горячий жалящий песок. Мрачный, суровый, безжалостный мир... Филип считал Кимберли выжженным и угрюмым, но Алмазный город был сущим оазисом по сравнению с Людерицбухтом в Германской Юго-Западной Африке.

Он прислонился к перилам корабля, доставившего его из Кейптауна, руки его дрожали, но не от тягот путешествия — больше года он искал забвения в оглушающем потоке пива, вина и виски. Душевное напряжение, алкоголь, потеря аппетита и климат Кимберли подорвали его здоровье — он сильно похудел, руки его тряслись, а фиалковые глаза на темном от загара лице потускнели.

К нынешнему времени — августу 1908 года — он предполагал вернуться в Англию, но вместо этого отец направил его сюда. Оставайся там около двух недель, приказал Мэтью, проведи тщательное расследование, а затем можешь возвращаться домой. Филипп не волновало ни то, ни другое... вернется ли он домой, останется ли здесь или поедет еще куда-

нибудь... после истории с Тиффани его не волновало уже ничего на свете.

Он, наверное, мог бы оправиться от того удара, если б остался в старом окружении со своими друзьями и своими автомобилями, которые не напоминали бы о Тиффани. В Кимберли же ему было тошно, и он глушил тоску алкоголем. Он не знал ничего о Тиффани с тех пор, как оставил Англию. Но поскольку он постоянно изводил себя, представляя ее бурные любовные увлечения во всех подробностях, то не осмеливался раскрыть газету, чтобы не столкнуться с реальностью, худшей, чем его самые страшные кошмары, и оставляя все личные письма нераспечатанными и непрочитанными.

Филип не забыл Тиффани так же, как не простил Мэтью за ту роль, что, по его мнению, он сыграл в этой истории. Кимберли не предоставил ему возможности для мести, но Людерицбухт обещал быть более полезным для этого. Там были найдены алмазы, и Мэтью требовал информации о количестве и качестве камней. Честно говоря озабоченность Мэтью новым месторождением просто была из каждой строчки телеграмм и писем, что он присылал по данному вопросу. И когда Филип увидел через темно-синие воды этот дикий берег, он впервые за все четырнадцать месяцев почувствовал вспышку интереса.

На берегу он был удивлен чрезвычайно активной для такого маленького поселка деятельностью. Немцы воздвигали прочные строения из камня и кирпича: дома, магазины, конторы, гостиницы и пивные, живописный калейдоскоп башенок и шпилей, высоких крылец и фронтонов, деревянных и металлических, раскрашенных в яркие цвета, подчеркиваемые полной бесцветностью раскинувшейся позади пустыни Намиб. Рабочие равняли песчаные тропинки, превращая их в удобные дороги, и прокладывали рельсы для конки, а наличие недавно открытого отделения «Дойче Африка Банк» усиливало атмосферу процветания и стабильности. Людерицбухт был шахтерским поселком, однако характерная тевтонская основательность немцев демонстрировала их веру, что в будущем открытие алмазов превратит его в огромный процветающий город.

Но до этого было еще далеко. Пока что это все-таки был пустынный аванпост, и Филип, проваливаясь по щиколотки в песок и чертыхаясь, рад был найти прибежище в «Каппс-Отеле». Он сразу направился в темный бар, отделанный красным деревом и сверкающий начищенной латунью, и сел на стул под портретом кронпринца Фридриха-Вильгельма и кронпринцессы Виктории — родителей нынешнего кайзера. Выпил пива и заказал еще. Шиллинг и шесть пенсов за бутылку и минеральную воду было дороговато, но Филипа цены не волновали, пока отец и Компания платили. После третьей бутылки пива он почувствовал себя почти человеком. Оглядев бар, Филип увидел неизвестного, наблюдавшего за ним от двери. Поняв, что его заметили, незнакомец решительно подошел к нему.

— Рад приветствовать вас, мистер Брайт, — молодой человек сел напротив. — Мы вас ожидали.

— Понятия не имел, что мои перемещения вызывают такой интерес.

— Сэр Мэтью и «Даймонд Компани» должны были прислать кого-нибудь проинспектировать наши разработки.

Филип угрюмо усмехнулся.

— Конечно, известен мой отец, не я. К сожалению, мы с вами в одинаковом положении — я не представляю, кто вы.

— Гуго Верт. — Немец протянул руку, которую Филип коротко пожал. — Я окружной офицер в Китмансхупе, но пока откомандирован в Людерицбухт контролировать здешнюю деятельность. По всей вероятности, я буду назначен представлять правительственные

интересы в местной алмазной промышленности.

— Классная карьера!

Верт метнул на него резкий взгляд, но решил, что оскорбление не было намеренным.

— Вы знакомы с подробностями открытия алмазов?

— О, я знаю лишь некоторые факты, но не откажусь выслушать сагу полностью.

Тон Филипа был легкомысленным, слегка скучающим, как у человека, который слушает только потому, что ему больше нечего делать.

Алмазы были открыты железнодорожным рабочим по имени Август Стаух. Он квартировал в Грас-плаце, где работал вместе с бригадиром и примерно сотней цветных, очищая железнодорожную линию Китмансхуп — Людерицбухт от песка, который наносит ветер с ползучих дюн. По его словам о переводе из Германии на Юго-Запад он попросил потому, что верил в благоприятность здешнего климата для его астмы. Лично я не думаю, что пыль и песчаные бури пустыни Намиб помогли его здоровью, но ее недра, безусловно, помогли его карману.

— Вы говорите так, словно считаете, что он сознательно приехал за алмазами.

— Думаю, это возможно. Он не стал тратить времени, добиваясь старательской лицензии у «Дойче Колониаль-гезельшафт фор Зюдвест-Африка», которая имеет здесь концессию, а просто приказал цветным искать алмазы. Без сомнения, они решили, что он свихнулся — некоторые из них бывали в Кимберли и работали на брекчии^[6], которая сильно отличается от здешней почвы.

Но в апреле этого года один из них принес Стауху маленький камешек, и когда тот провел им по стеклу своих часов, то понял, что перед ним настоящий алмаз.

— Однако новости достигли внешнего мира только в июне, — лениво вставил Филип.

— Стаух превосходно разыграл свою карту, укрепив собственные позиции, прежде чем сообщить о находке. Алмазная лихорадка разразилась в Людерицбухте, когда заявление подтвердилось, и тогда обычная шваль вкупе с несколькими опытными изыскателями заполнила город. Меня прислали из Кигмансхупа поддерживать закон, порядок восторжествовал, а вскоре и секретарь по колониям прибыл из Берлина. Скоро мы поставим добычу на промышленную основу — мы уже отказались от дальнейшей выдачи старательских лицензий.

Гуго Верт смолк. Он был чрезвычайно удивлен отсутствием у Филипа подлинного интереса, гадая, почему не были заданы вопросы, которые напрашивались сами собой. Он ожидал подробных расспросов о количестве найденных камней, их цвете, размерах и качестве, и что более важно, он ожидал, что «Даймонд Компани» будет заинтересована в том, чтобы поднять вопрос о маркетинге камней, и постарается достичь соглашения, по которому германские алмазы могут быть проданы через Синдикат. Филип Брайт обо всем этом молчал, однако он же не дурак, иначе отец бы не прислал его.

— Конечно, — медленно сказал Гуго, — вас вряд ли впечатлила наша младенческая алмазная эпопея после того, как вы были воспитаны на опыте вашего отца в Кимберли.

— О да, я провел все детство у отца на коленях, слушая захватывающие истории, об алмазах и их добыче.

Гуго уловил сарказм, но не понял его причину. Он встал.

— Без сомнения, вы захотите осмотреть разработки лично. Я буду рад сопровождать вас туда.

— Зачем мне нянька?

— Из соображения безопасности мы не допускаем туда посторонних. К тому же небезопасно ездить в пустыне в одиночку, хотя разработки всего лишь в нескольких милях от города. Значит, до завтра.

На следующий день Филип отнюдь не воспрял духом из-за того, что пришлось ехать из Людерицбухта на разработки в Колманскоп. Он преодолел свой детский страх перед лошадьми, но по-прежнему не любил ездить верхом, и был угрюм и молчалив на протяжении часового путешествия.

Гуго Верт пытался поддержать вежливую беседу, рассказывая об истории Людерицбухта, основанного немцами в 1883 году, но столкнувшись с мрачным молчанием своего спутника, вынужден был замолчать.

Однако подавленное настроение Филипа улучшилось, когда он увидел суматошную деятельность старательского лагеря в Колманскопе. Первоначально рабочие были вынуждены ползать на четвереньках, нащупывая алмазы под песком. Теперь они выкапывали камни. После наблюдения за утонченными высокотехническими операциями в Кимберли опытному глазу Филипа здешние методы добычи показались примитивными. Песок просеивали через большое сито около пяти футов длиной. Остаток пересыпали в ручное сито и встряхивали под водой так, что камни, которые были тяжелей, собирались в центре сита. Затем их переносили на сортировочный стол. Филип наблюдал за столом минут пять. За это время были отобраны шесть алмазов по два с половиной карата. Затем он ознакомился с результатами работы за два дня — сборником камней общим весом девятьсот каратов. Камни были маленькие, но превосходного качества, и Филип прикинул, что поскольку они мало потеряют при огранке, то принесут высокую прибыль.

— Полагаю, проводятся и другие изыскания? — спросил он.

Гуго раскинул руки жестом, словно обнимавшим весь простор пустыни.

— Средняя ширина Намиб около шестидесяти миль, и она тянется непрерывно на тысячу миль к северу от реки Оранжевой да Анголы. Будет довольно странно, если достойный обербанмейстер^[7] нашел единственный источник алмазов в этой необъятной пустыне.

Филип кивнул.

— Это, конечно, аллювиальные^[8] алмазы, — медленно произнес он, занесенные сюда какой-нибудь великой рекой или даже океаном. Интересно, где коренное месторождение... Прелестно! — он счастливо улыбнулся. *Аллювиальные* алмазы! Конечно, таким будет его объяснение.

Неожиданно Гуго замахал одному из надсмотрщиков.

— Дани! Мне нужно тебе кое-что передать.

Человек приблизился, уставившись на Филипа. Он был невысок, коренаст, с черной шевелюрой и бородой, с темной загорелой кожей. Приковывали внимание его глаза — серозеленые, блестящие.

— Дани, Елена приехала из Китмансхупа и хочет тебя повидать.

Оторвав взгляд от Филипа, подошедший резко обернулся к Гуго.

— На ферме все хорошо? Надеюсь, с Сюзанной и детьми ничего не случилось?

— Нет, нет, все в порядке! Я так понял, что дело касается Елены лично. Она, наконец, собралась выйти замуж?

Дани, нахмурившись, пожал плечами.

— У этого человека, — объяснял Гуго Филипу, — самая прелестная свояченица на всю

Юго-Западную Африку, но она повергает в отчаяние мужское население — которое намного превосходит женское числом — тем, что упорно отказывается избрать себе мужа. Между прочим, позвольте вас представить: Филип Брайт, Дани Стейн.

— Да, — медленно произнес Дани, — я слышал, что это он.

Все еще улыбаясь планам, складывающимся в его мозгу, Филип протянул руку, и после мгновенного колебания Дани пожал ее — но быстро, словно прикосновение обжигало.

— Я знал вашего отца в Кимберли до вашего рождения.

— Ах, так вы сподобились лицеизреть великого человека в начале его пути, к славе и богатству. Но вы, похоже, не были так удачны в драке за успех на тех алмазных россыпях. — Филип пристально глянул на грязную поношенную одежду Дани, явно намекая на низкое, подчиненное положение собеседника.

— Нет, я покинул Кимберли двадцать пять лет назад, когда мне было восемнадцать.

— Тогда вам все же повезло! Менее счастливые остались в Кимберли и вынуждены были общаться с отцом.

Дани нахмурился еще глубже и задумчиво глянул на Филипа.

— Мэтью когда-нибудь упоминал обо мне?

— Нет. Сожалею, старина, но я никогда прежде не слышал о вас.

Дани, казалось, мгновение боролся с собой, затем внезапно повернулся на каблуках и зашагал прочь.

— Что за странный тип, — небрежно заметил Филип. — Кто он?

— Дани Стейн — один из тех непримиримых буров, кто приехал в эту страну в 1902 году, после южноафриканской войны. Он держит ферму в Китмансхупе, но временами ему приходится туго, и зная, что он нуждается в деньгах, я предложил ему работу здесь. Он — подходящая кандидатура для надсмотрщика, поскольку прожил на приисках в Кимберли тринадцать лет, и хотя был тогда мальчиком, но набрался весьма полезного опыта.

— А кто присматривает за фермой в его отсутствие?

— Его жена Сюзанна. — Гуго рассмеялся, увидев поднятые брови Филипа. — Вы бы не так удивлялись, если бы знали фрау Стейн, — она очень крутая дама! Кстати, заметьте, ее сестра Елена ей тоже не уступает — она вместе с Дани служила в отряде командос во время войны.

— Как ужасно неженственно.

Но Гуго Верт только усмехнулся.

Вернувшись в отель, Филип сел писать письмо. Он начал с вполне точного описания разработок алмазов, которые он видел, и добытых камней.

«Однако, — заключил он, — мало шансов, что эти разработки разовьются в жизнеспособную индустрию. Большинство найденных алмазов небольшого размера и несравнимы с прекрасными камнями, добываемыми в Кимберли. Особенности здешних геологических пород в совокупности с трудностями разработок ставят под сомнение дальнейшие открытия. Очевидно, германский оптимизм окрашен желанием привлечь иммигрантов и инвестиции в эту забытую богом бесплодную страну.

Что важнее всего, алмазы — аллювиальные. Есть признаки, что камни расположены тонким слоем под поверхностью песка и месторождение скоро истощится.

Колмансхуп пустышка. В конце концов, кто когда слышал об алмазах в пустыне? Это не заслуживает вложения капиталов и, конечно, не представляет угрозы Компании».

Филип написал адрес на конверте и бросил его в почтовый ящик. Если отец поверит ему — а почему бы и нет? — Филип гарантирует, что Мэтью Брайт не примет участия в развитии алмазной индустрии Юго-Западной Африки. Но это еще не все — Филип улыбнулся, предвидя трудности, с которыми столкнется Мэтью, когда сверкающей поток здешних алмазов хлынет на рынок, который и так переполнен.

— Я приехала сказать тебе, что покидаю Юго-Запад и возвращаюсь домой.

Дани, уже выведенный из себя встречей с Филипом, яростно повернулся к Елене.

— Ты хочешь сказать, что присягнешь на верность британской короне? Потому что, если ты вернешься в Южную Африку, тебе придется это сделать.

— Какая разница между этим и жизнью здесь в качестве подданных кайзера? — парировала Елена.

— И ты можешь спрашивать после того, что видела во время войны? После смерти Марианны?

— Дани! Война закончилась шесть лет назад! Есть планы объединения четырех провинций и, конечно, премьер-министром станет африканец — возможно, Луис Бота.

— Бота! Я ему не доверяю. Именно Бота и Ян Смит заключили мир с британцами.

— Они стараются построить новую Южную Африку, где буры и британцы смогут жить вместе в мире и согласии и перестанут уничтожать друг друга. Это единственный путь развития для нашей страны, Дани. Я верю в это!

— *Нашей* страны, — повторил Дани, и его серо-зеленые глаза сверкнули. — Она принадлежит нам, не британцам, и нет причин, по которым мы должны делить ее с кем-то еще!

— Ох нет, не заводи снова свою волюнку о «ютландерс»^[9], которые крадут наше золото и наши алмазы! — Елена в отчаянии прикрыла глаза. — Ты должен перестать жить прошлым. Ты не видишь, что старые идеи и обиды разрушают тебя как личность?

— Мы сражались в войне за свободу, но Луису Боте придется плясать под английскую дудку, когда он станет премьер-министром. Южная Африка должна быть независимой, и придет день, когда она станет свободной, потому что множество африканеров чувствуют то же, что и я.

— Но большинство согласны со мной! — возразила Елена. — Дани, ирония в том, что одна из причин, по которой мы воевали, была в единстве народа африканеров. Но сейчас мы разобщены — половина собралась в самоуправляемых республиках Трансвааль и Свободный штат Оранж, другая половина живет под властью британцев. Все, в чем мы преуспели — в разделении народа на две партии — «хенсопперов» — «ручных», тех, кто осознал, что дело проиграно, и «бигтерейндеров» — таких же фанатиков, как ты!

— Никто бы и не подумал, что в тебе и Сюзанне течет одна кровь.

— Да, она согласна с тобой, и своих детей вы воспитываете в том же духе. Вот почему я не хочу оставаться. Я не могу больше жить в атмосфере ненависти и мести. — Елена умолкла, беспомощно глядя на него. — Дело не в войне и не в ютландерс. Дело в Мэтью Брайте. Ты больше ни о чем не можешь думать.

— Я сегодня встретил его сына.

«*О Боже, нет!* — мелькнуло в голове Елены. — Филип Брайт? *Здесь?*»

— Кто-то должен был приехать посмотреть на алмазы. Я надеялся, что это будет сам Мэтью.

— Оставь это, Дани! Ты уже пытался убить Мэтью после войны — разве недостаточно?

— Нет, недостаточно — потому что я *не убил его!*

— Я знаю все о твоих обидах против него, но самая страшная — это смерть твоей сестры, верно? Алида умерла, рожая ребенка Мэтью, но до тебя никогда не доходило, что она любила его? — Елена помедлила. — Вполне возможно, что бурская девушка полюбила англичанина, — тихо сказала она, и ее карие глаза затуманились от воспоминаний.

Лицо Дани исказилось. Он не мог ни допускать подобной возможности, ни обсуждать ее.

— Он ограбил меня, присвоив алмазную заявку моего приемного отца в Кимберли. Он преследует меня везде — сначала в Кимберли, потом на золотых рудниках Трансвааля и вот теперь здесь. Но здесь он проиграет — Мэтью Брайт не разрушит этот мир, как разрушил все остальное.

— Но здесь *Филип* Брайт, а не Мэтью, и с ним ты не ссорился.

Дани умолк, вспоминая высокую фигуру и красивое лицо Филипа, но ярость вновь охватила его от сознания, что сын Мэтью отрицал, будто имеет о нем понятие. Дани был так захвачен своими несчастьями, что не мог выносить мысли, что его враг избежал той же судьбы, что Мэтью счастлив и свободен от груза прошлого.

— Я говорил Мэтью, что борьба продолжится в следующем поколении, — сказал он наполовину про себя, — так и будет.

— Ты сошел с ума, — выдохнула Елена. — Ты воистину сошел с ума.

Он не обратил внимания на ее слова, не поняв, что говорил вслух.

— Ты собираешься отплыть в Кейптаун следующим пароходом?

— Да.

Дани оглядел гостиную крошечного дома, где квартировал в Людерицбухте.

— Он отходит послезавтра. Ты можешь остаться и подождать здесь. Я буду спать на софе, а ты на кровати. Завтра я буду на прииске, но, — он улыбнулся, — вернусь к отплытию парохода.

Елена прошла в спальню и села на постель. Он вернется... повидать Филипа Брайта? Ох, как она устала от Дани, его старой вражды, и как хочется вернуться к братьям в Трансвааль! Она, должно быть, обезумела, так долго оставаясь на Юго-Западе — а, если подумать, зачем она вообще осталась? Елена встала и пересекла комнату, подойдя к сумке, где было сложено ее скудное имущество. Медленно вытащила выцветшие брюки цвета хаки, такую же рубашку и мятую шляпу с обвисшими полями. Она задумчиво поглаживала вещи — беседа с Дани пробудила в ней воспоминания о войне. Все началось с «хенсоппера» — она осталась с Дани из-за Япи Малана.

Когда пришли «хаки»^[10], Елена в отсутствие братьев, ушедших в командос, охраняла скот верхом на пони и с винтовкой. Она спряталась в овраге и в немом ужасе наблюдала, как «хаки» жгли их ферму. Видела она и жалкую процессию, когда ее мать, сестру Сюзанну (которая была беременна), невестку и ее троих детей утонули в концентрационный лагерь. Она поняла, что Дани и Фрэнк, приезжавшие на ферму, чтобы взять провиант для командос, спаслись бегством, и Елена решила поступить так же. Зная приблизительное расположение базы командос, она последовала за Дани и убедила его позволить ей остаться.

Со стройной гибкой фигурой, скрытой бесформенной курткой, рубахой и штанами, забрав длинные черные волосы под шляпу, она была совершенно неотличима от юноши, но

умела ездить верхом и стрелять не хуже мужчины, а последующие месяцы стали для нее школой выживания.

Это была «герилья» — партизанская война, как когда-то называли подобные военные действия испанцы, где вместо старомодных сражений командос действовали небольшими отрядами, устраивая набеги на вражеские коммуникации и колонны. Это была жизнь в голоде и жажде, постоянной опасности, всегда под угрозой гибели, без сна, вымаливая еще одну милю у загнанных лошадей. В летних условиях было легче, даже когда лили дожди, но зимой командос изматывали жестокие пронизывающие ветра с пылью. Ночи они проводили дрожа от холода под походными одеялами или в спальных мешках. Утром жесткие одеяла были покрыты инеем, а в ближайших лужах хрустел лед. Но зимой ли, летом много рассветов разрывал крик: «Opsaal! Opsaal! Хаки идут», вынуждая уставших людей и лошадей снова бежать.

Когда провиант нельзя было украсть у врага и люди уставали от билгонга^[11] и мучной болтушки или тыквы с картошкой, командос грабили местные фермы. Но потом Дани совершил налет на фруктовый сад Япи Малана. Между ними произошла яростная стычка. Дани обвинял «хенсоппера» в трусости и лени, в том, что он отсиживается дома, в безопасности, в то время, как командос сражаются с врагом. Япи не выказывал ни признака стыда и твердо стоял на своем.

— В самом начале войны я воевал из любви к своей стране и из долга перед ней, воевал, даже когда стало ясно, что наше дело обречено. Но теперь ты пугаешь храбрость с тупым упрямством. Ты не допускаешь, что худшее уже настало, и чтобы принять это, требуется больше мужества, чем продолжать проигранную войну.

Ответ Япи привел Дани в бешенство. Он бросился к коновязи, где стояла его лошадь и вытащил из седельной сумки *sjambok* — смертоносный кожаный кнут. Размотав до земли его зловещий хвост, он взмахнул кнутом и опытным ударом обрушил сыромятный ремень на спину Малана, порвав его рубаху. Никто не двинулся с места — ни Елена, ни Фрэнк Уитни, ни командос, ни даже сам Малан, — никто не стал удерживать или связывать его, однако Япи и не пытался бежать. Елена живо помнила жуткую тишину, повисшую в саду под жарким полуденным солнцем, молчание, смешанное с напряжением, нарушаемое только свистом кнута, разрывавшего воздух, чтобы вновь и вновь впиться в человеческую плоть. Третий удар поверг Малана на колени, кровь струилась из порезов, лохмотья покрасневшей рубахи были почти неотличимы от лохмотьев кожи. Дани еще дважды взмахивал кнутом, но хотя Малан падал на землю, он отчаянно заставлял себя вновь подняться на колени. В глазах, устремленных на своего мучителя и зрителей, горел вызов, зубы были стиснуты, чтобы не дать вырваться крику боли.

— Вот что мы делаем с трусами, — прорычал Дани. — Я мог бы заставить тебя стать командос, но, как сказал генерал де Вет, мы не можем затравить зайца с ленивыми собаками! Но я предупреждаю тебя, Малан — это *ничто* по сравнению с тем, как мы поступаем с предателями, которые помогают «хаки»!

Несмотря на подобные случаи, в тех днях было особое очарование: чувство товарищества, вольный воздух, ночевки у лагерного костра, под звездами, с седлом под головой. В мире, который простирался не дальше холмов, синеющих на горизонте, Елена не могла понять, что Дани не дает им признать поражение и безнадежность этой войны. Затем события стали развиваться в убыстренном темпе. Дани знал, что его ферму сожгли кавалеристы Деверилла, и постоянно следил за ними, и когда в подрывах поездов, налетах на

британские лагеря и казармы командос начали преследовать неудачи, стало ясно, что Деверилл тоже за ними следит. Вскоре Дани обнаружил причину: Деверилл пользовался услугами «хенсоппера», ставшего «хаки-буром» или «национальным разведчиком» Трансвааля, знавшего каждый овраг и складку на местности — и этим человеком был Япи Малан. С помощью Фрэнка Уитни Дани заманил в ловушку двух человек, которые ему были нужны больше всего, — Малана и Зулу, — и их казнили без всякого суда и следствия.

Когда общее внимание было отвлечено погребением, Елена поспешила вон из лагеря, чтобы побыть одной на пустынном склоне холма, где сгустившиеся сумерки могли бы скрыть ее ярость и стыд.

Елена уважала Дани, доверяла ему, и потребовалось потрясение основ всего мира Елены, чтобы она в нем усомнилась и разошлась во мнении так решительно, как сейчас. Но Дани был не прав... казнь была ошибкой... или она просто слабая женщина, неспособная служить в командос? Она старалась размышлять спокойно, избегая эмоций, и всегда приходила к одному и тому же выводу: каждый человек, белый или черный, имеет право на справедливый суд и ни один человек, даже Дани Стейн, не имеет право вершить закон своей рукой.

В то время Елена тоже ненавидела Япи Малана, как любого «хаки-бура», предавшего свой народ, но его убийство, а то, что она видела, можно было назвать только так, побуждало к переоценке происходящего. Малан был буром, и Трансвааль был для него родиной, также как для Стейнов и Гроблеров — он настаивал на этой точке зрения, и Елену, глядевшую вдаль, в сгущавшиеся сумерки долины и тьму будущего, терзало ужасное предчувствие, что после войны «хаки-буры», «хенсопперы» и «бигтерейндеры» уже не смогут снова жить в мире и братстве.

А что об этом думали тогда англичане? Она снова вспомнила выражение лица Деверилла, увидела скорбь молодого лейтенанта из-за смерти его верного слуги. Все, что совершил Дани, служило подтверждением высокомерной веры британцев, что буры — дикари и неспособны сами править страной. Дани опозорил народ африканеров в глазах врагов.

Елена сделала еще более тревожное открытие. На склоне того дикого холма она позволила себе задуматься о рассудке Дани Стейна и увидела, что тот... не совсем нормален. Она начала понимать, что его жестокость превосходила всякую меру, что ее герой — опасный и жестокий фанатик, а не честный африканер, преданный интересам своего народа. Он часто цитировал Библию, и она вспомнила строчки из Книги Левит, которые он выкрикивал, когда кто-нибудь обращал его внимание, насколько британские солдаты превосходят буров числом: «Если будете поступать по уставам Моим и заповеди Мои хранить и исполнять их... то будете прогонять врагов ваших и падут они пред вами от меча. Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму и падут враги ваши пред вами от меча».

Теперь Елена понимала, что у Дани не было иного бога, кроме бога ненависти.

Но даже тогда она бы не изменила свою точку зрения столь основательно, если бы не неделя, проведенная с Рэйфом Девериллом. Воспоминания затягивали, поглощали ее — серия сменяющихся, расплывчатых образов вельда, сгоревшие фермы, что словно издевались над красотой розовых и белых бутонов в садах; одетые в хлопок и широкополые шляпы женщины и дети на фермах, где они останавливались передохнуть — те мололи муку на ручных мельницах, месили тесто, закатав рукава, поджаривали на сковородках желуди,

чтобы изготовить кофейный концентрат с мукой и сушеными персиками. Она вспоминала его коня, «беспошлинного гнедого» — так называли такую масть буры; поскольку в старые времена гнедым лошадям с белой мордой и четыремя высокими чулками дозволялось миновать места сбора пошлин бесплатно.

Тридцать шесть часов ей удавалось притворяться мужчиной, но затем из-за ее молчания его терпение лопнуло.

— Ради Бога, скажи что-нибудь, даже если просто пошлешь меня к черту! И смотри мне в лицо, когда ты это скажешь — клянусь, ты даже моешься в этой шляпе, если ты когда-нибудь моешься, что сомнительно.

Он сорвал шляпу с головы Елены и ее волосы рассыпались по плечам. Они долго глядели друг на друга, а затем началось это — таинственный всепроникающий эротизм.

— Кто ты?

Она ответила, но сухо, как полагалось военнопленным: имя, звание, номер.

— Почему ты присоединилась к командос?

— Либо они, либо концентрационный лагерь. — Теперь она смотрела ему прямо в лицо, свет костра четко обрисовывал ее черты и негодования в ее глазах было не больше, чем он ожидал. — Но, думаю, ты все равно меня туда пошлешь?

— Я постараюсь найти другое решение, — тихо сказал он и протянул руку, чтобы успокоить, но она яростно шарахнулась прочь. — Ты в полной безопасности от меня, — произнес он резко, — особенно пока не помоешься.

Они улеглись спать на расстоянии нескольких футов друг от друга, но, несмотря на усталость, забвение к ним не приходило. Елена была в напряжении, догадываясь о его чувствах — чувствах мужчины, сохраняющего целомудрие в условиях войны, и ожидая, что он попытается изнасиловать ее, но он ее не тронул. Постепенно она подчинилась всепобеждающей усталости и уснула.

Состояние повышенной чувственности сохранялось у нее весь следующий день, пока они продолжали свою поездку на юг. Эта часть Трансвааля была исключительно плодородной и в своем изобилии красок и терпкого аромата цветущих деревьев казалась почти сладострастной. Сады при заброшенных домах обещали богатый урожай фиников, айвы, шелковицы, винограда, гранатов и опунции. Купы дубов и плакучих ив сменялись рядами голубых эвкалиптов и желтого терновника.

Елена чувствовала себя так, словно она едет во сне: все, кроме Рэйфа, представлялось ей туманным и расплывчатым. Она ощущала каждое движение его тела как свое собственное, и даже холмы принимали фаллические формы или очертания женских грудей. При свете дня эти чувства еще поддавались контролю, но когда теплая мягкая тьма окутала их своим бархатным плащом, Рэйф и Елена ощутили себя полностью отрезанными от окружающего мира, и, конечно же, он неизбежно должен был прийти к ней. Но он не пришел.

Когда она увидела, что он спит, она тихо поднялась и, прячась за деревьями, постаралась незаметно проскользнуть по склону к небольшому ручью. Оставив одежду на берегу, она с наслаждением вошла в воду. Бледный диск луны давал столь мало света, что на серебристой поверхности воды она выглядела лишь черной тенью. Когда Елена вышла из ручья, он уже ждал ее, и, хотя она была изумлена его появлением, все-таки не бросилась бежать прочь. Он снял рубашку и осторожно начал вытирать ее тело. Медленно и бережно он водил ей рубашкой по спине и бедрам, и его руки ласкали ее тело сквозь тонкую, легкую ткань, и потом, с возрастающим возбуждением, она почувствовала, как он вытирает ее груди

— маленькие, острые, конической формы, что и позволяло ей выдавать себя за мужчину. Рэйф со вздохом выронил рубашку и с нежным пылом сомкнул пальцы на этих холодных как лед грудях, но Елена, до того стоявшая неподвижно, бросилась бежать по склону подобно лани, едва ткань, разделявшая их, была отброшена.

Он больше не прикасался к ней, и она знала, что он все понял правильно. Ее бесстрастное лицо ясно выражало: «Я здесь — однако меня здесь нет. Я твоя пленница телом, но мой дух еще не побежден». Рэйф осознал, что ее отказ заняться с ним любовью был вызван не физическим отвращением и не доблестным желанием сохранить девственность — то был отказ британскому офицеру-завоевателю. Он был врагом ее народа. И хотя Рэйф мог бы попытаться ухаживать за ней, чтобы добиться взаимности, он все равно не мог заставить ее покориться. Елена Гроблер осталась в его памяти символом несгибаемого духа африканерской женщины. Британцы победили буров-мужчин в военной игре, но женщин они завоевать не сумели.

Елена тоже сознавала символичность происходящего. Британцы насильовали ее страну, но этот мужчина ее не тронул. Она не забыла этого — как не забыла и его самого. И Рэйф так и не узнал, как боролась Елена со своими чувствами, как сильно ей хотелось, чтобы он был другом ее народа, а не врагом.

После разгрома отряда коммандос Стейна, когда она попала в плен, он намеревался, сопроводив ее в Мидлбургский лагерь, сдать ее там, но, въехав на холм и оглядев сверху скопище палаток, неожиданно придержал своего «беспошлинного» коня.

— Ты знаешь, где Дани может быть после сражения?

Елена подумала о базе коммандос, куда она отправилась, когда сожгли ее ферму.

— Да, но ты не сможешь заставить меня рассказать.

— Я и не прошу тебя рассказывать. — Рэйф повернулся в седле и взглянул на нее. — Твоего неприбытия в лагерь никто не заметит — военная администрация в таких местах исключительно небрежна. Если ты сейчас уедешь отсюда, об этом буду знать только я. А я обещаю молчать.

Он снял с седла запасную винтовку и протянул ей.

— Здесь шесть патронов, — добавил он. — Хочу верить, что ты не потратишь один на меня.

Елена взяла оружие и амуницию и молча поехала прочь. Но вскоре она остановилась и повернулась к нему, подняв руку в прощальном жесте, и Рэйф помахал ей в ответ.

Она и Дани завершили войну вместе со Смутсом в Нор-Вест-Кэйне, а затем уехала с ним в Юго-Западную Африку. Она инстинктивно чувствовала, что за ним надо присматривать, и что только она понимает, какую угрозу он представляет на самом деле — угрозу, становившуюся все более зловещей с каждым годом изгнания. Дани Стейн был подобен слону-одиночке, покинувшему стадо, опасному и непредсказуемому.

Елена пыталась подавить в себе крепнувшее убеждение, что слонов-одиночек надо пристреливать.

Глава шестнадцатая

На следующее утро Елена пошла за покупками. Она купила мяса и свежих овощей, чтобы приготовить жаркое, содрогнувшись от цен на продукты на алмазных приисках, и обнаружила, что Филип Брайт не выходит у нее из головы. Ее неодолимо тянуло в «Каппс-

Отель», и она пошла туда, но только зачем? Из любопытства? У Филипа Брайта что — рога, копыта и хвост, как утверждал бы Дани? Елена знала только, что должна его увидеть, и не могла объяснить себе, зачем все-таки назвала его имя в гостинице.

— Мистер Брайт? — Ее сердце забилось сильнее, когда она увидела его высокую стройную фигуру и испугалась собственной смелости. — Я — Елена Гроблер, свояченица Дани Стейна. Он рассказал мне, что вы здесь. Я просто хотела... — Голос ее упал. Чего она хотела?

— Как любезно с вашей стороны, что вы зашли, — Филип очаровательно улыбнулся. Она была гораздо привлекательнее, чем он себе представлял, а он как раз скучал, ожидая парохода в этом пустынном аванпосте. — Почему вы не поставите свою корзину? Или, может быть, я вам ее донесу?

— Спасибо, здесь продукты для обеда, но вы можете разделить его со мной... если вам больше нечего делать. — Елена с трудом выдавила улыбку, черпая храбрость из того внимания, что она прежде получала от мужчин в Китмансхупе.

— День мой — зияющая пустота... до сего момента. — И Филип последовал за ней, взяв корзину.

До лачуги Дани было всего десять минут ходу, но Елене они казались бесконечными из-за того, что она пыталась скрыть свою застенчивость. Однако по дороге Филип купил несколько бутылок вина и расположился на стуле в кухне, следя за тем, как она готовит пищу, с явным удовольствием и с полной непринужденностью.

Ей исполнилось двадцать пять лет, она была высокой и стройной, с роскошными темными волосами, скелотыми простым узлом на затылке, и глубокими карими глазами, сиявшими бархатистым светом. Ее тело расцвело, а груди налились, став полными и зовущими, но цвет лица слишком сильно напоминал о прошедших годах: его бронзовую кожу не щадили ни иссушающая жара, ни пыль и ветры Юго-Западной Африки, грозя преждевременном старостью.

Филипу она казалась воплощением земной женщины, с простыми, лишенными сентиментальности, чувствами, и черпающей силы от самой природы. Он испытывал наслаждение, созерцая неторопливые движения ее стройного тела и спокойный взгляд бездонных чистых глаз. Случилось так, что ни одна женщина не готовила ему раньше еду; слуги — да, но не женщины... не такие.

Но он мог бы вскоре и забыть о своих чувствах, достойных отношения аристократа к пейзажу, если бы не одно замечание, брошенное Еленой, когда она говорила о Юго-Западной Африке.

— Мне не нравится эта страна, но многие немцы ее любят. Они говорят, что после Юго-Запада Европа внушает им клаустрофобию своей мягкостью, пресыщенностью, плодородием. Юго-Западная Африка — страна контрастов, сложная, дерзкая, яркая, *стихийная*. Здесь все ближе к жизни... и к смерти.

Стихийная. Да, такова была и Елена. Она была матерью-землей, которая дает человеку возрождение или смерть. Руки Филипа слегка задрожали от странного предчувствия — чего? Он встряхнул головой, стремясь освободиться от наваждения, однако эта аналогия, конечно, основание под собой имела, потому что в глазах Елены светилось материнское понимание и стремление развеять его печаль, и, безусловно, чувство материнской заботы заставляло ее щедро наполнять его тарелку.

Что-то в нем потянулось к ней, к ее исцеляющему материнскому сочувствию и

вниманию, которые ни Энн, ни Лора, ни Тиффани не сумели ему дать.

Елена стояла рядом, собираясь забрать кофейную чашку, но Филип перехватил ее руку и осторожно прижал к своей щеке. Девушка вспыхнула, растерявшись, потому что неожиданно осознала свои недостатки. В простом хлопковом платье, с опаленной солнцем кожей, которую она считала безнадежно огрубевшей, она вряд ли могла сравниться с теми прекрасными, богатыми и утонченными дамами, среди которых должен был вращаться такой мужчина как Филип. Он хочет не любви, подумала она, совсем не этого... однако он чего-то хочет, в чем-то *нуждается*...

— Это был самый лучший обед, что я когда-либо ел в своей жизни.

Она покраснела еще гуще, и в глазах ее вспыхнула обида, когда она решила, что он над ней издевается.

— Уверю вас. — Филип встал и сжал ее руки. — Клянусь, я говорю чистую правду.

— В таком случае вы должны мне помочь помыть посуду.

— А вы уверены, что решите доверить мне эту задачу? Я за всю жизнь не вымыл ни одной чашки и ни одной тарелки.

Она усмехнулась и протянула ему полотенце.

— А после мы пойдем погуляем. Думаю, вам следует немного проветриться, — и она со значением поглядела на пустые винные бутылки.

Странно, но Филип не обиделся на этот мягкий упрек. Напротив, он был даже склонен почувствовать вину и некоторый стыд за свое чрезмерное пьянство. В Елене была прямота, способная заставить его постичь суть вещей, и он понимая, что ею двигало не осуждение, а искренняя забота о нем.

Оставив дом, они двинулись от поселка по направлению к гигантским дюнам, наползающим на скалы серого песчаника. Жара обжигала, ветер взметал колючие клубы песка, но по молчаливому согласию Филип и Елена продолжали идти до тех пор, пока не убедились, что их никто не увидит и не потревожит. На западе лежала бухта Людериц, сверкая сапфирами волн под кобальтовым небом, охраняемая тремя островами, скалы которых побелели от гуано^[12], а на востоке — только серые скалы, белый прибрежный песок и бледное золото дюн. Но чудесным образом здесь было немного зелени, по тому же счастливому совпадению на Елене было зеленое платье... это означало для него зелень листьев, травы, всей природы... Свежая исцеляющая зелень матери-земли... и, когда Филип потянулся к ней и обнял, это показалось самым естественным в мире.

Песок обжигал, он был слишком горяч, чтобы можно было раздеться, но недостаточно горяч, чтобы помешать им упасть в его мягкие объятия: Филип расстегнул ее платье, обнажив груди, и улыбнулся их белизне по сравнению со смуглым лицом, шеей и плечами, затем углубился под юбку, не путаясь в нижнем белье — его не было при африканской жаре. Он скользнул в нее, и, двигаясь, не отрывал взгляда от ее лица. Елена была такой, как он и ожидал — цельной и чистой. Он никогда раньше не занимался любовью на открытом воздухе, но с ней это казалось правильно и хорошо. Как и надеялся, он почувствовал ее исцеляющее прикосновение, щедрость ее духа. С Еленой, внутри Елены, Филип был ближе к лону природы, погружаясь в защитный покров мира и тепла, к которому всегда тянулся, но никогда не обретал даже со своей матерью, Энн. Он с наслаждением смотрел, как Елена выгибает спину, содрогается и опадает; и когда Филип расслабился сам, его поразила мысль: *жизнь или смерть, мать-земля, что будет?*

Елена, поглощенная пламенем первого оргазма, изумилась половодью нежности,

которую она испытывала к этому мужчине. Поначалу она не чувствовала никакого сексуального влечения, но отдалась ему, потому что понимала — он нуждается в ней... нуждается в *чем-то* от нее и чему ее тело служит источником и сосудом. Но когда он коснулся ее, страсть разгорелась совсем неожиданно. Не чувствуя ни малейшего унижения своего достоинства оттого, что он так походя ее использует, Елена была рада отдавать и благодарна за то, что получает. Но отдала ли она так же много, как получила? Она с тревогой глянула на него и успокоилась, увидев глубокое удовлетворение и покой в его лице, и, нежно глядя его по щеке, она знала, что это лишь краткая встреча в пустыне, не больше, но она сохранит ее в памяти навечно.

Вечером Филип с легким сердцем вошел в бар отеля и спросил пива. Снаружи, с моря, как обычно ночами на побережье, напал туман, рожденный холодными течениями Южной Атлантики, чтобы затем, облаком собравшись над пустыней, осесть каплями росы, необходимой для поддержания жизни тем немногим насекомым и рептилиям, что обитали в суровых условиях Намиба. Но в тепле и уюте, среди огней, латуни и красного дерева бара «Каппс-Отель» жуть окутанной туманом пустыни казалась такой далекой. Целительное воздействие Елены померкло, и к нему вернулось воспоминание о письме, отправленном Мэтью. Настроение Филипа улучшалось с каждой бутылкой пива; он с удовольствием пообщался с несколькими незнакомцами, но когда к нему присоединился Дани, был еще далеко не пьян.

Дани весьма интересовался делами Мэтью, он всячески направлял разговор на него, а Филип заметив, что собеседник разочарован его ответами, слегка позабавился.

— Вы дадите ему хороший отзыв о наших алмазах, когда вернетесь в Лондон? — напрямую полюбопытствовал Дани.

— Я уже написал свой отзыв, — небрежно обронил Филип.

— Уже? — Дани остолбенел. — И что вы ему сообщили?

— Вы ведь не любите моего отца, верно?

Выругавшись, Дани разразился тирадой, в которой были упомянуты все обиды, что он претерпел от Мэтью. Филип слушал с необычным для него вниманием, поскольку его собственные огорчения так сильно поглощали его, что он мало интересовался проблемами других людей.

— Я не позволю Мэтью Брайту снова вмешаться в мои дела и дела Юго-Западной Африки! — в заключение прошипел Дани.

— Ну, если это все, что вас беспокоит, старина, то можете расслабиться. — Сейчас Филип был слегка пьян, но то было *счастливое* опьянение. — Я совершенно уверен, что отец никогда не объявится даже рядом с Юго-Западной Африкой. — И он рассказал Дани о письме.

Дани усиленно поддерживал запас пива на столе перед Филипом, но сам пил очень мало. Он выглядел более общительным, чем обычно, пока возможности, услужливо предоставляемые ситуацией, не поразили его полубезумное сознание.

— Я не верю, чтобы сын мог так обмануть отца, — сказал он наконец. — Покажите мне письмо.

— Я его уже отправил. Подождите минуту, кажется у меня есть черновик, который я набросал вначале. — Филип порылся в кармане и вытащил исписанный лист бумаги, а затем, улыбаясь, смотрел, как Дани читает — это письмо доставляло самому Филипу истинное удовольствие.

— Ну, хорошо, я вам верю. — Дани вернул письмо. Его серо-зеленые глаза впились в лицо Филипа. — Но почему вы так поступили?

Но Филип не был готов поведать всю правду.

— Он сломал мою любовь, — коротко ответил он.

Этот ответ привел Дани в восторг. Он хотел убить Филипа, потому что это была бы совершенная месть Мэтью — отобрать жизнь его красавца-сына, которого Мэтью, несомненно, безумно любит, наследника его несправедливого состояния. Но странным образом Дани нуждался в причине, чтобы это сделать, и сейчас Филип сам ему такую возможность предоставил, ибо Дани абсолютно не верил, что тот по возвращению в Лондон сохранит молчание по поводу открытия алмазов. Молодой человек может скоро найти другую девушку, и обида будет забыта, думал Дани, но, если Филип не вернется, то уж точно не расскажет отцу правды.

Дани выглянул в окно бара. Осмелится ли он углубиться далеко в пустыню ночью, в тумане? Это будет вызов судьбе и игра со смертью, но он обязан попытаться. Он быстро оценил ситуацию. Большая часть необходимого осталась в его седельной сумке после приезда из Колманскопа, а остальное он просто позаимствует в конюшне. Потом он может вернуться на прииск и никто ничего не заподозрит. Елена, возможно, удивится, почему он не пришел домой, но она завтра уплывает пароходом в Кейптаун. Любовно огладив револьвер в кармане куртки, Дани снова заказал пива для собеседника и стал ждать, пока тот опьянеет еще сильнее.

— Забавно, — неуверенно сказал Филип, — но ваша фамилия мне о чем-то говорит. Я ее где-то слышал раньше... не от отца, от кого-то другого.

— Интересно, кто же это мог быть? Возможно, Рэйф Деверилл?

— Вы знаете Деверилла? Господи Боже... но нет, не думаю, что он. Да, я вспомнил, — черты Филипа напряглись. — Это была Тиффани. Она рассказывала о своей матери.

— Тиффани Корт? Так вы встречались со своей сестрой?

— Нет, — поправил Филип. — Вы не поняли. Не моя сестра, а Тиффани.

— Но, — тихо сказал Дани, — Тиффани и есть ваша сестра... ваша сводная сестра.

Филип в немом изумлении уставился на него с побелевшим лицом.

— А вы не знали? Мэтью и Джон Корт держали вас в неведении? Но если вы встречались, вы должны были заметить, что у вас обоих глаза леди Энн.

Комната накренилась и вздыбилась, и Филип, сползая со стула, вынужден был ухватиться за стол. Из страшной дали он слышал голос Дани, с удовольствием рассказывающий, как он раскопал эту связь.

— Алида — это имя Джон Корт придумал для ее мифической матери — но это имя моей сестры... в жизни Джона Корта не могло быть другой Алиды...

— Мне кажется... меня тошнит. — Филип встал, доковылял до двери и вывалился на затаенную холодным туманом улицу, где сел на землю. Его вырвало.

Дани оглядел переполненный бар. Внезапный уход Филипа остался незамеченным, и, хотя некоторые посетители могли припомнить, что они разговаривали, он был не единственным человеком с которым беседовал Филип, и никто не видел, чтобы они уходили вместе. Он последовал за Филипом на пустынную улицу, где плотный туман клубился над песчаной дорогой, скрывая их от посторонних глаз. Он поглядел на скрюченную фигуру удовлетворенно, но с отвращением, приписав приступ исключительно опьянению.

Сняв револьвер с пояса, он сильно ударил Филипа по затылку и потащил безвольное

тело на задворки, откуда поспешил на конюшню. Он вернулся через десять минут с двумя лошадьми, несколькими флягами воды, ведром, веревкой и компасом. Собравшись с силами, ибо Филип был значительно выше ростом, он взвалил его на спину лошади и, вскарабкавшись на второго коня, повел вьючную лошадь с ношей по пустынным улицам. Песок заглушал стук копыт, а их удалявшиеся фигуры скрывали ночь и туман. В нескольких окнах тускло блестели огни, из баров и пивных слышались пьяные голоса, но когда Дани достиг окраины городка, там уже царили тьма и молчание. Зловещая завеса тумана внушала страх, и на миг он заколебался, но затем его подстегнула ненависть. Он двинулся вдоль берега, прикинув, что может ехать, ориентируясь на звук прибоя, прежде чем свернуть вглубь пустыни, к дюнам, где, оставив свою жертву, он кружным путем вернется в Колманскоп.

Позади застонал Филип, поэтому Дани спешил, взял веревку и, связав пленнику запястья и лодыжки, снова устремился вдоль берега. Теперь, когда он выбрался из города, ему хотелось, чтобы туман рассеялся. Эта пелена внушала ему клаустрофобию, и он был бы более уверен в направлении, если бы мог видеть звезды. Продвигался он медленно, но ему повезло: туман рассеялся рано, и солнце, окрасив небо золотом и багрянцем, осветило дорогу. Дани повернул на восток, отыскивая удобный маршрут среди гигантских барханов. Найдя подходящий склон, он начал подъем, тщательно сверяясь с компасом и ориентируясь по солнцу. Это была самая опасная часть пути — здесь не имелось никаких ориентиров, а ползучие дюны постоянно меняли расположение и очертания. Заблудиться здесь было равносильно смерти.

Как только они миновали первый перевал, Дани остановился, стащил Филипа с коня и стал смотреть, как тот силится сесть и открыть опухшие глаза. С намеренной жестокостью устроившись перед своей жертвой на корточках, он медленно и с преувеличенным наслаждением принялся отхлебывать от фляги. Засмеялся, когда Филип жадно уставился на воду, но, покачав головой, вылил воду в ведро и напоил лошадей — сначала одну, потом другую.

— Деньги твоего отца теперь тебе не помогут. И за все алмазы мира не купишь в пустыне даже глотка воды.

Голова Филипа раскалывалась, сверлящая боль ослепила его — результат похмелья, удара револьверной ручкой и палящего солнца пустыни. Но несмотря на боль память возвращалась... Тиффани... этот человек мог лгать, но Филип почему-то был уверен, что это правда. Душевные и физические страдания, испытываемые им, были так велики, что он не боролся с ними, он был даже не в силах открыть пересохший рот и спросить своего мучителя, почему он с ним так поступает. В любом случае Филипу не нужно было спрашивать — он понял сам. Он был сыном Мэтью Брайта, и для Дани Стейна этого было достаточно.

Дани развязал лодыжки Филипа, но руки не стал, а прицепил веревку к седлу вьючной лошади и поехал дальше. Ноги Филипа онемели и он постоянно спотыкался в глубоком вязком песке, падал, и тогда лошадь волочила его ничком, прежде чем ему удавалось вновь подняться на несколько коротких шагов. Жажда стала главенствующим чувством, пересиливая даже головную боль.

Через некоторое время Дани снова остановился и во второй раз повторил ритуал с водой, который вернее было бы назвать пыткой. Оглядел оставшиеся запасы, прикидывая, хватит ли ему и лошадям на обратный путь. Он не осмеливался двигаться дальше, поскольку

должен был вернуться на алмазные прииски до начала рабочего дня. На побережье и барханах еще оставались их следы, но Дани не боялся, что это сорвет его план — к тому времени, как в Людерицбухте поднимут тревогу, ветер и постоянное движение песка уничтожат следы полностью. Грубо развязав руки Филипа, Дани вскочил на лошадь, и, взяв повод другой, которую намеревался бросить ближе к Колманскопу, поехал прочь, ни разу не обернувшись.

Филип лежал разбитой, безвольной грудой, рубашка и брюки на нем порвались, в этих местах кожа была обожжена и ободрана песком. Он был полубезумен от жажды, отчаянно пытаясь освободить мозг от марева боли и стыда. Прошло довольно много времени, прежде чем он открыл глаза и с удивлением заметил, что не одинок. В нескольких дюймах от его лица из норки выбрался жук и заспешил прочь странной плавной перебежкой. Через пару минут он увидел ящерицу с лопатообразной мордочкой, которая чего-то испугавшись неожиданно нырнула в песок. Медленно с болезненными усилиями Филип принудил себя сесть. Песок рядом вновь зашевелился, появилась змея и извиваясь поползла по склону дюны, совершая всем своим гибким телом резкие отрывистые движения. Какая-то вера, инстинктивное желание жить забрезжили в измученном жарой и жаждой сознании Филипа. Вода, он должен найти воду! Проклятье, если эти твари могут жить в пустыне, сможет выдержать и он. С трудом поднявшись на ноги, он заковылял по песку, следуя отпечаткам копыт.

Губы его растрескались, язык страшно распух. Жажда была движущей силой, толкающей его вперед — мучительно, шаг за шагом — к воде, к берегу, где он мог найти помощь. Но его сил, подорванных годом тяжелого пьянства, было недостаточно для такого испытания, и он вынужден был постоянно останавливаться, в отчаянии оглядывая бесконечные гряды багрово-золотых дюн — безлюдных и безжизненных. Вскоре он уже полз на четвереньках, и его вывалившийся язык болтался как уродливый лоскут кожи. Он понятия не имел, насколько продвинулся и сколько ему осталось пройти. Вода, он должен найти воду, и эта мысль помогала ему влачить вперед измученное тело.

Но поднялся ветер, взметая песок пустыни и полностью уничтожая следы копыт. Филип в отчаянии попытался двигаться быстрее, цепляясь за песок кровоточащими пальцами, но вскоре настал момент, когда следы исчезли и перед ним простерлась гладкая пустыня. Он заблудился.

В нем осталось так мало сил, что он не мог даже плакать. На миг он растянулся на горячем песке, глядя на безжалостное солнце, сжигавшее его тело. Его мозг был слишком обессилен, чтобы попытаться определить направление движения. Ветер усилился, швыряя ему в лицо жалящий песок, принуждая закрыть глаза и вот так слепо продолжать борьбу — но теперь он двигался только кругами, задыхаясь... задыхаясь... Остановки в его движении становились все чаще и дольше, и наконец его раскинутые руки, судорожно загребавшие песок, замерли. Никакие образы Мэтью или Тиффани не возникали в обезумевшем мозгу, только вода... *Жизнь или смерть, мать-земля?* — теперь он знал ответ...

Часть четвертая

1914 год

Глава семнадцатая

Миранда обожала рэгтайм. Она могла танцевать его до бесконечности, полностью отдаваясь его бешеному ритму. Ее спутник находил подобное увлечение удивительным. Будучи на десять лет старше, он был куда менее чувствителен к синкопам и медному сверканию инструментов плебейской американской музыки и считал этот фанатизм несовместимым со спокойным, сдержанным характером Миранды. Модная русская культура больше подошла бы ее утонченной натуре, полагал он, но, пережив увлечение балетом Дягилева, в особенности экзотической пластикой танцев и красочными нарядами «Шехерезады», Миранда осталась равнодушной к последней общей страсти к Шаляпину и его «Борису Годунову». Однако с того момента, как на лондонском ипподроме открылся танцзал «Хэлло, рэгтайм», никакое количество повторений модного «Александр Рэгтайм Бэнд» или «В ожидании Роберта Э. Ли» не могло утомить ее.

Разгадка была в ритме, который неустанно повторяли ее ноги. Рэгтайм был *громким*, или по крайней мере она могла почувствовать его вибрацию. Рэгтайм был полон свежести, пыла, и она впервые ощущала, хотя бы отчасти, то состояние возбуждения, которое другие считали само собой разумеющимся. О да, Миранда любила рэгтайм!

Ей льстило, что люди были склонны забывать о ее глухоте, отчасти потому, что она никогда не рассматривала ее как помеху, не требовала к себе особого отношения и не пользовалась ею как предлогом, чтобы избегать нежелательных ситуаций. Если Миранду приглашали в оперу, она шла, хотя получала от этого мало удовольствия. С театром было лучше — у нее было исключительно острое зрение как бы в качестве компенсации за утерю слуха, и она могла читать по губам даже на значительном расстоянии. В разговоре только монотонность ее голоса и то, что временами она говорила слишком громко и имела манеру пристально смотреть на лицо собеседника, выдавало ее глухоту. Как большинство девушек своего класса, Миранда свободно говорила по-французски и по-немецки и даже немного по-итальянски, но в отличие от них ей приходилось прилагать для этого куда больше усилий. Однако хвастаться успехами было не в характере Миранды, все ее усилия были ради Мэтью, и, пока он ценил ее достижения, она не нуждалась больше ни в чьих поощрениях.

Единственным занятием, от которого она ранее всегда отказывалась, были танцы. Она была высокой — такого же роста, как и Тиффани, и это вкупе с ее неспособностью четко слышать музыку, убедило ее, что она выглядит смешной и неуклюжей. Поэтому она только смотрела, не выдавая зависти, как ее современники осваивают танго, «индюшачью рысь» и «кроличьи объятия».

Спутник, не разделявший ее нынешней страсти к рэгтайму, уговорил ее пообедать, и сейчас, после посещения театра, они сидели в «Савое».

— Надеюсь, тени под твоими глазами не означают, что ты слитком много работаешь, — мягко заметил Дик Латимер.

Их отношения с Диком длились уже более года, но Миранда не уставала удивляться, почему друг Филипа проявляет к ней столь явный интерес; ее самооценка была серьезно подорвана неприязнью брата, и она не могла понять, почему лучший друг Филипа может относиться к ней по-иному. Она полагала, что он ухаживает за ней отчасти потому, что она

сестра Филипа и таким образом он сохраняет связь со своим прошлым, и, конечно же, его привлекает ее состояние. Издевка Джулии, брошенная много лет назад, — что физический недостаток уменьшает ее брачные перспективы — намертво запечатлелась в мозгу и сердце Миранды. Другие могли забыть об ее недостатке, но сама Миранда — нет, ни на единый миг. До нее просто не доходило, что прелестное лицо, пышные рыжевато-золотистые волосы и глаза васильковой синевы, высокая стройная фигура и чарующие манеры могут быть привлекательны сами по себе. Ее природную скромность усиливало то обстоятельство, что свойственные ей хладнокровие и самодостаточность напрочь пресекали всякие вольности и комплименты.

— Я работаю много, но это мой собственный выбор. — Миранда говорила защищаясь, поскольку, вместо того, чтобы оценить его заботу о своем здоровье, она истолковала замечание как критику в адрес своей внешности.

Дик вздохнул. Как пробиться к сердцу этой девушки! Ее сдержанность казалась непоколебимой, однако он был уверен, что под этой оболочкой таится жар, и пламя ждет лишь какого-то магического знака, чтобы вырваться на свет. Какие бы комплексы и проблемы не ограничивали проявления ее чувств, нет сомнения, что она истинная дочь своего отца. А ни один человек, мужчина или женщина, молодой или старый, не мог не почувствовать бьющей через край жизненной силы и сексуальности Мэтью.

Дик с трудом заставил себя сосредоточиться на настоящем моменте, а не своих надеждах и фантазиях.

— Нельзя, чтобы ты позволила своим алмазам полностью возобладать над тобой, — деликатно, но настойчиво сказал он. — Разве не время допустить в свою жизнь что-нибудь еще... или *кого-нибудь*?

Под «алмазами» Дик разумел Мэтью, хотя не собирался вмешиваться в ее личные отношения с отцом. Он действительно желал ее физически, ибо она была очень красива, но он желал и ее состояние тоже, ибо даже наследник древнего титула нуждается в богатстве и власти, что дают «Даймонд Компани» и Синдикат. Если, чтобы завоевать ее, придется делить ее с Мэтью, значит так тому и быть. Все, что он старался сделать теперь — это намекнуть, что заинтересован ее будущим. Однако настроение Миранды мгновенно изменилось.

— Алмазы и *есть* моя жизнь, — резко ответила она. — Я была рождена для алмазного бизнеса, меня учил лучший наставник в мире, и я преуспела в нем.

— Это не значит, что ты не могла бы преуспеть в чем-то еще!

— Я говорю так, потому что это оценка моего отца, не моя. Я благодарна ему за то образование, которое он мне дал, так как полностью доверяю его компетентности. Однако дело здесь даже больше в... — Она замолчала, силясь найти подходящее выражение. — В мире бизнеса есть законченность. Он обладает четко выраженными критериями успеха и проигрыша взамен тех оценок, что каждый выносит по собственному мнению. Он ясен и чист... и счета, и дебет-кредит много легче понять, чем людей! Кроме того, в нашем бизнесе быть женщиной — не есть недостаток. Так же, — и в этом прозвучала прямота и обдуманность, — как быть глухой.

Это был самый длинный монолог, который он от нее когда-либо слышал. Напомнила ли она ему о своей глухоте из-за того, что беседа приобрела слишком личный характер? Для Дика было более интересно то, что Миранда признала — бизнес ей интереснее, чем личные отношения — тема, которую он может развить позже.

— Меня беспокоит, что ты слишком загружена. — Дик помедлил, не зная, осмелится ли высказать следующую мысль, но решил, что, как друг Филипа, имеет на это право. — Твой отец не может ждать от тебя, что ты сумеешь исполнять обязанности Филипа.

— Но я могу! И, что важнее, я *должна*, и хочу этого. Кто-то должен будет заменить папу, когда он... отойдет от дел.

— Смерть Филипа все изменила для тебя, не так ли?

— Смерть Филипа изменила все для многих людей.

— Тебе, должно быть, ужасно его не хватает. Я это знаю по себе.

Миранда заколебалась, правдивость боролась в ней с чувством такта. Действительно, смерть Филипа тяжело ударила по всей семье, но на ее личном уровне потеря имела другую окраску. Она скорбела не столько по брату, сколько по законному наследнику и преемнику отца.

— Конечно, нам его не хватает, хотя, — врожденную честность Миранды нельзя было подавить, — мы не часто его видели, а я не была с ним особенно близка.

— Полагаю, мы так и не узнаем, что же случилось.

— Да.

В молчании они припомнили обрывочные факты, связанные с исчезновением Филипа. Детали прояснял Антон Элленбергер, который ездил в Юго-Западную Африку, так как с Мэтью, когда до него дошло ужасное известие, случился новый сердечный приступ.

— Его тело так и не было найдено, — тихо сказала Миранда, — хотя его лошадь вернулась невредимой, а по всей округе были проведены тщательные поиски. Подозрительных обстоятельств не было. Предположительно, он уехал в пустыню и заблудился. Никто не может выдержать в тех условиях без воды.

— Но зачем он поехал в пустыню один?

Миранда покачала головой.

— Бог знает зачем. Он сильно пил — сообщения из Кимберли это подтверждают. Возможно, он захотел еще раз взглянуть на алмазные прииски или просто подышать свежим воздухом. По общему мнению, он в пьяном виде упал с лошади и такое его состояние также уменьшило его шансы выжить.

— Это совсем не похоже на того Филипа, каким я его знал.

— Забавно, что ты это говоришь. С кузиной Джулией приключилась истерика, когда она услышала сообщение Антона. Она утверждала: «Меня не волнует, насколько пьян был Филип — он бы *ни за что* не сел на лошадь по доброй воле!»

Упоминание о приисках заставило Миранду мысленно вернуться к другой стороне проблемы. Она находила странным, что Филип мог так кардинально ошибиться в оценке богатых германских месторождений, и еще более странным, это не было опровергнуто Антоном. В самом деле, единственное, что сделал Антон после возвращения из Юго-Западной Африки — это оставил свой пост в «Брайт Даймондс» и основал собственную контору в Кимберли.

— Мне следовало бы самой съездить на Юго-Запад, — продолжала Миранда. — Слишком поздно, чтобы получить какую-то дополнительную информацию или что-то изменить, но я чувствую, что это могло бы неким образом успокоить папу. Он, кажется, винит себя в смерти Филипа, однако я не понимаю, почему, ведь все несчастья начались годом раньше. — Голос Миранды упал, а глаза, к ее смущению, наполнились слезами. Ее воспоминания о происшедшем были почти так же запутаны, как смутны ее чувства: она

испытывала вину потому, что чувствовала и она сыграла свою роль, возможно, бессознательно, в этих ужасных событиях; закрыв глаза, она все еще видела высокую, одетую в черное фигуру Тиффани Корт и ненависть на ее прекрасном лице. Но была и другая причина, по которой Миранда сегодня плакала.

— Мне следовало знать, что разговор о Филипе тебя расстроит. — Дик в глубоком раскаянии сжал ее руку.

— Это не только из-за Филипа. Моя собака вчера умерла. — Миранда сглотнула и выдавила улыбку. — Мне не следовало так огорчаться, потому что Ричи было уже четырнадцать лет, а для собак это уже глубокая старость. Мне подарил ее Рэйф Деверилл.

— Деверилл! — Лицо Дика вспыхнуло от ярости. — Миранда, ты не должна произносить это имя. Даже его родная мать запрещает говорить о нем.

— Знаю. Это все случилось в Брайтуэлле, помнишь? Еще много месяцев спустя папа очень злился, если я вдруг упоминала его имя. «Я запрещаю тебе говорить об этом человеке в моем присутствии!» — рычал он. Папа питает к капитану Девериллу исключительную неприязнь.

— И не без причин. Но я предпочел бы не обсуждать эти причины: неподходящая для тебя тема.

Миранда искренне рассмеялась.

— Не будь таким чопорным и старомодным. Я знаю, что ты вращаешься в кругах, где Рэйфа Деверилла обсуждали с большим вкусом. Я узнала все ужасающие подробности этого происшествия в семнадцать лет от девочек, когда кончала школу в Дрездене.

— Господи Боже! Этот мерзавец, конечно же, стал героем для школьников?

— Вовсе нет, и в любом случае не для меня, — резко парировала Миранда. — Мне он противен, потому что доставил такое огорчение папе, но в то же время не могу забыть, как он был добр ко мне и какое удовольствие много лет дарила мне Ричи.

При таком прошлом своей семьи стоит ли удивляться, что она предпочитает бизнес людям! Но мысли Дика вернулись к фразе, которую она произнесла несколько раньше.

— Ты говорила, что бизнес чист. Но, конечно же, не всегда?

— Наш — всегда, — твердо сказала Миранда.

После обеда Дик проводил ее домой на Парк-Лейн и принял ее приглашение распить в гостиную по бокалу. Лора оставалась в Брайтуэлле и Мэтью уезжал туда на ночь, поэтому Дик и Миранда оказались предоставлены сами себе. Он взял бокал, который она ему предложила, но не сел, наблюдая, как она двигается по комнате. На ней было тонкое атласное платье мягкого оттенка бледного старого золота, а поверх — подпоясанная на бедрах туника из жоржета того же цвета, собранная на груди изящными складками. Глубокий овальный вырез, длинные рукава и блестящий подол туники обрамляла золотая бахрома шелка «марабу», а узкий пояс из золотого бархата подчеркивал тонкую талию. Шелковистые волосы, зачесанные на косой пробор, закрывали уши и были собраны в узел на затылке. Их роскошные волны с трудом сдерживала бледно-золотая лента с золотистым пером, закрепленным прямо на лбу. Единственная нитка жемчуга украшала ее нежную шею; в ушах сияли бриллиантовые подвески. Когда она шла, подол юбки обрисовывал ее ноги, намекая зрителю на чарующую прелесть ее стройного тела.

Она была откровенна с ним сегодня, как никогда раньше, говорила о себе с необычайной прямоотой, а ее замечания о Рэйфе Деверилле свидетельствовали о знании подобных вещей и о том, что она отнюдь не ханжа. Возможно, сегодня время попытаться...

возможно, настал момент, когда его прикосновение смогут пробудить ее... Убедившись, что дверь гостиной закрыта, Дик отставил бокал и заключил Миранду в объятия.

Миранда приняла его поцелуй, но не вернула его и не выказала никаких признаков страсти. Его ласки были ей знакомы — дни, когда поцелуй считался равносильным бесчестью, остались в прошлом, но сегодня она чувствовала в его объятиях какую-то новую напряженность и настойчивость. Его губы были жаднее, он прижимал ее к себе крепче, чем раньше, руки скользили по телу, стремясь почувствовать плоть под защитным панцирем корсета. Не преуспев в этих попытках из-за сложности ее наряда, но, воодушевленный ее полной покорностью, он усадил ее на софу и осмелился положить руку ей на лодыжку. Он медленно задирает ее юбку вверх, пока не узрел самые длинные, превосходнейшей формы ноги в золотистых шелковых чулках — самые стройные из всех, что ему приходилось видеть. Он почувствовал, как Миранда слегка напряглась, но она по-прежнему не протестовала, когда Дик, дав себе волю, прижался губами к зазывно влекущей полоске белой кожи над чулком. Потом он неожиданно ощутил прикосновение Миранды к своим волосам, и она прижала его голову к себе, так что вскоре он был полузадушен мягкой шелковистой кожей, и его голова угнездилась между ее ног. Когда он снова поцеловал ее, она ответила ему так пылко, что через несколько мгновений он прошептал, задыхаясь, ей в ухо:

— Выходи за меня, Миранда. Выходи, пожалуйста!

Он растерялся, поскольку она не ответила, и поднял голову, чтобы видеть ее лицо.

— Пожалуйста! — настойчиво повторил он.

Глаза Миранды были полузакрыты, но тут они мигнули, взгляд прояснился.

— Пожалуйста, что? — спросила она.

Она не слышала. Он говорил ей на ухо, она не видела его губ, поэтому не поняла. При этой мысли, перспектива мириться с этим всю жизнь, постоянно считаться и нести ответственность показалась Дикю обременительной. Излечим ли ее недуг? Он твердо подавил все эти неожиданные сомнения.

— Пожалуйста, выходи за меня замуж.

Осторожное, осмотрительное выражение появилось в ее лице, стерев страсть, которая читалась там столь явно минуту назад.

— Я должна подумать, — призналась она наконец.

Сколько я должен ждать ответа? — Он не отличался нетерпеливостью, но инстинктивно чувствовал, что если момент и настроение будут упущены, он ее потеряет.

— Приезжай в Брайтуэлл на уик-энд, и тогда я дам тебе ответ.

На следующий день, в своем офисе в «Брайт Даймондс», Миранда занималась делами и одновременно, как и обещала, размышляла о браке с Диком Латимером. Вопрос о том, хочет ли он жениться на ней из-за денег или нет, даже не возникал, поскольку Миранда не ожидала ничего другого.

Раздумывать ее заставляло то обстоятельство, что она его не любила. Однако она считала, что сможет его полюбить, и, конечно, его предложение было ей лестно. Дик был одним из самых престижных женихов в Лондоне, и за ним охотилось множество мамаш дочерей-дебютанток. У него было безупречное происхождение, привлекательная внешность, незаурядный ум и незапятнанная репутация. Дик Латимер был самым совершенством!

Но, возможно, вопрошал ехидный демон в мозгу Миранды, он *слишком* совершенен? Он полностью подчинился диктату общества с его нормами и моралью и слегка скучноват,

признала Миранда, со своей блестящей карьерой на дипломатической службе и ожиданием кресла в парламенте от тори на следующих выборах. Однако этому она должна противопоставить его благородство, доброту и уверенность, что он не станет вмешиваться в ее карьеру в «Брайт Даймондс». Если она за него выйдет, то сможет остаться дочерью Мэтью Брайта.

И постепенно, в течение дня, Миранда увидела и вынуждена была внять упреждающему гласу — тому, что знала всегда — дело было в Мэтью. Именно Мэтью она хотела угодить, и единственным возможным замужеством было для нее то, которого хотел бы он. Он никоим образом не пытался достичь такого положения дел, просто Миранда так сильно любила его, так сильно гордилась его могуществом и успехами, что была уверена в невозможности встретить — она даже не хотела этого — мужчину, который бы вытеснил отца из ее сердца. Она бы вышла за кого угодно, если бы это принесло какую-то пользу Мэтью. Нет, с колебаниями покончено, Мэтью одобрял Дика Латимера, но одобрит ли он ее брак с Диком Латимером?

Она невидяще смотрела в пространство, ее обычная сосредоточенность была сломлена необходимостью принять решение. Но затем она обратила взгляд к кучке алмазов на столе. Она медленно подняла камень и принялась его изучать, профессионально оценивая его качество и наслаждаясь сознанием, что хорошо это или плохо, правильно или неправильно, но она равнодушна к красоте камня, не чувствует ничего. Здесь крылось одно из главных различий между Тиффани и Мирандой. Тиффани любила алмазы яростной, всепоглощающей страстью — она и алмазы были единым, неразделимым, незыблемым целым. Миранда же обожала Мэтью, и ее интерес к алмазному бизнесу был просто следствием этой всеобъемлющей привязанности — алмазами был одержим он, не она.

Грезы Миранды нарушил сам Мэтью, как грозовая туча ворвавшийся в кабинет с молниями во взгляде и с письмом в руке. Ему исполнилось шестьдесят четыре года, и в его пышной шевелюре уже появились седые пряди, но его походка была по-прежнему упруга и он сохранял прежнюю деловую хватку.

— Эллиенбергер! — прорычал он, швырнув письмо на стол Миранды. — Он снова побывал в этой проклятой Юго-Западной Африке!

Миранда скривилась и внимательно прочла письмо от представителей «Даймонд Компани» в Кимберли, сообщавшее о действиях Эллиенбергера. Возбуждение отца тревожило ее: алмазный бизнес переживал трудные времена, и на плечи Мэтью в последние годы свалилось много тягот — слишком много, по мнению Миранды, для человека с большим сердцем. Падение цен началось в 1907 году, вынуждая «Даймонд Компани» прибегать к активным защитным мерам, пока в 1910 году экономическое положение вновь не стабилизировалось. Затем алмазы были найдены в Анголе, а последнее, в чем нуждалось алмазное производство — это новый источник камней. Ангольские разработки еще не давали промышленную продукцию, но алмазы в большом, количестве поступали из южно-африканских шахт «Даймонд Компани», шахты «Премьер» и германских рудников Юго-Западной Африки, заставляя цены неотступно снижаться. Кошмар Мэтью воплощался в жизнь: предложение превысило спрос. Перепроизводство истощало финансовые ресурсы Синдиката, хотя его члены бились за то, чтобы поддержать их в необходимом объеме, достаточном для скупки излишка алмазов, и только закупочные возможности Синдиката удерживали рынок от полной катастрофы.

Как председатель Мэтью контролировал излишки южно-африканских шахт «Даймонд

Компани». Через инвестиции «Брайт Даймондс» в шахту «Премьер» он мог оказывать косвенное влияние на этот источник, постепенно заманивая хозяев шахты «Премьер» в ловушку картеля. Но оставалась еще одна головная боль — алмазная продукция германского Юго-Запада. Поверив в версию Филипа об аллювиальной природе этих месторождений, он не принял их в расчет. Поступив так, Мэтью утратил инициативу. Это была его первая ошибка за сорок лет в алмазном бизнесе.

Однако он не стал сидеть, беспомощно сложив руки, когда выяснилось истинное положение вещей. Немцы продавали свои алмазы через берлинское Бюро в Антверпене, которое вступило в прямую конвенцию с лондонским Синдикатом. Годами Мэтью затрачивал множество усилий на то, чтобы убедить немцев в необходимости сдерживать цены, сокращая производство, и теперь, казалось, преуспел: он заключил согласие с Бюро, вследствие чего, благодаря сложной системе ограничительных квот, их камни попадали на рынок через Синдикат.

— Зачем бы Антону сейчас ездить на Юго-Запад? — спросила Миранда. Он не играл никакой роли в сделках с Бюро.

Мэтью шагал взад-вперед, его лицо покраснелось и оживилось.

— Это очевидно. Думай, Миранда, *думай!*

Это был обычный метод Мэтью. Он отказывался кормить Миранду с ложечки готовыми выводами, а заставлял оценивать информацию логически, шаг за шагом.

— Успокойся, папа, — взмолилась она, — и сядь, ты слишком возбужден. — После того, как Мэтью покорно опустился в кресло напротив нее, она задумалась над поставленной задачей. — Война, — медленно произнесла она. Судя по общему мнению, похоже, что европейский конфликт неизбежен. Если мы вступим в войну с Германией, наше соглашение с Берлином потеряет силу. Мэтью зааплодировал, но не перебил ее.

— Итак, будущее алмазов Юго-Западной Африки зависит от того, кто победит в войне, и, конечно, я не допускаю иного исхода, кроме как *нашей* победы! Можно предположить, что Антон, натурализованный британский гражданин, думает так же, — Миранда, глубоко нахмурившись, сделала паузу. — Папа, у него должен быть альтернативный план захвата контроля над месторождениями Юго-Запада, если немцы проиграют войну, но я не вижу как или зачем. Разумеется, Антон не осмелится конкурировать с Компанией или Синдикатом.

— А почему бы нет? — Тон Мэтью не оставлял сомнений, что он прекрасно знает о намерениях Элленбергера, а также о том, как тот намерен их осуществить.

Миранда сдвинула брови, силясь сосредоточиться.

— Он должен купить права германских компаний в «шпергебайт» — закрытой зоне. Во сколько можно оценить эти права, а также вею недвижимость — в три миллиона фунтов?

— Ближе к четырём миллионам. Скажем, в три с половиной миллиона фунтов.

— Но где Антон сможет найти столько денег? — Миранда в растерянности посмотрела на отца. — Он богатый человек, — его компания процветает, и у него есть вложения в золотых рудниках на Рифе, — но помимо начальных инвестиций он будет нуждаться и в оборотном капитале. Никто в Лондоне ему такового не предоставит, потому что процветание Компании и Синдиката слишком важны для здешних финансистов и, кроме того, на данный момент алмазы — рискованное помещение капитала.

— Позволь мне дать тебе ниточку к ответу. Ты разговаривала с Антоном во время его последнего визита в Европу. Он сказал тебе, куда направится после отъезда из Лондона?

— В Нью-Йорк. — Глаза Миранды расширились. — *Нью-Йорк!* Ну, конечно, Тиффани

Корт!

— И что не менее важно, Рэндольф Корт — глава «Корт Банка» и один из самых богатых и удачливых финансистов Соединенных Штатов. И теперь, ты все еще думаешь, что с такими партнерами, как Карты, Антон не сможет бросить вызов «Даймонд Компани»? — Мэтью умолк, мрачно размышляя о другом своем кошмаре — что придет день, когда кто-то попытается сбросить Алмазного короля с его трона. Всю свою жизнь Мэтью верил, что единственное спасение для алмазной индустрии, это наличие одного-единственного могущественного человека, который способен регулировать огромный сверкающий поток бриллиантов в соответствии с ее интересами. Он достиг этого положения, но сумеет ли его удержать? И ему было неуютно сознавать, что союз Антона Элленбергера и Тиффани Корт может в будущем оказаться достаточно мощным, чтобы претендовать на контроль над рынком алмазов.

Миранда со своей стороны, не вполне сознавала угрозу. Она мыслила исключительно в терминах алмазного бизнеса.

— Мы должны что-то делать! Мы можем предложив Бюро более выгодные условия?

— Что мы должны делать — совершенно ясно. Мы должны повторить стратегию с шахтой «Премьер». «Брайт Даймондс» должна приобрести акции месторождений Юго-Западной Африки, что предоставит мне возможность контролировать эту компанию изнутри и постепенно подчинить ее «Даймонд Компани». Что мы можем предложить лучшие условия, чем Элленбергер — вполне очевидно.

— Мы не можем позволить себе никаких открытых предложений, потому что война остается только возможностью — хотя и вполне вероятной, — заметила Миранда. — Ты должен одновременно продолжать сделки с Бюро.

Мэтью кивнул.

— Да, но я не собираюсь второй раз промахнуться в Юго-Западной Африке! Я не могу задавать вопросы в Берлине, но попытаюсь выяснить, что Элленбергер делает на Юго-Западе, чтобы выявить его позицию и какого рода предложения он способен сделать. Видишь ли, — он снова сделал паузу, — в настоящее время я не располагаю неограниченными финансами. Как тебе известно, ответственность перед Синдикатом сильно подорвала мои ресурсы, поэтому вопрос с приобретением интересов в юго-западных месторождениях я должен решать как можно скорее. Итак, — и он встал, — вот почему я на следующей неделе уезжаю в Южную Африку.

— Нет! — Миранда тоже вскочила. — Ты недостаточно здоров. Поеду я.

— Ты этого не сделаешь!

Они стояли глядя друг на друга через стол.

— Почему? Потому что я женщина?

— Это одна из причин.

— Честно говоря, папа, я не ожидала от тебя ничего другого! Ты вынуждаешь меня напомнить, что ты бы послал Филипа, если бы он был жив, и, следовательно, должен послать меня.

Мэтью вздрогнул и уцепился за более веский аргумент.

— Может разразиться война. Это не самое подходящее время для юной девушки носиться по миру; особенно по делам, связанным с посещением германских территорий.

— Поскольку я собираюсь выехать немедленно, то совсем не обязательно, что войну объявят раньше, чем я достигну Кейптауна. Но если ты это допускаешь, давай рассмотрим

ситуацию в комплексе: война — это другая причина, по которой ты должен оставаться в Лондоне. Ты — это алмазная индустрия, а также ты представляешь значительную часть золотодобывающей промышленности. Ты будешь нужен здесь.

— Мы должны быть рядом с алмазными шахтами в случае войны. Я еду, и точка.

— Поеду я. Затем, в зависимости от приема, который я получу в Людерицбухте и информации, которую добуду, я решу, стоит ли нанести визит Антону в Кимберли.

— И ты веришь, что немцы станут вести дела с женщиной?

— А ты стараешься внушить мне мысль, что я недостаточно для этого компетентна? — яростно спросила Миранда.

— Нет, конечно, нет, — поспешно заверил ее Мэтью. Затем его лицо стало жестким: — В любом случае мой вопрос чисто риторический, потому что *ты не поедешь*.

Но в Миранде Мэтью встретил достойного противника. Она отказалась отступить, а в субботу, в Брайтуэлле, возникло новое обстоятельство, укрепившее ее решение, — она получила письмо от Антона Элленбергера. Он сообщал, что избран мэром Кимберли и приглашал ее посетить город для участия в местных торжествах. Главные мероприятия намечались на начало июня, что давало ей достаточно времени, чтобы доплыть до Кейптауна и нанести короткий визит в Людерицбухт перед отъездом в Кимберли. Расклад был превосходен, и Миранда была так довольна, что не обратила внимания на совсем не случайное совпадение: Антон прислал приглашение именно в тот момент, когда и он, и юго-западные алмазные прииски сильно занимали ее мысли.

Мэтью упорно продолжал сопротивляться, и, конечно, его активно поддержал Дик Латимер, который был весьма напуган данной перспективой. Лора внешне сохраняла нейтралитет, внимательно прислушиваясь к мнению противоположных сторон. Она не смогла сохранить привязанности Миранды, пока та была маленькой девочкой, но некоторое расстояние между ними помогало ей оценивать падчерицу объективно, без сантиментов и яростной любви, свойственных привязанностям Мэтью. Она понимала тяготы, что несла Миранда — напряжение постоянной борьбы за совершенство, чтобы доставить удовольствие обожаемому отцу — нагрузка, ставшая с возрастом еще тяжелее из-за ее глухоты и затем усиленная смертью Филипа. Она понимала, что недостаток слуха только закалял Миранду, заставляя девушку доказывать, что она столь же компетентна — нет, гораздо более компетентна, чем люди с превосходным слухом.

— Ты должен позволить ей ехать.

— Никогда! Проклятье, Лора, я ожидал, что ты меня поддержишь. Что это — ревность? Ты ревнуешь к моей любви к ней и хочешь поставить ее перед серьезными трудностями! Ты ревнуешь, потому что порядки семейной компании дают ей превосходство над *твоими детьми!*

«Брайт Даймондс» полностью принадлежала семье Брайтов, и вследствие этого семья владела крупнейшим пакетом акций в тридцать процентов в «Даймонд Компани» и таким образом через компанию являлась важнейшим членом Синдиката. Условия семейного треста должны были исключить проникновение посторонних совладельцев в «Брайт Даймондс», и семейство Брайтов могло сохранить влияние в «Даймонд Компани».

Первоначально условия треста предполагали, что каждый из шестерых детей Мэтью получит равную долю в «Брайт Даймондс» в случае его смерти. Однако, хотя финансовые позиции детей были одинаковыми, право голоса в этих паях не наследовалось автоматически. Мэтью оговорил, что решающее право голоса в его владениях будет

предоставлено старшему из детей и только он имеет право перекупить пай у любого из других, кто пожелает его продать. По достижении двадцати пяти лет каждый из младших детей мог претендовать на власть, но Мэтью определил, чтобы все внутренние конфликты были ограничены рамками «Брайт Даймондс» и фамильный вклад в индустрию в целом, через тридцатипроцентный пакет акций «Даймонд Компани», должен был остаться нетронутым.

Это была древняя система первородства в действии, система, построенная на том, чтобы сохранить семейную власть и тем самым богатство, но Мэтью вынужден был видоизменить ее, дабы позволить ей передаваться по женской линии. Смерть Филипа была ужасным ударом не только для отца, но и для основателя династии. После тщательных размышлений Мэтью пришел к выводу, что Миранда осталась его главной надеждой на продолжение фамильных традиций — даже если она будет лишь «временной мерой», ибо он бы предпочел, чтобы в названии фирмы сохранилась фамилия Брайтов. Случилось так, что она была любимым ребенком, но были и более веские причины: ко времени смерти Филипа Мэтью исполнилось пятьдесят восемь лет, у него было больное сердце, а старшему сыну Лоры было только семь. Он не мог ждать, пока сын достигнет зрелости, и должен был назначить преемницей Миранду. Чтобы поддержать ее, он передал ей долю Филипа полностью, вместо того, чтобы разделить на пять равных частей. Это дало ей решающее преимущество над сводными братьями и сестрами и сделано было для того, чтобы усилить ее престиж и возрастающую власть в индустрии, а также превратило ее в богатую наследницу, которая, пусть и глухая, не испытывала бы трудностей в выборе мужа, способного поддержать ее в яростных схватках, что разгорелись бы после смерти Мэтью.

Это был единственно возможный для него выход, но он чувствовал вину перед Лорой и думал, что она молчаливо обвиняет его в фаворитизме по отношению к детям ее предшественницы.

Сейчас Лора глядела на него в упор, с почти насмешливым презрением в изумрудных глазах.

Мэтью вздохнул и обнял ее.

— Нет, это неправда — ты одна на всем свете никогда бы так себя не повела. Я знаю — ты готова на все, лишь бы не допустить, чтобы я поехал на Юго-Запад.

— Это было бы для тебя самоубийством, — спокойно ответила Лора. — Ты серьезно болел после смерти Филипа и никакие твои заверения в обратном не отменяют приговора врачей; твое сердце в очень тяжелом состоянии. К тому же Миранда совершенно права: ты будешь нужен здесь.

— Тогда я пошлю кого-нибудь — молодого энергичного мужчину из служащих.

— Миранда скажет, а я ее поддержу, что молодые энергичные мужчины понадобятся, чтобы сражаться за свою страну, а не за алмазную индустрию. В любом случае, самое важное для нее будет чрезвычайно полезно уехать и опробовать свои силы.

Мэтью обдуманно проигнорировал этот довод.

— Миранда ничего не достигнет... Для начала немцы ее просто не примут.

— У нее есть то преимущество, что она превосходно говорит по-немецки.

— Она не сможет справиться с Элленбергером.

— Напротив, влияние Миранды на Антона Элленбергера, похоже, гораздо больше, чем твое.

Лицо Мэтью побагровело, и он что-то невнятно пробормотал в ответ на столь явное

оскорбление.

— Антон обращал внимание на Миранду с тех пор, как она была маленькой девочкой, — невозмутимо продолжала Лора, — и встречается с ней каждый раз, когда приезжает в Лондон. Ему тридцать семь лет, он богат и пока холост. Я бы сказала, что этих фактов достаточно, чтобы понять, что она может достичь с ним гораздо больших успехов, чем ты.

— Самая отвратительная идея, что я когда-либо слышал! Ты, кажется, полагаешь, что Миранда должна использовать свою женскую привлекательность, чтобы повлиять на решение Элленбергера!

— А ты, кажется, никогда так не поступал, — сухо заметила Лора.

— Конечно, нет, — гордо ответил Мэтью, совершенно забыв, по крайней мере, один эпизод на своем пути к славе и богатству.

— Х-мм. — Лора не была обманута, но сочла, что пока лучше пойти на компромисс. — В прежние времена в Кимберли просто не было влиятельных женщин, а то бы ты наверняка не упустил такой возможности.

— Миранде будет необходимо время от времени использовать свой шарм, — признал Мэтью, — но не на Элленбергере. В нем слишком силен торговец.

— Ты говоришь неискренне. Антон проницателен, честен и привлекателен. — Лора улыбнулась и ласково погладила густую шевелюру Мэтью. — Но он, конечно, не ровня тебе. Он купец, а ты — орел.

Польщенный Мэтью улыбнулся в ответ, но лишь мельком.

— Пока это дело требует изоощренных переговоров и решающих ходов, но может деградировать до грязной сделки. Я не хочу, чтоб Миранда пострадала.

— Мэтью, ты по понятным причинам слеп к некоторым недостаткам и достоинствам своей дочери. Миранда под своей нежной оболочкой, — закаленная сталь. Она еще не сознает своей привлекательности и силы, но, когда она проснется, все Элленбергеры этого мира будут добиваться ее симпатии, а не твоей.

— Не понимаю, почему она не может остаться дома и выйти замуж за такого человека, как Дик Латимер, — раздраженно сказал Мэтью.

— Он хочет жениться на ней, но... — Лора не завершила фразу. Она снова ощутила прежний страх, что Миранда не сможет найти возлюбленного, который бы затмил Мэтью. И, разумеется Дик Латимер, какой бы он не казался подходящей кандидатурой, не был таким человеком. С другой стороны, Лора отчаянно надеялась, что чрезмерное чувство долга Миранды перед отцом не толкнет ее на брак с Антоном Элленбергером, заключенным только ради пользы бизнеса.

Но даже Лора не могла назвать Мэтью истинную причину его сопротивления: если Миранда уедет, ее у него отберут — алмазы, Африка, другой мужчина...

Он выложил свою козырную карту, которую, считал он, никто не может побить.

— Я боюсь, что с ней что-нибудь случится. Я не стану приносить еще одного из своих детей в жертву алмазам Юго-Западной Африки!

Это был крик боли за дочь, которую он любил, и вины перед Филипом, что будет терзать его до самой смерти.

Сердце Лоры замерло, но она не позволила себе расслабиться.

— Миранда — личность, а не вещь. Ты думаешь о своей жертве, своей боли, а не о ней. Ты должен позволить ей ехать!

И тут Мэтью ощутил, как крыло воспоминаний скользнуло по его лицу. Он оказался в библиотеке на Парк-Лейн вместе с Джоном Кортон, где говорил ему: «Когда для меня настанет время позволить ей уехать, я молю Бога, чтоб я вспомнил, что сказал тебе сегодня!»

Мэтью со стоном закрыл лицо руками.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Миранда отплыла следующим пароходом в Кейптаун, в сопровождении одной лишь горничной. Мэтью, Лора и Дик, которому было сказано, что он должен подождать ответа на свое предложение, пришли ее проводить, но Мэтью, конечно, страдал больше всех. Когда он глядел на охваченное нетерпеливым ожиданием лицо дочери, на него нахлынули безжалостные воспоминания о собственном отплытии в Кейптаун сорок четыре года назад — первой ступени дороги к славе и богатству. Теперь он слишком хорошо знал, как алмазы способны подчинить человеческую волю, как они могут деформировать личность, и знал он также, как легко Миранда может выскользнуть из-под его влияния. Однако, когда он смотрел на уплывающий корабль, в сердце своем он не мог запретить ей жить своей жизнью и пройти испытания, подобные тем, что когда-то выпали на его долю.

Двухнедельное путешествие на борту лайнера «Юнион Кастрл» утомило Миранду — ей не терпелось приступить к своей важной миссии. Но даже после столь малого времени без опеки отца девушка, которая сошла на берег в Столовой Бухте под хлещущим дождем и сильным норд-вестом, была уже не совсем той верной долгу дочерью, что отплывала из Саутгемптона. Впервые в жизни Миранда была предоставлена самой себе и, несмотря на любовь к отцу, наслаждалась чудесной свободой передвижений и чувств. Ей больше не нужно было постоянно оглядываться через плечо, сверяясь с его мнением на все, что она говорит и думает. Мэтью был за шесть тысяч миль отсюда и с каждым днем становился все дальше. Набираясь уверенности в себе, распрямляясь, упражняя ум и душу, Миранда чувствовала себя способной достичь любой цели.

На ее ждало разочарование. Когда представитель «Даймонд Компани» проводил ее в «Маунт Нельсон Отель», он сообщил, что следующий пароход до портов Юго-Западной Африки отправится из Кейптауна через девять дней, а до этого, несмотря на активные поиски, не найдено ни одного корабля, который доставил бы ее в Людерицбухт.

Миранда с недоверием повернулась к гавани, где толпились всевозможные суда — от маленьких рыбачьих и прогулочных лодок до китобоев, стройных яхт и шхун, и самых больших из всех — грузовых кораблей.

— Если я буду ждать десять дней, я опоздаю на инаугурацию мистера Элленбергера, и есть чрезвычайно важные причины, по которым я не хочу его обижать. *Конечно*, здесь должно быть другое судно, на котором я смогу отплыть!

Ее собеседник смутился.

— Есть несколько торговых кораблей, которые ходят к тем берегам, но предупреждаю вас, что все они грязные, неудобные и совершенно не подходят такой леди, как вы, мисс Брайт.

Миранда догадалась, что причины неуверенности и колебаний этого человека в инструкциях, которые «Даймонд Компани» получила от Мэтью. Что ж, к черту их! Она не маленькая глухая девочка, нуждающаяся в покровительстве и защите, а дочь Мэтью Брайта, и будь все проклято, если она не докажет это! Миранда не привыкла обманывать, но удивительно, как легко она проявила в этом сноровку, как будто это всегда таилось в ее

природе, вместе с другими свойствами характера Мэтью. Она невинно улыбнулась.

— Не стану притворяться, будто я не испытываю крайнего разочарования, но мне нужно провести переговоры с мистером Элленбергером, и я не могу себе позволить ими пренебречь.

Представитель Даймонд Компани явно вздохнул с облегчением.

— Я задержусь на время в Кейптауне. У меня есть здесь друзья, — нагло солгала Миранда, и множество дел.

Когда он ушел, выражение лица Миранды изменилось от наивности к решительности. Если повезет, ее следующий поступок поможет полностью усыпить подозрения «Даймонд Компани», пока она готовит альтернативное решение.

Она оделась к обеду в то самое золотое платье, что было на ней вечером, когда Дик Латимер сделал ей предложение. Как требовало ее положение в свете, она имела обширный гардероб, но не особенно интересовалась нарядами и старалась одеваться скромно, потому что хотела избежать излишнего к себе внимания. Однако, как любая женщина, она частенько совершала покупки под влиянием порыва, о чем потом жалела. Обозревая шкаф в спальне гостиничного номера, она обнаружила, что некоторые из этих ошибок были уложены горничной ей в дорогу, очевидно, в надежде, что когда-нибудь Миранда наберется смелости их одеть. Но не сегодня. Достаточным испытанием было уже и то, что она прошла в ресторан отеля и села за свободный столик. Она сознавала, что люди смотрят на нее, но считала, что они ее жалеют — молодая женщина обедает одна, — ибо она слишком много значения придавала своей глухоте, чтобы понять: это ее красота привлекает всеобщие взоры.

Поколебавшись, поскольку не привыкла есть одна на публике, Миранда заказала обед. Она потягивала вино, мучительно жалея, чего не подчинилась инстинкту и не заказала обед в номер, но сознавая, что должна выбраться из своей скорлупы и заговорить с посторонними, если хочет найти решение своего нынешнего затруднения. Она подняла глаза и обвела зал взглядом. Все столики были заняты, и клиентуру составляли элегантные щеголи, а не грубоватые «колонисты», как она ожидала. Рядом сидела компания мужчин в безупречных смокингах. Миранда мгновенно определила их статус холостяков и решила, что, поскольку развлечения в Кейптауне гораздо более ограничены по сравнению с Лондоном, они обедают вместе перед вечером за картами.

Затем она заметила, что один из этих мужчин пристально на нее смотрит, и замерла, узнав худое смуглое лицо и холодные серые глаза Рэйфа Деверилла.

Глава восемнадцатая

Рэйф пересек зал.

— Можно к вам присоединиться?

Миранда была слишком ошеломлена, чтобы возражать, и, кроме того, не желала устраивать публичных сцен. Она молча кивнула, и он подвинул себе стул.

— Что вы здесь делаете? — выдавила она наконец.

— Я живу в Кейптауне.

— Но... здесь! — и Миранда окинула взглядом изысканное великолепие зала гостиничного ресторана.

— А, вы имеете в виду, как я смею появляться в светских кругах, несмотря на... мое прошлое. Случилось так, что не все в Южной Африке подвержены влиянию лондонского

света, но, если это сможем вас утешить, добавлю, что в высших кругах я не принят.

Ваши обстоятельства, капитан, никоим образом меня не волнуют. Эти сведения не утешают меня, но также, и не вызывают во мне симпатии к вам.

Рэйф рассмеялся.

— Симпатии? Господи Боже! Не считайте, будто я очень страдаю из-за того, что лишен возможности посещать приемы у генерал-губернатора! Он глядел на нее, гадая, сколько она знает, что помнят в Лондоне и сплетничает ли еще о нем общество. — Некоторые мои знакомые в Южной Африке не верят в распространяемые обо мне истории, — медленно произнес он, — но я думаю, что вы верите каждому слову. Или, скорее всего, юных леди защищают от неприглядных сторон жизни и вы просто не знаете всей истории.

— Можете быть уверены, капитан, что ваши проступки широко известны и многократно обсуждались. А так же девушки сегодня не столь невежественны в этой области, как вы полагаете — времена изменились с тех пор, как вы были молоды.

Рэйф стиснул зубы, но какая из двух стрел достигла цели, — а может быть, и обе — она не могла сказать.

— Вероятно, это очень глупый вопрос, но я рискну его задать. Почему вы верите в то, что обо мне говорят, Миранда?

Миранда помедлила, не отводя глаз от его лица, которое, несмотря на глубокий загар и легкие морщины, казалось, совсем не изменилось. Она вспоминала, как он появлялся в ее жизни и исчезал, когда она была совсем ребенком, иногда рядом с Лорой, иногда с Джулией, но никогда, осознала она с внезапным изумлением, рядом с Мэтью. Несмотря ни на что, она не испытывала враждебных чувств к Рэйфу Девериллу. Он всегда был добр к ней, всегда вежлив, относился к ней с сердечностью в сочетании с добрым юмором, и она это ценила. И самое главное, он подарил ей собаку.

— Ричи умерла, — сказала она.

Он изучал ее с холодным вниманием, и при этих словах выражение его лица смягчилось, но почти немедленно вновь стало жестким. Он не отпустил ее с крючка и неумолимо ждал ответа.

Единственный раз она видела Мэтью и Рэйфа вместе в Брайтуэлле, в тот жуткий уик-энд. Хотя в то время она не понимала, что происходит, тот случай несмываемо запечатлелся в сознании Миранды, поскольку, будучи чувствительным ребенком, она страшно поразились силе эмоций взрослых, заполнявших дом. Она не испытывала неприязни к Рэйфу, но Мэтью испытывал, и неожиданно она твердо уверилась, что вражда между ними началась еще задолго до того уик-энда.

— Я верю, потому что так говорит мой отец.

— А вы всегда верите в то, что говорит ваш отец?

— Он никогда мне не лгал. Я не думаю, чтоб он вообще кому-нибудь лгал!

Брови Рэйфа удивленно поползли вверх, но в этот момент появился официант, чтобы снова наполнить бокал Миранды, и продолжал обретаться поблизости, явно ожидая, что его услуги еще понадобятся Рэйфу. Хорошие манеры ничего не стоят, подумала Миранда и кивнула.

— Благодарю вас. — Рэйф приветственно поднял бокал. — Добро пожаловать в Кейптаун, Миранда.

— Я удивлена, что вы меня узнали.

— Вы — дочь Мэтью Брайта, и в этом никто не сможет ошибиться. Сходство с ним

сквозит в каждой черте вашего лица.

— Я принимаю это как комплимент, капитан, хотя сомневаюсь, что вы намеревались его сделать.

Рэйф улыбнулся.

— Характером вы тоже пошли в него?

— Надеюсь.

— Мэтью в женском обличье. Что за восхитительное сочетание!

Это был один из тех случаев, когда Миранде отчаянно хотелось бы слышать, чтобы понять оттенки голоса, но, как обычно, читая до губам, она могла улавливать лишь значение слов и пытаться угадать подтекст по глазам. Но с Рэйфом Девериллом это оказалось невозможным. Она не ответила.

— Вы спросили меня, что я здесь делаю, — продолжил Рэйф, — и мне следовало бы спросить вас о том же. Однако, поскольку вы — алмазная наследница, вопрос излишен. Причиной должны быть алмазы.

— Я собиралась в Людерицбухт, но корабля, который бы мог доставить меня туда, я не нашла. — Миранда сделала паузу. Ей было противно просить его об услуге, но она быстро решила, что гордость в данном случае должна уступить место здравому смыслу. — Не знаете ли вы, кто бы взял меня пассажиркой?

— Я сам могу вас отвезти, — небрежно бросил он.

— Это невозможно! Именно с вами я плыть не могу.

Рэйф пожал плечами.

— Соглашайтесь или откажитесь. Предложение сделано, и сомневаюсь, что вы получите другое.

— У вас собственное судно?

— Я плаваю на своей старой шхуне «Корсар».

— Ради бизнеса или удовольствия?

— Конечно, ради бизнеса! Я должен зарабатывать на жизнь.

— И какие товары вы перевозите?

— Ну, понемножку того, понемножку этого, — загадочно улыбнувшись, ответил он.

— Сколько времени понадобится, чтобы дойти до Людерицбухта?

— Зависит от погоды. Сейчас зима, из-за норд-веста сильно штормит. Я кладу четыре дня на дорогу туда и три — на обратную, но предупреждаю, что на «Корсаре» в этих водах адская качка и вы будете сильно страдать от морской болезни.

— Это не причина, чтоб не плыть.

— Конечно, Во-первых, это не понравится папе, — ну так папа и не узнает об этом, если вы ему не расскажете, поскольку, уверяю вас, я сумею сохранить вашу тайну. Но вторая причина в том, что вы не верите, что я сумею сохранить в целости нечто другое. — Он усмехнулся и встал. — Обдумайте это! Завтра я пришлю к вам своего помощника, сержанта Кинга. Если вы решитесь, будьте готовы к десяти вечера. У вас примерно двадцать четыре часа, чтобы взвесить, что важнее — ваша репутация или ваша миссия.

Миранде не спалось. На первый взгляд принять предложение Рэйфа казалось совершенно невозможным, и, однако, ее мозг неумоимо просчитывал варианты. Четыре дня туда, три обратно, плюс, скажем, два дня в Людерицбухте, итого девять дней, вполне достаточно, чтобы успеть на нужный ей поезд до Кимберли. Было чрезвычайно важно узнать

побольше о позиции, занятой промышленниками Юго-Запада до того, как она встретится с Антоном.

Но Рэйф был прав: Мэтью хватит удар, если он прослышит об ее аванюре. С другой стороны она может тщательно скрыть свои передвижения и вернуться в Кейптаун до того, как до него дойдут новости. Нет, истинное затруднение состояло в том, что ей придется рискнуть своей репутацией.

Возможно, она найдет другого капитана и другой корабль. Но что это будет за человек — неизвестно, может быть, какой-нибудь сомнительный шкипер, равно заинтересованный как в ее деньгах, так и в ее теле.

И пока медленно тянулись часы, пьянящее ощущение свободы, которой она наслаждалась, когда прибыла в Кейптаун, постепенно сменилось пугающей пустотой и ноющим одиночеством. Здесь не было никого, с кем бы она могла обсудить свои проблемы. Она была совершенно одна. Она тосковала по Мэтью, по любви, защите и поддержке, что он так щедро давал ей. Однако именно ради него она должна пойти на риск. Кроме того, в душе она не верила, что Рэйф Деверилл сделает с ней *это*. И что для нее было важнее всего, проблема с Рэйфом возникла только потому, что она женщина, а это обстоятельство никогда не должно служить препятствием на ее пути.

С наступлением предрассветных сумерек чаша весов склонилась в пользу ее миссии.

Утром она написала письмо Мэтью, сообщая о своем благополучном прибытии и о том, что, к несчастью, пропустила корабль, направляющийся в Юго-Западную Африку. *«Однако, — бодро продолжала она, — в пути я встретила несколько милых людей, которые обещали показать мне местные достопримечательности, и я решила провести с ними несколько чудесных дней в Констанции!»*

Она решила, что самым правильным будет посвятить в свои планы горничную. Девушка была верной, и можно было не сомневаться, что она сможет сохранить проделки хозяйки в тайне и сбить со следа любопытствующих представителей «Даймонд Компани». Вместе они уложили чемодан, выбрав подходящую для путешествия одежду, а также несколько парижских туалетов, которые могли бы произвести впечатление на немцев. Свои драгоценности Миранда сдала в сейф отеля, а потом ей не оставалось ничего делать, кроме как ждать, и в это томительное время она была слишком растеряна, чтобы заметить, что думает больше о Рэйфе Деверилле, чем о предстоящей встрече с немцами в Людерицбухте.

Когда Миранда спустилась в фойе, ожидавший ее матрос направился прямо к ней — его явно предупредили о сложности ситуации и описали подопечную. Она собиралась по пути узнать побольше о Рэйфе и его жизни за последние шесть лет, но оказалось, что это невозможно, поскольку в темноте кэба она не могла поддерживать разговор. Она ехала к гавани в полном молчании, и Миранда, силясь разглядеть, куда они направляются, заметила, что кэб удаляется от набережной, где она сошла с парохода. Выйдя из кэба, она оказалась на деревянном молу. За ее спиной могучая Столовая гора под покровом ночи слабо озарялась, отблеском городских огней, а вокруг раскачивался лес мачт, ибо перед Мирандой предстал уголок старинного мира парусных судов.

Ветер немного стих, нет тем не менее вода волновалась, и отраженные в ней огни гавани отплясывали бешеный танец. Когда Кинг помог ей спуститься в шлюпку, которая должна была доставит их на борт «Корсар» а», Миранда ясно осознала, на что она идет. Лодка, отойдя от берега, жестоко раскачивалась, и Миранда, цепляясь за борт, отчетливо ощутила, что существует огромная разница между маленьким суденышком и океанским

лайнером. Старые семейные истории о наследственном страхе Харкорт-Брайтов перед водой больше не казались смешными. Однако причиной дискомфорта был не страх, а неприятное сознание того, что она только что оставила сушу, а уже чувствует себя нехорошо. В своих путешествиях она раз или два испытывала легкое недомогание, но до морской болезни дело никогда не доходило. Теперь же новые для нее и все более яростные колебания шлюпки вызывали у нее явственную тошноту.

Наконец из мрака выступили темные очертания шхуны, и Миранда неуверенно взобралась на борт. Ухватившись за поручень, чтобы сохранить равновесие на палубе, она поразилась ее малым размерам.

— Капитан внизу, — сообщил Кинг и проводил ее через пристрой полурубки и мимо кают-компаний в салон, где над небольшим столом склонился Рэйф. Он повернулся, когда она вошла, и они молча взглянули друг на друга.

Миранда, захваченная неожиданностями прошлого вечера, была тогда слишком озадачена, чтобы подробно рассмотреть все детали его внешности, и теперь впервые глядела на него глазами женщины. Она видела перед собой мужчину лет тридцати пяти, очень стройного. Его мускулистую фигуру подчеркивали узкие, плотно облегающие бедра брюки, заправленные в высокие сапоги. Белая рубашка с открытым воротом резко контрастировала с темно-бронзовым загаром лица, шеи и плеч, но, отметив несомненную привлекательность его лица и фигуры, Миранда также обратила внимание, что, хотя губы его сложились в приветливую улыбку, глаза оставались серьезны. Этот человек изнасиловал Тиффани Корт и вдобавок находился во вражде с ее отцом. И неожиданно Миранда поняла, что упустила очень важный момент: она так долго и тяжело размышляла над тем, плыть или нет на «Корсаре», что забыла спросить себя, — ради чего он это предложил?

И, однако, вопреки здравому смыслу, она обнаружила, что отчаянно бы хотела, чтобы на ней сейчас были не самые старые юбка и пальто, а волосы не были так безнадежно растрепаны зимним кейптаунским ветром.

— Вы удивлены, что я пришла? — спросила она более агрессивным тоном, чем обычно.

— Вовсе нет. Я не сомневался, что вы ставите интересы бизнеса превыше всего — как это свойственно всем алмазным наследницам.

— В таком случае я надеюсь, что для меня приготовлена каюта, — чопорно произнесла Миранда, не заметив, что она оказалась причисленной к некоей компании наследниц. — Мы должны также оговорить условия оплаты моего проезда.

— В этом нет необходимости.

— Я бы предпочла сразу оплатить дорогу.

— Другими словами, вы не хотите быть у меня в долгу? Давайте обсудим это позже, хорошо? В конце концов, деньги для вас не проблема, а я не хотел бы переоценивать свои услуги. *Вымогательство* у молодых дам — отнюдь не то, чем я занимаюсь!

— Тогда зачем вы предложили мне помощь?

— Вы все еще боитесь, что я покушусь на вашу невинность? Вот ключ от вашей каюты. — Рэйф взял ключ со стола и протянул ей. — Он ваш и только ваш — вы в безопасности от меня и моей команды! Между прочим, вы несколько бледны. Вы что-нибудь ели перед выходом из отеля?

Желудок Миранды не успокоился после поездки на шлюпке, и тошнота подкатывала к горлу, однако состояние ее здоровья было не настолько плохо, чтобы не отметить, как ловко он уклонился от ответа на ее вопрос.

— Я поужинала. А почему вы спрашиваете?

— Переносить морскую болезнь легче на полный желудок. Ну, а теперь я должен работать, так что позвольте, мэм, проводить вас в вашу каюту. — Он поднял ее саквояж, провел по короткому коридору и открыл дверь. — Вот ваша каюта! Я сомневаюсь, что ее условия соответствуют вашим обычным высоким запросам, но вам придется на время смириться, с этим обстоятельством.

— Капитан Деверилл, когда мой отец впервые приехал в Кимберли, он жил в *палатке!* — огрызнулась Миранда. — Он спал на грубой подстилке и страдал от куда больших неудобств, чем я — от дождя и холода, наводнений и жары, пыли и насекомых. В этой каюте есть постель, или койка, или как это у вас называется, и меня, во всяком случае, не страшит отсутствие шелковых простыней и роскошных перин!

— Раз так, я надеюсь, что внешний вид не будет иметь особого значения, — пробормотал он после короткой паузы. — Пожалуйста, помните, Миранда, что это действительно единственный ключ от вашей каюты.

Он поставил саквояж на койку и вышел, прикрыв за собой дверь.

Миранда оглядела тесную каюту. Прочная койка с плотным матрасом, расположенная с левого борта рядом с кормовым окном, выглядела довольно уютно, привинченная к полу так, что на ночь ее можно было раскладывать. Небольшой диван с правой стороны вместе со шкафчиками образовывал уголок для отдыха, еще два настенных шкафчика и стол находились у двери, там же имелся тазик на карданном подвесе. Лампа, подвешенная на крюке к потолку каюты, раскачивалась в такт плавным движениям судна. Обстановка была спартанская, и на Миранду произвели большое впечатление ее исключительная бедность и изношенность. Лак на подлокотниках облез, фаянсовый таз оббился, занавески обтрепались. Какой бы торговлей не занимался Рэйф Деверилл, она явно не приносила особой выгоды.

Она распаковала свой скромный гардероб, разместила его по шкафам и, посмотрев в окно, поняла, что судно уже отплыло. Миранда взглянула на ночную рубашку, на дверь, взяла ключ и решительно повернула его в замке. Затем разделась и улеглась в постель.

От дурноты в желудке ее охватили вялость и озноб. Дрожа, она вытянулась на койке, пытаясь расслабиться, но обнаружила, что не отрываясь смотрит на качающуюся лампу. Со времени осады Кимберли Миранда боялась темноты и поэтому не стала тушить лампу. Сначала ее колебания были плавными, но затем «Корсар» покинул прибрежные воды и вышел в открытое море, где его начало швырять. Лампа раскачивалась все яростнее, по своему отслеживая движения судна... вправо-влево... вправо-влево. Эта лампа гипнотизировала Миранду, а затем ее желудок стал невыносимо тяжел. Она поспешно выбралась из койки, и ее вырвало в таз; в промежутках между приступами рвоты она бессильно оседала на постель, потому что из-за взлетов и падений судна не могла удержать равновесие. Ее рвало снова и снова. Дважды в изнеможении она пыталась улечься в постель, но постоянные развороты корабля заставляли ее опять склоняться над тазом.

Ей становилось все хуже... она поняла, что нуждается в помощи, но гордость не позволяла ей отпереть дверь. Лишь когда бледный свет зари просочился сквозь правый иллюминатор, Миранда сдалась и подползла к двери — она повернула ключ в замке прежде, чем без сознания рухнуть на пол.

Последовал сонм размытых образов, свет и тьма, смутное ощущение, что она в постели и Рэйф склоняется над ней, затем она пришла в себя настолько, что уже испытывала смущение и унижение из-за того, что он видит ее состояние. Она слабо помнила, что он

заставил ее проглотить несколько сухих бисквитов, и однажды на протяжении всего кошмара Миранда очнулась с ощущением, что движения судна изменились, стали спокойней, как если бы они стоял на якоре, но, возможно, она лишь принимала желаемое за действительное...

Наконец Миранда забылась тревожным сном, и, проснувшись, почувствовала себя намного лучше. На нее снизошел покой, она чувствовала, что вернулась если не с того света, то, по крайней мере, от врат ада точно. Закрыв глаза, она спокойно лежала на постели, сознавая, что жестокая качка по-прежнему продолжается, но каким-то образом ее организм к ней приспособился. Покой и облегчение охватили ее, и она снова соскользнула в теплые объятия дремоты, пока руки, схватившие ее за плечи, не вывели ее из этой расслабленности. Она снова открыла глаза, но все, что она могла увидеть, это белую рубашку, распахнутую на бронзовой груди, когда Рэйф нагнулся, чтобы приподнять ее и заставить сесть. Ее голова упиралась ему в плечо, она ощущала прикосновение его рук на своем обнаженном теле, когда он поддерживал ее. Миранда была слишком слаба и измучена, чтобы чувствовать какое-то эротическое возбуждение, но она неосознанно стремилась продлить эти мгновения, пока безвольно лежала на его руках, успокоенная силой и уверенностью, исходившими от него. Внезапно она вспомнила, кто он и где она, и отпрянула, быстро притянув одеяло к подбородку.

— Думаю, вы чувствуете себя лучше, — заметил он, присаживаясь на край койки.

— Я, должно быть, ужасно выгляжу, — слабо пробормотала она.

— А вот теперь я знаю точно, что вы чувствуете себя лучше!

— Я должна попросить у вас прощения за то, что со мной пришлось так нянчиться.

— Не думайте об этом!

— Нет, но по правде, вам пришлось меня умыть... и все остальное...

— Вам не стоит об этом беспокоиться. Все время от времени страдают морской болезнью. Кроме того, я вас знаю с тех пор, как вы были еще вот такая, — он приподнял руку на несколько футов от пола, изображая рост пятилетнего ребенка, — и, хотя я не то чтобы менял вам пеленки, но имею гораздо большее право на фамильярное отношение к вам, чем большинство мужчин. — Рэйф ободряюще улыбнулся ей, но его взгляд задержался на белых длинных пальцах, сжимавших под подбородком краешек одеяла. Он нашел ее распростертой на полу, поднял, уложил в постель и ухаживал за ней три дня, запретив кому-либо из команды заходить в каюту. Он, конечно же, видел то, что сейчас таилось под одеялом, — аметистовую ночную сорочку, в изобилии украшенную кружевами, прикрывавшую эти длинные стройные ноги и прочее — но прикасался к ней не больше, чем требовали обстоятельства. Он мог только догадываться о красоте ее обнаженного тела и мягкости ее бархатистой кожи... кожи Мэтью, поэтому на солнце она должна стать золотистой... Стоит вывести Миранду отсюда на солнечный свет, чтобы посмотреть, как она созревает словно персик... Когда-то Рэйф сказал Мэтью, что сходство Миранды с отцом гарантирует ей полную от него безопасность, но теперь он не был так в этом уверен.

Тактичность, с какой он упомянул о своих стараниях, помогла Миранде преодолеть смущение.

— Боюсь, что я потеряла представление о времени. Когда мы прибываем в Людерицбухт?

— Завтра, рано утром.

— Так скоро? Но я должна встать! Я должна как следует подготовиться к встрече с

немцами!

— Господи Боже! Вы только что вернулись на этот свет, и первое, о чем вы думаете — это опять алмазы! Скажите мне, Миранда, одну вещь — если эта поездка так чертовски необходима, почему сэр Мэтью не прибыл сам?

— Он нездоров, и у него очень много других проблем. Честно говоря, он не хотел, чтобы я ехала — мой брат погиб в Людерицбукте, — но я настояла.

— Итак, маленькая папочкина дочка при случае может поступать и мыслить самостоятельно, — пробормотал Рэйф. — Лучше мне это запомнить. — Он встал с постели. — Могу я помочь вам одеться?

— Конечно, нет!

Он испустил глубокий вздох насмешливого разочарования.

— И даже не позволяйте ни малейшего содействия, когда так много пуговиц и завязок? Нет? Ну ладно, я уверен, что расстегивать ваши пуговицы в любом случае было бы гораздо приятнее! Поднимайтесь на палубу, когда будете готовы.

Одевание заняло у Миранды больше времени, чем она предполагала. Она была слаба, трясущиеся руки не слушались ее, и пальцы с трудом справлялись с застежками. Она облачилась в те же самые простые юбку и блузу, в которых взошла на борт, потому что их было легче всего застегнуть, натянула пальто и повязала волосы шарфом. Очень осторожно, держась за стену, она прошла по коридору через салон, поднялась по лестнице в пристрой, открыла дверь и замерла, когда на нее обрушился мощный порыв ветра. Цепляясь за поручень, она двинулась вдоль шаткой палубы.

Пока она лежала без сознания, погода улучшилась, а «Корсар» приближался к атлантическому побережью Южной Африки. Хотя морской бриз был холодным и резким, сияло солнце и дождевые тучи Кейптауна остались далеко позади. «Корсар» шел под парусом, и это приносило чувство радостного возбуждения — из-за хлопающих над головой парусов, из-за соленых брызг, освежающих кожу, и главным образом из-за ветра, трепавшего одежду, волосы и заставлявшего ощущать в легких свежий воздух. Оживившись, Миранда даже была способна изобразить улыбку, когда рядом появился Рэйф и проводил ее в рубку.

— Меня несколько удивляет, что «Корсар» идет под парусом, — сказала Миранда, переводя дух. Разве у вас нет двигателя?

— Есть, но простейшей конструкции, и используется по возможности редко. Работающий двигатель съедает деньги, а ветер ничего не стоит. Вспомните, я только бедный торговец.

Миранда кивнула.

— Ясно. Знаете, вы так и не рассказали мне, какие дела привели вас к этим берегам. Вы обошлись тем, что упомянули про «понемногу того, понемногу другого».

— Разве? Ну, я просто не думал, что нам стоит обсуждать гуано.

— Что такое гуано?

— Птичье дерьмо.

Миранда нашла выражение грубым, но решила не доставлять ему удовольствия, показав, что он ее шокировал. Однако он прочел ее мысли.

— Язык менее груб, чем действительность! Птичьи выделения богаты фосфатами и являются превосходным удобрением. На островах у берегов Юго-Западной Африки гнездятся миллионы бакланов разных видов и пингвинов. Он указал на карту на столе. — Острова разбросаны вдоль берега вплоть до Людерицбукта — Ростбиф, Плюмпудинг,

Альбатрос, Посейшен, Икабад, Меркюри...

— Слишком английские названия для островов, расположенных так близко к германской территории, — заметила Миранда.

— А они и принадлежат Англии, так как были аннексированы пятьдесят лет назад.

Миранда в задумчивости рассматривала крохотные точки на карте.

— Острова расположены не более, чем в двух милях от берега, — медленно произнесла она, — от алмазного берега! Как вы думаете, есть возможность, что на них могут оказаться месторождения алмазов?

— Решительно, ваш мозг работает только в одном направлении. Острова гуано — всего лишь голые скалы, но, да, я знаю, по крайней мере, одно месторождение. Однако оно не разрабатывается.

— Невероятно!

— Нет, просто разумно. Алмазы там не в таком количестве, чтобы окупить добычу, и было решено в данном случае не тревожить птиц! Без сомнения, это прозвучит для вас ужасно, но в нынешней ситуации на рынке птичьих выделения — лучшее помещение капиталов, чем алмазы.

Миранда прикусила губы, не уверенная, издевается он над ней или говорит всерьез, и тут ее внимание привлекло движение в углу рубки.

— Кстати, о птицах, — саркастически спросила она, — а это что?

— Голуби, — Рэйф нагнулся над клеткой и проклокотал птицам что-то ободряющее.

— Вижу! Но что они здесь делают? Производят гуано?

— Составляют мне компанию. — Он выпрямился и вызывающе улыбнулся. — Надо же мне с кем-то разговаривать долгими летними вечерами, когда некого насиловать и грабить?

Теперь он явно насмеялся над ней, и однако же он был насильником... или не был?

— Нет, серьезно, зачем они на борту?

— А я — голубятник. При всей своей скромности могу претендовать на ведущую роль в Союзе любителей голубей Западной провинции. Этот спорт становится здесь все популярнее, а порода значительно улучшилась с тех пор, как были завезены голуби, которых успешно использовали во время войны.

Миранда глянула на него в изумлении, пытаясь представить этого сильного, исключительно мужественного человека в образе голубятника. Однако голова у нее все еще шла кругом после болезни, и она воздержалась от вопроса, когда в рубке появился сержант Кинг с тремя кружками чая. Миранда охотно приняла кружку — ей действительно захотелось чая, впервые за три дня.

— Вы были в Англии с тех пор, как... это случилось?

— Вам следовало немного подумать, прежде чем задавать подобный вопрос. Вы можете представить, какой бы я встретил прием? Нет, Миранда, я никогда не смогу вернуться.

— Но ваша команда... разве они не хотят вернуться домой? Разве у них нет семей?

— Все они одинокие люди и вольны жить, где хотят. Поэтому все они предпочли остаться со мной.

Миранда немного помолчала, пытаясь представить образ другого Рэйфа Деверилла, человека, способного внушить такую верность.

— Когда вы оставили Англию, вы сразу отплыли в Кейптаун? — поинтересовалась она.

— Я сначала отправился на Карибы, а в Южную Африку прибыл в конце 1908 года.

— Сразу после того, как на этом побережье были найдены алмазы?

— Точно, — и его губы изогнулись в ироничной улыбке.

Миранда была слишком поглощена своими мыслями, чтобы заметить его реакцию. 1908 год был годом смерти Филипа, и воспоминание об этом плюс упоминание об алмазах заставили ее полностью сконцентрироваться на своей миссии. Она допила чай и спустилась вниз, чтобы съесть полноценный обед — ей необходимо было восстановить физические, а главное — моральные силы перед предстоящим сражением.

Когда Миранда проснулась следующим утром, она ощутила сильную вибрацию, проходящую через ее тело — на «Корсаре» завели двигатель. Она выпрыгнула из постели и подбежала к иллюминатору. Утро было ясным, и под розовыми рассветными лучами «Корсар», миновав маленький остров, прокладывал среди рыбацких лодочек путь по направлению к молу, надвигавшемуся из бухты. За гаванью острый взгляд Миранды различал нагромождение домов, гнездившихся среди серого гранита скал и красно-золотых дюн. Над острыми двускатными крышами и слуховыми окнами возвышался острый шпиль церковной башни. Сердце Миранды зачастило. Видел ли все это Филип?

Миранда не задержалась у иллюминатора, она ехала в Людерицбухт не для того, чтобы любоваться местной эротикой да и наслаждаться красотами германской колониальной архитектуры, и сосредоточилась на более насущной проблеме: что ей надеть? Она выбрала костюм из бледно-голубого кашемира — прямая юбка, туника с высокой талией, короткие рукава и скромное декольте, — и убрала волосы под широкополую голубую шляпу. Открыв дверь каюты, она замерла в удивлении, увидев Рэйфа Деверилла, стоявшего напротив входа в трюм. В этот момент истины никто не усомнился бы в его реакции, увидев в его глазах восхищение.

— Я должен извиниться, что слоняюсь возле вашей каюты, но из-за вашего затрудненного слуха представляется невозможным стучать в дверь, а я, естественно, не хотел вторгаться в столь деликатный момент.

Люди обычно не говорили об ее глухоте столь прямо. Как правило, они либо игнорировали ее, либо краснели в смущении, когда обойти эту тему было уже невозможно. Позиция Рэйфа пришлась Миранде весьма по нраву.

— Вы очень деликатны, капитан.

— Я просто хотел узнать, когда вы намереваетесь сойти на берег, но ваше появление уже само по себе ответ. — Он заглянул в каюту и увидел, что саквояж, в который Миранда успела сложить часть одежды и туалетные принадлежности, стоит на койке. — Надеюсь, вы не насовсем нас покидаете?

— Думаю, что мне придется заночевать в отеле. Возможно, вечером я буду очень занята.

— Вы так выглядите, что могу себе представить, как немцы будут стараться, чтобы вы были вечером очень заняты!

Он взял чемодан и последовал за ней по коридору. У подножия лестницы Миранда остановилась.

— После вас, — сказала она.

Рэйф окинул взглядом ее бедра, обтянутые тонкой юбкой, стеснявшей ее движения.

— Нет, после *вас*.

Миранда недовольно глянула на него. Однако у нее, казалось, не было выхода, кроме как пройти вперед его по узкой лестнице и, таким образом, по необходимости приподнимая

юбку, предоставить ему возможность любоваться ее изящными лодыжками и стройными икрами.

— О Господи, весело сказал он, когда они поднялись на палубу. — Вам повезло, что у «Корсара» слишком низкая осадка, чтобы углубиться в гавань. Иначе зрелище того, как вы в этой юбке спускаетесь в шлюпку, заставило бы месяцами судачить весь Юго-Запад... — Он сделал знак сержанту Кингу. — Проводите мисс Брайт в «Каппс-Отель», сержант. Миранда, не уезжайте никуда одна, хорошо?

— Вы намекаете на то, что случилось с моим братом?

— Нет, конечно. — Он умолк и очень осторожно коснулся ее щеки. — Будьте осторожны. И удачи вам с немцами.

Несколько часов спустя Миранда, пришедшая на прием к Верту, негодовала из-за того, что ей приходится ждать. Чувство было досадным, унижительным и новым для нее. Обычно упоминание «Даймонд Компани» открывало перед ней все двери и люди из кожи вон лезли, стараясь угодить.

Она не ожидала, что здесь будут перед ней расстилать ковровые дорожки, но подобное отношение не сулило ничего хорошего в будущих отношениях Бюро и Компании.

Однако, когда она оказалась в кабинете местного представителя Бюро, то скрыла раздражение.

— Как любезно, что вы уделите мне свое бесценное время, — сладким голосом произнесла она на безупречном немецком, — несмотря на то, что я прибыла без предупреждения.

Гуго Верт потрясенно уставился на нее. Он нарочно заставил ее ждать, и уж никак не рассчитывал увидеть такое прелестное создание, которое, вдобавок, обращалось к нему на его родном языке.

— Вовсе нет, — промямлил он. — Чем могу служить?

— У меня дела в Южной Африке, и я решила воспользоваться возможностью засвидетельствовать Бюро свое почтение. — Она обезоруживающе улыбнулась. — Вот где идет настоящая работа! Насколько я понимаю, большая часть берлинского штата никогда здесь не бывала.

Это был удачный ход, ибо Верта постоянно возмущала позиция берлинских бюрократов, совершенно ничего не смысливших, с его точки зрения, в алмазном бизнесе.

— Я должна сказать, что мы были бы счастливы, если «Даймонд Компани» и Бюро смогут прийти к соглашению по вопросу о регулировании рынка, — продолжала Миранда, осторожно нащупывая путь. — Конечно, все мы понимаем, что результат должен быть выгоден обоим предприятиям. Надеюсь, вы согласны?

— Сомневаюсь, что моя точка зрения много значит. Я занимаюсь добычей алмазов, а не их продажей.

— И как, успешно? Как много вы сумели добыть их в прошлом году? Около полутора миллионов каратов, кажется?

— Вы хорошо информированы, мисс Брайт, так что сомнительно, чтобы вы не были осведомлены и о рентабельности наших добывающих предприятий, чьи объявленные дивиденды выросли с 30 до 3800 процентов! Поэтому вас не должно удивлять, что кое-кто в Берлине считает это соглашение более выгодным для британской «Даймонд Компани» и лондонскому Синдикату, чем германскому Бюро!

И снова Миранда прокляла свою неспособность слышать интонации и нюансы речи, но

каким-то образом она сумела почувствовать подтекст.

— Соглашение выгодно алмазной индустрии, — подчеркнула она, — а та стоит над международной политикой и национальными пристрастиями.

Наступило молчание. Каждый знал, что другой думает о возможности войны в Европе, но при столь недолгом знакомстве и в этом офисе упомянуть об этом было невозможно.

— Я бы желала, чтобы мы могли продолжить беседу в менее официальной обстановке, герр Верт. Не отобедаете ли вы со мной сегодня вечером, вместе с фрау Верт, разумеется.

— Я не женат, и буду счастлив принять ваше приглашение.

Вернувшись в отель, Миранда сорвала шляпу и яростно принялась вытаскивать шпильки из волос. Британия против Германии, — ну и ну, разве ж в этом дело? Что ж, черт побери, она им кое-что покажет и в результате выудит у герра Верта даже больше информации, чем смогли бы это сделать Мэтью или Филип. Она уселась перед зеркалом и приступила к борьбе со своими пышными волнистыми волосами, которые никак не желали подчиниться. Пришлось призвать на помощь служанку. Однако, когда все было закончено, Миранда осталась довольна.

Волосы были разделены на прямой пробор, заплетены в тугие косы и уложены над ушами, а затем свернуты кольцом на затылке. Несколько прядей, так и не поддавшихся, свободно падали на шею, но это лишь подчеркивало невинность и безыскусственность ее облика.

В самом простом из вечерних платьев Миранда выглядела образцовой белокурой свеженькой фройляйн, такой благолепной тевтонкой, как те дамы из обывательских слоев, что изображены в «Галерее красавиц» Людвига Баварского, в мюнхенском Нимфенбургском замке.

На сей раз герр Верт на заставил ее ждать, и Миранда приложила весь свой шарм, развлекая его рассказами о годах, проведенных в дрезденской школе, и смешными историями о своей гувернантке-немке. Он был очарован, без сомнения, и явно начал расслабляться, отдавая дань превосходному рислингу. Постепенно Миранда вывела беседу на алмазы, но вместо выяснения планов алмазных дельцов, чего хотел отец, сделала упор на свои отношения с Антоном Элленбергером.

— Милый Антон, — промурлыкала она, улыбнувшись Гуго над краем бокала, сделав глоток вина. — Он столь многому меня научил. Если он чего-либо не знает об алмазах, значит этого не знает никто.

— Наш соотечественник, безусловно, выдающийся человек, — согласился Верт.

— Он много лет был мне таким добрым другом. Например, в 1908 году он впервые приехал на Юго-Запад с поручением расследовать исчезновение моего брата. Вы тогда были в Людерицбухте?

— Да. Это огромная трагедия. Мои соболезнования, мисс Брайт.

— Вы встречались с Филипом? — жадно спросила она.

— Да. — Гуго помедлил, не зная, что сказать об этом странном молодом человеке. — Вы с ним совсем не похожи.

— Чем же мы отличаемся?

— Филип Брайт не был дружелюбным молодым человеком. Он, в некотором роде, казался странно отчужденным. И к тому же он совсем не интересовался алмазами. Я свозил его на разработки и объяснил потенциальные возможности наших рудников, но он не задал ни одного из ожидаемых мною вопросов. И однако, я совершенно уверен, что всю важность

открытия он понимал.

Это утверждение столь рознилось с докладом, присланным Филипом, что Миранда изумилась.

— Вы принимали участие в его поисках?

— Я и организовывал эти поиски, и мне действительно очень жаль, что мы не сумели его найти. Уверяю вас, мы пытались, но в пустыне... — Гуго, извиняясь, пожал плечами. — Вдобавок, мы опросили всех, кто с ним разговаривал. Была одна зацепка — девушка, которую видели с ним в этом самом отеле... но она дожидалась парохода на Кейптаун, а к тому времени, когда была поднята тревога, корабль уже отплыл.

— Моя семья так благодарна вам и всем нашим немецким друзьям за помощь в это ужасное время. — Миранда легко коснулась его руки. — Молюсь, чтобы мы никогда не оказались врагами. Однако, если наши страны все же вступят в войну, мы должны помнить, что отношения между людьми имеют свойство восстанавливаться сразу после того, как военные вдоволь наиграются в свои игры. Алмазная индустрия настолько необходима миру, что ее будущее и стабильность не должны быть поставлены на кон.

— Сомневаюсь, что политики с вами согласятся.

— К счастью, политики не вмешиваются в алмазную индустрию.

— Нет, — тихо сказал Гуго. — Британские в алмазную индустрию вмешиваются.

Опять! Миранда и не догадывалась, что горечь и зависть к контролю рынка «Даймонд Компани» проникли так глубоко.

— Единственный мой ответ на ваше заявление — именно британцы основали индустрию, поставили ее на ноги. Но, пожалуйста, не будем тратить время на споры. Мне слишком хорошо, чтобы ссориться. Честно говоря, я бы хотела задержаться на Юго-Западе подольше и познакомиться с работой шахт. Я бы хотела совершить то же путешествие, что недавно предпринял Антон.

— Вам это было бы чрезвычайно интересно. — Гуго расслабился, но все еще был настороже. Он не собирался выдавать секретную информацию, однако в том, чтобы описать поездку Элленбергера, вреда не видел. — Антон посетил Колманскоп, бухту Элизабет, Помону и Богенфельз. Вы уверены, что не можете продлить свой визит? К сожалению, я не могу сопровождать вас лично, но обеспечил бы вам эскорт.

— Действительно, не могу. — Промышленные операции сами по себе не интересовали Миранду. Политика Бюро и его *замыслы* — вот что она намеревалась узнать поглубже. — А вы сопровождали Антона в «шпергебайт»?

— О нет. Антон знает всех промышленников, и, кроме того, зачем ему сопровождающий в «закрытой зоне»? Он один из нас.

Миранде с трудом удалось сохранить спокойное выражение лица, пока в последующие минуты она толковала о своем предстоящем визите в Кимберли, а затем расспрашивала Гуго о его прошлом. Она притворялась, что внимательно слушает, когда он рассказывал о себе, но на самом деле ее мысли были далеко. Гуго Верт, совсем не желая того, дал ей ценную информацию, которую она искала.

Победит ли Германия в войне или проиграет, множеству мелких промышленников в «шпергебайт» придется объединиться, так же, как когда-то старатели-одиночки в Кимберли трансформировались в единое целое, ставшее теперь «Даймонд Компани». Но немецкие промышленники в Юго-Западной Африке не хотят иметь дела с англичанами и обижены властью «Даймонд Компани», контролируемой Британией. Так к кому же они обратятся?

Миранда почувствовала, как к горлу подкатывает истерический смех. Она приложила сегодня столько стараний, чтобы выглядеть немкой, но все ее ухищрения бледнели перед титаническими усилиями Антона. Шесть лет он окучивал этих людей и их бизнес. И тот факт, что он — натурализованный британский подданный, забыт здесь. Тут он был немец, — немец, обосновавшийся в Южной Африке, где процветали антибританские настроения. Здесь он — «наш соотечественник», один из них. И будущее алмазных разработок Юго-Западной Африки принадлежит ему. У «Брайт Даймондс» ни единого шанса сравняться с ним или переиграть его. Что ж, мрачно подумала Миранда, если она не может его победить, она может к нему присоединиться.

Глава девятнадцатая

Перед тем, как вернуться на борт «Корсара», Миранда медленно бродила по песчаным улицам Людерицбукта. Ее мысли были прикованы к Филипу. Хотя он был мертв, она поймала себя на том, что ищет его, высматривает его лицо в толпе на каждой улице, в магазинах и отеле. Она искала любое знакомое лицо, хоть кого-нибудь, знавшего ее, в смутной надежде, что так она может пролить некоторый свет на смерть брата. Но, конечно, она никого не встретила. Тайна осталась нераскрытой. Однако Миранда была рада, что приехала сюда, рада, что ей пришлось совершить это паломничество, хотя оно было бессмысленно для всех, кроме нее, и здесь она ничем не могла помочь Филипу, спасти его или принести мир его душе.

Забыв о предупреждении Рэйфа, Миранда добралась до окраины города и села на песок, обхватив колени. Потом, обернувшись к пустыне, она молча слушала тишину. Инстинктивно она знала, что это безмолвие было глубоким, бездонным, абсолютным. Не из-за того что она была глухая — просто не было звуков, которые можно услышать. Здесь она была равна всем. В какой-то безумный миг ей захотелось остаться здесь, в этой дикой стране, у тропика Козерога^[13], и сбежать от всех своих обязанностей. Испытал ли он то же самое? Она не могла предсказать его реакции на это или на что-нибудь еще, ей не было известно его отношение к алмазной индустрии или даже к девушке в отеле. Он был ее братом, но она его не знала. Она ничего не понимала в его жизни, ничего — в его любви и ненависти, надеждах и страхах. Сегодня она искала его лицо среди чужих, но именно он был самым чужим из всех.

Миранда неохотно повернула голову и взглянула на огромные дюны. Песчаные холмы с гребнями, источенными ветром, отливали алым и золотым, абрикосовым и винно-красным, теряясь в темно-пурпурных долинах в своем бесконечном движении к горизонту. Поднимался ветер, взметая ее волосы, катя клубы песка по склонам дюн... Возможно, где-то за этими песчаными горами белеют кости Филипа... Миранда резко встала. Смерть Филипа — главная причина, по которой она должна вернуться в Лондон и почему она всегда будет возвращаться, почему не сможет жить собственной жизнью. Мэтью полагался на нее, а она любила его слишком сильно, чтобы бросить.

Новость о том, что в Людерицбукте побывала дочь сэра Мэтью Брайта, распространилась быстро, но за отплытием «Корсара» наблюдал лишь один-единственный человек. Он бегло задумался о деловых рейсах шхуны, о личности капитана, не сходявшего на берег, но главным образом он размышлял о предстоящих передвижениях мисс Миранды Брайт. На пирсе он дождался, пока «Корсар» не вышел в открытое море, и тогда Дани Стейн

направил стопы к отделению Бюро.

С ветром по балансиру «Корсар» шел гораздо устойчивее, и качка почти прекратилась. Таким плаванием Миранда могла даже наслаждаться. Морская болезнь не возвращалась, наверное, еще и потому, что она стала выключать лампу по ночам, хоть это и погружало ее в ненавистную темноту.

С возвращением здоровья стало уже невозможным уклоняться от встреч с Рэйфом. Никто бы не назвал его обращение с ней галантным, в нем было слишком много насмешливости и сарказма, однако это само по себе словно намекало, что Рэйф испытывает к ней определенную привязанность. Наводило это и на другие мысли тоже... Скрытые личинки сексуальности Миранды, едва разбуженные Диком Латимером, выбрались из кокона сдержанности и застенчивости. Она остро сознавала его физическую привлекательность, и в этом свете ей было не только трудно представить, что он изнасиловал женщину, но еще труднее — что нашлась женщина, способная ему противостоять. Поскольку Мэтью отстаивал это обвинение, Миранда принуждала себя верить, но ее сомнения отражались в том, что она перестала запираеть каюту на ночь и оставляла ключ в двери с наружной стороны.

Вдали от смущавшего покой присутствия Рэйфа, только один эпизод потревожил сон Миранды. На вторую ночь после Людерицбухта она проснулась от того же ощущения, что и прежде — будто движение корабля изменилось. Ей казалось, что «Корсар» осторожно встает на якорь, но они, конечно, не могли так скоро достичь Кейптауна! Она посмотрела в иллюминатор, но за ним стояла густая тьма Южной Атлантики. Наощупь пробравшись через каюту, Миранда потянула за дверную ручку, но ничего не произошло. Она снова нажала, однако дверь не поддавалась. Ее заперли.

Внезапно Миранда испугалась. Запертая во тьме, не способная ни видеть, ни слышать, не зная, что происходит снаружи, она снова словно бы очутилась в шахте Кимберли, где во время осады пряталась от бомбардировки. Снова она почувствовала сырые испарения подземных коридоров и пещер, приносящие воспоминания о переживаниях Лоры и других взрослых, о собственном чувстве беспомощности из-за того, что она ни с кем не могла общаться. Она ужасно боялась, но чего?

Миранда отчаянно зачиркала спичками, чтобы зажечь лампу. Вибрация пола сообщила ей, что двигатель работает, и даже сильнее, настойчивее, *громче*, — если она могла использовать это слово — чем раньше. И он никоим образом не «примитивной конструкции». Затем Миранда напряглась, когда открылась дверь и появился Рэйф Деверилл.

— С вами все в порядке? Я увидел свет под вашей дверью.

— Что случилось? Почему мы стоим? Зачем вы меня заперли? — взорвалась она.

— Надвигался шквал, поэтому мы встали под защиту небольшой бухты, — мягко сказал он. — Я сожалею, что вы потревожены.

— Это не объясняет, почему меня заперли!

— Вам померещилось. Дверь, должно быть, захлопнулась. Это иногда случается, и чтобы ее открыть, требуется просто нажать с достаточной силой.

Он вел себя так убедительно и естественно, что Миранда почувствовала себя душой.

— Это из-за темноты, — медленно сказала она. — Она напомнила мне кимберлийскую Шахту во время осады. В темноте я не могу слышать.

Рэйф сделал шаг вперед, и на миг ей показалось, что он хочет коснуться ее, но он резко повернулся.

— Постарайтесь уснуть, — отрывисто сказал он. — Если понадобится, я буду в каюте напротив.

Миранда долго не могла уснуть. И кое в чем уверилась относительно своего предстоящего визита в Кимберли: ничто на свете не заставит ее спуститься в эту шахту!

На следующее утро погода была пасмурной и угрюмой, и большую часть дня Миранда провела в каюте — приводила себя в порядок и дремала. Только раз она поднялась на палубу, заглянув в рубку в надежде увидеть Рэйфа, но его не было. Исчезли и голуби. Клетка пустовала, из чего следовало, что птицы сейчас летят в Кейптаун. Достигнут ли они цели раньше «Корсара», и если так, кто их примет? Сердце у Миранды сжалось, когда она подумала о вполне допустимой возможности, что Рэйф Деверилл женат.

Вечером, когда они обедали в салоне, она спросила: .

— Куда летят голуби, когда вы их выпускаете?

— Ко мне домой, в Кейптаун.

— А кто за ними присматривает? — осторожно поинтересовалась она.

— У меня есть... домоправительница.

Миранда испытала необъяснимое чувство облегчения. Они покончили с едой, но, к ее удовольствию, Рэйф не выказывал никакого желания уходить. Они потягивали вино — доброе красное вино, крепкое и ароматное, из прекрасных долин Талебаха под Кейптауном, и вкус его отдавал солнцем и счастьем.

И Миранда была счастлива — кроме тех болезненных мгновений, когда вспоминала, что это их последний вечер вместе.

— Почему вы предложили отвезти меня в Людерицбухт?

Лицо Рэйфа напряглось, Он был так же удивлен, как и она, при их неожиданной встрече, но быстрее сообразил, какие возможности она собой предоставляет. В тот миг он понял, что после долгих лет ожидания пришла пора вернуться в прошлое, найти ответы на мучившие его вопросы и даже свести старые счеты. Миранда не могла пролить свет на действия Тиффани Корт, но она сама послужит первоосновой, с которой можно начать действовать — через нее лежал путь к Мэтью. Рэйфу представилось, что наиболее утонченным способом поквитаться с Мэтью будет завоевать сердце Миранды. Именно так он и собирался поступить. Он, конечно, не намеревался доводить такую связь до логического завершения. Брак не входил в его планы. Она молода, равнодушно думал он тогда в зале ресторана, она переживет.

Но это было до того, как он узнал ее, до того, как он... Когда-то Рэйф мечтал встретить женщину, в которой сочетались бы лучшие качества Лоры и Тиффани, и когда он смотрел на Миранду, то видел это самое сочетание: красота лица и фигуры, храбрость, решительность и ум, вспышки внутреннего огня Тиффани, стойкость, доброта и честность, спокойствие Лоры. Однако Миранда обладала и ярко выраженной индивидуальностью: в ее сдержанности, самообладании, было слишком много личного. Это интриговало, окутывало ее тайной, до которой каждый мужчина жаждал докопаться, чтобы узнать, какова же истинная Миранда.

Руки Рэйфа стиснули стакан с вином. Обычно вино дарило ему иллюзию благополучия, душевного равновесия, возвращая к тому состоянию, когда предательство и изгнание не существовали для него. Но теперь он жалел, что встретил Миранду. Она слишком сильно напоминала ему о том, что было, и что могло бы быть, но ему, обещанному, этого уже

никогда не будет дано. Ирония судьбы состояла в том, что Мэтью тоже был опозорен в начале своей блистательной карьеры — и именно мысли о Мэтью заставляли Рэйфа искать способ нанести ответный удар. И если достичь этих целей он сможет только причинив страдания Миранде, он должен заставить ее страдать.

— Вам требуется много времени, чтобы ответить, — заметила Миранда.

— Только потому, что я нахожу вопрос излишним. Почему бы мне не захотеть помочь вам? Не говоря уже о нашей давней дружбе, любой мужчина будет рад возможности оказать услугу такой красивой женщине, как вы.

Он имеет в виду «такой богатой», как я, подумала Миранда, но сказала только:

— Однако, не «любой мужчина» во вражде с моим отцом.

Рэйф легкомысленно рассмеялся.

— В действительности, нас таких может быть гораздо больше, чем вы думаете. Но я следую логике ваших размышлений, — и потрясен: вы предполагаете, что я ищу мести. Право, Миранда, что за мысль!

— Но если вы действительно невиновны, как утверждаете, разве вам не горько? Мне бы точно было.

— Горько? — Рэйф небрежно пожал плечами. — Почему мне должно быть горько? Я оказался отвергнут обществом, которое сам же отверг много лет назад.

— Почему вы отвергли общество?

— Это, — медленно ответил Рэйф, — очень долгая история.

На миг ему захотелось рассказать ей все, узнать, может ли она дать ему прощение, и снимет ли ее прощение с его плеч тяжкую вину. Но нет, она начнет толковать о долге, а он давным-давно покончил с этими понятиями.

В томительном молчании Миранда размышляла, что его месть должна быть направлена скорее на Тиффани Корт, чем на Мэтью. Она избегала мыслей о Тиффани, ее воспоминания об этой женщине были слишком болезненны, а теперь у нее появилось другое основание для беспокойства: Рэйфа Деверилла застали в спальне Тиффани, но каковы в действительности были их отношения? Был ли он влюблен в нее?

Миранда подняла глаза и увидела, что он наблюдает за ней. Она была в простом вечернем платье из гладкого атласа с низким вырезом, а ее блестящие густые волосы, схваченные гребнями, свободно падали на спину. Свобода корабельной жизни подвигла ее расстаться с корсетом, и теперь ее нижнее белье состояло только из шелковой комбинации, панталон и чулок на подвязках. Это дарило чудесное ощущение свободы, она расслаблялась, как если бы была в просторной ночной рубашке, а шелк и атлас гладили и ласкали кожу. Она удивлялась собственной дерзости, и была достаточно честна, чтобы спросить себя — служила ли неформальность корабельной жизни тому единственной причиной... Она вспомнила, как руки Дика лихорадочно пытались почувствовать ее тело... вспомнила, как его голова прижималась к ее бедрам. Она вспыхнула под взглядом Рэйфа, испугавшись, что он может прочесть ее мысли: он, конечно же, заметил, что она не носит корсета.

— Должно быть, весь Лондон у ваших ног, — осевшим голосом сказал он. — В вашей жизни много мужчин, Миранда?

— На первом месте у меня работа, — уклончиво ответила она.

— Естественно! При вашем положении я и не сомневался. Но разве вы не находите времени и поразвлечься? Был ли — а может быть и есть — кто-то особенный?

— Дик Латимер просил меня выйти за него замуж.

Рэйф немного помолчал.

— Я помню его как блестящего молодого человека. Примите поздравления.

— Я не согласилась... пока.

— Почему?

На кончике языка у нее вертелся ответ, что это не его дело, но он сумел сокрушить ее оборону, как до сих пор никто прежде. Отсутствие Мэтью, новое осознание привлекательности Рэйфа и своей собственной принуждали ее отбросить сдержанность так же, как излишки нижнего белья.

— Я его не люблю. Кроме того, я считаю, что ему нужны только мои деньги.

Рэйф встал, подошел к ней и поднял на ноги, нежно заключив ее лицо в ладони.

— Вы действительно так считаете? — недоверчиво спросил он.

Миранда не ответила, но опустила глаза и попыталась освободиться.

— Вы сошли с ума! У вас какой-нибудь дефект зрения или ваши зеркала чудовищно искажают! Вы одна из самых прекрасных женщин, которых я видел.

— Такая же, как моя кузина Джулия? — спросила она, предполагая насмешку. А он подумал: «Или Тиффани. Но нет, никто не может быть прекрасней Тиффани».

Он уронил руки ей на плечи и легко погладил их.

— Если бы я выказал интерес к вам, то меня бы не заподозрили, что я охочусь за вашими деньгами.

— Почему вы должны отличаться от других?

— Потому что, если я женюсь на вас, денег вы не получите, — рука коснулась ее затылка и шеи.

— Отец никогда не лишит меня наследства... *никогда!*

— Ваш отец меня люто ненавидит! Я — единственный человек на свете, которого он никогда не признает вашим мужем. Вам придется выбирать — выбор будет слишком жесток, запомните это, Миранда!

Она смотрела на него, голова ее дружилась от желания, она не хотела думать ни об отце, ни о невозможности выбора, хотела только *его*. Он обнял ее, склонился над ней, их губы соприкоснулись. Его рука скользнула ей на грудь, жар его поцелуев усилился, когда он почувствовал, как напряглись ее соски под глянцевым атласом. Миранда прижалась к нему, но Рэйф внезапно оттолкнул ее, вернув к действительности.

— Уйдите, Миранда, — хрипло произнес он. — Уйдите!

— Почему? — Все, чего она хотела сейчас — быть ближе к нему, так близко, как только может женщина быть с мужчиной.

— Потому что иначе я уже не смогу остановиться.

— Но я не хочу, чтоб вы останавливались.

Рэйф смотрел на нее, на волосы, в свете лампы сияющие ореолом, чистое лицо, невинность взгляда, невинность, которую он стремился уничтожить и заменить страстью.

— Утром вы будете думать по-другому! — сказал он. — Утром вы вспомните, что я не только *persona non grata* для вашего отца, но и то, что я изгнанник, опозоренный человек. Если вы свяжетесь со мной, вам нельзя будет вернуться в Лондон. Вы не сможете больше увидеть вашего отца...

Рассудок говорил ей, что он прав... тело же уверяло, что это неважно...

— Мы с вами больше не увидимся в любом случае, — медленно проговорила она, — потому что я уезжаю в Кимберли для очень важных переговоров с мистером Элленбергером.

— Счастливец старина Антон!

Она удивилась, услышав, что он называет Антона по имени.

— Вы знаете Антона Элленбергера?

— Сталкиваемся время от времени, — и его губы слегка дернулись, словно он пытался улыбнуться.

Миранда старалась принудить себя к достойному отступлению, но Рэйф шагнул к ней и снова обхватил ладонями ее лицо.

— Я не хочу, чтобы вы уходили, но это ради вашего же блага. Я также клянусь вам, что не дотронусь до вас на борту этого судна, независимо от своего желания, потому что иначе вы поверите в ту ложь, которую обо мне распространяют. — Он склонил голову и быстро поцеловал ее в губы. Уезжайте в Кимберли, Миранда, но не удивляйтесь, если я последую за вами.

По возвращению в гостиницу Миранда с облегчением вздохнула, не найдя гневных телеграмм от Мэтью, которых ожидала. Хотя представитель «Даймонд Компани» несколько раз звонил, горничная ее прикрыла. Она прочла письма, прибывшие от Мэтью, и незамедлительно ответила, придумав вымышленную историю. Она удивлялась, нет, *ужасалась* собственной двуличности — как она могла так скоро перемениться? Отсутствие Мэтью, влияние алмазов... или Рэйфа? Миранда не питала сомнений относительно личности истинного виновника.

В Кимберли ей нужно было отправиться только через два дня, и она была рада, что ей выпала передышка, дабы прийти в себя. Однако ей приходилось постоянно противиться желанию посетить его, и на закате второго дня она стояла у окна спальни, глядя на очертания Столовой горы позади гостиницы.

— Где вы живете? — спросила она, прежде чем сойти на берег.

— На «Горе».

— Где именно на «Горе»?

— На пике Дьявола, конечно. Где же еще?

Разумеется, где же еще? Миранда в задумчивости взирала на суровые очертания пика. Затем ее взгляд поймал стайку голубей — они быстро пронеслись по небу, прежде чем исчезнуть с поля ее зрения. Голуби... она все же не могла представить Рэйфа голубятником... птиц выпустили с «Корсара» после той странной остановки на обратном пути...

Внезапно Миранда замерла, на ее щеках проступили алые пятна, а синие глаза вспыхнули. Она была в ярости — такой, какой еще не знавала. Схватив пальто, она выбежала из гостиницы в сгустившиеся сумерки, кликнула кэб и направилась к нужному дому на пике Дьявола. Взлетев на крыльцо, она гневно затарабанила в дверь. Возможно, на стук выйдет домоправительница. Но когда дверь приоткрылась, сердце Миранды сжалось.

Перед ней стояла прелестная юная девушка. У нее была прекрасная кожа медового цвета, овальное личико, пухлые губки и миндалевидные глаза. Прямые черные волосы были схвачены на затылке в тугий узел, а маленькая фигурка заставила Миранду почувствовать себя амазонкой. Доказательство того, что от смешения кровей рождаются красивые дети — магическое сочетание европейской и малайской крови принесло чудесный плод. Миранда знала, что в большинстве местных домов работали четные слуги, но эта девушка не только вела дом Рэйфа Деверилла — она также явно согревала его постель по ночам.

Миранда холодно протянула ей визитку и прошла в просто обставленную гостиную, которая отнюдь не могла похвастать роскошью. Садиться она не стала. Однако ей не пришлось долго ждать появления Рэйфа.

— Миранда! Какой приятный сюрприз! Вы просто проезжали мимо или вас все же привлекает мое общество?

— Голубятник! — выкрикнула она. — *Голубятник!* Мерзкий алмазный контрабандист, вот вы кто!

— Ага. — Он скрестил руки и взглянул на нее. Она ожидала, что он начнет отпираться, но он не стал этого делать. — И вы этого не одобряете, — заявил он с очаровательной небрежной улыбкой.

— Гениальная догадка!

— Вам придется пересмотреть свои взгляды на жизнь, Миранда, если вы хотите преуспеть в мире бизнеса, где ваши понятия о чести не имеют право на существование.

— Мой отец прекрасно преуспел, не пачкаясь в таких делах!

— Разве? В прежние дни Кимберли являл собой джунгли, в которых выживали только сильнейшие, а «сильнейшие» означает только самые умные и хитрые. Я крепко сомневаюсь, чтобы Мэтью Брайт остался незапятнанным. Вы знаете, что тогда это называлось НТА — «нелицензированная торговля алмазами», не контрабанда, но примерно то же самое?

— Мой отец не делал ничего подобного, — упрямо настаивала Миранда.

Как она отличалась от Тиффани! Ситуация с двумя алмазными наследницами была так похожа, что хотелось мысленно объединить их, увидеть в них представительниц одного типа, различавшихся только национальностью и цветом волос. Однако Тиффани жадно бросалась в любое сулящее выгоду предприятие и осмелилась бы плыть под любым ветром. Если Миранда отличается такой совестью и претензиями на мораль, то Тиффани легко сокрушит ее при первом же возникшем конфликте.

— Они *все* этим занимались, — спокойно сказал Рэйф. — Как вы думаете, с чего начинались титаны индустрии? Конечно, они были удачливы. Конечно, они были умны. Но было к множество других добытчиков алмазов. Чем же большие парни выделились из остальных? Я вам скажу — благодаря решительности, безжалостности и НТА.

— Я пришла обвинить вас в преступлении, а не защищать отца за какие-то мифические проступки прошлых лет! — вспыхнула Миранда. — Контрабанда — это кража!

— Я беру алмазы с неразрабатываемого месторождения, неизвестного никому, кроме туземцев, которым оно бесполезно. У кого я краду?

Она впервые заколебалась.

— Контрабанда алмазов вредит индустрии в целом.

— А какого дьявола я должен беспокоиться об алмазной индустрии? Только за то, что она и ее магнаты сделали со мной? А вам, как и всем, чертовски хорошо известно — что! Нет причины, почему я не имею права искать алмазы, добывать их и продавать? Почему я должен подчиняться диктату могущественного картеля?

— Вам должно быть превосходно известно, что дело в рыночной стабильности, особенно при продаже предметов роскоши, таких, как алмазы.

— К несчастью, стоимость алмазов, которые я добываю, отнюдь не столь велика, чтобы повлиять на рыночные цены!

— Где вы продаете камни?

— Ну-ну, Миранда, вы что, серьезно ожидаете, будто я отвечу на этот вопрос?

— По крайней мере, расскажите мне, как вы их нашли, — настаивала она.

— Я слышал, как и все моряки, истории, которые рассказывают в кабаках на побережье Кейптауна — истории о спрятанных сокровищах, золоте и алмазах. Был один готтентот, уроженец Юго-Запада, он клялся, что знает месторождение алмазов, но отказывался рассказать кому-либо о нем. Со временем большинство людей утратило к нему интерес, решив, что он плетет небылицы, надеясь вытянуть деньги на выпивку. Случилось так, что я сумел снискать его расположение, и за это он согласился проводить меня к алмазам.

— Почему вы поверили, в его историю? — ярость Миранды улеглась, сменившись глубокой усталостью.

— Я не был абсолютно уверен, но стоило рискнуть. Богом клянусь, стоило! По правде, мой маленький друг указал два источника алмазов. Один — который мы с вами посетили и другой — дальше по побережью, где я покупаю камни у бушменов.

— И сколько вы платите за карат?

Он рассмеялся.

— Деньги не помогут бушменам выжить в пустыне Намиб! Я плачу одеялами, ножами, продуктами, водой.

— Все вместе взятое много дешевле одного алмаза. Вы получаете несоразмерную выгоду, — язвительно бросила Миранда.

— Все относительно. Для бушменов алмазы все равно, что булыжники, а вода — ценнее всех сокровищ.

Миранда кивнула, неохотно признав логику его доводов.

— Когда мы отсиживались в кимберлийской Шахте во время осады, папа принес нам немного винограда, и Лора сказала: «Мы — в сердце алмазной шахты, но этот виноград — ценнее алмазов».

— Лора — очень умная женщина.

Они по-прежнему не садились, стоя друг против друга. Миранда все больше расслаблялась, побежденная силой собственных переживаний.

— Что ж, — устало сказала она, — алмазы помогли решить еще один вопрос. Я гадала, чем объяснить исключительную преданность вашей команды. Теперь я понимаю, что они верны алмазам, а не вам.

Он не ответил и даже глазом не повел.

— Вы не опасаетесь, что вас схватят?

— Постоянно опасаясь. Немцы патрулируют берег на военных катерах — «Пантера», «Хабихт» и «Кондор» — вот почему я держу на борту «гочкис». — Он увидел удивление в ее взгляде. — А вы не заметили пулемет? Я рад, что, по крайней мере, хоть что-то у меня хорошо закамуфлировано. А как вы вообще догадались о моем бизнесе?

— Это было нетрудно, стоило лишь немного подумать. «Корсар» останавливался по пути туда и по пути обратно — высадить, а потом забрать матросов, которые добывали алмазы, пока мы были в Людерицбухте. Затем вы отослали алмазы домой с голубями, чтобы обойти южно-африканский закон, запрещающий лицу, не имеющему лицензии, владеть незарегистрированными алмазами. Также на «Корсаре» гораздо лучший двигатель, чем вы утверждаете, что помогает сэкономить время и обмануть подозрения портовых властей Кейптауна. Видите, не нужно быть гением, чтобы разгадать загадку вашего «понемножку того»... — Миранда сделала паузу. — Но я скажу вам, капитан, что меня взбесило по-настоящему, — тихо сказала она. — Не только контрабанда, хоть она мне и отвратительна, а

то, что вы осмелились заниматься этим, когда я находилась на борту. Я, может, и глухая, капитан Деверилл, но это еще не означает, что я идиотка.

Рэйф шагнул к ней, но она шарахнулась прочь, чтобы сохранить дистанцию между ними.

— Я не считаю вас идиоткой, но должен признаться — не думал, что вы сумеете понять происходящее. Я совершил ошибку, и приношу свои извинения.

В ответ Миранда швырнула на стол пачку банкнот.

— Плата за проезд, капитан! Надеюсь, вы согласитесь, что я не постояла за ценой.

Он не взглянул на деньги.

— Вы сообщите обо мне в Детективное управление по алмазам?

Миранда глядела на него, с болью сознавая, что не может совладать с чувствами. Причины, о которых она говорила, были вполне реальны, но им противостояла ужасная правда: она не могла навредить ему, потому что начала тянуться к нему... доверять ему... любить его... и присутствие этой «домоправительницы» не поможет!

— Нет, — устало сказала она. — *Вы* не стоите хлопот. — Она отошла к двери и бросила взгляд на него, на его поношенную одежду, на жалкую обстановку комнаты. — Как вы верно подметили, стоимость алмазов, которыми вы спекулируете, никоим образом не способна повлиять на индустрию.

Он не хотел, чтобы она узнала о контрабанде, но возможно, это оказалось и кстати. Ее реакция была интересна! Интересно было все, что могло пролить какой-то свет на Миранду.

По велению судьбы алмазная нить протянулась сквозь всю его жизнь, сковала его против воли. С алмазами он сталкивался на каждом повороте — Мэтью и Лора, роль алмазных магнатов в англо-бурской войне, Тиффани и Филип, Миранда и страсть Брайтов и Кортон к алмазам произвели на него столь сильное впечатление, что эта хладнокровная, циничная контрабанда стала для него грубым ответом на их одержимость.

К тому же Рэйф достаточно знал себя, чтобы понять — его присутствие в этой части света не случайно. В Южной Африке он не завершил дел, тянувшихся еще с войны. Здесь он сбился с пути, и подсознательно надеялся, что здесь же снова сможет снова обрести его — и себя самого.

Он решил, что не допустит отъезда Миранды в Кимберли без попытки примирения: завтра ему нужно прийти на станцию проводить ее.

Кейптаунский вокзал был переполнен людьми, и Рэйфу пришлось проталкиваться сквозь толпу к платформе, откуда отправлялся поезд Кимберли — Йоханнесбург. К счастью, найти Миранду не составит труда, потому что она должна путешествовать в специальном роскошном вагоне «Даймонд Компани». Но когда Рэйф достиг барьера контролера, он вдруг осознал внезапную тишину, молчание в толпе и с удивлением повернулся, чтобы узнать причину.

К поезду на Кимберли надменно, царственно шествовала женщина в черном. Она была высокой, пальто ее было отделано соболем, а гладкие темные волосы венчала соболья шапка. Станционные огни подчеркивали блеск бриллиантов в ее ушах, когда она быстро, целеустремленно шла по человеческому коридору, который словно бы сам по себе открывался перед ней. С ней было несколько спутников, следовавших в кильватере, но никто, включая Рэйфа, их не заметил. Все глаза были устремлены только на это гордое, прекрасное лицо.

Рэйф поспешно двинулся назад, чтобы скрыться в толпе, и Тиффани Корт, не глядя по

сторонам, миновала его, оставляя после себя аромат дорогих духов. Он долго, недвижно стоял на месте. Колесо свершило полный оборот. Он должен последовать за алмазными наследницами в Кимберли, и когда они с Тиффани встретятся лицом к лицу, он произнесет только одно слово: *зачем?*

Глава двадцатая

Тиффани не хотела посещать Кимберли, но алмазы вынудили ее приехать. Безжалостно, против воли они влекли ее в Алмазный город, где она была зачата, влекли в самую сердцевину прошлого. Но в этой бездне не таилось больше чудес. Огонь угас, блеск ослабел, свет потускнел, несмотря на то, что дух не был сломлен. Тиффани облеклась в ночь, пойманная в ловушку злобной хваткой Рэндольфа и темной магией алмазов.

Стоя у окна и глядя в сад невидящим взором, она лихорадочно, неустанно крутила в пальцах грушевидный кулон. Он мерцал на бархате ее черного платья — ибо Тиффани больше не носила светлых, солнечных оттенков, ни пастельных, ни чисто белого; она одевалась в черное или насыщенные резкие цвета — алый, багряный, пурпурный и красный — символы ада, в котором она жила.

Семь лет брака с Рэндольфом Кортон не оставили видимых шрамов. Их следствием были холодность и твердость ее взгляда, горькие линии рта — и это была та горечь, что граничила с жестокостью — и непримиримая ненависть в душе. Она сознавала произошедшие с ней перемены, ненавидя гнусность и грязь, которыми окружил ее Рэндольф, и понимала, что должна вырваться из-под его власти. Возможно, что алмазы, поработившие ее, принесут ей и свободу — и все свои надежды Тиффани возложила на алмазы Юго-Западной Африки.

Антон Элленбергер пригласил их в Кимберли на свою инаугурацию, но истинной причиной этого было завершение переговоров о партнерстве для приобретения алмазных месторождений Юго-Запада, которое могло стать основой для захвата полного контроля над индустрией. Тиффани жаждала этого контроля; она всегда жаждала его, но теперь причины были гораздо сильнее, чем просто личные амбиции: в этой сделке она видела возможность сбросить власть Рэндольфа и при этом сохранить контроль над своими предприятиями.

Тиффани всегда считала себя не глупой женщиной. Она не обладала достаточной силой, чтобы сокрушить его физически, но если *она* завоюет юго-западные алмазные месторождения, то докажет свое умственное превосходство над ним.

Ее пальцы стиснули бриллиант на груди. Как далека дорога зла, куда завлек ее Рэндольф? Как далеко он сможет заставить ее пройти? Как далеко она готова пройти, чтобы сокрушить его?

Ответ, — в Кимберли. Здесь, в Алмазном городе она должна обрести свою судьбу. Это было не сентиментальное путешествие в прошлое — нет, именно прошлое было причиной, по которой она не хотела приезжать. Тиффани избегала воспоминаний об отце. Она не простила его за Энн, за Алиду, за цепь случайностей, приведших ее к трагедии. А главное, она не простила Джона Корта за то, что он толкнул ее к Рэндольфу.

Сейчас тот вошел в комнату, похожий на гладкого вкрадчивого кота — глаза, выражающие ленивую скуку, но всегда таящие в себе угрозу. Он не спал с ней уже больше года, но причина, по которой он покинул ее постель, была для нее гораздо унижительнее любых побоев.

После рождения Бенджамина она поняла, что Рэндольф хочет, чтоб она с ним боролась, и жаждет подавлять ее отвращение, поэтому стала свое отвращение скрывать, изображая полное безразличие. Она добилась еще двух беременностей — исключительно в качестве уловки избегать внимания Рэндольфа, и постепенно его визиты в ее спальню становились все реже. Затем, однажды ночью, когда он занимался с ней сексом, она испытала оргазм. Это произошло совершенно безотчетно — обычная физиология, но для Тиффани это был самый унижительный и убийственный миг в жизни.

Для Рэндольфа это была величайшая победа, абсолютный триумф, после он уже не нуждался в ней физически. По правде, он уже пресытился ее телом, его сексуальные склонности влекли его к более широкой сфере деятельности, включавшей разных женщин, пока наскучило и это, и теперь ему было достаточно удовольствий от порнографии и мастурбации. Когда он получил превосходство над Тиффани, его ярость уменьшилась, чего никак нельзя было сказать о злобещей жажде власти. Два года назад, на свой двадцать пятый день рождения, Тиффани согласно завещанию унаследовала «Корт Даймондс», но Рэндольф сохранил контроль над банком, и так ловко и хитро вел их совместные дела, что этот узел никак нельзя было распутать. Он не был уверен, что дает ему большее удовлетворение — его власть, пронизывающая весь ее бизнес, или скрытый испуг в ее взгляде, выдающий страх, что он возжелает возобновить с ней плотскую связь.

— Письмо от Антона, — сказал он, протягивая конверт, — приглашение на ужин. По крайней мере это извиняет, хотя бы отчасти, его отсутствие на вокзале, когда мы приехали.

Тиффани выхватила у него конверт, изучила, и увидев, что письмо адресовано мистеру Рэндольфу Карту, в бешенстве швырнула его на постель. Неужели Антон Элленбергер никогда не усвоит, с *чьей* алмазной компанией он имеет дело?

Углы рта Рэндольфа дернулись в улыбке — он верно истолковал причины ее поступка.

— Однако, — продолжал он, — это не объясняет, почему он арендовал этот дом, вместо того, чтобы принять нас у себя или снять номер в отеле.

Тиффани пожалала плечами.

— Какая разница? Для меня весь город выглядит как сплошная помойка.

Он не ответил прямо.

— Обычно дом арендуют для продолжительного визита, но я планирую остаться здесь самое большее на неделю. После наших переговоров в Нью-Йорке соглашение не заставит себя ждать.

— Я удивлена, что ты вообще принял приглашение Антона. Обычно ты не позволяешь себе выбраться из-за рабочего стола больше чем на два дня.

— Мне нужен отпуск, — вкрадчиво сказал он. — Все эти сложные, утомительные подвижки к банковской реформе страшно изматывают, и теперь, когда Федеральный финансовый акт благополучно внесен в законодательство, я чувствую, что должен отдохнуть.

— Отдохнуть! — фыркнула Тиффани. — Черта с два тебе нужен отдых! Ты поехал в Кимберли, потому что не смеешь выпустить меня из поля зрения. Ты не допустишь, чтобы я одна прекрасно справилась с делом.

— Мне неприятно, дорогая, наносить удар по твоему самолюбию, но Антону Элленбергеру необходим я, а не ты. Он нуждается в финансовом обеспечении. Иными словами, ему нужен мой банк, а вовсе не твоя алмазная компания.

— Право, Рэндольф, даже ребенок в возрасте Бенджамина способен понять, что «Корт Банку» придется вкладывать деньги в «Корт Даймондс», а не инвестировать их в алмазные

россыпи непосредственно. Я намереваюсь стать партнером Антона в достижении контроля над индустрией. Алмазы — мои, и не забывай об этом!

— Риск — благородное дело. Ты довольно часто это повторяешь. — Он наблюдал, как она раскрывает драгоценный портсигар, зажигает сигарету и яростно утягивается, чтобы успокоиться. — Почему тебя расстраивает, что я тебя сопровождаю? Я что, стесняю тебя в чем-то? — И он со значением поглядел на постель.

Он соблюдал их молчаливый договор, игнорируя эпизодические интрижки, которые она завязывала в своей студии в Гринвич-Виллидже. Удивительно, но с тех пор, как он прекратил с ней сексуальную связь, его все больше привлекала мысль о Тиффани в постели с другими мужчинами. Ему бы хотелось услышать о самых интимных подробностях. А главное, ему бы хотелось посмотреть.

— О Боже! Рэндольф, что у тебя за непристойное воображение — хотя мне следовало бы к этому привыкнуть! Секс не имеет надо мной власти, и в любом случае сомневаюсь, что Кимберли может предложить что-нибудь пригодное для постели! — Она по-прежнему стояла, дымя сигаретой, не в силах расслабиться в его присутствии. — Но даже если ты считаешь себя здесь незаменимым, я не понимаю, зачем нужно было брать с собой Полину.

— Полина нуждается в смене обстановки.

— Она могла бы получить смену обстановки, если бы осталась у нас дома и помогла твоей матери присматривать за детьми, пока мы в отъезде.

— Полине нужно проветриться — она ужасно расстроена из-за Фрэнка.

Фрэнк Уитни был совершенно раздавлен замужеством Тиффани. Несмотря на все доводы здравого смысла, он продолжал надеяться, не в силах вырваться из-под ее чар. Он запил еще тяжелее, и когда это стало отражаться на работе, Тиффани его уволила. Надо отдать ей справедливость, она не лишила его жалования и продолжала ежемесячно высылать ему чеки, но отказалась с ним видеться, будучи слишком нетерпима к человеческим слабостям, чтобы в таких случаях долго выражать симпатию или поддержку. Фрэнк же тратил все деньги на спиртное и полгода назад умер от цирроза. Тиффани после этого стала замечать порой в свой адрес резкие обвиняющие взгляды, которые считала абсолютно несправедливыми — не ее вина, если человек ведет себя как последний дурак.

— Полине следует собраться с духом, — живо заявила Тиффани. — Фрэнк никогда не имел ни малейшего желания на ней жениться, да и потом никого не было. Она должна быть благодарна за то, что имеет, — мой отец достаточно ее обеспечил, хотя с чего он обязан был беспокоиться — не понимаю.

— Скупиться на такую малость, дорогая? Неужто скромная рента Полины разорила тебя? Если так — а это, конечно, полная чепуха, вспомни о прибыли, которую приношу я. Вскоре я удвою состояние, оставленное твоим отцом.

— И тебе придется передать его мне для инвестиций в алмазы Юго-Запада.

— На твоём месте я бы оставил такой личный подход к делу.

— Ты — мой банкир, не более того!

Рэндольф сохранял спокойствие, будучи уверенным в своем превосходстве над ней.

— Я верю, что, сегодня вечером на приеме у Антона ты выступишь со мной одним фронтом. Маловероятно, чтобы твоя резкость и недостаток пронизательности произвели выгодное впечатление.

— Не указывай мне, как вести себя в подобных обстоятельствах! Конечно, перед Антоном я сохраню внешние приличия.

— Отлично! В конце концов, — и он улыбнулся, — мы — одна команда.

Команда! Только в одном пункте, Рэндольф, подумала она, в одном определенном, хрупком пункте. Вслух же сказала: — Надеюсь, что других гостей не будет.

Дом Брайтов казался дворцом в старательском городе, когда Мэтью построил его в середине семидесятых, но он не шел ни в какое сравнение ни с Брайтуэллом, ни с особняком на Парк-Лейн. Да и по современным стандартам Кимберли это неуклюжее одноэтажное строение было скромным, но когда Миранда бродила из комнаты в комнату, то радовалась, что оно сохранилось после осады, не было снесено или перестроено. Здесь Мэтью и Энн жили в первые годы своего брака. Здесь родилась и умерла их маленькая дочь Виктория, здесь родился Филип и прожил последний год до рокового путешествия на Юго-Запад, и сама она жила здесь несколько месяцев, когда буры осадили город.

Миранда пыталась вспоминать, но испытывала лишь смутные ощущения чего-то близкого и знакомого.

Она вышла в сад. Где-то здесь был убит дядя Николас, когда дом подвергся артиллерийскому обстрелу, и поблизости была землянка, где они прятались... Теперь лужайка была гладкой, и никаких следов тех дней не сохранилось, но, может, чувствуется какое-то духовное их присутствие? Впечатались ли события той пионерской эпохи в стены дома или разлились в воздухе? Осталась ли здесь печать Мэтью? Миранда стояла в саду, пытаясь оживить историю семьи, но она не знала, что Джон Корт делил этот дом с ее родителями и что в этом самом доме была зачата Тиффани.

После полудня она получила записку Антона с приглашением на вечер. Она предполагала, что увидит его на вокзале, но мистер Памбертон, секретарь «Даймонд Компани», быстро провел ее из купе в поджидавший автомобиль. Уж здесь-то недостатка в ковровых дорожках не будет, язвительно подумала она, когда подобострастные служащие расчищали ей дорогу в толпе. В доме ее ожидала огромная куча конвертов и визитных карточек.

— Не каждый день в город приезжает дочь председателя совета директоров, — заявил Пембертон, улыбаясь ее изумлению. — Вы будете завалены приглашениями и изъявлениями гостеприимства.

— Я не понимаю... — Она была так поглощена истинной целью своего приезда, что не предусмотрела возможности других обязанностей. Более всего Миранда хотела бы, чтобы ее оставили в покое, чтобы она смогла как следует продумать встречу с Антоном. — Время моего пребывания не определено, — и программа его в руках мистера Элленбергера. Я бы не хотела никого обижать, но боюсь, что мне придется отклонить большинство предложений.

— Вы встретитесь почти со всеми этими людьми на общественных мероприятиях, которые организует Элленбергер. Однако вы, естественно, захотите посетить Шахту, и меня делегировали сопровождать вас.

— Нет, нет... Вы очень добры, но у меня не будет времени.

— Не будет времени посетить Шахту? — Пембертон в изумлении уставился на нее; Шахта — знаменитая Большая Дыра Кимберли, крупнейшая рукотворная шахта в мире, для большинства людей была основной причиной посетить город.

Миранда не могла объяснить своего страха перед ней. Она понимала, что в таком маленьком городе как Кимберли, она не сможет избавиться от доминирующего влияния Шахты, но надеялась, что сумеет избежать самой Большой Дыры и зрелища подземных работ.

— Я видела ее раньше, — довольно резко произнесла она. — Но если я передумаю, то дам вам знать.

К вечеру она оделась в простое платье из кремового шифона в стиле ампир, с высокой талией и пышными оборками на юбке, отделанными серебром. От волнения к горлу подкатывал ком. Не глупи, увещевала она себя. Антон — старый друг. Но облегчает или затрудняет старая дружба ее задачу? Миранда не была уверена — она знала только, что Мэтью надеется на нее. Однако вечером ей было бы намного легче, если бы они с Антоном были наедине — она ненавидела большие сборища.

Но окна резиденции Антона сияли светом, снаружи был припаркован автомобиль, а еще один подъезжал к крыльцу. Снимая пальто, Миранда смирилась с мыслью, что попала на прием, но это обстоятельство ушло в тень перед другим — Антон жил в исключительно впечатляющем доме. Она задумчиво нахмурилась. Ей было известно, что он создал в Кимберли выгодный бизнес и владел акциями золотых шахт на Рифе, но, оказавшись лицом к лицу со зримыми доказательствами его успеха, она впервые спросила себя — а каким образом он создал первоначальный капитал? Или он был крайне бережлив в те годы, что служил в «Брайт Даймондс», или ему подвернулся чрезвычайно удачный шанс.

Изменился не только финансовый статус Антона Элленбергера: облик и манеры человека, вышедшего ей навстречу, не имели ничего общего с тем застенчивым клерком, которого она знавала в Лондоне. Даже в последнее время, несмотря на его выросшее состояние, в Антоне оставалось нечто, делавшее его нежеланным для лондонского светского общества. Он не был блестящ, остроумен, красив или высокороден, и в британских высших сферах его по-прежнему не принимали. Во время его визитов в Лондон они с Мирандой встречались исключительно за скромными трапезами, и теперь она была изумлена уверенностью, которую он ныне излучал. Прежняя аура приниженности исчезла.

— Миранда! — Он взял ее протянутую руку и задержал в своей несколько дольше, чем требовала необходимость. — Для меня огромная честь, что вы приняли мое приглашение. — Как обычно, он говорил с ней по-немецки.

— Чепуха! Я бы не отказалась ни за что на свете! — Она улыбнулась ему с неподдельной теплотой, чувствуя, что он искренне рад ее видеть. — Поздравляю с избранием!

— Благодарю. К несчастью, перед выборами мне пришлось потерять доброго друга.

— Да? — Через открытые двери Миранда видела, что в гостиной собралось несколько человек, и сознательно стремилась продлить свой тет-а-тет с Антоном, оттягивая пытку общения с посторонними.

Кимберли получил статус города в 1912 году, когда слился с округом Биконсфилд. Я стал интересоваться местной политикой с того самого времени, как здесь поселился, и даже избирался в городской совет. Но тем не менее был удивлен, что именно меня выбрали мэром, когда мой предшественник и мой друг, — как я уже упоминал — неожиданно скончался пару месяцев назад.

— И вы найдете время исполнять возложенные на вас обязанности?

— Найду, — тихо ответил Антон. — Кимберли был добр ко мне, и я должен сделать дай него что-нибудь взамен.

Миранда кивнула и неохотно позволила увлечь себя в гостиную. Она не узнала никого из гостей, однако заметила почтительность, с какой был встречен их приход, и что почтительность эта была адресована не ей. В Кимберли Антон Элленбергер являл собой

персону!

— Еще раз благодарю вас, Миранда, что вы приехали. Должен сознаться, я не очень верил, что сэр Мэтью отпустит вас в такое путешествие.

— Почему?

— У меня создалось впечатление, что я не пользуюсь его симпатией. — Антон слегка развел руками, словно извиняясь. — Чувствую, что он был недоволен, когда я ушел от него.

— Отец очень высокого мнения о ваших способностях и ценит то, что вы много лет отдали «Брайт Даймондс», — возразила Миранда. — И я уверена, что он мыслит достаточно трезво, чтобы понять стремление человека, желающего начать собственный бизнес. Кроме того, отец...

Она резко осеклась, ибо почти готова была объявить ему об одержимости Мэтью идеей династии, где его семья и его имя должны сохранять контроль над империей и где посторонний, вроде Антона, мог служить лишь хранителем фамильных интересов. Нет, быстро подумала она, этого нельзя говорить, нельзя говорить слишком много *ни о чем*.

— Вы извините меня, если я ненадолго отлучусь? Мои опоздавшие гости!

Миранда отошла к окну, стремясь хоть немного побыть одной, тревожно сознавая, что ужасное испытание приветствиями начнется слишком скоро. Дело было не в том, что она забывала лица и имена — просто в толпе она не могла определить, кто заговорит следующий, а значит, видеть губы собеседника. В толпе Миранда быстро теряла нить разговора.

Она почувствовала прикосновение к руке, и, повернувшись, увидела, как Антон говорит ей:

— Я хочу, чтобы вы кое с кем встретились... но, возможно, дамы помнят друг друга?

Миранда изобразила улыбку, и ее взгляд медленно переместился с Антона на лицо новоприбывшей. И тогда улыбка застыла на ее губах, а стены комнаты начали кружиться.

Тиффани весело вошла в дом, скрывая разочарование от того, что они не останутся с Антоном наедине. Она рассыпалась в любезностях перед хозяином и всплыла в гостиную с ним под руку — этакая изысканная, светская американка, дарующая милости и честь своего общества жителям жалкого колониального поселка. Как и Миранда, она носила парижское платье, но на Тиффани оно было новейшего фасона: замысловатые темно-лиловые складки струилась с плеч, свободная легкая накидка лилово-багряного цвета крепилась на черных бретельках с бриллиантовыми застежками и спадала коротким шлейфом. На голове у нее был роскошный черный тюрбан, отделанный лиловым и багряным. Эффект был потрясающий.

Когда Антон подвел ее к белокурой девушке, стоявшей к ним спиной, Тиффани машинально отметила ее платье. «Хорошего качества, решила она, — но очень скучное».

Секундой позже Тиффани уже не видела ничего, кроме этого лица, синих глаз и золотых волос, так сильно напоминавших о Мэтью Брайте.

Они снова были в холле на Парк-Лейн, где Тиффани испытала первый шквал ужаса и ненависти, отвращения и отчаяния... перед ней замелькали образы — Мэтью, Энн, Филип, отец... и Миранда, и все, что Филип рассказывал ей о Миранде, когда лиловые глаза впились в синие, они снова и снова переживали те страшные минуты... Тиффани — агрессивно, Миранда — инстинктивно защищаясь, потому что не понимала...

Тиффани видела сестру Филипа, *свою* сестру, и не могла с этим смириться. Филип был

мертв, и, Господи, помоги ей, она вздохнула с облегчением, когда узнала об этом, потому что его уход способствовал тому, чтобы навсегда похоронить эту жуткого историю. *Это никогда не происходило!* Она преуспела в том, чтобы стереть все мысли и воспоминания о Филипе — если в Рэндольфе и было что-то хорошее, так это то, что он не позволял загружать свою голову старыми историями. Господи, если бы Рэндольф только раскопал, что она незаконнорожденная и что она виновата в кровосмешении со своим сводным братом — тогда бы не было спасения из-под его власти! Но он не мог узнать, Тиффани была уверена, что Мэтью не рассказал об этом никому, даже Миранде. Постепенно она вновь овладела своими чувствами и румянец вернулся на ее щеки.

Миранда видела только один тревожный, деструктивный момент, уязвлявший ее исключительную чувствительность. Она ощущала себя беззащитной перед такой силой характера и униженной перед столь безграничной красотой ибо теперь она видела то, чего не сознавала при их предыдущей встрече: Миранда была уверена, что смотрит на женщину, которую любил Рэйф Деверилл.

Все это заняло секунды, и не было замечено никем из присутствующих — никем, за исключением Рэндольфа.

— Конечно, мы встречались, — сказала Тиффани. — Какой приятный сюрприз — встретить вас здесь, мисс Брайт.

Губы обеих дочерей Энн сложились в пристойные вежливые улыбки, но взгляды оставались холодными.

— Что кривело вас в Кимберли, миссис Корт? — мягко спросила Миранда.

— О, я уверена, что причина моего визита — та же, что и ваша! — губы Тиффани искривились. — Приглашение Антона. Какой очаровательный жест, Антон, — пригласить нас обеих на ваши общественные торжества!

— Не очаровательный, просто вполне логичный и бесконечно приятный для меня, — спокойно ответил Антон. — Две алмазные наследницы в Кимберли, городе, который помогли основать их отцы. Мне это казалось абсолютно необходимым, а моя инаугурация в мэры — всего лишь подходящий предлог.

— А это, — язвительно сказала Тиффани, — самое правдивое утверждение, сделанное вами сегодня! — И вздрогнула, когда Рэндольф больно стиснул ее руку.

— Не глупи, — прошипел Рэндольф, пока Антон вел Миранду к другой группе гостей. — Сохраняй холодную голову. Ты уже дважды выдавала себя.

— Дважды? — Она бросила на него резкий взгляд.

— Твое смущение при встрече с Мирандой Брайт было очень заметно. Похоже, ты восприняла старинную вражду своего отца с Брайтами серьезнее, чем я полагал. Или, — он улыбнулся, — я чего-то не знаю?

У Тиффани пересохло в горле.

— Я смутилась только по одной причине! Антон пригласил Миранду и меня, потому что мы соперницы. Он владеет или почти владеет тем, чего мы обе хотим получить — алмазными россыпями Юго-Западной Африки, — и он возвращает наше соперничество по очень простой причине — когда двое добиваются одной и той же вещи, ее цена возрастает!

— Ты все крайне упрощаешь. Такое развитие событий означает только то, что в предложении, которое мы намеревались сделать, пропущен какой-то важный момент. Мы вернемся к первоначальному предложению, и ты можешь предоставить это мне, чтобы найти свою ошибку и исправит ее.

Тиффани прикусила губу, чтобы предотвратить взрыв негодования. Предоставить ему! Да ни при каких обстоятельствах! Такое развитие событий означает, что ей придется иметь дело с Рэндольфом и Мэтью, — поскольку Тиффани не воспринимала Миранду как личную угрозу, она видела лишь всеподавляющую фигуру Мэтью Брайта, стоящего за дочерью. На один миг Тиффани дрогнула, — сможет ли она переиграть двух блестящих мужчин. Да, сможет, потому что *должна!*

Взирая друг на друга, обе — и Тиффани, и Миранда, были рады, что Антон, сидевший между ними во главе стола, доказал, что он превосходный хозяин, и вел беседу, позволяя им избегать прямого столкновения. Передышка давала время примериться к изменившимся обстоятельствам и изучить друг друга.

Антон с язвительным сарказмом обрисовывал структуру местного общества.

— На самой верхушке — директора «Даймонд Компани», — провозгласил он, глядя на Миранду, — которые по рангу где-то рядом с Господом Богом, но выше или ниже — неизвестно!

Миранда присоединилась к общему смеху, радуясь возможности хоть немного расслабиться, но она сомневалась, что когда-нибудь осмелится пересказать эту шутку Мэтью.

— Далее следуют высшие чиновники «Даймонд Компани», за ней — алмазные дилеры, — здесь Антон скромно поклонился. — Затем врачи, юристы, управляющие банком и, наконец, остальные, классификации не подлежащие. Однако эти молодые люди могут быстро продвинуться в табели о рангах, если правильно сумеют выбрать себе даму сердца. — Он заговорщически улыбнулся Полине Корт, намекая, что именно *ее* осаждали бы подобные смельчаки и что счастливый обладатель ее милостей быстро поднялся бы вверх по иерархической лестнице.

Полина застенчиво улыбнулась в ответ. Она оставалась такой же коренастой и по-прежнему предпочитала не идущий ей розовый цвет, но пухлость ее исчезла, и основной причиной тому послужило нравственное падение Фрэнка Уитни. Она понимала, что Фрэнк не был особенно достойным или разумным человеком, но именно с ним она связывала надежды на брак, не только из-за искренней привязанности к нему, но еще и потому, что он был ее единственным шансом. Теперь она смирилась с участью старой девы, но иногда, глядя на Тиффани, Полина гадала, сможет ли она когда-нибудь простить ее.

Поэтому Полина с явным удовлетворением отметила, что этот симпатичный, вежливый мистер Элленбергер ловко поставил Тиффани на место.

— Миранда, пойдете, посмотрим на старую фотографию Кимберли, которую я недавно приобрел. Там можно различить офис сэра Мэтью на главной улице. Надеюсь, остальные гости будут настолько добры, что простят наше десятиминутное отсутствие?

Антон провел Миранду к двери, позволив наблюдающей за ними Тиффани заметить фамильярность, с которой он держал руку Миранды, и то, как доверительно они беседовали по-немецки.

Фотография была в точности идентична той, что Мэтью держал в своем лондонском офисе, — обстоятельство, с которым Антон, бывавший там тысячу раз, должен быть прекрасно осведомлен. Миранда села за стол, готовясь приступить к игре. Впрочем, Антон сам любезно разрешил проблему.

— Вы довольны своим путешествием на Юго-Запад?

— Очень. — То, что Бюро сообщило о ее визите, подчеркивало близость связей между

германскими властями и Антоном Элленбергером. — Но то, что я увидела и узнала, также и тревожит меня. Потенциал тамошних месторождений не определен — во всяком случае тем, кто не принадлежит к Бюро, он не известен, а цифры по их добыче сильно расходятся между собой. Если Британия вступит в войну с Германией, соглашения моего отца с Бюро будут аннулированы, но всем участникам нашего бизнеса жизненно необходимо, чтобы продукция Юго-Запада продолжала оставаться в разумных пределах.

— Лимит на продукцию жизненно необходим «Даймонд Компани» и, в особенности, Синдикату. Так ли уж это необходимо каждому, связанному с индустрией, я не уверен.

— Но это, конечно же, так! Может пострадать каждое из ответвлений индустрии — от самих добытчиков до дилеров, ювелиров, скупщиков, торговцев и инвесторов — потому что *цена упадет*. Даже последний перекупщик не захочет, чтоб это случилось, потому что — где же тогда удовольствие и престиж от обладания прекрасными бриллиантами, если все, вплоть до прачек и мусорщиков, нацепят на себя эти побрякушки!

Антон улыбнулся ее горячности и тому словесному обороту, который она употребила.

— Ну такому Синдикат никогда не позволит случиться. Миранда, когда мы с вами сживали в классной комнате на Парк-Лейн и беседовали об алмазах, как я определил роль Синдиката?

— Нужно всегда иметь под рукой необходимый капитал для того, чтобы скупать добываемые алмазы, — медленно произнесла Миранда. — Во времена перепроизводства или спада Синдикат должен продолжать эту скупку, чтобы сохранить стабильность рынка, даже если это влечет за собой замораживание приобретенных алмазов.

— Верно, все так и происходит. Добытчики выкапывают алмазы из земли, в то время как Синдикат снова погребает их в лондонских подвалах. И вы все еще думаете, что перепроизводство вредит *добытчику*?

Миранда не ответила. Мысль ее продвигалась медленно, болезненно, пытаясь достигнуть логического завершения.

— Между прочим, — продолжал Антон с величайшей деликатностью, — скупки, проведенные Синдикатом в предыдущие годы, должны были... несколько *истощить* ресурсы его членов.

Рядом, всего в нескольких шагах, ярко пылал огонь в камине, но Миранда ощутила неожиданную дрожь. Все, что должен делать владелец юго-западных россыпей — это продолжать добычу, будучи абсолютно уверен, что его продукция будет все равно скупаться Синдикатом. Беспринципный владелец приисков может фактически разорить финансистов Синдиката и таким образом начать диктовать «Даймонд Компани» условия и использовать ресурсы Компании, чтобы продавать свои акции. Это была угроза, которой она прежде не осознавала полностью — угроза не просто Компании и индустрии, но главным образом ее отцу.

Антон нельзя назвать беспринципным, с сомнением подумала она, но у него оказалось амбиций больше, чем она представляла. И если он заключит союз с Кортами... Миранда вздрогнула. «Беспринципные» — даже недостаточно сильное слово по отношению к Тиффани и Рэндольфу.

— Наличные ресурсы Синдиката испытывают некоторый прессинг, но он располагает такими суммами, чтобы предотвратить нежелательный оборот событий. Мой отец, к примеру, не испытывает трудностей в предоставлении финансов, необходимых для покупки и развития юго-западных россыпей, если найдет подходящего партнера, конечно.

— Конечно, — улыбаясь, согласился Антон.

Миранда заколебалась, не уверенная, что можно преступить границы своих полномочий. Мэтью ожидал от нее доклада о ситуации, а не проявления личной инициативы, однако неожиданное появление среди действующих лиц Тиффани Корт, разумеется, все меняло.

— Мне кажется, — медленно сказала она, — что если «Брайт Даймондс» заключит союз, чтобы иметь право голоса на Юго-Западе, это предприятие может принести партнеру долю в акциях «Даймонд Компани» и место в совете директоров. — Она встала, открыла дверь кабинета, вспомнив беседу за столом, добавила: — Директор «Даймонд Компани» — должность ниже Бога всего на одну ступеньку.

Антон взял ее за руку и мягко произнес по-немецки:

— Даже без того, чтобы положить глаз на подходящую даму?

Она улыбнулась.

— Некоторые мужчины — но только очень немногие — могут получить и то и другое.

Он поднес ее руку к губам, но затем, после короткого размышления, легонько поцеловал ее, на континентальный манер, в обе щеки.

— Это была очень интересная беседа, — сказал он, — и я надеюсь продолжить ее, когда мы увидимся завтра.

Миранда ушла, даже не возвращаясь в гостиную. Дома она уселась на пол перед камином. Потрясение от встречи с Тиффани несколько улеглось, и теперь казалось даже, что ситуация не могла сложиться по-иному: обе богатые наследницы пионеров Кимберли готовились к борьбе за новое Эльдorado, сражаясь в том самом городе, где некогда все начиналось. Или это нечто большее, чем алмазы Юго-Западной Африки?

Она смотрела в огонь. Нравится это Мэтью или нет, но она здесь на месте и должна что-нибудь делать. Она сделала открытое предложение, основанное на ее главном преимуществе перед Кортами — влиянии Мэтью и его тридцатипроцентном пакете акций в «Даймонд Компани». Сомнительно, что потребуются набавлять цену, но торопиться не следует, ибо Антон будет счастлив выжать из ситуации все возможное — для этого он их и пригласил. О Филиппе, взмолилась про себя Миранда, как ты мог так катастрофически ошибиться в оценке месторождений Юго-Запада. Если бы ты не послал папе неверную деформацию о Юго-Западе, этого бы никогда не случилось!

Она поднялась и стала переходить из комнаты в комнату, ища вдохновения и поддержки, словно какие-то флюиды делового чутья ее отца, которое никогда не подводило его, могли остаться в атмосфере этого дома.

У Тиффани есть Рэндольф, и он, кажется, вполне способен оказать ей существенную поддержку. По правде говоря, он показался ей человеком, способным на все. А у нее совсем никого нет. Бродя по пустому дому, Миранда чувствовала себя одинокой, совершенно одинокой.

Под предлогом посещения ванной Тиффани расположилась в прихожей, между холлом и гостиной, откуда надеялась подглядеть за Антоном и Мирандой. Она видела, как открылась дверь кабинета, и могла наблюдать сцену их прощания. Ее глаза задумчиво сузились, но она решила ничего не говорить Рэндольфу о увиденном. Каждая крупинка добытой информации должна быть полезна именно ей самой.

— Можно восхититься, как Миранда Брайт владеет своей речью, — заметил Рэндольф.

когда она вернулась к нему, — а также ее несомненным очарованием.

— О, я не сомневаюсь, что ее очарование должно прийтись тебе по вкусу, Рэндольф, — промурлыкала Тиффани. Она вдруг представила себе Миранду, подвергающуюся побоям Рэндольфа, и эта мысль доставила ей удовольствие. Тиффани не забыла пагубной склонности Миранды к чтению чужих писем. — Однако она может оказаться слишком слаба для некоторых твоих привычек. С другой стороны, ее невинный вид не должен вводить в заблуждение. Когда-то я говорила, что она не выглядит способной противостоять мне, но теперь я в этом не уверена.

— Ты действительно это говорила? Кому и при каких обстоятельствах?

— Это неважно, — отрезала Тиффани, проклиная себя за необдуманные слова. — Важен лишь безусловный факт: Антон отдает предпочтение ей.

— Нет. Он настраивает одну партию против другой, точно так, как поступил бы я на его месте. Имей терпение, дорогая. Близится наш черед.

И верно, когда другие гости устремились к выходу, Антон дал знак Рэндольфу, что им следует задержаться.

— Вы изучили содержание моего последнего меморандума?

— Во всех подробностях. Потенциал юго-западных россыпей выглядят впечатляюще. — Рэндольф осторожно подбирал слова и, как всегда, не переходил грани благоразумия. — Мы можем полагаться на представленные вами данные?

— Я вынес их из личных впечатлений, полученных во время предыдущего визита в закрытую зону, и обсуждая каждый аспект с моими консультантами по геологии и инженерным работам. Нет сомнений, что алмазные россыпи Юго-Западной Африки... — Антон сделал паузу, затем пожал плечами и тряхнул головой. — Я собирался сказать, что они неистощимы, но это, конечно, не совсем соответствует истине. Но их хватит на нашу жизнь и еще внукам останется. Алмазы могут оказаться и в море, вдоль побережья, — продолжал он, — и когда-нибудь мы будем обладать техникой, способной поставить преграду волнам, и станем собирать алмазы прямо со дна океана.

— Но качество камней не изменится?

— Несомненно. Как вы видели из образцов, представленных мною в Нью-Йорке, качество превосходное и добыча содержит исключительно большой процент камней высокой ценности.

— Хм... — Рэндольф откинулся в кресле с прямой спинкой: локти на высоких деревянных подлокотниках, пальцы сжаты. — Существует еще и политический аспект. Мы уже обсуждали его, когда вы были в Нью-Йорке, но вы по-прежнему утверждаете, что, если англичане получают контроль над территорией после войны с Германией, производителей не будут принуждать к торговле по определенным властью квотам?

Антон помедлил. Он не хотел открывать все карты, сообщая Рэндольфу, что южно-африканские власти против абсолютной британской монополии в алмазной индустрии. Рэндольф должен верить, что сделка с Мэтью Брайтом вполне возможна.

— Я уверяю вас, что если немцев вытеснят с Юго-Запада, территория будет управляться из Претории, а не из Лондона. Так случилось, что южно-африканский министр добывающей промышленности — мой ближайший друг, — добавил он.

Во взгляде Рэндольфа мелькнуло понимание.

— Я так и думал.

Рэндольф обдумал и просчитал сделку еще до отъезда из Нью-Йорка, и даже

неожиданное присутствие Миранды Брайт не могло помешать ему добиться самых выгодных условий. Конкуренция означала, что Рэндольфу придется больше *предложить*, но вовсе не значила, что он должен *получить* меньше.

— Сами по себе алмазы могут быть слишком рискованной игрой, — произнес он самым менторским тоном. Он глянул на Тиффани, ожидая протеста с ее стороны, но та с отсутствующим видом смотрела в пространство. — Сделка должна быть связана с другими вашими проектами — золотыми копиями в Ист-Рэнде. Если торговля алмазами чрезвычайно чувствительна к колебаниям мировой экономики, то есть еще неограниченный и достаточно стабильный рынок золота.

— Я намереваюсь создать холдинговую компанию для поддержки моих интересов в добыче золота и алмазов. Будет выпущен миллион акций, из которых я и мои южно-африканские партнеры сохраним за собой пятьдесят один процент, а остальные будут предложены инвесторам, таким, как вы, по цене семь фунтов стерлингов. Это принесет приблизительно три с половиной миллиона фунтов. Вдобавок нам потребуется дополнительный капитал в виде займа, и мы будем искать его в Америке.

— Удивительно, как мало американских инвестиций вложено в Южную Африку, — заметил Рэндольф, — в сравнении со вкладами, сделанными нашими инженерами. Были личные инвестиции, но очень незначительные, со стороны таких людей, как например Джон Корт, однако ничего ценного.

— Удивительно, — согласился Антон, — но так уж случилось. Это оставляет широкое поле деятельности, открытое для вас, Рэндольф.

Губы Рэндольфа скривились. Он обнаружил то, что Миранда поняла час тому назад: Антон Элленбергер избрал такую манеру делать предложение, что оно выглядело скорее выгодным интересам партнера, чем его собственным.

— Итак, вы используете свою холдинговую компанию как трамплин для авантюры с алмазами, — заключил он. — После получения прибыли от инвестиций в юго-западные россыпи, вы на этой базе создадите целую сеть компаний — афро-американское партнерство станет новой и могущественной силой в мире добывающей промышленности и покончит с британским превосходством. — Рэндольф кивнул, испытывая дрожь возбужденна от подобной перспективы. — Я думаю, что не солгу, если скажу, что с финансовой стороны это возможно, — тихо добавил он.

Они с Антоном обменялись улыбками. Каждый превосходно понимал позицию другого. Как Миранда, Рэндольф сделал открытое предложение. Теперь Антон будет ждать, пока обе стороны изучат возможности свои и противника, и примет ту цену, которая окажется выше.

Тиффани сидела очень тихо — опасно тихо. Она полностью игнорировала беседу. Пусть себе занимаются фехтованием, думала она, точнее, это больше смахивает на глупые ритуальные танцы самцов. Исход беседы сомнений не вызывал, поскольку база под него была подведена еще в Нью-Йорке. Нет, все дело в том, каким будет следящий ход. Она не могла стереть из памяти образ Антона, целующего Миранду, или забыть выражение их лиц, когда они вели разговор на немецком.

Собирается ли он жениться на ней?

Взгляд Тиффани метнулся сначала на Рэндольфа, исполнившись злобы, ибо его существование лишало ее такой же козырной карты, как у соперницы. Ох, какие виды открылись бы перед ней, если бы она не была связана с Рэндольфом! Затем она взглянула на Антона. Он, решила Тиффани, человек, способный заключить брак по расчету при наличии

достаточного стимула. В данных обстоятельствах Тиффани считала, что с финансовой стороны предложение Кортов более выгодно, чем Брайтов, но она была вынуждена признать, что Миранда несомненно обладает личной привлекательностью.

Все упирается в Миранду.

Она ошиблась, недооценив Миранду, думая, что сражаться придется только с Мэтью. Честно говоря, хотя присутствие Миранды и создавало некоторые трудности, выгоды в ситуации тоже были. Тиффани теперь видела, каким образом она может получить превосходство над Рэндольфом и самой получить эти алмазы.

В ее голове уже начала формироваться идея, стремясь выплеснуться наружу... но пока вынашивается план, она должна разобраться с намерением Антона жениться на Миранде которое, возможно он имеет. Он человек практичный, с амбициями как в политической сфере, так и в индустриальной, и нужно, чтоб он увидел — Миранда совершенно не годится ему в жены. Тем самым, размышляла Тиффани, она может убить двух зайцев: подорвав самоуверенность Миранды, она ослабит деловую хватку своей соперницы и... если бы только!

По счастью, у Миранды имелась превосходная ахиллесова пята, по которой можно было нанести удар. Миранда Брайт была глухая.

Глава двадцать первая

Во время проводимых праздничных мероприятий, Тиффани в течение двух дней внимательно наблюдала за Мирандой. Она постоянно изучала позицию Брайтов, но план противодействия их предложению еще никак не выкристаллизовался. Странно было не обсуждать откровенно проблему с Рэндольфом, ибо бизнес был единственным обстоятельством, делавшим их союз терпимым. Но теперь она должна выработать собственную стратегию. Тем временем нужно было уделить внимание и другому плану... Тиффани заметила, как смущается Миранда в толпе и как явственно расслабляется, оказываясь с кем-то тет-а-тет. Затем Антон Элленбергер сам того не желая предоставил ей отличную возможность.

— Жители Кимберли славятся своим гостеприимством, но я надеюсь, что вечером в среду вы будете свободны. Десятого июня день рождения Миранды, и я собираюсь устроить для нее маленький праздник.

— *Маленький праздник?*

— Я считаю, что обед примерно на десять персон будет вполне уместен. Нужно помнить, что Миранда...

— Миранда — дочь председателя «Даймонд Компани», — быстро парировала Тиффани, — а Компания — ось, вокруг которой вращается весь город. Кимберли вправе ожидать большего от своего мэра! Вы должны предоставить на вечер зал ратуши.

Антон заколебался. Ее речи казались ему правильными, но все же...

— Не в ратуше, — сказал он наконец. — Если убрать двустворчатые двери, разделяющие мои приемные комнаты, получится пространство не меньше бального зала.

— Превосходно. Составьте список гостей и разошлите приглашения, человек, скажем, на шестьдесят. Остальное предоставьте мне.

Она определенно замышляла что-то дурное, и Антон почувствовал укол беспокойства за Миранду, однако он и пригласил их в Кимберли затем, чтобы сравить друг с другом, и если

Тиффани углядела способ добиться выгоды — что ж, так тому и быть... Кроме того у него было глубокое подозрение, что Миранда куда сильнее, чем кажется.

— Благодарю, — ответил он. — Вы найдете, что моя домоправительница вполне знает свое дело.

В последующие сорок восемь часов ураган деятельности, поднятый Тиффани, заставил слуг буквально творить чудеса. К тому же она самолично проследила за приготовлением угощения, обшарила город в поисках зимних цветов, и добилась того, что вся мебель и столовое серебро были отполированы до зеркального блеска. Кроме того она сделала перестановку в комнатах, приказывая слугам двигать мебель то так, то сяк, пока не добилась желаемого результата.

Распахнув двустворчатые двери между гостиной и столовой, она поместила столы в одной половине импровизированного зала, оставив полукруг свободного пространства перед дверями в прихожую, по-прежнему закрытую. Главный стол располагался в центре, с трех сторон окруженный группой маленьких столиков, с четвертой же было пустое пространство, являвшее собой своеобразный амфитеатр для основных персонажей замысленной Тиффани драмы.

— Ты выглядишь очень довольной собой, — заметил Рэндольф, когда она вернулась домой. — Приготовила липучку для бедной маленькой мошки?

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Я говорю о возможности женитьбы Антона на Миранде и шагах, которые ты предпринимает, чтобы это предотвратить. — Он улыбнулся, увидев выражение ее лица. — Видишь, дорогая, я тебя знаю, и очень хорошо.

Трепет прошел по ее телу. Как ей переиграть его, когда он так явно способен читать ее мысли?

— Миранда молода и неопытна, — откровенно произнесла она. — К тому же она во многих отношениях папочкина дочка, но папочка за тысячи миль отсюда, и ей придется действовать самостоятельно. Подорви ее самоуверенность, и она сломается. Сделай это достаточно основательно, и она может даже все бросить и сбежать. Ключ к моему успеху находится в собственном характере Миранды.

— А мы все знаем, как ты превосходно разбираешься в людях, Тиффани, — сухо пробормотал Рэндольф, — особенно в женских характерах. Но — вперед, дорогая. План, кажется, превосходный.

Что в его устах, возможно, означало — в действительности он считает идею провальной, но способной отвлечь ее, пока он плетет собственные интриги. Продолжая думать о плане, Рэндольф был необычайно сдержан после встречи с Антоном, но он никогда не был ленив, и если он не обсуждает с ней свои намерения, возможно, что они связаны с «Корт Даймондс». Было бы полезно нанести тайный визит в его кабинет...

— Мы должны надеяться, — продолжал Рэндольф, — что Антон не особенно влюблен в девушку.

— Что за утверждение и от тебя! Разве не видно, что он хочет жениться по расчету, а не по любви? В конце концов, почему бы тебе так не считать? *Именно тебе?*

Он коснулся ее щеки холодными длинными пальцами, и от отвращения ее бросило в дрожь.

— Я считаю, что у тебя больше опыта в данной области, чем у меня. Если бы тебе

пришлось выбирать между алмазами и любовью, я прекрасно знаю, каково бы было твое решение. Ты даже не сочла бы такой выбор трудным.

Тиффани повернулась и взбежала наверх, к себе в комнату, где остановилась, чтобы успокоиться. Такие разговоры всегда напоминали ей о Филипе и об ее решении захватить контроль над «Брайт Даймондс». Иногда ей казалось, что Рэндольф *знает*, но, возможно, ее реакция была вызвана лишь чувством вины.

Любовь... Тиффани взглянула в зеркало, придя в восхищение от отраженных там лица и фигуры. Почему она не может обрести любовь? Почему она должна растратить всю себя на Рэндольфа и череду скучных, случайных любовников! Где же должен быть мужчина... и сердце ее сжалось при воспоминании о том единственном мужчине, которого она любила. Но Тиффани была женщиной, живущей настоящим, не прошлым. *Никогда не жалеть...* Она переоделась для приема, но, покидая дом, словно ненароком попыталась приоткрыть дверь кабинета. Та была заперта.

Бриллианты таинственно мерцали в синих, бархатных глубинах футляра. Миранда медленно взяла ожерелье в руки и подняла, так что оно заструилось сквозь пальцы потоком света. Ожерелье Брайтов, ее детская игрушка, которую она унаследовала к восемнадцати годам. Теперь бриллианты были для нее не просто детской игрушкой — они стали и символом той тяжелой ноши, что легла на ее плечи вместе с наследством. Ожерелье воплощало собой алмазы, не пробуждавшие в ней абсолютно никаких страстей. Но ими был одержим Мэтью. Оно напоминало об алмазах Юго-Западной Африки, несколько ее лично не волновавших, однако она должна была добиться их ради Мэтью.

Миранда не любила ожерелье. Оно предъявляло слишком высокие требования, диктовало, чтобы ее красота была столь же безупречна, как и блеск его бриллиантов. Оно требовало от нее слишком многого. Но сегодня вечером ей не придется одевать драгоценности Брайтов — в Кимберли, впрочем, как и везде, ей нет нужды подчеркивать свое богатство и положение. Она вернула футляр в шкатулку и достала жемчуг.

Никто не объяснил ей так следует смысл предстоящего приема, а расспрашивать было бы неловко, поскольку предполагалось, что это сюрприз. Миранда застонала. Боже, как она ненавидела сюрпризы! Но с другой стороны, насколько жалка она сама, в страхе ждущая собственный день рождения! Несчастье во мне самой, думала она, я просто несколько неинтересна. Люди добры ко мне из-за того, кто я, а не из-за того, *какая я* — и могло ли быть по-иному? И только она начала верить, что есть человек, который заинтересован в ней, а не в отце, и не в деньгах отца, как он исчез...

Рассердившись, Миранда заставила себя вернуться мыслями к Тиффани, но это ее не утешило. Несомненно, каждый будет сравнивать двух алмазных наследниц, и, как Полина много лет назад, Миранда чувствовала, что соперничество невозможно. Тиффани срывала маску уверенности Миранды, обнажая слабости, которые она так хорошо скрывала годами, абсолютное совершенство соперницы убеждало, что люди вежливы с ней самой лишь из долга, жадности или жалости к ее глухоте.

В прихожей дома Антона Миранда застыла, остолбенев от сознания того, что хотя прием дается в честь ее дня рождения, не она будет главной героиней. Все смотрели на дверь, ожидая явления Тиффани. Затем она возникла, грациозно вплыв в комнату в низко декольтированном черном вечернем платье, чья пышная юбка заканчивалась на добрых пятнадцать дюймов от пола. Бриллианты сверкали в ее темных волосах, в ушах, на шее и запястьях. Гости смотрели на нее, загнипнотизированные зрелищем нежно-кремовой груди,

выступавшей над смелым вырезом, стройных икр и лодыжек в черных шелковых чулках и блеском бриллиантов.

В этот миг, опустив глаза на свой простой наряд из белого шифона и кружев, Миранда была ошеломлена осознанием своей слишком явной неравноценности с соперницей. Недостаточно быть алмазной наследницей, нужно еще и выглядеть таковой. Публика желает, чтоб ее героини были блестящи и загадочны, хочет, чтоб они носили бриллианты, потому что жаждет сплетничать о них, завидовать им и превзойти их. О, почему, почему она оставила бриллианты Брайтов дома!

За обедом она сидела за главным столом, между Антоном и Рэндольфом, спиной к открытому пространству. Она была почти полностью деморализована и погрузилась в себя, предпринимая меньше чем обычно попыток к общению. Но даже если бы она и захотела это сделать, Тиффани как следует позаботилась, чтоб она не преуспела.

Тиффани сидела по другую руку Антона, с той же стороны, что и Миранда, зная, что глухая девушка не может видеть ее лица. И она царила за столом, перекидывая беседу, как драгоценный мячик, от гостя к гостю, поражая всех блеском своего остроумия, звуками медового голоса и одухотворенностью прелестного лица.

Чем больше говорила Тиффани, тем больше замыкалась в себе Миранда. У нее было совершенно определенное предчувствие, что должно случиться нечто ужасное — но что? Какой «сюрприз»? Она с благодарностью расслабилась на несколько минут, пока Антон встал, чтобы произнести исполнений тоста в ее честь. Она улавливала обрывки речи, когда он поворачивался в ее сторону, но тут она заметила, что место Тиффани пусто. Где она? Миранда недоуменно смотрела по сторонам на мелькающее море лиц, и тут поняла, что Антон уже сел и все кругом выжидающе уставились на нее. Но почему?

Тиффани стояла позади Миранды на пустом пространстве, образуя что-то вроде сцены, рядом со столиком на колесах, где разместился огромный именинный торт. Тиффани превосходно разыграла этот эпизод, прекрасно осознавая, какой эффект производит зрелище ее роскошной фигуры в черном платье и изумительных бриллиантов в волосах в сравнении с бледной пустоглазой соперницей.

— Миранда! — позвала она во второй раз. — Подите и разрежьте торт!

В комнате возникло движение и легкий шум. Никто не намеревался быть невежливым, но ирония заключалась в том, что Миранда пала жертвой собственной же манеры поведения — большинство людей искренне забывало, что она глухая, так естественно она вела себя в разговоре. В наступившем молчании никто не заметил, как приоткрылась боковая дверь и в комнату тихо вошел еще один человек. Он встал у стены, скрестив руки поверх элегантного выреза фрака, и стал наблюдать за происходящим.

Антон коснулся руки Миранды.

— Торт, — отчетливо произнес он. Споткнувшись, Миранда встала и повернулась назад. Она смутилась, мозг ее наполняла какофония странных звуков, и голову словно стянул тугой обруч. Тиффани держала нож для торта, и Миранда протянула руку, чтобы взять его. Но Тиффани сжимала нож за рукоятку, и прежде, чем она успела повернуть его, рука Миранды неуклюже ткнулась в острие. Лезвие лишь на секунду коснулось ее ладони, но капля ярко-алой крови упала на белую поверхность торта.

Взгляды их встретились. Для Миранды этот нож был кинжалом, нацеленным если не в ее собственное сердце, то в алмазную индустрию и ее отца. Для Тиффани пятно крови явилось ужасающим откровением: она наслаждалась им, упиваясь беспомощностью жертвы.

Собственные действия напомнили ей кого-то другого... Рэндольфа! Она становилась все больше и больше подобна Рэндольфу. Это было чудовищно, и, однако, это было восхитительно. Он все дальше увлек ее на дороге зла... Вложив ручку ножа в ладонь Миранды, Тиффани вспомнила, что сегодня также двадцатая годовщина смерти их матери. Мысль об этом была так мучительна, что она предпочла сразу же сделать еще один шаг во тьму. Она подождала, когда Миранда вернется на место, а слуги разрежут торт полностью. Тогда Тиффани хлопнула в ладони.

— Сюрприз! — воскликнула она. При этом сигнале двустворчатые двери в прихожую распахнулись, и там обнаружился знаменитый оркестр герра Рибнакира. Он грянул веселую польку, в то время как слуги бросились сворачивать ковер со свободного от стола пространства, которое вместе с прихожей образовало прекрасный танцзал.

— Антон, вы откроете танцы с Мирандой? — спросила Тиффани, ангельски улыбаясь.

Он посмотрел на нее, но видел также счастливые лица других гостей, в особенности женщин, сидящих в предвкушении неожиданного бала. Тиффани Корт была стервой, но она была прелестной стервой, и поэтому он мог простить ее. Она укрепила его репутацию в Кимберли: люди надолго запомнят прием в честь дня рождения Миранды Брайт.

Затем выражение лица Тиффани изменилось — Сара Бернар не могла бы сыграть лучше.

— О Боже! Я забыла! — громко воскликнула она, глядя в упор на Миранду, и, конечно, все сделали то же самое. — Бедняжка, я так сожалею!

Миранда побледнела, но гордость помогла ей справиться с собой.

— Я не танцую, но с удовольствием смотрю на других. Пожалуйста, Антон, откройте танцы.

Он помедлил, не желая отдавать Тиффани полной победы, а затем нашел компромиссное решение.

— Полина, вы окажете мне честь?

Полина испытывала искреннюю симпатию к Миранде, но она слишком долго пребывала в забвении, чтобы упустить такой момент. К тому же Миранда Брайт не выглядела так, будто нуждалась в утешении. Полина протянула руку Антону. Тиффани хмуро последовала за Рэндольфом. Постепенно столы опустели, и вскоре за столом Миранды остались лишь несколько нерешительно переглядывающихся гостей.

Она сидела спиной к танцующим, но даже не изменила позы и не повернула головы, слишком хорошо представляя, как прекрасно должны скользить по полу эти ноги в черных чулках и черных атласных туфельках. Она была полностью уничтожена, ибо единственное, чего она не выносила, это *жалость*. И снова чувствовала, как жалость окружающих обволакивает ее, смешиваясь со смущением и виной за то, что люди должны сидеть здесь, с ней, вместе того, чтобы развлекаться. Я должна уехать домой, думала Миранда, прямо домой в Лондон, потому что у меня нет ни единого шанса против Тиффани.

В полумраке дальнего конца комнаты человек, все это время державшийся у стены, приблизился к столу и, сев рядом с ней, коснулся ее плеча, чтобы привлечь ее внимание.

— Потанцуйте со мной, — сказал Рэйф Деверилл.

Она глядела на него в изумлении, гадая, как ему удалось проникнуть на прием и что он делает в Кимберли. Неужели он действительно последовал за ней, как обещал?

— Это невозможно, ответила она.

— Вовсе нет. Попробуйте!

— Я не могу слышать музыку.

— Зато я могу. Они играют вальс, а я буду отсчитывать такт. Вы видели, как танцуют вальс.

— Да... но только видела.

— *Почувствуйте* музыку через меня... Не паникуйте, если споткнетесь — просто делайте вид, будто это вас забавляет.

— Люди будут надо мной смеяться!

— Храбрость чаще вызывает слезы, чем смех. Доверьтесь мне — я не дам вам упасть.

— Довериться *вам!* — Глаза ее изумленно расширились.

Здесь нет больше нет никого, на кого вы можете положиться, — кроме меня. — Он встал, но когда Миранда не двинулась с места, взял ее за руки и поднял. — Тиффани нарочно делает это, — прошептал он. — *Не дайте ей победить!*

Черт побери! Что ей терять? Миранда позволила ему увлечь себя в зал.

— Забудьте, что здесь кто-то есть. Сосредоточьтесь на мне.

Когда его руки обвились вокруг ее талии, а лицо и тело оказались так близко, подчиниться было нетрудно. Миранда смотрела на его губы.

— Раз, два, три, — ритмически начал отсчитывать он. — Пошли!

Миранда спотыкалась при первых шагах, но она знала фигуры вальса, а он уверенно поддерживал ее, почти кружа над полом. Ритм, казалось, переливался из его тела в ее... Она плыла... Она танцевала! Неожиданно лицо ее вспыхнуло, и она улыбнулась так непроизвольно и радостно, что у зрителей к горлу подкатил ком. Потому что другие гости уже смотрели только на них. Сначала они застыли в изумлении при виде Рэйфа Деверилла вместе с глухой дочерью сэра Мэтью, но теперь они стояли вдоль стен и аплодировали. Одни посреди зала Рэйф и Миранда продолжали кружиться, пока музыка не утихла, и он проводил ее на прежнее место.

— Лучший способ нанести Тиффани ответный удар — это продолжать танцевать. Герр Рибнакир будет играть вальсы всю ночь, если вы захотите — это *ваш* день рождения. — На виду у всех он поцеловал ей руку. — Но вы должны быть настороже, — тихо продолжал он, — и уж в этом вы должны мне поверить, потому что никто лучше меня не знает, каким изобретательным умом обладает Тиффани Корт!

Он повернулся и его взгляд лениво скользнул по толпе, пока не упал на смертельно бледное лицо и горящие глаза. Рэйф Деверилл улыбнулся и, иронически поклонившись, покинул комнату.

При виде Рэйфа Тиффани испытала внезапный столбняк, она буквально оледенела от ужаса, и кровь сбежала с ее лица. Потрясение ошеломило своей силой, но его нужно было скрыть — любой ценой скрыть от Рэндольфа! Сохранив это холодное, гордое выражение лица, Тиффани выиграла одно из жесточайших сражений в своей жизни. Среди бури яростных эмоций Тиффани отлично сознавала, о чем, должно быть, думают, другие гости — здесь, в этой же комнате, тот самый человек, который «изнасиловал» ее. Она должна разделаться с наглецами. Люди могут сплетничать, но они не посмеют делать это за спиной Тиффани Корт!

Тиффани танцевала, стараясь не встретиться взглядом с Рэйфом, стараясь не замечать триумфального успеха Миранды. Если я еще когда-нибудь услышу звуки вальса, подумала она, я закричу.

— Тиффани, я должен принести извинения, — искренне сказал Антон. — Нет нужды говорить, что капитан Деверилл не был приглашен, но он, как оказалось, дружен с Мирандой, и мне будет трудно его выставить.

— Для меня это был шок, но теперь я в полном порядке, и не стоит поднимать шум. — Она, Антон и Рэндольф одни сидели за столом, пока другие танцевали. Тиффани сделала несколько глотков вина, чтобы успокоиться. — Так вот в какую нору он забился! Вам следовало предупредить меня.

— Я знал, что Деверилл живет в Кейптауне, но в Кимберли у него есть друзья, которых он время от времени навещает. Я понятия не имел, что он здесь — вероятно, он приехал повидать Миранду.

Это предположение ничуть не улучшило настроение Тиффани.

— Удивительная наглость, — сказала она, вымученно усмехнувшись. — Осмелиться показаться в обществе — приглашенным или нет!

— Кимберли очень далек от Лондона, и расстояние это не только географического плана. Мне противно говорить вам, что полузабытые сплетни лишь добавляют образу капитана остроты! В конце концов, никто в точности не знает, что случилось... — Антон смущенно кашлянул. — Послушайте, подробности этой истории всегда казались несколько неясными...

— Что верно, то верно, — пробормотал Рэндольф.

— Однако, — продолжал Антон, — я, естественно, дам понять, что его общество вам неприятно.

— Нет, не надо, — Тиффани соображала быстро. — Если люди здесь забыли об этой истории, лучше о ней не напоминать. Поскольку я не собираюсь говорить с ним, это не имеет значения.

— Рэндольф?

Рэндольф пристально следил за каждой сменой выражения лица Тиффани.

— При сложившихся обстоятельствах я бы предпочел, чтобы капитан Деверилл был у меня на виду, где я бы мог за ним приглядывать.

Тиффани сохраняла самообладание, пока не вернулась домой и не оказалась в одиночестве спальни. Затем, как и в тот день, когда она услышала правду о Филипе, она позволила страданиям захлестнуть себя.

Она наконец узнала то, на что Джону Карту понадобилась целая жизнь — простую истину, что твои грехи найдут тебя, твоя ложь потянется за тобой через океаны и станет преследовать тебя через страны и континенты. И без того было не слишком приятно встретиться с Мирандой, но видеть, как и Рэйф возникает из небытия... Что связывает его с Мирандой? И Рэндольф... Рэндольф не будет сидеть сложа руки. О, почему все так совпало именно тогда, когда ей нужен незамутненный ничем рассудок для самых важных маневров в жизни! Тиффани чувствовала, как голову разламывает изнутри, и вытянулась на постели, прижимая ладони к ноющим вискам.

Она жила эти дни в Кимберли, стремясь избегать всего, что было связано с прошлым ее отца, но ее настигли призраки собственного прошлого. Похоже, она была сражена полностью — не осталось больше никого, кто мог бы еще восстать из могил, которые она воздвигла в своем сердце.

Снаружи в коридоре скрипнула половица. Рэндольф? Едва смея дышать, Тиффани уставилась на дверь. Он не говорил с нею о Рэйфе по дороге домой, но в экипаже с ними

была Полина, и внезапно Тиффани обрадовалась ее присутствию, была благодарна за то, что золовка спит в соседней комнате, потому что это обстоятельство, несомненно, накладывало на Рэндольфа определенные ограничения. Она услышала, как закрылась дверь, и у нее вырвался долгий вздох облегчения. Это было так похоже на Рэндольфа — играть с ней в кошки-мышки, заставляя гадать, что он скажет и когда он это скажет, что он сделает и когда.

Но разговор с Рэндольфом — не единственное, что ее ожидает, ибо Рэйф Деверилл конечно будет искать встречи с ней. Рассвет застал Тиффани лежащей без сна, готовящейся к столкновению, которого она в равной мере страшилась и ждала.

Когда удалился последний гость, Антон направился прямо к себе в кабинет и распахнул дверь. Как он и ожидал, его кресло было занято, а на столе, рядом с полупустой бутылкой виски, возлежали ноги в желтых ботинках.

— Как только что справедливо заметила Тиффани, тебе следовало меня предупредить!

— Она так сказала? — Рэйф убрал со стола свои длинные ноги, встал и потянулся. — Я не сообщил тебе по той простой причине, что услышал о приеме только сегодня и принял решение под влиянием порыва. Кроме того, ты, возможно, не захотел бы, чтоб я пришел.

— *Возможно*, не захотел бы! Господи, Рэйф, ты мог все испортить! — Затем Антон улыбнулся. — Но, между прочим, взглянул бы ты на лицо Тиффани, когда она увидела тебя — вальсирующего с Мирандой. О, это было бесподобно!

— Хотел бы я видеть, но никто не в силах получить всего сразу.

Антон бросил на него удивленный взгляд.

— Я не знал, что ты так дружен с Мирандой.

— Разве твои шпионы в Бюро не донесли тебе, что это я возил ее в Людерицбухт?

— Нет, они не упоминали об этом, а я не допытывался, каким транспортом она воспользовалась. Рэйф, какого дьявола ты все это затеял?

Единственным ответом Рэйфа был изумленный взгляд оскорбленной невинности.

Антон в отчаянии развел руками.

— Возможно, я чего-то не понимаю — жизнь и так достаточно сложна! Но окажи мне одну любезность — удержись от того, чтобы снова раскачивать лодку!

— Как я бы мог это сделать, даже, если бы хотел?

— Чувствую, что одного твоего присутствия может быть достаточно. Серьезно, Рэйф, дело не только в Тиффани и Миранде. Я считал, что мы договорились, чтобы твои визиты в мой дом не привлекали ничьего внимания.

— Да, но это, скорее всего, мой последний визит такого рода.

— Почему?

— Если разразится война, побережье может стать чертовски негостеприимным, и, кроме того, есть подозрение, что образ моей жизни изменится. — Рэйф загадочно улыбнулся, и, убедившись, что двери закрыты, а шторы опущены, вынул из кармана кожаный мешочек. — Последний улов, — сказал он и высыпал алмазы на стол.

Антон, взяв на выбор несколько камней, внимательно изучил их, а затем сгреб все алмазы обратно в мешочек.

— Я постараюсь оценить их по возможности скорее. Тем временем, полагаю, ты возьмешь обычный задаток?

Не дожидаясь ответа, он отпер сейф, положил туда алмазы и, достав толстую пачку банкнот, протянул ее Рэйфу.

Ты, должно быть, свил где-нибудь отличное гнездышко, — заметил он.

— Драгоценнейший Антон, если бы это было правдой!

— За прошедшие пять лет через этот стол прошли огромные денежные суммы. Что ты с ними сделал? Ясно, что ты должен поддерживать свой дом и «Корсар» в столь жалком виде, чтобы избегать подозрений, но ты, кажется, вообще ничего не тратишь.

— Моя команда получает процент и кое-что сверху. А что до остального... — Рэйф небрежно пожал плечами. — Я чертовски невезуч в картах, и еще худший знаток по части лошадей. Если бы я был похож на тебя, Антон, и мудро помещал деньги!

Антон скептически взглянул на него.

— В любом случае это было выгодное сотрудничество, и, в сущности, думаю, что ты прав — пришло время остановиться. Контрабанда подобна азартной игре — всегда есть искушение продолжать и продолжать, пока выигрываешь... Но это — жадность, и она может погубить. Мудрее не гнаться за барышом сломя голову и выйти из игры, пока удача не изменила.

— И пока кого-нибудь не удивило, где и как ты раздобыл столько денег, — добавил Рэйф. Он сел и налил себе еще одну порцию виски. — Выпьешь?

— Пожалуй. — Антон раскинулся в кресле, поднял стакан и с наслаждением опустошил. — Самое большое удовольствие за весь вечер. С алмазными наследницами чертовски тяжело работать.

— Не говори — уж я-то знаю. Но должен поздравить тебя с талантом закручивать интриги. Если я правильно разобрался в ходах, ты предусмотрел любую случайность. Тебе следовало играть в шахматы — как бы ты мастерски строил партии!

— Зачем передвигать кусочки слоновой кости, когда можно манипулировать живыми людьми?

Стоит ли спрашивать, какому королю ты собираешься поставить шах мат, Антон — стоит ли спрашивать?

— Алмазному королю, конечно, — Мэтью Брайту.

— И какая королева должна посодействовать тебе в этом? — тихо спросил Рэйф. — Белая или черная?

— Черная, — незамедлительно ответил Антон. — Корты обладают гораздо более сильным финансовым обеспечением, что даст мне возможность связать алмазный бизнес с моими планами относительно золотых копей в Ист-Рэнде. К тому же мне хочется привлечь именно американцев к инвестициям в Южную Африку — это поддержит местные власти, а Рэндольф Корт — идеальный партнер. — Он заметил выражение лица Рэйфа и усмехнулся. — О, Рэндольф во многих отношениях неприятная личность, согласен, но его крайне полезно иметь на своей стороне. Да, Корты в финансовом отношении несомненно сильнее, поскольку, что бы ни говорила Миранда, я уверен, что Мэтью сейчас ограничен в средствах.

— Даже так? — Брови Рэйфа задумчиво сузились.

— Не забывай, что я долгие годы работал у Мэтью и поэтому обладаю довольно точными сведениями.

— Тогда, похоже, что все решено.

— Нет, не совсем. — Антон заколебался. — Первоначально я тоже так думал. Я пригласил сюда Миранду лишь для того, чтобы дать бой Кортам и выжать из них побольше. Но Миранда обладает двумя несомненными достоинствами, в которых Корты не могут с ней

сравниться — во всяком случае, на данный момент. Благодаря исключительному преимуществу Брайтов, владеющих контрольным пакетом акций, она может предложить место в совете директоров Даймонд Компани, и она может предложить...

— ...себя, — мрачно закончил Рэйф.

— Да. — Последовала долгая пауза. — Она очень красива, — пробормотал Антон, больше про себя.

Рэйф ничего не ответил.

— Итак, — более живо продолжал Антон, — у меня есть выбор между двумя ходами. Я должен решить, выберу ли я белую королеву, чтобы поставить королю Шах, — а это означает, что тогда мне придется какое-то время играть на его половине доски. Или я использую черную королеву, чтобы низвергнуть его с трона и вывести из игры навсегда.

— У Мэтью Брайта слабое здоровье.

— Он может прожить еще тридцать лет — такие люди на это способны.

Рэйф бегло улыбнулся.

— Вынужден согласиться. Что ж, какой бы ход ты не сделал, ты несомненный победитель.

— *Единственный* несомненный победитель.

Рэйф осушил свой стакан и встал.

— Не обязательно *единственный*, — тихо сказал он. — Могут оказаться и другие...

Глава двадцать вторая

Но как бы мучительно она ни размышляла и со скольких бы сторон ни рассматривала ситуацию, Миранда неизменно приходила к одному и тому же выводу: у нее есть единственная козырная карта. И случилось так, что именно с этой карты она не хотела идти, потому что между ней и ее преувеличенным чувством долга вторглись серые глаза, которые при всей их холодности, грели ее сердце больше, чем блеск любого алмаза.

Но о Рэйфе Деверилле было невозможно даже мечтать, в то время как брак с Антоном Элленбергером представлял собой несомненное решение проблемы, потому что Тиффани, в особенности после вчерашнего приема, нельзя было допускать к победе.

— Только через мой труп! — произнесла Миранда вслух.

— Надеюсь, что до этого не дойдет.

Он стоял в столовой, всего лишь в нескольких ярдах от нее, обезоруживающе улыбаясь.

Сердце Миранды от неожиданности сжалось.

— Хуже всего в моей глухоте то, что люди могут ко мне незаметно подкрадываться! — выдохнула она. — Как вы сюда попали, я же предупредила слуг, что для посетителей меня нет дома.

— Да, но я просто прошел через садовую калитку. В чайнике еще что-нибудь осталось?

Она сидела за завтраком, и тут же позвонила, чтобы принесли свежего чая и еще одну чашку.

— Ваше появление доказывает, что вы хорошо знакомы с планировкой дома.

— Только снаружи. Когда я приезжаю в Кимберли, то останавливаюсь у старого армейского друга, который живет всего в нескольких минутах ходьбы — вы можете отсюда увидеть его дом, — Рэйф указал на крышу, видневшуюся за деревьями. — Поэтому я часто прохожу мимо, и, естественно, испытываю особый интерес к этому дому. Это своего рода

паломничество.

— Представляю себе, — сухо заметила Миранда. — Значит, оттуда вы сейчас и прокрались!

— Через сад, — согласился он, — это очень легко. Если вы хотите оградить себя от посторонних, вам следует позаимствовать на шахте сторожевую собаку.

Оба они на миг умолкли, вспомнив Ричи и как огромный датский дог не позволял никому приблизиться к Миранде незамеченным. И снова Рэйфа охватила тревога за нее, когда он подумал о ее уязвимости.

— Правда, — продолжал он с деланной беззаботностью, — я не думаю, что прятаться в кустах в стиле Тиффани.

Миранда задумчиво взглянула на него.

— Спасибо, что помогли мне прошлой ночью, — медленно сказала она, — но почему вы это сделали?

Рэйф быстро взял себя в руки.

— Вы рассказали мне, зачем собираетесь в Кимберли. Легко было предположить, что Тиффани здесь по той же самой причине.

Миранда кивнула. Ей хотелось верить, что он на ее стороне, но она не могла побороть сомнений. Почему-то всегда, когда она думала о Рэйфе и Тиффани, ей было легко... слишком легко представить их вместе.

Она стояла у камина, и он, подойдя к ней, положил руки ей на плечи.

— Я последовал в Кимберли за *вами*, — подчеркнул он, — как и обещал. Разве прошлая ночь не положила конец нашей ссоре? Я прощен за контрабанду?

Она медлила с ответом.

— Вот что я вам скажу, — добавил он. — Вы меня кое в чем убедили. Даю вам торжественное обещание, что больше никогда не буду заниматься контрабандой алмазов.

— Вы даете мне слово джентльмена? — тон Миранды был полон скептицизма, но глаза ее улыбались.

— Друзья?.. — Он рассмеялся.

Она кивнула.

— По правде говоря, может и более, чем друзья.

Его руки стиснули ее плечи, и на миг Миранде показалось, что он хочет ее поцеловать, но, к ее разочарованию, он отпустил ее и, вернувшись в свое кресло, зажег сигарету, но пальцы его при этом слегка дрожали.

— Вражда между вами и моим отцом существовала задолго до того уик-энда в Брайтуэлле, — внезапно сказала Миранда. — Почему?

— Я могу изложить только свою точку зрения, не его! — Он задумчиво затаился, потом кивнул. — Хотя, да, полагаю, вы имеете право знать. Во-первых, ваш отец в самых недвусмысленных выражениях потребовал, чтобы я держался подальше от женщин его семьи.

— Джулия? — предположила Миранда.

— Ее имя было упомянуто, — сухо согласился он, — но в меньшей степени. Нет, он боялся, что моему роковому очарованию подвергнется Лора, хотя почему, представить не могу — во всей Англии нет более верной жены, и я уверен, что Мэтью Брайт имел возможность в этом убедиться. Однако он упоминал также и вас... в особом смысле.

Она не верила, что ее мечты о Рэйфе могут стать еще более недостижимыми, но это

оказалось именно так.

— Это все? — отчаянным голосом спросила она.

— Нет. Теперь о моих враждебных чувствах к нему. Их причина менее личная, но совершенно искренняя. Для меня Мэтью Брайт — один из тех всемогущих алмазных магнатов, в чьих интересах была развязана война с бурами, и чьим именем были совершены многие преступления этой войны.

— Какие преступления вы совершили?

— Вы когда-нибудь слышали о концентрационных лагерях?

Она кивнула.

— Джулия много говорила о них. О том, что происходящее там выглядело... позорно... — Миранда поморщилась, полагая, что произносит неподобающее выражение.

Он хрипло рассмеялся.

— Как-то раз сержант Кинг сказал так: «Все это выглядит позорно, сэр». Он заявил это, когда мы сожгли первую ферму в наказание за то, что ее обитатели застрелили трех моих лучших солдат. Поэтому я спросил доброго сержанта, есть ли у него другое предложение, другой способ помешать бурам превращаться из мирных жителей в партизан и назад, ведь таким образом они могли продолжать войну до бесконечности и убивать наших солдат так же, как тех, что лежали перед нами в грязи. Лорд Китченер, сказал я, рад будет альтернативному решению.

Миранда молчала, продолжая смотреть на него.

— Естественно, сержант не мог предложить альтернативы — никто не мог. Буры избрали партизанскую войну, и нашим единственным ответом была тактика выжженной земли. Итак, мои солдаты перебили скот и свалили во дворе всю домашнюю утварь. Была даже попытка грабежа, в присутствии офицера называвшаяся реквизицией. «Но не в присутствии этого офицера!» — заявил я, ткнув себя в грудь, спасая честь британской кавалерии. — Губы его скривились, пока он докуривал сигарету. И мы сожгли все — вплоть до детской колыбельки.

— И после этого вы послали бездомных женщин и детей в концентрационный лагерь?

— Да, в лагерь, где более двадцати женщин и детей *умерли*.

Она не могла услышать выражения его голоса, но могла увидеть и почувствовать его боль.

— И была одна девочка, которая стала для меня символом всех этих несчастных. Ее звали Марианна!

— Где вы, там всегда есть девочка.

— Возможно... Марианне было шесть лет, и она выглядела в точности как вы.

Глаза Миранды расширились.

— У нее был теленок, которого она обожала. Я до сих пор вижу, как она цепляется за его шею, когда один из моих солдат готовится перерезать ему горло. Она так напоминала мне вас и эту проклятую Ричи!

— Вы спасли ее?

— Да, спас на время. И послал обоих — Марианну и теленка — в концентрационный лагерь. Что случилось с животным, я не знаю. Но Марианна умерла. Она умирала на моих глазах. Совпало так, что там случайно присутствовала ваша кузина Джулия.

Последовало долгое молчание.

— Я не могу помочь вам, — сказала Миранда. — Вам нужно прощение, — но не мое.

Надеюсь, что вы его найдете.

— Тринадцать лет я искал этого прощения — и начал терять надежду, потому что не знаю, где его обрести. — Потом он внезапно улыбнулся. — Но эти тринадцать лет состояли не только из мрака и отчаяния. Я жил...

— ...и любил.

Он промолчал.

— Если Марианна символ всех женщин и детей, умерших в концлагере, разве я не представляю другую сторону медали? — спросила она.

— Одно время, не больше. Вы-то ни в чем не виноваты.

Он пересел на кровать и, заключив Миранду в объятия, крепко поцеловал. И когда она обнимала его, страстно прижимаясь к нему, в ней все так бушевало и пылало, так раскрывалось и рвалось ему навстречу, что ей показалось, будто она умирает...

— Дочь Мэтью, — прошептал он наконец, сжимая в ладонях ее лицо. — Боже мой, но вы — дочь Мэтью. Из-за этого то, что я собираюсь делать, становится легче и в то же время гораздо труднее. Пожалуйста, помните, — что бы я ни делал, что бы я ни говорил, я на вашей стороне! *Верьте мне!*

И он ушел, оставив Миранду сидеть у камина и понемногу возвращаться в реальный мир — мир Мэтью и Антона Элленбергера, Тиффани и Рэндольфа, алмазов и акций, где Рэйф Деверилл был лишь невозможной мечтой. Она чувствовала, как отчаяние охватывает ее... но в этом жестоком реальном мире она должна продавать свое тело, а не дарить его. Медлить больше было нельзя, но все же душа ее продолжала молить о чуде. Верить ему? Если бы только она могла... если бы только могла...

Тиффани не спала всю ночь, но с первыми лучами солнца ее сознание прояснилось, и она вспомнила, что Рэндольф после приема прошел в свою спальню не сразу. Есть вероятность, что он сидел у себя в кабинете и мог — только мог — оставить дверь незапертой. Тиффани тихо поднялась по лестнице и дернула дверную ручку. Та поддалась. Или Рэндольф считал ее слабовольной женщиной, которая настолько сломлена недавним поражением, что в данный момент не представляет для его планов никакой опасности, или никакого секрета не было.

На столе было множество бумаг, аккуратно разложенных на несколько стопок и связанных с делами «Корт Банка». Рэндольф был прирожденным менеджером, и одной из основ его успеха являлся превосходный выбор подчиненных, на которых он мог всегда переложить ответственность, но тем не менее он ежедневно связывался с Нью-Йорком по телеграфу. Тиффани тщательно изучила каждую стопку документов, но не нашла ни единого упоминания об алмазной индустрии, проливающего свет на планы Рэндольфа. Затем она заметила выпуск местной газеты «Даймондс Филдз Адвертайзер», лежащей на столе титульным листом внутри. Тиффани, подняв газету, уставилась на эту страницу, и когда ее взгляд наконец зацепился за нужный абзац, она замерла. Она несколько раз внимательно перечитала абзац, прежде чем положить газету на стол. Затем Тиффани торжествующе улыбнулась. Конечно! Вот наконец решение, которое она так долго искала, — вот, что она должна делать! Это козырная карта, с которой она может побить Миранду, а заодно и нанести Рэндольфу удар.

За письменным столом у себя в спальне Тиффани составила длинную и подробную телеграмму. Она оставила послание на туалетном столике, где его могла заметить

горничная, а заодно — короткую записку с инструкциями и немного наличных. Затем снова легла в постель и спокойно проспала до полудня.

Как Тиффани и ожидала, когда она проснулась, копия телеграммы со штампом даты и времени отправки уже лежала на столике рядом с постелью, вместе с ножом для разрезания бумаги и утренней почтой. Тиффани сунула телеграмму в карман своего черного, отороченного мехом халата, и, не став утруждать себя одеванием, спустилась по лестнице, зная, насколько это все может разозлить Рэндольфа. Она намеревалась вести себя как можно более вызывающе — если Рэндольф считает, что она сломлена вчерашним фиаско, он сильно ошибается! В столовой она позвонила в колокольчик.

— Шампанского! — отрывисто приказала она. — И попросите мистера Рэндольфа прийти сюда. Шампанское прибыло раньше Рэндольфа, и, когда он вошел, Тиффани в точности определила его настроение — раздражение из-за ее вызывающего поведения, подогретое желанием заставить ее корчиться в муках — именно то, что она и ожидала.

— Это что, ранний обед или завтрак с шампанским? — поинтересовался он.

— Ни то, ни другое, поскольку я не собираюсь ничего есть. — Она протянула ему бокал с шампанским, одарив при этом сияющей улыбкой. — Я не слишком хорошо себя чувствую, — это заявление входило в ее планы.

Рэндольф, ничуть не обманутый, иронически поднял бокал.

— В таком случае твое здоровье, дорогая! Но, возможно, нам следует выпить за исключительный успех твоего вчерашнего предприятия.

— Оно бы удалось, если бы не *он*! — Тиффани вызывающе глянула на него, лишив Рэндольфа преимущества самому затронуть в разговоре Рэйфа.

— Верно. Наш честный капитан Рэйф Деверилл... — Рэндольф медленно выговаривал каждый слог. — За исключением того, что в одном-единственном случае он оказался бесчестным... или нет?

Тиффани напряглась, но не дрогнула.

— Почему ты так говоришь?

— Ты забываешь о главном правиле моего банкирского кодекса — я сужу человека по его капиталу, его способностям и *характеру*. Я только раз встречал Деверилла в обществе, но даже так я способен оценить его характер. Короче, Тиффани, я бы ссудил деньги капитану Девериллу.

— Мы все способны совершать ошибки — даже ты.

— Ошибки совершаются, — согласился Рэндольф. — Остается лишь выяснить, кем. Естественно, когда его... или ее личность станет известна, можно предпринять соответствующие шаги...

Эти вечные скрытые угрозы! Тиффани знала — как хорошо она знала! — что Рэндольф способен на жестокость, но инстинктивно чувствовала, что эта сторона его природы была предназначена только женщинам, как существам более слабым. При подобных же обстоятельствах с разъяренным мужчиной вся самоуверенность Рэндольфа лопнула бы, как проколотый воздушный шар, и потому к ним требовался более тонкий подход.

Твоя единственная цель — Миранда. Разве тебе не хотелось бы видеть, как она беспомощно мечется, видя как ты занес хлыст для удара?

— Натурально выражаясь, это достаточно точная картина желаемого.

Тиффани улыбнулась. Она быстро сумела вывести имя Рэйфа из разговора. А теперь к насущной проблеме.

— Вношу поправку. Миранда на моей милости, не на твоей.

Он сел напротив, и они глядели друг на друга через стол.

— С чего ты взяла?

Начну сначала. — Тон Тиффани был слегка покровительственным. — Мы верили, что можем предложить Антону более выгодные финансовые условия, чем Брайты. Но у Миранды есть над нами одно преимущество, даже помимо брачных перспектив. — Она может предложить Антону место в совете директоров «Даймонд Компани». Окажи любезность, освежи мою память по части распределения акций, — саркастически добавила она.

— С годами Мэтью увеличил свой холдинг до тридцати процентов. По некоторым данным можно предположить, что Антон владеет пятью процентами. У нас — пятнадцать процентов.

— Не у нас — у меня! «Корт Даймондс» владеет пятнадцатью процентами акций «Даймонд Компани». Как клиент, беседующий со своим банкиром, я могу задать резонный вопрос — почему такой финансовый гений, каковым ты себя считаешь, до сих пор не увеличил этот процент?

— Алмазы в прошлые годы не представляли выгодных инвестиций. — Он глядел на нее горящими глазами, а его пальцы вцепились в ножку бокала, который он неустанно вертел.

— Или, возможно, ты просто не хотел, чтобы «Корт Даймондс» достигла большего влияния в индустрии. Ты не хотел, чтобы я достигла власти! — Тиффани откинулась в кресле. — Какова бы ни была причина, есть шанс все поправить. Жесткая хватка пионеров, некогда создавших «Даймонд Компани», слабеет, по мере того, как ее основатели умирают, а их наследники ищут возможности освободиться от акций и перевести капитал в более выгодные для себя области. Не каждый алмазный магнат сумел создать династию.

— Мэтью Брайт династию создал, — мрачно напомнил Рэндольф. — И он все еще в главе ее — последний из титанов, последний представитель старого порядка.

— Мне сейчас пришло на память имя другого пионера — Джулиуса Вернера. Он умер в 1912 году, и его пакет акций продается, — Тиффани усмехнулась, увидев перекосившееся от бешенства лицо Рэндольфа. — А ты думал, я не знала? Пакет составляет десять процентов акций Компании. Если добавить мой холдинг, а также акции Антона, то мы выйдем на уровень Мэтью Брайта. Компания не сможет отказать нам в требовании места в совете директоров, и мы предложим Антона в качестве нашего представителя.

Тиффани сделала паузу. В действительности она сама и только сама собиралась занять это место, но было бы глупо выдавать это намерение сейчас.

— Имея за собой вес юго-западных россыпей, — продолжала она, — Антон получит необходимое влияние, и к тому же он имеет прекрасный шанс получить поддержку других акционеров. Можно добиться лавров Мэтью Брайта, не наживая врагов — должны быть и другие желающие лишить Короля трона.

Рэндольф был изумлен, но быстро собрался с мыслями.

— Эти акции входят в мои планы, — ровно сказал он, пытаясь скрыть ярость. — Но покупка должна быть совершена дипломатично, со всей возможной осторожностью. Я предполагаю, что мы должны совершить это через одну из моих компаний, чтобы...

— Слишком поздно. Тиффани встала. — Я уже приказала своему брокеру связаться с распорядителями акций Вернера, чтобы приобрести их для «Корт Даймондс». И она достала копию телеграммы.

— Ты, наглая сука! — Побелев, он схватил телеграмму и прочел первые несколько

строк, подтверждающих ее заявление. — Ты все погубила!

— Не все — только твой план контролировать эти акции самому, вместо того, чтобы совершить покупку через «Корт Даймондс».

Рука Рэндольфа стиснула лист бумаги, комкая его так, как он хотел бы скомкать ее. Впервые за много месяцев он чувствовал, как в нем нарастает бешенство. Тиффани была права, именно это он и собирался сделать. Но она перехитрила его, и он был зол как никогда в жизни. Но у этого была еще и другая, косвенная причина.

— Ты погубила *все!* — ледяным тоном проговорил он. — Распорядители должны учитывать следующие факторы: платежеспособность, предложенную цену и покупателя, *который их устраивает!* В этом отношении они наверняка под влиянием директоров «Даймонд Компани», желающих, чтобы она оставалась в руках британцев, и не станут приветствовать американские инвестиции.

— Если бы ты, Рэндольф, внимательно прочитал телеграмму до конца, — медоточиво произнесла Тиффани, — вместо того, чтобы комкать, ты бы обнаружил, что я и об этом подумала. Я велела брокеру сделать предложение через подставных лиц — название «Корт Даймондс» не должно упоминаться. — Она сделала паузу и задумчиво улыбнулась. — Несомненно, когда-нибудь законодательство вынуждено будет запретить подобные операции, но до тех пор мы можем использовать их к своей выгоде.

Он не стал перечитывать телеграмму, но очень медленно положил смятые листки на стол.

— Какая ты умница, дорогая, — шелковым голосом заметил он. — Только где ты возьмешь необходимую сумму для этой маленькой авантюры?

— Вот потому я и хотела поговорить с тобой. — Тиффани одарила его новой чарующей улыбкой. — Или ты думал, что я наслаждаюсь твоим обществом? Это деловая встреча, Рэндольф, я хотела договориться со своим банкиром.

Его губы сжались в тонкую белую линию.

— Ты добудешь наличные — поскольку ты в любом случае собирался покупать акции, я уверена, что все детали уже разработаны. И, насколько я понимаю, ревизии наших личных портфелей будет достаточно. Конечно, это означает — класть больше яиц в одну корзину, чем ты обычно проповедуешь, но, убеждена, ты согласишься с тем, что на этот раз обстоятельства исключительные.

— А ты приняла во внимание перерасход наличных, накладывающий ограничения на капитал, который мы должны предоставить Антону в целях развития производства?

— О, совет директоров «Корт Банка», разумеется, благосклонно отнесется к просьбе о займе... особенно, если ты поговоришь с ними ласково.

Вызывающая улыбка, казалось, застыла на ее лице, и это как ничто другое повергало его в бешенство.

— Предположим, я не стану рекомендовать выдать займ?

— Станешь... Ты хочешь этой сделки с Антоном также, как и я, потому что тебе нужны золотые рудники в Ист-Рэнде. Я даже предполагаю отдать тебе эти золотые рудники — если ты признаешь, что алмазы — мои.

— Посмотрим.

— Но ты тем временем раздобудешь деньги?

— Да, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. У двери он обернулся. — Надеюсь, что ты преуспеешь в приобретении этих акций, Тиффани — потому что, если ты

проиграешь...

Незаконченная фраза повисла в воздухе, Рэндольф захлопнул за собой дверь.

Тиффани, оставшись в одиночестве, вновь наполнила бокал с шампанским и выпила за свой успех. Она чувствовала себя прекрасно. Радость от того, что она перехитрила Рэндольфа, не поддавалась описанию. Конечно, она не проиграет! Она любовно разгладила скомканную телеграмму — Тиффани решила, что та будет хорошо смотреться на стене ее кабинета как напоминание о ее триумфе.

Продолжая ссылаться на нездоровье, Тиффани с извинениями отклонила приглашение на вечер и осталась у себя в комнате.

— Уверена, что могу положиться на тебя, и ты с успехом возместишь мое отсутствие, — ласково сказала она Полине.

Лицо кухни оставалось бесстрастным.

— Я вовсе не понимаю, почему ты стремишься быть такой любезной, когда нас никто не слышит. И вообще, случилось так, что я нахожу жителей Кимберли исключительно дружелюбными.

— Я рада.

— Честно говоря, я немного сомневаюсь, что обед доставит мне столько же удовольствия, сколько сегодняшний ланч. — Полина ожидала, что Тиффани поинтересуется где и с кем она провела ланч, но мысли Тиффани витали где-то далеко.

— Ланч! — отсутствующе бросила Тиффани. — Тебе, дорогая, следует быть осторожнее, не то опять растолстеешь.

В комнату тихо вошел Рэндольф и, встав рядом с сестрой, уставился на Тиффани, раскинувшуюся в кресле.

— Я передал твои извинения хозяевам, — мягко сказал он. — Однако едва ли мне нужно советовать тебе лечь пораньше, потому что, конечно, именно это ты и собираешься сделать.

Она беспечно рассмеялась. Ее не волновало, догадывается он или нет, что у нее на уме — такую уверенность в собственных силах она ощущала. После ухода Рэндольфа и Полины она пересекла комнату и, встав у окна — силуэт ее четко вырисовывался на светлом фоне, устремила взгляд во тьму сада. Придет ли Рэйф Деверилл — и если да, то каковы его намерения?

Зачем он приехал в Кимберли? Совпадение... последовал за ней... или за Мирандой? Морщина прочертила прекрасный лоб, пока она рассматривала различные аспекты этой связи. По крайней мере, Миранда не может выйти замуж и за Антона и за Рэйфа, но Тиффани стало до боли ясно, что Миранда не должна получить *никого* из них, потому что ей лично нужны *оба*. Но в равной мере было ясно, что у Миранды есть выбор, которого Тиффани, как замужняя женщина, лишена. Как всегда, когда Тиффани нервничала, ее пальцы тербели бриллиантовый кулон... выиграть битву с Рэндольфом было приятно, это даже окрыляло, но избавиться от него совсем было бы... Но она забегала в игре вперед, — Рэйф еще не прибыл.

Она надеялась, что он обнаружит дом, убедится, что остальные ушли, и вычислит ее комнату. Она постояла на полном свету еще немного, чтобы дать ему наилучшую возможность для этого, прежде чем открыть окно, перед которым росло высокое ветвистое дерево. Затем она опустила шторы, отпустила слуг на ночь и облачилась в самую

соблазнительную из своих ночных рубашек — из черного шелка, отделанную лебяжьим пухом.

Шампанское — нужно шампанское. Не потрудившись включить свет в коридоре, она легко сбежала по лестнице в кухню. Взяла бутылку шампанского, два бокала, а затем, немного поразмыслив, поставила один бокал на место, и стала подниматься вверх. В холле стояла тишина, и Тиффани помедлила во тьме. Она не то чтобы нервничала, но сочетание тишины и мрака было слишком зловеще. Не так ли чувствует себя и Миранда — глухая и одинокая во мраке ночи?

Он сидел в кресле, дымя сигаретой, в смокинге и белом галстуке, вытянув длинные ноги, и, что было необычно для человека его происхождения и воспитания, не встал, когда она вошла. Его лицо было мрачным и угрюмым, взгляд жестким, рот кривился.

— На этот раз, Тиффани, ты можешь визжать сколько угодно, потому что, прежде чем проникнуть в дом, я убедился, что никто не услышит.

Тиффани обошла комнату, поставила бутылку и бокал на туалетный столик и повернулась к нему. Одной рукой она опиралась на туалетный столик, другую положила на правое бедро, зная, какое соблазнительное зрелище являет собой.

Теперь он встал. Просто затушил сигарету, сделал навстречу ей пару шагов, зацепил ее под подбородок и дернул к себе.

— *Зачем?*

— Я не могу тебе рассказать. Могу только сказать, что причина была, и весьма значительная.

— Ты обязана рассказать мне все! Ради Христа — Мэтью Брайт явно знал, что происходит. Ты на много лет задолжала мне объяснение. — И он крепче стиснул ее подбородок.

Тиффани не ответила.

— Я должен знать, — настаивал Рэйф. — Я дорого заплатил за твое представление. По крайней мере, ты можешь объяснить мне его причину!

Она не отрываясь глядела на него. Он причинял ей боль, но это не имело значения, Тиффани его не боялась: единственным человеком, которого она боялась, был Рэндольф.

— Я не могу тебе рассказать, — повторила она. — Я не могу рассказать никому ни теперь, ни когда-либо. Но, — ее глаза слегка блеснули, — ты ошибаешься, если думаешь, что ты один пострадал... глубоко ошибаешься.

Он отпустил ее и сделал шаг назад. Тиффани чувствовала, что его взгляд прожигает черный шелк, под которым мерцало ее тело. Она ждала. Она не будет ни объяснять, ни извиняться, ни сожалеть. Она ждала, покуда он сбросит смокинг на кресло; ждала, когда за ним последовали галстук и белая рубашка; ждала, пока его бронзовое тело не оказалось в нескольких дюймах от заостренных холмов ее груди, и он, не встречая сопротивления, стал стягивать с нее через голову ночную рубашку. Рэйф не рвал шелк с ее тела, он снимал его осторожно, с нарочитой медлительностью, но, когда он заключил в ладони ее груди, его прикосновение было грубым, лишенным нежности, и он не поцеловал ее.

— Больше всего я хотел бы получить объяснение, — сказал он своим низким красивым голосом. — Возможно, я даже ждал извинений. Не получив ни того, ни другого, я должен действовать. Я ничего не потеряю, совершив преступление, в котором был ложно обвинен и признан виновным. — Внезапно он зажал ей рот левой рукой, пригнув ее к туалетному столику так, что ее голова оказалась притиснута к зеркалу на стене. Возможно, он забыл, что

им не могут помешать, а возможно, жестокость была нужна ему, чтобы изгнать терзавших его дьяволов... возможно, он годами представлял себе это. — Твои глаза и твое тело выражают согласие, но я уже прошел с тобой по этой дорожке. На сей раз не будет ни отступления в последний момент, ни криков о насилии — хотя именно насилие я и собираюсь совершить.

Правой рукой он потянулся, чтобы расстегнуть брюки, но Тиффани опередила его. Она проворно расстегнула брюки и стала вызывающе ласкать его плоть. Затем изогнула спину и, все еще прижатая к туалетному столику, направила его в себя. Их движения были грубыми и жесткими, ибо чувства, вызывавшие их, были сильны и яростны. Руки Тиффани цеплялись за край стола, поддерживая ее под напором его повторяющихся толчков, но глаза ее оставались открыты и смотрели в его глаза. Только раз он отвел от нее взгляд, — на один краткий миг он поднял глаза и взглянул в зеркало, словно стараясь запечатлеть эту сцену в памяти навечно.

Внезапно Тиффани закрыла глаза, расслабилась и затрепетала под ним, охваченная наслаждением. Только тогда Рэйф отвел руку, нависая над ней и упираясь обеими руками в стену. Его расслабленное тело медленно соскользнуло с нее, и дыхание их восстановилось. Затем с глубоким вздохом он встал и отвернулся, стаскивая брюки и потянувшись за полотенцем.

— Так ты за этим приехал в Кимберли?

— За этим... и за объяснением. Я увидел тебя в Кейптауне и последовал за тобой.

Губы Тиффани сложились в победоносную улыбку. Так он последовал за ней, а не за Мирандой. Он пристально смотрел на нее, и она знала, что он упивается зрелищем ее совершенного тела — этого произведения искусства.

— И как ты себя сейчас чувствуешь? Удовлетворен? Была ли твоя месть сладка?

— Мсть? Да, я думал о мести. Но ты так прекрасна, Тиффани, что мужчина может простить тебе все.

Она верила ему, но обязана была задать еще один вопрос.

— В таком случае почему ты прошлой ночью танцевал с Мирандой?

— Миранда? — он беззаботно пожал плечами. — Тебе одной из всех женщин можно не бояться сравнения с Мирандой! У меня есть на нее виды — но не слишком приятные. Ты что, действительно думаешь, что я виню *тебя* в случившемся в ту ночь? Нет, тут явно постарался Мэтью, я уверен, и Миранда — это путь к Мэтью!

Он стал рядом с ней и повернул к зеркалу.

— Взгляни на себя! Если придется выбирать между тобой и Мирандой, кого предпочтет мужчина? На чьей стороне он захочет быть?

Он улыбнулся ей, и она потянулась за шампанским, чтобы опытной рукой откупорить его... рукой барменши на собственном празднике... мысль была неожиданной, но завладела ею полностью. Она поднесла бутылку к себе, так что пенистая струя брызнула на ее обнаженное тело, и оно заблестело и засияло в приглушенном свете лампы. Наполнив бокал, она поднесла его к губам Рэйфа, осторожно перелив часть пенящейся жидкости ему в рот. Затем поднесла бокал к собственным губам и отпила с того же края, что и он.

Рэйф смотрел на бриллиант, искрившийся на цепочке между ее грудей, и пытался вспомнить, где же он видел его — или похожий — раньше. Но теперь он видел только преобразенные глаза и смягчившееся лицо: она все еще не объясняла, все еще не извинялась, но произнесла слова, способной на которые представить ее было почти так же

трудно.

— Я люблю тебя, — просто и искренне сказала она. — Я всегда любила тебя. Даже тогда, в прежние дни, я любила тебя, но я была слишком молода и глупа, чтобы это понять.

Она с печальной улыбкой перевернула бокал и, не беспокоясь о ковре, окропила шампанским его тело. Позволила ему забрать бокал и поставить его на столик, сама же опустилась на колени. Обхватив руками его бедра, стала слизывать шампанское с его ног, постепенно поднимаясь вверх — мучительно долго, но необратимо — к его члену. Взяла его в рот, чувствуя, как он твердеет под напором ее языка, как его пальцы, гладят ее шею и плотнее прижимают ее голову.

Затем он поднял ее на ноги, притянул к себе, заключил в объятий ее гибкое совершенное тело. Поднял ее и понес в постель, но теперь он зажимал ее рот поцелуем...

Глава двадцать третья

Тиффани была похожа на кошку, наливавшуюся в чулане сливок. В субботу, присутствуя на встрече, организованной Антоном на кимберлийском ипподроме в честь алмазных наследниц, Миранда смотрела, как Тиффани вручает приз победителю специально учрежденных Бегов Корта. Тиффани была одета в черное облегающее платье с черной же туникой, у которой один рукав был белый, а на груди сверкала великолепная бриллиантовая брошь. Голову покрывала роскошная черно-белая шляпа. Как обычно, эффект был потрясающий, но на Миранду произвела впечатление красота ее лица, а не наряда — восхитительная кожа, чувственный рот, патрицианский нос и живые лиловые глаза — глаза Филипа, с неожиданным потрясением осознала Миранда.

Посещал ли Филип когда-нибудь этот ипподром? Как проводил он здесь часы досуга, оторванный от своих любимых автомобилей? Пил, отрешенно подумала она. Все, упоминавшие Филипа, обращали внимание на эту его пагубную склонность. Был ли он несчастен, и если да, то почему? Находясь в самом центре шумной толпы, Миранда с глубоким сожалением размышляла о том, что она не знала своего брата как следует и что, будь у него могила, которую ей можно было бы навестить, с его смертью было бы смириться гораздо легче. Ощувив вину, она вспомнила, что на кладбище в Кимберли есть еще две могилы, которые ей следует обязательно посетить, прежде чем она покинет город.

Однако до отъезда было еще далеко. Она снова увидела на лице Тиффани предвкушение удовольствия и вскипела. Будь проклята Тиффани Корт и будь проклят Рэйф Деверилл, потому что, если бы не он, она могла бы зайти с козырной карты.

Здесь ли он? По крайней мере в десятый раз взгляд Миранды обежал вокруг, и она наконец заметила его высокую фигуру и темноволосую голову. Ее колени слегка задрожали, когда она заметила, что он — единственный мужчина из присутствующих здесь — не смотрит на Тиффани. Он смотрел на нее, и когда глаза их встретились, он улыбнулся ей — понимающей, интимной, полной восхищения улыбкой. Взгляд его серых глаз просил помнить ее о пережитых вместе приключениях и намекал на их дальнейшее продолжение, которое наверняка окажется приятным. Миранда улыбнулась в ответ, хотя и понимала, сколь тщетны эти надежды, не сулящие ничего, кроме разбитого сердца.

— Скоро ваша очередь, Миранда. — Антон стоял перед ней вместе с Кортами. — Следующий забег — Гандикап Брайтов.

— Какое подходящее название^[14], — пробормотала Тиффани так тихо, что никто не мог

ее услышать — никто, кроме тех, кто читает по губам.

Несмотря на всю свою самоуверенность, Тиффани раздражало зрелище девственной прелести Миранды, представшей сегодня в романтического стиля платье бледно-розового цвета, с оборками и рукавами буф, и в шляпе с перьями на пышных белокурых волосах. Однако еще больше раздражала улыбка, которой обменялись ее сестра и Рэйф. Ее *сестра*... Это все еще казалось невероятным. Мои Бог, думала Тиффани, сопровождая Антона и Миранду в паддок. Я могла бы стереть это выражение невинности с ее лица... Я бы рассказала ей несколько кимберлийских историй, об ее матушке к об этом ее проклятом бриллиантовом папаше...

Поднимался ветер, трепавший перья на шляпе Миранды и вздымавший пыль с сухой почвы Кимберли. Зимний поддень был теплым и солнечным, ипподром превосходным, встреча удачно организованной, но ничто не могло добавить блеска невзрачным домикам с жестяными крышами и оловянными трубами. Никакие усилия воображения не могли представить Кимберли живописным или хотя бы приятным на вид городом. Здесь было слишком сухо и пыльно, почва имела красно-коричневый цвет или голубой — из-за алмазосодержащей породы — оттенок, лишь нескольких пятен зелени давали городу возможность не задохнуться, но не спасали его. Даже площадка для гольфа была голубой. Улицы в Кимберли были разбросаны в совершенном беспорядке, напоминая о старом старательском городе, состоящем некогда из одних только палаток и лачуг. Это был маленький, скучно живущий горняцкий город: единственной причиной его возникновения и существования была и оставалась кимберлийская Шахта.

Антон взял Миранду за руку, пытаясь сопоставить ее красоту и элегантность с этим скоплением грязных хижин, вне окружения роскоши Парк-Лейн, представить себя самого *там*, и решить, как она сможет разделить привязанность между мужем и отцом.

— Вы когда-нибудь рассматривали возможность жить в Кимберли? — спросил он.

Перед ответом Миранды возникла почти незаметная пауза.

— Конечно, хотя бы какую-то часть года. Ясно, что несколько месяцев мне пришлось бы проводить в Лондоне — по делам фирмы и чтобы повидаться с отцом.

Антон кивнул.

— Конечно. Но вы действительно считаете, что местный климат устроил бы вас? Я помню, как сэр Мэтью упоминал, что ваша мать, леди Энн, здесь часто болела.

— Я никогда не знала свою мать, но мне говорили, что я совсем на нее непохожа, — рассмеялась Миранда. — Уверена, что мне здесь было бы очень хорошо.

Тиффани прикусила губу, мысленно увидев портрет женщины в гостиной Мэтью, представляя себе это хрупкое утонченное создание посреди пыльной жуткой дыры, которую являл собой Кимберли. Впервые Тиффани задумалась о том, какова была жизнь ее матери, ее мысли и чувства... но, конечно же, леди Энн избрала в мужа блистательного Мэтью Брайта, а Джон Корт просто помогал ей скоротать время. Губы Тиффани снова горько сжались.

— Мы должны поговорить об этом подробнее, Миранда, — сказал Антон так понижая голос, что Тиффани, хоть и была в состоянии его слышать, не могла быть уверена, что точно разобрала смысл его слов... — Не могли ли бы мы пообедать на следующей неделе, скажем, в среду? Только мы вдвоем...

Она должна принять решение к среде... С пересохшим горлом Миранда приняла приглашение, и затем выступила вперед, чтобы вручить следующий приз.

Та же мысль занимала и Антона. Он рассчитал, что пришло время подтолкнуть ведение переговоров. Ни одна сторона, конечно, не будет сидеть сложа руки, но неплохо будет подстегнуть их, хотя бы слегка. Корты должны сделать новое предложение до среды, и он тем временем обязан решить, как ему поступить с Мирандой. Он уделил ей еще несколько минут, прежде чем повернуться к Полине, которая стояла в одиночестве несколько в стороне.

— Перед другими я всегда чувствовал, что должен извиняться за провинциальную отсталость Кимберли, — сказал он, — но не перед вами.

— Мне здесь нравится, — темные глаза Полины сияли искренностью и теплом. — За всю свою жизнь я не была так счастлива.

— И вы не находите нас скучными после блеска нью-йоркского общества?

Она улыбнулась.

— Этот блеск временами очень утомляет! Такие, как я, должны искать чего-то более простого... и настоящего. Здесь люди с гораздо меньшими требованиями и более дружелюбны. — Она помедлила. — Они даже, кажется, замечают *меня* и уделяют мне внимание.

— Я вас прекрасно понимаю. — Антон легко коснулся ее руки. — Я тоже предпочитаю быть крупной рыбой в мелком пруду. — Последовала короткая пауза, но молчание было спокойным, лишенным всякой напряженности. — Спасибо вам за восхитительный ланч в четверг. Можем ли мы завтра встретиться снова?

Полина кивнула. Наблюдая со стороны за алмазными сделками, она знала, что у нее нет ни шанса соперничать с Мирандой Брайт, но это не было причиной, из-за которой она не могла бы насладиться несколькими часами счастья с этим мужчиной. Однако она намеревалась тщательно скрывать эти отношения от Тиффани, потому что та, без сомнения, вмешалась бы и все испортила.

В этот момент Тиффани; воспользовавшись тем, что Рэндольф был чем-то занят, направилась прямо к Рэйфу Девериллу. Она не осмеливалась открыто разговаривать с ним на публике, но, проходя мимо, произнесла одно только слово, глядя прямо перед собой и не останавливаясь. Это заметила только Миранда, закончившая раздачу призов. Лицо Тиффани было обращено к ней, и острое зрение Миранды, вкупе с ее умением читать по губам, позволило ей точно понять, что было сказано. Тиффани произнесла: «Ночью».

Ее охватило отчаяние, когда она осознала всю глубину своего одиночества. Рэйф Деверилл претендовал на любовь к ней, но не изъявлял ли он свою любовь — *настоящую* любовь — несравненной Тиффани? Черт побери, на чьей он стороне?

Тиффани на своем пути случайно оказалась рядом с Мирандой, и прежде чем они успели разминуться, к ним, немилосердно всех расталкивая, пробился молодой человек с фотоаппаратом.

— Леди, фотографию, пожалуйста — для «Даймондс Филдс Адвертайзер».

Толпа расступилась, образовав полукруг, и две девушки остались в небольшом пространстве, из которого не было выхода. Тиффани и Миранда терпеливо ждали вдали, пока молодой человек готовил камеру.

— У вас нет никакой возможности победить, — внезапно сказала Тиффани. — И никакие ваши разные хитрости и лживость вам не помогут.

— Какая хитрость, какая лживость?

— Вам не одурачить меня этими невинными взглядами. Филип рассказывал мне,

какими путями вы добивались привязанности отца, так что он оказался в пренебрежении. Рассказал он мне, и как вы совали нос в его личные письма.

— Ничего подобного я не делала! — яростно взорвалась Миранда, но затем вспомнив, что на них смотрят люди, постаралась изобразить улыбку.

— Да? А как насчет тех писем, что вы показали отцу, когда с ним случился приступ?

— Я понятия не имею, о чем вы говорите? В ту ночь Генриетта дала мне какие-то документы, чтобы я передала их отцу, но они сгорели.

Ее удивление казалось искренним.

— Генриетта? — переспросила Тиффани.

— Наша домоправительница. Раньше она была служанкой моей матери, И какое, черт возьми, это имеет отношение к вам?

Тиффани улыбнулась, довольная тем, что Миранда ничего не знает о том случае и что она, в конце концов, оказалась просто наивной маленькой девочкой. Она была права с самого начала: Миранда ей не соперница.

Фотограф выбирал момент. Это была чрезвычайно выразительная картина: две прекрасных алмазных наследницы, обе — одинаково высокие и стройные, одна темноволосая, с магнолиево-белой кожей, другая — с рыжевато-золотистыми волосами и нежным румянцем. Он хотел снять совершенство.

— А что до моих отношений с отцом, — тихо продолжала Миранда, — то я никогда не намеревалась повредить Филипу.

— Его смерть была вам очень удобна. Без него ваше положение значительно усилилось.

— Вы бы так не говорили, если бы *вам* пришлось потерять брата.

Ответ был готов сорваться с губ Тиффани, но она сумела проглотить его. С неожиданной отстраненностью ей стало ясно, что ситуация значительно упростилась бы, останься Филип в живых. Он так и не узнал бы, что они — брат и сестра, и манипулировать им было бы гораздо легче.

— Но вы правы относительно того, что я оказалась любимым и старшим ребенком отца, — тихо сказала Миранда. — Он усилил мою собственную позицию в той сфере, которая представляет большой интерес для Антона Элленбергера, и я не премину использовать в борьбе с вами все средства, какие только есть в моем распоряжении.

Тиффани рассмеялась, упиваясь всеми выгодами собственного положения: у нее были лучшие финансовые условия, которые она может предложить Антону, акции, которые она скоро купит и это даст ей превосходство над Рэндольфом, и еще Рэйф Деверилл принадлежал ей.

— Не возлагайте много надежд на свое свидание с Антоном в среду — к тому времени я уже одержу победу.

Фотограф извинился за задержку.

— Как чудесно! — сказал он. Вы, леди, вместе в Кимберли, в том городе, где ваши отцы встретились настали друзьями, где, собственно, все и началось. Улыбку, пожалуйста.

Дочери леди Энн улыбнулись в камеру, и были запечатлены для «Даймондс Филдз Адвертайзер» на фотографии, которая в скором будущем обойдет весь мир.

Где все началось... Еще один человек за оградой думал о том же. Вместо того, чтобы следить за скачками, Дани Стейн поднял полевой бинокль — наследие Бурской войны — и направил его на публику.

Это она... без сомнения. Руки Дани задрожали. Жутко было оказаться здесь, в Кимберли, в 1914 году и увидеть такую точную копию юного Мэтью... Мэтью, каким он был в двадцать лет, когда Дани впервые его встретил. Лицо, волосы, глаза, посадка головы — все было абсолютно то же самое. Только выражение лица было другим: у нее — сдержанным, в то время, как у него — дерзким, но, пока Дани наблюдал за ней, припав к линзам бинокля, он почувствовал, как спадает с нее маска девичьей скромности и из-под нее уже пылает неукротимый дух Мэтью.

До сего момента Дани еще сомневался, сможет ли он через все это пройти. Убить мужчину... ее брата — одно дело, убить девушку — совсем другое. Ирония судьбы состояла в том, что после своей неудачной попытки убить Мэтью, он спас этой девочке жизнь — потому что ни один африканер, даже такой, как Дани Стейн, не мог стоять и смотреть, как гибнет ребенок.

Но теперь, когда он ее увидел, он понял, что это надо сделать. Убить Миранду будет так же правильно, как убить самого Мэтью, и это будет такой удар по семейству Брайтов, что все прошлые усилия Короля алмазов на этих приисках пойдут прахом. Что еще важнее, ее смерть хоть немного возместит страдания и смерть тех женщин и детей, что погибали в концлагерях, потому что в душе Дани винил Мэтью — алмазного магната, ютландера — в преступлениях Бурской войны. Но Дани отомстит Мэтью за все.

Кстати, о Бурской войне... Дани внимательно всмотрелся, а потом опустил бинокль. Деверилл... Деверилл, который сжег ферму Гроблеров, отправил женщин и детей в концлагерь, казнил Поля де Вильерса и разбил командос Стейна. Он не видел Деверилла с того последнего сражения, и присутствие его в Кимберли было ответом на еще одну молитву. Сможет ли он подбить двух птичек одним камнем? Спокойнее, сказал себе Дани. Это Кимберли, а не пустыня. Здесь гораздо труднее совершить убийство и затем скрыться. Сначала Мэтью... с Девериллом он разберется позже. Теперь он будет часто посещать Южно-Африканский Союз, чтобы готовить мятеж среди таких же, как он, непримиримых, мечтавших о Республике. Война между Британией и Германией могла бы предоставить отличную возможность свергнуть правительство Боты, и Дани служил идеальным эмиссаром между немецкими властями Юго-Запада и озлобленными африканерами. Конечно, именно эта миссия была официальной причиной его пребывания в Южной Африке, — даже его жена Сюзанна ничего не знала о Миранде.

Да, Деверилл может подождать. Мудрее будет даже избегать его, на случай, если тот помнит какие-то толки о вражде Дани и Мэтью. При воспоминании о войне мысли Дани устремились к Елене. Не привела ли судьба в Кимберли и ее? Взгляд Дани неустанно обегал ипподром, отыскивая лицо свояченицы в толпе, как было всегда, когда Дани посещал Союз. Где она? Она исчезла после их встречи в Людерицбукте, и, хотя она должна была отплыть пароходом в Кейптаун, ее братья на ферме отрицали, что знают что-либо о ней. Возможно, умерла. Дани пожал плечами и вернулся к более насущным проблемам. Миранда позировала фотографу вместе с другой девушкой, дочерью Джона Корта. Он не питал враждебных чувств к Джону Карту... Но скоро фотография несомненно станет раритетом. Ее снова и снова будут перепечатывать все газеты мира — потому что она окажется последней фотографией, на которой Миранда Брайт запечатлена живой.

Было слишком рано, чтобы отправляться на ланч, куда пригласил ее невероятно скучный местный банкир, но как убить воскресное утро в такой глуши? Тиффани знала, как

бы ей хотелось провести этот свободный час — и, разумеется, вместе с Рэйфом. Полина отправилась в церковь, а потом ее куда-то пригласили на званый обед, Рэндольф же был в клубе и собирался встретиться с ней в доме того самого банкира.

Тиффани велела отравить экипаж к дому, где остановился Рэйф. Дорога пролегла мимо особняка Брайтов, от которого она, как обычно, отвела глаза.

Однако несколько дальше по улице, ведущей в город, она неожиданно увидела фигуру в простом сером платье с букетом цветов... Миранда...

Тиффани нахмурилась: серое платье, цветы, воскресное утро... Кладбище, решила она, — могилы родных. Эта мысль тревожила, и Тиффани отбросила ее прочь, сосредоточившись на Рэйфе.

К ее облегчению и удовольствию, она встретила его прямо у ворот, однако он был одет в костюм для верховой езды, а стоящий рядом грум держал двух лошадей. Рэйф подбежал к ее экипажу и сел рядом.

— Я так сожалею о прошлой ночи, — сказал он, — но я не мог прийти. Друг, у которого я остановился, уезжает на побережье и он устроил прощальную вечеринку. — Он улыбнулся...

Я ждала весь вечер, поскольку Рэндольфа не было.

— Было очень трудно послать записку, — мягко подчеркнул он. — Если бы ты хоть на одну секунду задержалась в своем царственном шествии по ипподрому, я бы успел сказать, что встретиться невозможно.

— Ты превосходно знаешь, что я не могу разговаривать с тобой на публике. — Она вздохнула. Острое разочарование из-за прошедшей ночи слегка поблекло от сознания его близости. — И как я понимаю, сейчас ты уезжаешь?

— Боюсь, что так... какая потеря времени, которое можно было провести с тобой! — Он заключил ее в объятия и приник к ней долгим поцелуем. — Приходи сюда завтра вечером, — прошептал он. — Мой друг уедет, и я буду в доме один.

— Я подумаю об этом, — небрежно бросила она, но, отъезжая, Тиффани знала, что перевернет небо и землю, а сюда придет.

Однако оставалась еще проблема, как убить целый час, — и она вспомнила о Миранде. Возможно, она найдет ее, если догадка верна.

— На кладбище, — сказала она вознице.

— На старое или новое?

— О Боже, не знаю... на старое, наверное...

Но это действительно смешно, сказала себе Тиффани, входя в ворота. Ей, может, и на самом деле скучно, но заехать в такое мрачное место! Она слегка вздрогнула. Ей вовсе не хотелось бродить среди могил, и в особенности, она не желала никаких семейных ассоциаций. Но по какой-то необъяснимой причине она продолжала медленно идти вперед, почти против воли разглядывая могилы. Большинство из них имело только номера, но малочисленные надгробия подтверждали, что это кладбище первопоселенцев, похороненных здесь с 1871 по 1905 годы. Мужчины, женщины и дети, умершие от лихорадки, оспы, погибшие в шахтах, и многие были такими молодыми! Лицо Тиффани хранило спокойствие, но даже она помедлила у могил семи членов одной семьи, умерших в течение двух лет. Это были трудные годы, бесстрастно думала Тиффани, и алмазы оплачены дорогой ценой. С нее они тоже требуют высокую цену.

А вот и Миранда. Она стояла на коленях, на земле, спиной к Тиффани, и собиралась

раскладывать цветы. Кроме них двоих, казалось, на кладбище никого не было, и, не желая, чтобы Миранда ее видела, Тиффани пригнулась за высоким надгробием, обеспечивающим хоть какое-то укрытие. Она рискнула взглянуть в сторону Миранды, и внезапно сердце ее сжалось — ей показалось, что она видит тень, ползущую среди соседних могил! Господи! Меня в дрожь бросает от этого места, и что я здесь делаю, не знаю! — сказала она себе. Когда она снова выглянула из укрытия, Миранда уже уходила. Тиффани подождала, пока та не скроется из виду, а потом медленно направилась туда, где Миранда преклоняла колени.

Две могилы выглядели опрятными и хорошо ухоженными. Возможно, Мэтью платил кому-нибудь, чтоб за ними хорошо приглядывали. Надпись на большей из двух плит гласила: *«Николаас Графтон, дражайший друг и шурин Мэтью Брайта, умер во время осады Кимберли, в феврале 1900 года»*. Брат ее матери. Внутри у нее все сжалось. Не следовало сюда приходиться... Она резко повернула голову и наткнулась взглядом на второе надгробие. Она не вчитывалась в текст, но и того, что она увидела, было вполне достаточно. *«Виктория, возлюбленная дочь Энн и Мэтью Брайтов, умерла в июле 1884 года в возрасте одного года»*. О Господи, еще одна маленькая сестричка. По какой-то необъяснимой причине у Тиффани подкосились ноги. Она внезапно увидела Мэтью и ту женщину с портрета на том же самом месте у маленького гробика ровно тридцать лет назад. Она стиснула руки, пытаясь овладеть собой. Нашей матери, подумала она, ища поддержки в собственном сарказме, не слишком-то везло с дочерьми: одна умерла во младенчестве, другою забрали у нее сразу после рождения и она сама умерла, давая жизнь третьей...

Рядом с ней возникла тень, нависнув над могилой, и когда ее плеча коснулась чья-то рука, у нее непроизвольно вырвался крик.

— Мы снова встретились, миссис Корт.

Она почувствовала такое облегчение, что это оказался человек из плоти и крови, что не преминула яростно на него обрушиться.

— Какого черта вы смеете так ко мне подкрадываться?

— Я не подкрадывался к вам, Тиффани. *Вы* не глухая.

Это что, намек на Миранду? И что он имел в виду своим «мы снова встретились»?

— Я вас не знаю. — Однако нечто знакомое в нем все-таки было.

— Дани Стейн.

Теперь она вспомнила. Этого человека она встречала в Претории, когда ей было десять лет. Он водил ее к себе на ферму, чтобы показать портрет своей сестры Алиды. С тех пор его имя возникало в беседах отца с Фрэнком Уитни, и еще ей казалось, будто его же упоминал Рэйф. Она смотрела на него с удивлением, не испытывая дурных предчувствий, — все ее мысли вращались только вокруг имени Алида.

— Какое совпадение, что мы одновременно оказались в Кимберли.

— Это совпадение отчасти. Я приехал повидать другую... дочь Мэтью.

— Почему же вы не заговорили с ней минутой назад.

— Я не хочу, чтобы она знала, что я здесь — пока не станет слишком поздно.

Этот человек говорил загадками.

— В таком случае, — сказала Тиффани, — надеюсь, вы приехали не издалека.

— Я приехал из Юго-Западной Африки. Я был в Людерицбухте в 1908 году. — И со значением добавил: — В августе 1908 года.

У Тиффани пересохло в горле.

Дата и название ни о чем мне не говорят... кроме открытия там алмазов, разумеется.

— Я думаю, они говорят, вам гораздо больше. — Он демонстративно посмотрел на надгробия.

Молчание воцарилось на пустынном кладбище, тишина, не нарушаемая ни дуновением ветра, ни пением птиц. Тиффани стояла неподвижно, охваченная ледяной дрожью, испытывая лишь жуткую уверенность, что он *знает*.

— Идемте со мной, — сказал он. — Здесь есть еще одна могила, которую вам следует навестить.

— Спасибо, нет! Для одного дня я видела могил более, чем достаточно!

Она повернулась к воротам, но он схватил ее за руку и потянул за собой, несмотря на сопротивление. Он был меньше ее ростом, но хватка его была железной, и он заставил ее остановиться. Тиффани прочла имя и закрыла глаза... Алида...

— Моя сестра, — сказал он. — Но вам, разумеется, это известно. Вы узнали что-нибудь о *вашей* Алиде?

— Нет.

— Ваши глаза говорят, что узнали — *ее* глаза. Должен признаться, что готов снять шляпу перед Джоном Кортон. Не всякому мужчине удаюсь бы наставить рога Мэтью.

— Вы превосходно владеете английским языком, мистер Стейн, но, к сожалению, я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Именно ваш отец научил меня английскому языку. Он всегда был добр ко мне и моей сестре. Поэтому не надо глядеть с таким страхом — я не собираюсь причинить вреда *вам*.

— Я не боюсь! — Но она боялась и отчаянно. Наперекор рассудку ей хотелось, чтобы здесь оказался Мэтью. Он бы знал, что делать с этим, сумасшедшим.

— Ее глаза, — повторил Дани. — У него была точно такие же.

Он, кажется, намекает, что... Тиффани в немом изумлении уставилась на него.

— Вы, должно быть, поняли, что я сделал с вашим братом, — мягко сказал, он. — Видите ли, я обещал Мэтью, что продолжу борьбу в следующем поколении.

И очередь за Мирандой... У Тиффани по коже поползли мурашки. Ее словно обволокла вязкая паутина всепоглощающего ужаса.

— Почему? — сипло выдавила она. — Почему вы враждуете с Мэтью?

— По многим причинам. — Он выпустил ее руку и нежно коснулся надгробия. — Но главным образом из-за Алиды. Она умерла, рожая его ребенка... а она была единственной моей настоящей семьей, и обещала никогда не покидать меня! — На миг в этих странных серо-зеленых глазах выразились боль и мука, но почти сразу же их сменила ненависть. — Я был тогда всего лишь ребенком, и только много позднее я понял, что он никогда не собирался жениться на ней — порядочная бурская девушка была для него, видите ли, недостаточно хороша. — Он сделал паузу. — Вы ведь не скажете Девериллу, что я здесь, правда? И не предупредите Миранду? Нет, конечно, вы этого не сделаете, потому что Мэтью отверг и вас. Вы тоже были для него недостаточно хороши.

Тиффани повернулась и бросилась бежать прочь с кладбища в иллюзорную безопасность своего экипажа. Он безумен... Он наверняка безумен... Она обязана предупредить Миранду... — но разве Дани не представляет также угрозу и для нее? Он знает. Что, если он расскажет Рэндольфу? Едва она оказалась близка, чтобы вырваться на свет, как тьма снова сомкнулась вокруг нее. Но она победит! Завтра она получит телеграмму из Лондона, подтверждающую покупку акций, а потом она сможет бежать из Кимберли.

Сжавшись в углу экипажа, Тиффани почувствовала тяжесть бриллиантового кулона на

груди, и сквозь платье прижала к нему руку. Она все чаще надевала этот кулон, несмотря на то, что он был связан в ее памяти с Филипом, была им очарована... покорялась ему. Она знала, что не предупредит Миранду, но вместе с внутренним холодом в ней росло глубокое и жуткое желание разрешить кошмарную загадку: чья смерть ей была бы более выгодна — Миранды, Рэндольфа или Дани?

Глава двадцать четвертая

В понедельник Миранда посетила офис «Даймонд Компани». Она была встревожена поскольку тон приглашения мистера Памбертона был весьма настойчив, и беспокоилась, что услышит дурные новости об отце. Прибыв в таком настроении к секретарю Компании, она чуть живая вошла в кабинет, но когда села, то первые его слова позволили ей слегка расслабиться.

— Сэр Мэтью просил меня ознакомить вас с некоторой информацией, касающейся Компании.

Он взглянул на лист бумаги на столе, потом на девушку, сидящую напротив. Естественно, он был осведомлен об интересе председателя Компании к связям Антона Элленбергера с Юго-Западом, но не представлял, какова в этом роль девушки? Единственный ответ, который напрашивался: сэр Мэтью затеял какую-то свою игру. В этом случае Памбертон его поддерживал. Он был «человеком Брайта» и верил, что все действия Мэтью полезны для индустрии в целом.

— Вы должны помнить, что два года назад умер Делиус Вернер, и его холдинг в Компании исчисляется приблизительно десятью процентами. И вы, возможно, видели сообщения, что его распорядители выставили пакет акций для продажи.

В горле у Миранды пересохло — стратегия Тиффани начала понемногу вырисовываться перед ней.

— Да, я видела заметку в газете. Акции поступят в открытую продажу.

— Нет, это могло бы снизить цену, что невыгодно наследникам Вернера. Продажа проводится распорядителями приватным образом. Мы только что получили от них сообщение, что им сделано предложение, и оно рассматривается.

— Кем? — Пожалуйста, пусть будет другое объяснение! О Боже, пусть покупателем окажется кто-то другой.

— Мы не знаем, — сухо сказал Памбертон. — Распорядители сообщили, что предложение сделано через посредников, и они, конечно, не занимаются выяснением личности клиента. Это тайна, и нет необходимости говорить, что она тщательно соблюдается как при сделках в Лондоне, так и здесь тоже.

— Но вы, конечно, как секретарь Компании, обязаны быть информированы? Разве «Даймонд Компани» не обязана знать?

— «Даймонд Компани» не может диктовать, кому продавать ее акции. Мы можем только предложить распорядителям наследства Вернера действовать со всей ответственностью, имея в виду и наши интересы.

Это уже не имеет значения, горько подумала Миранда, потому что я знаю, кто покупатель, так же, как и папа.

Она встала и подошла к окну, где остановилась, глядя на тихую улочку Кимберли, одним из основателей которого был ее отец. Она не видела ни пыли, ни убожества, ни

жестяных крыш и безобразия окружающего пейзажа. Главным для Миранды было здесь само производство, которому посвятило свою жизнь множество людей, и в особенности это касалось одного человека, миссию которого она выполняла.

Она потеряла несколько дней, размышляя только о своих брачных перспективах. Тиффани же действовала как настоящий профессионал. Или же это была идея Рэндольфа — как удобно, должно быть, иметь мужем своего коллегу, с которым можно обсуждать такие вопросы. И снова на Миранду навалилось одиночество — если бы только она могла поговорить с Мэтью, если бы путешествие паромом не занимало целых две недели. Она мысленно вернулась к дню своего рождения и ножу для резания торта — в ее глазах этот нож превратился в кинжал, приставленный к горлу ее отца. Битва за алмазные россыпи Юго-Запада стала битвой за контроль над Даймонд Компании и индустрии в целом.

Потрясение может убить Мэтью... власть — это его жизнь.

— Мистер Памбертон, я буду благодарна вам, если вы на полчаса предоставите мне место в конторе. Также будьте любезны принести мне шифровальную книгу Компании — я собираюсь послать телеграмму отцу строго приватного содержания.

Послание было коротким и сжатым, там просто сообщалось, что «таинственным покупателем» должна быть Тиффани Корт и в этих обстоятельствах Мэтью обязан сделать наследникам Вернера более выгодное предложение.

Но если он способен купить эти акции, спрашивала себя Миранда, почему он этого уже не сделал?

В глубокой задумчивости она вошла в помещение телеграфа и столкнулась с *ним*.

— Рэйф!

Ее лицо просияло — ее вдруг озарило, что Рэйф — именно тот человек, которого ей хотелось увидеть. Он сказал, что он на ее стороне, а ей так отчаянно нужно с кем-нибудь поговорить! Но ее улыбка потухла, когда она заметила озабоченное выражение его лица.

Он приподнял шляпу, но замедлил шаг только для того, чтобы сказать:

— Дорогая девочка, мне сейчас некогда.

— Но мне нужно поговорить...

— В другой раз! — крикнул он через плечо и поспешил прочь.

Не зная, рассержена она больше или расстроена, Миранда отправила телеграмму и вернулась домой. Оттолкнул ли он ее, поскольку она его не волновала — потому что в действительности он влюблен в Тиффани, или он на самом деле просто занят? И что могло произойти такого важного? «Дорогая девочка», — назвал он ее и в который раз Миранда прокляла то обстоятельство, что понимает только слова, а не их интонацию.

Она неустанно ходила по дому взад-вперед. Ей хотелось поговорить с ним, но мешало старомодное воспитание, не позволявшее проявлять инициативу навязывать свое общество. Однако, когда день сменился сумерками, она признала, что желание получить его совет и руководство было не единственной причиной. Она жаждала прояснить его чувства к ней и свои к нему, до предстоящего свидания с Антоном в среду.

Она накинула пальто и выйдя черным ходом, направилась через сад на улицу. Темнело, и она шла очень быстро; хорошо, что дом, где остановился Рэйф, располагался довольно близко. На подходе она резко остановилась, потому что у ворот стоял экипаж. Это еще ничего на значило... вероятно, посетитель приехал к владельцу дома... но, с другой стороны... Не обращай внимания, твердо сказала она себе, просто поднимись на крыльцо, позвони и узнай, дома ли он. Но вместо этого ее непреодолимо повлекло в обход дома, туда,

где на лужайку струился свет из нижнего окна. Чувствуя себя невыносимо глупо и неловко, Миранда заглянула внутрь.

Рэйф стоял у камина. Он отвернулся от окна, поэтому Миранда не могла понять, что он говорит. Миранда осторожно подкралась поближе и увидела раскинувшуюся на софе Тиффани. На ней были черные шальвары и черная туника. Одной рукой она опиралась на подлокотник софы, другой подносила ко рту сигарету в длинном черном мундштуке. Миранда смотрела, как Рэйф пересек комнату и сел на софу, смотрела, как он вынул сигарету из пальцев Тиффани и затушил, смотрела, как он обнял Тиффани и поцеловал...

Миранда бежала всю дорогу до самого дома и перешла на шаг только достигнув садовой калитки.

Она прислонилась на миг к садовой ограде, чтобы перевести дух, и от сердечной боли закрыла глаза. Когда она снова открыла их, у нее возникло странное ощущение, что рядом кто-то есть. Она слегка напряглась, и обвела взглядом высокие деревья и густые кусты, но никого не заметила. Охваченная внезапным испугом, она подхватила юбку и бросилась к дому. Садовая калитка с грохотом хлопнулась за ней. Как только она оказалась в доме, страх испарился, осталась лишь одна пустота. Она выяснила, что хотела, но результат был противоположен желаемому: она любила Рэйфа, а он любил Тиффани.

Тиффани лежала в постели Рэйфа теплая, пышущая довольством. Он склонился над ней, а его пальцы лениво играли кулоном.

— Я видел похожий бриллиант раньше, — пробормотал он, — но не помню, где.

— Надеюсь, не при таких же обстоятельствах?

Он рассмеялся.

— Если бы при таких, как бы я мог забыть? Кроме того, — и он прижался губами к изгибу ее шеи, а оторвавшись, продолжил: — за все время пока существует мир, не было женщины, столь же прекрасной как ты.

Тиффани ласкала его спину деликатно, но чувственно, проводя по ней своими пальцами и наслаждаясь этим ощущением также, как и его запахом и голосом. Она занималась любовью с доселе неизвестной ей яростью, как если бы оргазм мог изгнать из нее дьявола. Хотя она и не находила абсолютного покоя, в его объятиях она словно бы отдыхала в тихой гавани — но прежде чем достигнуть ее, нужно было пережить девятый вал. Прижавшись щекой к его волосам, Тиффани сознавала, что любит его, владеет им, и на сей раз, неважно ценой каких опасностей или жертв, — она *удержит* его.

— У тебя всегда был прекрасный глаз на драгоценности, — сказал он.

— У тебя тоже неплохой. Во время нашего делового сотрудничества ты нашел несколько превосходных образцов. Я все еще считаю, что это безумие — отказываться принимать плату за труды.

— Партнерство компенсируется. — Он взял в ладони ее груди и положил голову ей на плечо. — Ты все еще держишь определенный лист в гроссбухе открытым?

— Конечно.

— Там должен быть солидный баланс.

— Весьма... особенно после того, как добавились общие проценты.

— Общие проценты! Господи Боже, не хочешь ли ты сказать, что под этой оболстительной оболочкой скрывается честная душа?

— Разумеется, — оскорбленно заявила она. — Я хочу, чтобы ты взял эти проклятые

деньги!

— Заставь меня.

Ее поцелуй был страстным и продолжительным, и, когда Рэйф оторвался от нее, ему пришлось сделать глубокий вздох.

— Ну хорошо, ты победила. Это против моих правил, но я обнаружил, что в настоящий момент у меня нехватка наличных. Ты можешь вернуть долг?

Перевести тебе деньги в Кейптаун?

— Нет, в мой банк в Лондоне. Я объясню тебе детали... после... и он снова жадно потянулся к ней. — Надеюсь, что ты не пожалеешь о своей честности.

Никогда не жалеть, никогда не объяснять, никогда не извиняться...

— Я пожалею о ней не больше, чем об *этом*... — Она охнула и яростно обняла его, когда он вошел в нее. — Но, дорогой, — прошептала она, — я жалею о том, что спуталось той ночью, дорогой Рэйф, я *жалею*...

Тиффани приехала домой прежде, чем Рэндольф вернулся из клуба. На столе в холле лежала телеграмма. Тиффани в волнении вперилась в нее — в телеграмму, что должна была подтвердить покупку акций, известие, которое освободит ее от Рэндольфа и принесет победу над Мирандой. Слегка дрожащими руками Тиффани вскрыла конверт.

Среда — и Тиффани явно победила.

Только что пришла телеграмма от Мэтью: акции Вернера проданы «неизвестному покупателю». С откровенностью, выдававшей его тревогу и горькое разочарование, он объяснял Миранде, что неспособен сделать равноценное предложение. Обязательства перед Синдикатом ограничивали его ресурсы, и, честно говоря, он уже обнаружил, как трудно будет выделить деньги на сделку с Юго-Западом, потому что ему пришлось бы предъявить акции «Даймонд Компани» как обеспечение, а на таких условиях ни один банк ссуды не предоставит.

Миранда открыла шкатулку, где лежали фамильные драгоценности Брайтов, и достала ожерелье. Камни тускло поблескивали — их таинственная магия ослабла в сумраке комнаты. Что из того, что это ожерелье — одно из самых ценных и красивых в мире? Невозможно выговорить, но только это правда — если состояние заключено в бриллианты, то от него нет никакой пользы, когда нужно иметь наготове крупную сумму наличными! И однако же ей приходится сражаться за эти проклятые бесполезные стекляшки! В несвойственном ей порыве ярости Миранда швырнула ожерелье через комнату. Оно шлепнулось на постель, где и осталось лежать бесформенной кучкой, словно насмехаясь над ней.

Мысли ее вернулись к последним строкам письма Мэтью: *«Поговори с Антоном еще раз. Используй то влияние, которое имеешь»*. Но что папа имеет в виду под «влиянием»? Или об этом, что скорее всего, он предоставлял судить ей.

Она достаточно узнала за последние недели, чтобы понять — Мэтью не был тем идеальным джентльменом, каким она себе его воображала. Он был расчетливым и безжалостным дельцом, ни перед чем не останавливавшимся ради достижения своих целей, однако он бы не принес дочь в жертву по собственной воле: он предоставлял выбор ей самой. Однако Мэтью не представлял истинной цены этого выбора, ибо он не знал, что она влюбилась в Рэйфа Деверилла. Для большинства людей выбор был бы ясен: алмазы либо

мужчина, но для Миранды дело обстояло сложнее — выбирать приходилось не между алмазами и мужчиной, а между Мэтью и Рэйфом.

Такова была ситуация до вечера понедельника. Теперь выбора не оставалось. Рэйф влюблен в Тиффани, а Мэтью надеется на нее, Миранду. Во имя долга ей суждено заключить брак, полезный отцу. Все указывало на то, что больше она ни на что не годится.

Ее мысли вернулись к Филипу, который и заронил в ее сознание это представление о собственной второсортности. Насколько близок он был с Тиффани? Может быть, это разрушительная сила Тиффани повлияла на него и именно она была причиной того, что он запил? Или это *ее* вина — она забрала всю любовь отца и ничего не оставила брату, как заявляла Тиффани?

Миранда устало подняла ожерелье и положила его обратно в шкатулку. Затем открыла гардероб и достала платье, которое собиралась надеть для сегодняшней встречи с Антоном — одну из так называемых «ошибок», что прежде она никогда не осмеливалась носить — наряд, вдохновленный «Шахерезадой» и более подходящий для сцены, чем для вечера. Его шелковые полы облевали, струились, трепетали. По стилю оно напоминало лилово-красный наряд Тиффани, в котором она была при первой их встрече. Но платье Миранды было синих, зеленых и бирюзовых тонов, мерцающих, как море в солнечном свете. Служанка высоко зачесала ей волосы со лба, так, что они свободными волнами падали вдоль спины, подчеркивая чувственные линии ее тела, но Миранда не испытывала никакого удовольствия от созерцания собственной красоты, отраженной в зеркале — она видела только патетическую пародию на девственницу, приносимую в жертву.

Затем ей подали визитную карточку и сообщили, что ее ждут в гостиной. Мой Бог, он действительно умеет выбирать момент!

Он отметил каждую деталь ее наряда и явно высоко его оценил.

— Вы хотели меня видеть?

— Больше — нет.

— Но на телеграфе... я бы поклялся...

— Это было два дня назад, капитан. С тех пор обстоятельства изменилась.

— Я работал.

— Вы называете это *работой*? — Она не могла подавить вспышки гнева. — Позвольте мне вас больше не задерживать.

— И вы не пригласите меня на обед?

— Я обедаю с Антоном.

Не ходите, Миранда. Лучше поговорите, со мной. Вы можете услышать кое-что, полезное вам.

— Мне будет полезнее провести время с Антоном. Тиффани думает, что она победила, но я еще не сдалась.

Он усмехнулся.

— Так вы собираетесь сбросить свои белые перчатки и драться?

Миранда холодно взглянула на него.

— Честно говоря, капитан, я думаю, будет больше пользы, если я сброшу платье.

Брови его поползли вверх, но была ли это искренняя тревога за нее или издевательская насмешка Миранда не смогла бы ответить.

— Эй, не заходите так далеко.

— А вы не одобряете? — Она сознательно использовала то же выражение, что

услышала от него, когда обвинила его в контрабанде. — Леди не должны вести себя так гадко. *Тиффани* бы ни за что так не поступила!

— Напротив, она поступила бы именно так. Но вы — не *Тиффани*. — Он придвинулся ближе. — Вы обе такие разные, как огонь и вода. *Тиффани* вся — жар и пламя, она сверкает, искрится и пылает. Но вы — вы как русалка в этом платье, — он осторожно коснулся ее наряда, — как океан, спокойный и холодный, но скрывающий подводные течения, которые сразу не обнаружишь. Ваши воды темны и прозрачны, так что мужчина не может сразу заглянуть в ваше сердце. — Рэйф сделал паузу. — Но подумайте, *Миранда*, если огонь и вода вступят в борьбу, какая из двух стихий победит?

На что он намекает — на алмазы или на себя? Но что бы он не имел в виду, это уже не имеет значения, ибо решение принято. Она подняла белый бархатный плащ, лежавший на кресле и накинула на плечи. Он распахнул перед ней дверь.

— Как бы сказал ваш отец по поводу своих больших сделок в Сити, не переоцените себя, — тихо произнес он.

Миранда не ответила. Она прошла к ожидавшему экипажу, оставив Рэйфа глядеть ей вслед.

Как бы она хотела теперь уметь управлять своим голосом, чтобы придать ему верный оттенок интимности. По крайней мере, она должна быть рада, что может сконцентрироваться на подборе точных слов.

Беседа с Антоном по-немецки, *Миранда* как бы хотела тем самым напомнить об их долгой дружбе и именно на ней сделать акцент. Мягко, но настойчиво она возвращалась к годам, проведенным Антоном в *Брайт Даймондс*, к его работе под руководством Мэтью, ко всему, чему ее отец научил его... деликатно намекая, что долги нужно возвращать.

— Вы были с «*Брайт Даймондс*», когда умер мой брат, — сказала она, когда с обедом было покончено. — Вы знакомы с условиями, которые установил мой отец ради будущего Компании?

Антон чувствовал себя крайне неловко. Он устроил эту встречу, ожидая получить известия от Кортов до нее. Личность таинственного покупателя акций Вернера была для него не меньшей загадкой, чем для *Миранды*, и он не понимал, почему Рэндольф с ним не связался. Что ему делать? Перспектива использования капиталов Рэндольфа и этих акций ослепляла; близость этого прекрасного лица и тела поражала не меньше. Антон отвел глаза и постарался сосредоточиться.

— Я понимаю вашего отца, поставившего вас во главе фирмы. Старшему сыну леди *Брайт* только тринадцать лет, поэтому контроль над индустрией вашего отца в обозримом будущем связан с вами. Однако, — он ненадолго умолк, у вас блестящие способности, и если сэра Мэтью, к несчастью, постигнет смерть, для вас не составит труда продолжить его дело.

— Ошибаетесь. Да, я могу управлять «*Брайт Даймондс*», но вы действительно можете представить, чтобы женщина стояла во главе «*Даймонд Компани*»? Сейчас 1914 год, а женщины Британии до сих пор даже не обладают правом голоса, несмотря на все усилия моей кухни *Джулии*! Нет Антон, джентльмены лондонского Сити никогда с этим не согласятся.

Это не лишено смысла, — подумал Антон. Истинное значение слов *Миранды* состояло в том, что она предоставит своему мужу место в совете директоров «*Даймонд Компани*» и передает ему право голоса в «*Брайт Даймондс*», но...

— Сэр Мэтью сильно озабочен сохранением в названии Компании своего имени. Он желает, чтобы имя Брайтов продолжилось в алмазной индустрии, однако... — Он осекся.

— Мне приходило на ум, что мой муж может сменить свою фамилию на Брайт, но если это по чему-либо окажется невозможным, тогда отцу придется изменить свою позицию.

— А вас беспокоит эта проблема?

Миранда глядела в огонь, так что он не мог видеть сражения ее глаз. Ей было трудно сказать ему, что ее не беспокоят ни имя Брайтов, ни их алмазы. И она не могла сказать ему, что ее единственная цель — защищать позиции Мэтью в «Даймонд Компани», пока он жив: их собственный пакет акций в тридцать процентов плюс пять процентов Антона и юго-западные алмазные россыпи легко перевесят двадцать пять процентов Тиффани — Миранда неосознанно добавила акции Вернера к прежнему холдингу Тиффани.

— Нет, я не думаю об имени.

— Но как вы поступите, когда дети леди Брайт войдут в возраст? Сыновья Лоры могут счесть вашу позицию и вашего представителя неприемлемыми. Ясно, что пока слишком рано говорить, насколько каждый из них проявит интерес к бизнесу, — сказала она, — но, конечно, ничто не решается в один момент, и кроме того, есть столько способов устранить недовольство. Я начну с того, что увеличу пакет акций каждого из них вдвое, и, по крайней мере, двум из них предоставлю возможность извлечь из этого выгоду. К чему бы это ни привело, у моего мужа в запасе будет достаточно времени, чтобы укрепить свою власть.

Во второй раз она произнесла это слово — муж. Но что же выбрать? Принять титул кронпринца или двигаться дальше вместе с Рэндольфом Свергателем Королей? Даже без акций Вернера, в финансовом плане он отдавал предпочтение Рэндольфу, — но Миранда была так прекрасна!

Она сидела очень близко, почти касаясь его, слегка нагнувшись так, что низкий вырез платья открывал ее грудь, бирюзовый шелк вздымался и опадал в такт ее дыханию. Антон желал ее как до сих пор не желал ни одну женщину в мире, но как он осмелится даже коснуться ее? Он мечтал жениться на ней с тех пор, как она была еще маленькой девочкой, но страшился ее красоты и положения в обществе. И вот пришел момент, когда легко можно было достичь невозможного, но он понял, что в этом бы что-то чудовищно неправильное: И разве дело только в финансовых обстоятельствах? Ему просто хотелось мирного, счастливого приложения к своему бизнесу, чтобы жена смотрела на него снизу вверх, а он чувствовал себя десяти футов роста... Возможно, он хотел слишком много, однако на фоне иных его амбиций существовала женщина, которая заставляла его чувствовать именно так, женщина, с которой ему было уютно. Он вздрогнул, когда все понял, но это, конечно, еще не причина?

— Вдобавок, — продолжала Миранда, — я могу, добавить еще пять процентов.

Внезапно словно что-то кольнуло его, он склонился и прижал палец к ее губам.

— Нет, — с усилием произнес он, — не надо, прекратите! Миранда, не нужно *продаваться* мне!

Словно против воли его руки обвилились вокруг ее тела и он прижал ее к себе. Но о чем он думает? Как он мог так поступить? Как мог пасть так низко — или это алмазы влекут его в пропасть, в бездну, где он должен будет подчинить ее себе. Но он слишком любил ее, чтобы унижать или принуждать к браку без любви.

— Пожалуйста, — сказал он, выпуская ее, — простите меня. Я вовсе не хотел, чтоб это случилось! Ситуация выходит из-под контроля, и я не вполне понимаю, почему — хотя

думаю, во многом из-за усилий Рэндольфа и Тиффани Корт.

Выражение ее лица оставалось неизменным — спокойным и решительным.

— Миранда, я любил вас с тех пор, как вы были маленькой девочкой. Брак — вопрос не только деловой целесообразности. Я хочу, чтобы вы были счастливы, ради блага нас обоих.

— Мы бы всегда были счастливы друг с другом, — спокойно сказала Миранда.

— Возможно, мы сможем начать сначала, — в отчаянии предположил он, — сызнова, и выяснить, как мы на самом деле относимся друг к другу. Миранда я могу обсуждать финансы и акции, различные вопросы, связанные с юго-западными алмазами, но я не могу торговаться, когда речь идет о вашем счастье! Миранда улыбнулась. После этих его слов она почувствовала себя гораздо свободнее, его искренность и участие согревали ей душу, но в равной мере, с упрямой решимостью, она намеревалась преуспеть в своей миссии. Только брак с Антоном мог теперь спасти Мэтью, и поэтому она должна была пойти с последней карты, карты, которая оказалась в ее руках после смерти Филипа: обещания, что Антон может унаследовать трон ее отца.

— Мы поступим так, как вы считаете для себя лучшим, Антон, но я приняла на себя обязательство, и остаюсь при нем.

В тот же самый день, несколько ранее, в Кейптауне, Елена долго стояла, держа в руках газету, развернутую на странице с фотографией «алмазных наследниц», прежде чем положить ее на стол. Внимание ее было отвлечено, когда ее маленькая дочь совершила решительный бросок на четвереньках по направлению к двери. Елена подхватила ребенка на руки и села, радуясь, что сына муж забрал с собой в мастерскую. У няньки был выходной, и Елена одна совершенно замучилась. Но увидев фотографию в газете, Елена принялась быстро соображать, должна ли она немедленно бежать к мужу или может все-таки подождать его, когда он сам придет домой перекусить?

Она все-таки решила подождать и, встретив своих мужчин с нежной улыбкой, взъерошила светлые волосы сына. Пока муж смывал с рук машинное масло, она развернула газету и молча указала на фотографию. Он взглянул, вытер руки полотенцем, но газету не взял.

— Ну и что? Какое это имеет отношение ко мне?

— Дани. Как бывший газетчик он наверняка увидит этот выпуск. Но, думаю, он и без этого узнал, что она в Кимберли — у Дани свои каналы информации.

— Оставь это, Елена. Здесь могут быть обстоятельства, о которых ты понятия не имеешь. — Он решительно отвел взгляд от двух женщин на фотографии.

— Не могу оставить. Дани постоянно клялся продолжить свою вражду в следующем поколении, как он это называл. Он — угроза всем детям Мэтью Брайта. Дани сумасшедший, и если он был достаточно безумен, чтобы сделать это однажды, то ему хватит безумия повторить еще раз.

— Старые семейные дразги нас не касаются. Мы должны избегать встреч со всеми нашими родственниками, и в особенности мы должны избегать Дани Стейна. — Он устало сел, но взглянув в ее лицо, ласково улыбнулся. — Сейчас ты скажешь, что если я не попытаюсь спасти Миранду, то никогда не прощу себя.

— Нет, — ответила Елена, потрепав его по волосам, так же, как и сына. — Я собиралась сказать, что я бы никогда не простила тебя.

— В этот миг Миранда Брайт обедает с Антоном и, несомненно, предлагает ему свок прелестную особу на тарелочке, в то время как Антон гадает, почему мы не набиваем свою цену. — Лицо Рэндольфа, всегда бледное, приобрело оттенок пергамента. Он выбросил руку вперед и стиснул запястье Тиффани. — Так кто же купил эти акции — потому что, конечно, это была не ты?

Глава двадцать пятая

Она знала это выражение лица и страшилась его. Он сызнова подчинял ее своей воле, ярость и бешенство клокотали в нем до такой степени, что это снова и снова толкало его утверждать свою власть над ней — и физически и морально. Ухватив ее за руки, он почувствовал, как напряглось ее тело, однако ни что иное не выдавало ее страха.

— Я думала, что, возможно, покупатель — ты, — сказала она, глядя прямо ему в глаза. — Нет? Значит, Антон или Мэтью?

— Не будь смешна! Антона полностью проверили, и я не верю, что Мэтью Брайт в настоящее время мог наскрести необходимую сумму. Вдобавок, ни у кого из них нет причин приобретать акции анонимно. — Он вывернул ей руку и рванул ее так, что Тиффани буквально врезалась в него. — Ты проиграла, верно?

Ее лицо было бледным и напряженным, но глаза все так же горели непокорным огнем.

— Ты бы тоже не преуспел на моем месте. В понедельник я узнала, что некто предложил более высокую цену. Я соответственно тоже подняла цену. Сегодня мне сообщили, что соперник снова повысил цену и его — или ее — предложение принято. И, черт побери, что бы я могла, или ты, или кто угодно, здесь поделаться?

Рэндольф резко оттолкнул ее и отошел к окну. Чувствуя, что его злоба спала, Тиффани продолжала:

— Может, появление этого неизвестного — совпадение?

— Я не верю в совпадения. Однако я удовлетворен, что покупатель не связан напрямую с переговорами о юго-западных алмазных россыпях. Если бы Антон привлек другого финансиста, он бы пригласил его сюда, чтобы усадить за стол играть в покер вместе с нами.

— Тогда я должна выяснить личность покупателя и узнать, не собирается ли он перепродавать акции. Дозволит ли мой банкир снова поднять цену?

— Нет! Твой банкир будет вести розыск и переговоры сам! Ты уже достаточно навредила делу! — Рэндольф недвижно стоял у окна, но Тиффани чувствовала, как бушует в нем разрушительная энергия. — Распорядители наследства Вернера должны знать эту личность, — произнес он более про себя, — раз они считают, что это подходящий покупатель. По какой-то причине он или она раньше времени не хотят раскрывать свое имя.

— В таком случае, Антон и Миранда тоже находятся в неведении. И если это игра в покер, мы можем попытаться блефовать... и извлечь некоторую выгоду из их уверенности, что акциями владеем мы.

— Мы? Я не ослышался? Ты сказал «мы»? — Он холодно улыбнулся ей. — Так мы снова одна команда, дорогая?

Тиффани не ответила.

— В этой команде стратегию и прочее определяю я, — заявил он, — и ты должна заниматься только женскими делами.

— Что?

— Сватовством. Возможно, в конце-концов, на дне рождения Миранды ты была на правильном пути. Мы должны найти Антону другую жену.

— Блестяще! — фыркнула Тиффани. — И где, по-твоему, я должна ее искать? Уверена, что он уже изучил местный рынок невест, и в любом случае, я не вижу среди дам Кимберли ни одной подходящей кандидатуры.

— Тебе следует уделять больше внимания представительницам своего пола. Ты удивишься, какие выгоды это может принести.

— Любая выгода бледнеет перед невыносимой скукой в их обществе, — отрезала Тиффани. — Но ты не ответил на мой вопрос.

Рэндольф подозвал ее кивком головы. Тиффани была в ярости из-за его снисходительности — женские дела, как же, — но подошла к окну. Отсюда была видна Полина, прогуливающаяся по саду.

— Ты, должно быть, шутишь?

— Напротив, я совершенно серьезен.

— Но... *Полина!*

— Погляди еще раз. Моя младшая сестра выглядит не так уж и плохо, с тех пор, как сбросила вес.

Это была правда. Тиффани неохотно признала, что Полина могла бы сделать из себя нечто большее.

— Новая прическа, — продолжал Рэндольф, — несколько новых платьев — любого цвета, кроме розового или лилового. Ты должна принять ее под крылышко, дорогая, призвав на помощь весь свой бесподобный вкус.

Идея заняться внешним видом Полины казалась Тиффани на редкость унижительной и отвратительной, но взгляд Рэндольфа гипнотизировал ее, заставлял беспрекословно подчиняться его воле, окутывая жестокой, всепроникающей аурой зла, которую он источал. Она не могла сопротивляться, хотя и понимала, что успех плана Рэндольфа — замужество Полины — усиливал бы *его* позицию, не ее.

Кивнув с видимым безразличием, Тиффани отвернулась, и отошла от окна.

— Вдобавок мы должны найти мужа и для Миранды, — тихо сказал Рэндольф. — Я полагаю, одно имя всплывает в памяти сразу же, не так ли?

Она обмерла, и ей захотелось выбежать из комнаты, но Рэндольф оказался рядом и грубо схватил ее за плечи.

— Тебе не нравится эта мысль, — прошептал он ей в ухо. — Думаешь удержать его для себя, дорогая? Скажи мне, нежели Рэйф Деверилл такой хороший любовник? Что он делает такого особенного?

Тиффани лишь закрыла глаза, ни на что другое она была уже не способна. Ее ноги словно онемели. Губы Рэндольфа касались ее уха.

— Я прекрасно знаю, что происходит. Как я узнал? Просто я знаю *тебя!* И не пытайся удержать Деверилла. Я закрываю глаза на твои случайные интрижки, но не потерплю ничего другого!

Неожиданно он сдавил ее грудь и впился зубами в мочку ее уха так сильно, что Тиффани еле сдержала крик боли и отвращения. Он изобьет меня, подумала она и сжалась в ожидании удара, но в этот миг в холле послышались шаги, и он неохотно отпустил ее.

— Мы должны проявить инициативу, — спокойно сказал он как ни в чем не бывало. — Пришло время всем игрокам в покер сесть за один стол.

Она с трудом повернулась к нему.

— Устроим прием для узкого круга, — продолжал он, — пригласим Антона, и, естественно, будет присутствовать Полина. И будет неплохо пригласить Миранду... и постараться залучить Деверилла.

Тиффани оперлась на стол, чтобы не упасть.

— Невозможно, — вырвалось у нее. — Все мы вместе... и он не придет.

— Я не согласен. Как мы уже имели случай убедиться, капитан Деверилл — человек с характером. Кроме того, его может привлечь сюда и любопытство.

— Как он сможет прийти? Что скажут люди? Что *ты* можешь сказать ему?

— Я всегда могу притвориться, что никакого изнасилования не было — и для этого мне даже особого актерского таланта не потребуется.

— Ублюдок! — прекрасное лицо Тиффани исказилось так, что стало почти уродливым, а в глазах горела жажда смерти. Ее отвращение к нему, страх и опустошение, мечта по освобождению от него — все ясно читалось в каждой черточке ее лица. — О Боже, как я хочу, чтоб ты сдох! Какой вдовой бы я стала... какой веселой вдовой!

— К счастью, я в превосходном здравии, и для тебя гораздо умнее будет желать, чтоб я таковым и оставался. — Уверенный голос Рэндольфа не дрогнул. — Помни, что Антону нужен банк, который бы его финансировал. Помни, что он нуждается во *мне*, а не в тебе. А также, как бы ты ни была умна, Тиффани, ты не способна провести один из крупнейших банков Америки сквозь грядущие бурные времена и подготовить наших сыновей к роли, что им суждено сыграть. — У двери он остановился. — Ты сделаешь в точности то, что я тебе сказал — ни больше и ни меньше. Я намереваюсь заключить эту сделку с Антоном, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни, — потому что *я не буду побит* — никем и никогда! — Он бросил на нее уничтожающий взгляд и вышел из комнаты.

Тиффани упала в кресло. Ее ноги дрожали, лоб покрылся испариной. О, Господи, как она ненавидела быть женщиной, проклиная слабость женского тела, предававшего ее в критические мгновения, страдала от физической невозможности противостоять Рэндольфу. Единственным временем, когда она была счастлива, что родилась женщиной, с горечью подумала Тиффани, были лишь те короткие часы, которые она проводила в объятиях Рэйфа Деверилла.

Она подняла голову и увидела, что Рэндольф пересекает сад, чтобы поговорить с Полиной. Только через несколько минут, когда скверна, вызванная его присутствием, казалось, пошла на убыль, сверхчеловеческими усилиями воли Тиффани удалось совладать с собой. Она должна завоевать себе свободу. Она заплатит любую цену за эти акции — любую!

Рэндольф пригласил Антона на прием устно. Наконец-то, подумал Антон, — акции! Но чувство предвкушения победы явно потускнело, когда Рэндольф небрежно упомянул, что Миранда и Рэйф тоже приглашены. Корты жаждут триумфа, сказал себе Антон в пятницу вечером, собираясь в гости. Ему хотелось, чтобы Тиффани не была столь склонна к драматическим эффектам. Лично у него не было ни малейшего желания торжествовать на глазах у Миранды, а также оказаться в таком узком кругу с Мирандой и Полиной одновременно. Партия стала исключительно запутанной и стала вестись за пределами привычной ему территории. В будущем, решил Антон, мы будем иметь дела по возможности с мужчинами и стараться, чтобы спальня и контора были подальше друг от друга.

Стоило поразмыслить и над другой проблемой. Почему в список приглашенных включили Рэйфа?

Мысленно Антон представил себе всю эту шахматную доску, с которой так хорошо умел обращаться, и увидел, что партия в жестоком беспорядке. Правила нарушены и фигуры ходят совсем не так, как им положено. Это все из-за черной королевы, внезапно подумал он. Она обладает сильнейшим влиянием — ее желания разбить или завоевать противника определяют все ее ходы. Это разрушительное влияние, но она в этой партии самый интересный игрок.

Рэйф получил письменное приглашение, и понятия не имел, зачем его зовут. Но за двадцать четыре часа, протекших между получением приглашения и самим приемом, он начал разбираться в стратегии Рэндольфа. Это дерзкая затея, признавал он, — собрать вместе всех участников и, столкнув их лбами, посмотреть, что получится.

Вынужденное восхищение способностями Рэндольфа смешивалось в нем с исключительным отвращением к этому человеку. Как он ни старался, Рэйф не мог понять, что же связывает Рэндольфа и Тиффани. Как ни старался, он не мог представить, что у них уже трое детей. Тиффани очень изменилась и эти изменения проникли в самые глубины ее сердца и души. Ее голос уже не звучал так чисто, как колокольчик, а резкость, противоречивость ее характера были для него новы и глубоко тревожили.

Но когда Рэйф поправлял перед зеркалом свой белый галстук, он улыбался. Сегодня вечер, которого он ждал и... и чрезвычайно приятно, что Рэндольф так отлично подготовил сцену.

Первой реакцией Миранды было отклонить приглашение. Оно не могло быть ничем кроме ловушки — и самой лезть в нее ей не хотелось. Но затем она узнала от Антона, что они с Рэйфом тоже приглашены, и решила не оставлять Тиффани поле боя.

Из гардероба Миранда вынула самое вызывающее и роскошное из своих платьев. Из стола извлекла шкатулку с драгоценностями. Сегодня она покажет, кто настоящая алмазная наследница!

Когда-то она думала, что ничто на свете не сможет сделать ее красавицей, но отражение в зеркале доказывало Полине, что чудеса еще случаются. Кожа была чиста, хотя и немного желтовата, овал лица изящен, а темные волосы шелковисты. Сходство с Рэндольфом было заметно, но в карих глазах Полины, этих сияющих озерах, не отражалось ни капли жестокости, свойственной ее брату. Однако она сознавала, что перемены были не только плодом усилий Тиффани — восхищение в мужских глазах заставило ее расцвести еще сильнее.

Тиффани вошла в комнату и встала рядом.

— Я только хотела бросить критический взгляд на свою протее. Хм, приемлемо, я полагаю, но затмишь ли ты Миранду Брайт? — Тиффани саркастически улыбнулась.

— Соперничать с Мирандой должна не только я.

Тиффани расхохоталась, уверенная в непобедимости своей красоты, в безупречности своего черного бархатного платья с низким вырезом и в том, что ничто на свете не сможет затмить грушевидный бриллиант на ее груди.

— Я восхищаюсь Мирандой, — задумчиво продолжала Полина. — Другим людям

нужно бы бороться со своими душевными изъянами так, как она сумела победить свой физический недостаток.

— Тебе следовало адресовать это замечание своему брату.

Полина встала из-за туалетного столика, разглаживая полы топазового шелкового платья.

— Я должна прояснить одно обстоятельство, Тиффани — мою преданность брату. Если по какой-либо случайности мне удастся выйти замуж за Антона, не рассчитывай, что я стану использовать свое влияние на него в твою пользу.

И она выскользнула из комнаты.

Побледнев, Тиффани смотрела на себя в зеркало, встревоженная не бунтом Полины, а совсем по другой причине — то было осознание необходимости оставаться замужем за Рэндольфом. Она мечтала о разводе, — но он никогда ее не отпустит. Нет, борьба не на жизнь, а на смерть будет продолжена... или она осмелится пойти дальше? Неожиданно лицо в зеркале стало чужим, превратившись в меловую маску, пока Тиффани боролась с невысказанным... Затем она взяла себя в руки и спустилась по лестнице.

— Я понимаю твою тактику, — тихо сказала она Рэндольфу, когда он встретил ее в гостиной и протянул ей бокал. — Сознаю, что одна из причин сегодняшней встречи — желание поставить меня в неловкое положение. Но ты не преуспеешь. Ничто не сможет смутить меня — ничто на свете.

Антон оказался первым из гостей, и он заметил перемены в Полине — весьма определенно заметил. Он сел рядом с ней, но пока они вели оживленную беседу, его взгляд постоянно возвращался к Рэндольфу. Он ждет от нас упоминания об акциях, думала Тиффани, но ему придется подождать еще. Ее собственное внимание было приковано к двери, и, несмотря на всю решимость, напряжение в ней росло. Кто будет следующим? Ее сердце сжалось, когда распахнулась дверь, и в комнату вошел Рэйф.

Рэндольф встал, и какой-то миг двое мужчин бесстрастно смотрели друг на друга. Затем оба раскланялись, но ни один из них даже не подумал протянуть другому руку.

— Могу я предложить вам выпить, Деверилл? — спросил Рэндольф.

— Капитан пьет виски, — не правда ли, Рэйф? Как обычно? — Тиффани протянула ему руку, сияя улыбкой.

Углы рта Рэйфа заметно дернулись, когда он взял ее руку в свою.

— Я не видела вас после встречи на ипподроме, — хладнокровно солгала она. — Надеюсь, вы получили удовольствие от бегов?

— Не только удовольствие, но и выгоду.

— Значит, вы игрок?

— Боюсь, что так. Однако мне везет в игре!

Сдавленный звук привлек внимание — Антон поперхнулся глотком вина. Переведя дыхание, он укоризненно сказал Рэйфу:

— А ты говорил мне, что очень плохо разбираешься в лошадях.

— Разве? Это, друг мой, наверное было очень много лет назад. С тех пор моя удача сопутствует мне. — Рэйф очаровательно улыбнулся подозрительно глядевшему на него Антону. Так и должно было случиться, потому что я играю постоянно. Человеку в моем положении приходится как-то убивать время — я не часто получаю приглашения в приличное общество.

Рэйф говорил так, словно обстоятельства ничего не могли с ним поделать! Он выглядел

совершенно беззаботным и легкомысленным прожигателем жизни. Вдобавок, он был невероятно красив в своем вечернем костюме. Когда Тиффани взяла сигарету, он встал, чтобы помочь ей прикурить, и повернувшись спиной к остальным, подмигнул ей. Волна чудесного тепла прокатилась по телу Тиффани — он был единственным мужчиной, который понимал ее, и она любила его за это. Хотя она любила его еще по великому множеству причин. С Рэйфом она могла бы завоевать весь мир. Даже зрелище Рэндольфа, раскинувшегося в кресле словно змея, изготовившаяся к броску, не могло отравить этого мига глубокой и сильной радости.

— Мы рады, Деверилл, что вы приняли приглашение в наше общество, шелковым голосом произнес Рэндольф. — Возможно вы надеетесь, что эта дорога приведет вас к своего рода реабилитации?

— Я не тот человек, что живет надеждой, — ответил Рэйф, — но вы правы, полагая, что нынешний вечер изменит мою судьбу.

Легкая тень омрачила лицо Рэндольфа, но миготом исчезла.

— Возможно, вы связываете это с очаровательной мисс Мирандой Брайт, — заметил он. — Она будет здесь с минуты на минуту.

Рэйф улыбнулся.

— Я считаю, что с приходом Миранды связаны надежды или страхи всех нас.

Наступило короткое молчание, и в тишине даже стали слышны голоса в холле. Все медленно повернули головы, когда дверь отворилась и вошла Миранда.

Шелк цвета слоновой кости был так нежен, что казался паутиной, которая вся струилась и переливалась, простота линий платья подчеркивала каждый изгиб тела, корсаж едва поддерживался тонкими бретельками и низко открывал грудь. Кремовое мерцание кожи лица, плеч, груди подчеркивало мягкое вечернее освещение, но сегодня его совершенство ушло в тень... ибо Миранда надела драгоценности Брайтов. Тиара сверкала поверх золотой короны ее волос, браслет сиял на запястье, на правой руке горело массивное золотое обручальное кольцо с алмазом леди Энн, а на шее было великолепное фамильное ожерелье.

Именно ожерелье привлекло внимание Тиффани. Ее опытный глаз профессионально исследовал его и не нашел ни одного изъяна. Каждый камень был выбран и огранен мастерски. Их волшебная магия проникла в самое сердце Тиффани. Ее любовь к алмазам помогла ей понять, что в этом ожерелье они нашли свое полное выражение, и сознание, что оно не принадлежит ей, раздражало Тиффани без меры.

Впервые Тиффани не нашла, что сказать. Миранда вежливо поздоровалась с Рэндольфом, пройдя через комнату, по-дружески расцеловала Антона в обе щеки и села. С ее приходом все несколько притихли. Но Рэйф подошел, взял ее за руку и повернул к свету так, что сверкающие лучи крупного бриллианта-солитера брызнули прямо в глаза.

— Прелестно, — пробормотал он с тихим удовлетворением. — Это и есть бриллианты Брайтов?

Миранда кивнула.

— Это свадебный подарок отца моей матери. Папа самолично выбрал каждый камень здесь, в Кимберли, затем отвез их в Лондон и руководил обработкой. После смерти матери они перешли ко мне, потому что я — ее единственная дочь.

Желчь подступила к горлу Тиффани невыносимая боль терзала ее тело и душу. О Мэтью, безмолвно рыдала она, почему ты отверг меня, почему отослал меня прочь! Ты создал это ожерелье, и я могла бы носить его... если бы ты признал меня своей дочерью и

тогда могло бы *все* сложиться по-другому!

Отвергнутая... Это напомнило ей о Дани Стейне. Преследует ли он Миранду по-прежнему? Ей следует немедленно предупредить сестру... но губы ее так и не смогли выдавить этих слов.

За обедом Миранда сидела по правую руку от Рэндольфа.

— Я полагаю, мисс Брайт, скоро вы покидаете Кимберли?

— Что навело вас на подобную мысль, мистер Корт?

— Поскольку я завершил — или почти завершил — мои дела в городе, то решил, что и вы закончили свои.

— О нет, мистер Корт, я еще не закончила.

Заметив, что Антон прислушивается, Рэндольф продолжал:

— Возможно, вы имеете причины личного характера, чтобы продолжить свое пребывание. — И со значением глянул на Рэйфа.

Миранда вспыхнула, а Рэйф откинулся в кресле и улыбнулся.

— Но, конечно, есть некоторые препятствия... касаясь репутации капитана, — Рэндольф покосился на Тиффани. — Разве не было бы великодушно, дорогая, выбить клин клином и очистить имя капитана?

Тиффани стиснула зубы, но она поклялась, что он не лишит ее самообладания.

— Нет, — твердо сказала она.

Антон поспешно постарался сменить тему разговора.

— До отъезда вы должны посетить Шахту, — заявил он.

Тиффани покачала головой.

— Операции по добыче алмазов меня не интересуют. Меня привлекает готовая продукция, а не темные туннели и копание в грязи.

— Миранда?

Она не ответила, и Рэйфу, сидевшему рядом, пришлось дотронуться до ее руки, чтобы заставить говорить.

— Темные туннели меня тоже не интересуют.

Уж конечно... Тиффани вспомнила свои ощущения на лестнице иными вечерами — ни света, ни звука. Под землей, в Шахте, Миранда была бы весьма уязвима.

Кимберлийская Шахта существует только сорок лет, — заметил Рэйф, — и однако за это время произошли существенные изменения.

Антон согласился.

— От оврага к крупнейшей рукотворной пещере в мире, и от открытой добычи к сложнейшей системе подземных работ.

— Методы добычи — не единственный аспект индустрии, который подвергся изменениям, — Рэйф поднял бокал с вином, — насколько я представляю. Прежние старатели, например, позволяли себе любые запрещенные приемы — подделку заявок, НТА, даже убийства, но в наши дни крупнейшие битвы за алмазы происходят в кабинетах. — Он выпил вино и медленно опустил стакан на стол.

Все молчали.

— Кимберли полон, слухов о «таинственном покупателе» акций «Даймонд Компани», поэтому, похоже, что такая битва сейчас и начинается. — Рэйф сделал паузу, оглядывая бледные лица окружающих. — Разве все не зашло достаточно далеко? Разве не настало время разрешить наконец шараду?

— Как вы смеете совать нос в наши дела? — прошипел Рэндольф.

— Заметьте, Тиффани любит шарады, — Рэйф улыбнулся воспоминаниям. — Давай, Тиффани, выводи всех из неведения, предложи Антону акции.

— Нет!

— Если ты этого не сделаешь, он может подумать, что у тебя их нет.

— Я предложу их, когда захочу и буду готова это сделать.

— Ты никогда не захочешь, Тиффани, и, покуда эти акции имеют цену, никогда не будешь готова — потому что у тебя их нет.

Рэйф встал.

— Ты не сумела купить эти акции. *Я их купил.*

Его серые глаза выглядели осколками льда на худом смуглом лице.

— Мне не нужно говорить за этим столом, что у меня нет желания войти в алмазную индустрию. Мне нет нужды распространяться, что эта индустрия сделала со мной. Акции выставлены на продажу, но будут предложены только двоим: Тиффани и Миранде. — Рэйф пристально взгляделся в каждое прекрасное лицо, обращенное к нему, в каждую пару мучительно горящих глаз. — Вы хотите узнать цену, — тихо сказал он. — Финансовые условия одинаковы для вас обеих: я продам их за ту же цену, что заплатил за них сам, поскольку моей целью не является коммерческая выгода. Но для каждой из вас есть дополнительное условие. Для тебя, Тиффани, ценой будет ответ на известный тебе вопрос и восстановление моего доброго имени. Для Миранды ценой будет ее рука...

Глава двадцать шестая

За ним захлопнулась дверь.

Все вскочили на ноги, но никто не двинулся с места. Миранда и Тиффани не отрываясь смотрели друг на друга через стол.

Миранда победила, а она проиграла, и еще никогда в своей жизни Тиффани не испытывала муки более сильной. Она поклялась, что заплатит любую цену за акции — но Рэйф Деверилл потребовал одну-единственную, которую она заплатить не могла. А что до Миранды... Тиффани поглотила почти неконтролируемая волна ярости и отчаяния, — она потеряла все — алмазы, любовника и надежду на свободу. И одному Богу известно, что теперь с ней сделает Рэндольф.

Затем губы Миранды искривились, но не в милой и нежной улыбке, как обычно, а в издевательской победной усмешке, что была бы гораздо более уместна на лице ее соперницы. Не говоря ни слова, она вышла из комнаты, но Тиффани бросилась за ней и догнала у входной двери.

— Он любит меня, не тебя!

— После того, что вы ему сделали?

— Это сделал твой отец! Рэйф не насиловал меня... все было подстроено Мэтью. Брачное предложение Рэйфа затеяно из мести Мэтью Брайту, а не из любви к тебе.

Миранда и сама это понимала. Она была права с самого начала, когда коснулась этой темы на борту «Корсара»...

— А мне что за дело? Я не люблю его и я также способна выйти замуж по расчету, как и любая другая. — Миранда сделала паузу. — И, кроме того, брак с Рэйфом Девериллом имеет свои преимущества, не правда ли?

Желание ударить ее ошеломляло своей силой, и Тиффани с трудом удавалось не давать волю рукам.

— Ты не можешь выйти замуж и за Рэйфа и за Антона. Полагаю, тебе пришлось бы скакать из одной постели в другую, сохраняя выражение невинности, которое посрамило бы и саму Деву Марию. Это отвратительно.

— Это *бизнес*, — парировала Миранда, — и вы бы на моем месте сделали то же самое. Ваша проблема в том, что вы не на моем месте, хотя вам чертовски этого хочется.

— Ты не сможешь выйти за Рэйфа и вернуться в Лондон, потому что, клянусь, если ты выйдешь за него, я никогда не очищу его имя.

— Я все-таки попытаюсь. От вашего внимания ускользнуло, что я всегда в конце концов выигрываю и нахожу выход из положения. В любом случае я считаю, что вам пора признать поражение: вы не сможете заплатить названную цену.

— Конечно, смогу.

— Тогда позвольте проститься, поскольку я спешу кое-что прояснить. Все-таки Рэйф не изложил свою позицию совершенно определенно. Похоже, кто первой придет, ту первой и обслужат — извините за выражение.

Миранда надменно повернулась и покинула дом, но экипаж свой направила не к дому Рэйфа. Вместо того она вернулась к себе, и ее пыл несколько угас.

Выйти за Рэйфа Деверилла? Она не вышла бы за него, будь он даже единственным мужчиной на свете!

Это было невозможно по трем причинам: во-первых, она ни могла бы тогда вернуться к Мэтью, во-вторых, у Мэтью не было денег для покупки акций, и в-третьих... третья причина ранила ее сильнее всего — она любила его и была уверена, что он это знал, однако каждый раз, когда он обнимал ее, он думал о своей мести, каждый раз, когда он шептал: «Верьте мне», он лишь дурачил глупую глухую девочку.

Часть ее существа хотела плакать, часть — завизжать от несправедливости, но самая главная, та, что все-таки победила, твердила, что она, Миранда, по-прежнему должна одержать верх в этой борьбе, хотя теперь она должна поступать с Рэйфом так же, как с Антоном и Тиффани.

В поисках вдохновения Миранда прошла в старый кабинет Мэтью и села за стол, где он в прежние дни составлял свои грандиозные планы. Что бы теперь сделал Мэтью? *Рассуждай логически, Миранда, шаг за шагом*. Она закрыла глаза, и что-то начало выстраиваться в ее подсознании, пока внезапно не высветилось так ясно, что она почти услышала голос Мэтью: — «Откуда он взял деньги, Миранда?» и все встало на свои места.

Отбросив все моральные препоны вместе с привычной ей вежливостью с прислугой, Миранда приказала закладывать экипаж и немедленно везти ее к дому Антона Элленбергера.

В доме горел свет, и Миранда нетерпеливо оттолкнув домоправительницу, влетела в гостиную без всякого предупреждения.

— Я думал, что черная королева пугает игру, но теперь вижу, что это чертов белый рыцарь^[15], — говорил Антон. — Ради Бога, Рэйф, я просил тебя держаться в стороне... — он осекся, когда увидел ее.

В вихре шелка и блеске бриллиантов Миранда ворвалась в комнату. Игнорируя Рэйфа, она обратилась к Антону:

— Я не знаю, когда и где вы, Антон, вошли в партнерство с капитаном Девериллом, но

прочие детали ваших операций мне совершенно ясны. До сегодняшнего дня я совершила две ошибки: не подумала, где капитан продает свои алмазы, и верила, что цена этих камней слишком незначительна, чтобы повлиять на индустрию в целом. Теперь я убедилась, что его деятельность может быть выгодна индустрии и, в особенности, выгодна мне.

Антон попытался что-то вставить, но Миранда яростно продолжила:

— Вы оба сделаете то, что я вам велю, иначе я донесу о ваших противозаконных сделках!

— Но — это шантаж, Миранда, — запротестовал Рэйф, встав рядом с Антоном с обольстительной улыбкой на устах.

— А не нравится, можете подать на меня в суд за вымогательство! — взорвалась Миранда. — Да, это шантаж, а почему бы и нет? Почему я не могу обернуть ситуацию к своей выгоде? Ведь все остальные используют меня!

Рэйф печально покачал головой.

— Я бы не поверил, что вы на такое способны.

— Это не должно удивлять вас — именно вы назвали меня «дочь Мэтью».

— Так вы признаете, что папочка мог в свое время сворачивать с прямой дорожки?

— Да, — выкрикнула Миранда. — Да! Только из-за этого я не стала думать о нем хуже. Теперь я поняла, ценой каких жертв достигается успех. Потому что, — она повернулась к Антону, — мне противно это делать. Я относилась к вам как к другу, но если вы не признаете «Брайт Даймондс» своим партнером в Юго-Западной Африке, я расскажу, где и как вы раздобыли необходимые деньги, чтобы поставить на ноги свой бизнес.

— Даже если это правда, Миранда, вы ничего не сумеете доказать, — неуверенно заметил Антон.

— *Даже если...* Да ради Бога, хватит притворяться. Каждая наша беседа в Кимберли содержала «если» и «возможно». Это правда, и вы не в состоянии спрятать все концы в воду. Кроме того, происхождение камней можно вычислить, и хоть один матрос «Корсара» да сломается под следствием.

Миранда помедлила, а потом мягко продолжила.

— И кроме того, я могу распустить несколько грязных слухов, которые, исходя от милой маленькой Миранды Брайт, хлопающей ресницами в невинной растерянности, будут весьма убедительны. Явственный урон репутации первого гражданина Кимберли, вы же согласны?

Антон да ответил. В его положении в Кимберли были некоторые сложности, не приходившие пока на ум никому, кроме него. Он был немец, носил немецкое имя; если разразится война, в Кимберли возникнет антигерманская коалиция, которая сделает все возможное, чтобы последствия рикошетом сказались и на нем. Он не мог идти на скандал.

— Кстати, — резко продолжала Миранда, — предложение, сделанное мной раньше, сохраняет силу. Муж будет мне полезен, чтобы сохранять мои интересы в «Даймонд Компани» в случае смерти отца. Мы обсудим возможности нашего брака, когда атмосфера поостынет.

— Но, дорогая Миранда, — вмешался Рэйф, — вы же выходите замуж за меня из-за акций. Я думал, будет изящнее, если *вы* выйдете за меня ради денег, а не наоборот.

Миранда не обратила на него внимания.

— Я знаю, — сказала она Антону, — что капитан Деверилл меньше вас боится обвинений в контрабанде — его «доброе имя» вылетело в трубу много лет назад, однако перспектива тюремного заключения, возможно, заставит приутихнуть его брачный пыл.

Уверена, вы используете свое влияние на него, чтобы он продал мне акции за меньшую сумму, чем заплатил он сам — деньги будут выплачены, когда вы придете ко взаимному соглашению с моим отцом.

— Дорогая, если примете мое брачное предложение, вы получите эти акции даром, — настаивал Рэйф.

Миранда повернулась. Бриллианты сверкнули в свете лампы, но не ярче, чем ее глаза.

— Вы можете забрать свое брачное предложение, капитан, и если я задержусь еще на секунду, мне придется забыть о приличных манерах, чтобы описать совершенно точно, куда вам следует его себе засунуть.

Когда Миранда вернулась докой, она была измучена, но это была скорее эмоциональная усталость, поэтому она медленно бродила по дому, прежде чем задержаться у окна столовой, пристально вглядываясь в темный сад. Внезапно ее сердце сжалось, когда ей померещилась мелькнувшая тень — словно кто-то наблюдал за ней из окна. На миг она испугалась, но потом вспомнила, как Рэйф сказал в этой же самой комнате: «Прятаться в кустах — не в стиле Тиффани». Улыбка тронула уголки ее губ, но она была горькой. Миранда победила, но не чувствовала от победы никакой радости. Папа, ты тоже так же страдал? Было тебе так же больно? Почему-то Миранда была уверена, что для Мэтью подобная жертва была бы меньше, и предательство ему было бы перенести гораздо легче. Но вместо того, чтобы критиковать отца, она лишь позавидовала его удачливости.

После ухода Миранды Тиффани вернулась к себе в спальню, где отпустила горничную и сама разделась. Она тянула время, гадая, что же теперь делать... и что делает Рэндольф. Примерно через час дверь открылась, и он вошел, держа в руках трость с серебряным набалдашником.

— Ты не посмеешь! Полина...

— ...крепко спит. Я принял некоторую предосторожность, подсыпав ей снотворного. Моей сестре нужно расслабиться после такого огорчительного вечера.

Тиффани отшатнулась к стенке.

— Моя горничная...

— ...выскользнула из дома на свидание с любовником. Тебе действительно стоит уделять больше внимания окружающим, а же только себе.

Он тихо приближался к ней, сжимая трость, крутя, ее так, что тяжелый серебряный набалдашник угрожающе поблескивал. Затем замахнулся и ударил Тиффани по бедру так сильно, что она пошатнулась и упала на кровать. Он бил ее снова и снова по спине, ягодицам и ногам, пока она в тумане боли отчаянно старалась уворачиваться. Трость не повреждала ей кожу, не разрывала даже ночной рубашки, но нежное перламутровое тело сплошь покрылось багровыми синяками и кровоподтеками. Рэндольф ни разу не ударил ее по голове, но мучительная боль от каждого удара, казалось, проникала в самый ее мозг, так что она почти потеряла сознание — но она все еще не была полностью приведена к покорности. Она силилась откатиться на спину, глядя ему прямо в лицо — жестокое лицо, покрытое испариной, с горящими глазами и оскаленным ртом.

— На сей раз, Тиффани, мы не станем беспокоиться о следах на твоём теле. Мы скажем, что ты пострадала, когда упала с лестницы — потому что это правда, не так ли? Ты *очень* сильно ушиблась.

Она не могла больше этого выносить — физического оскорбления, его материального и

морального превосходства и подавления собственной личности.

Она хотела, она могла, она *должна* освободиться от него! Когда он склонился над ней, Тиффани потянулась и отчаянно ухватила за нож для разрезания бумаги, лежавший на столике возле кровати. Она знала, что он должен находиться там — она вскрывала им последнее письмо тети Сары с сообщением о детях. Ее пальцы нащупали нож, но она не испытала никакого облегчения от прикосновения холодной стали. Движимая только слепым отчаянием, она собрала все свои силы и направила нож в грудь Рэндольфа.

Но он почувствовал опасность раньше и успел отклониться, так что она лишь нанесла удар по касательной в плечо. Этого было достаточно, чтобы брызнула кровь и он выронил трость, но не достаточно, чтобы помешать стиснуть ее запястье и медленно заводить руку назад, пока она не онемела и нож не выпал. Тогда Рэндольф подхватил его и приставил ей к горлу.

— Даже и не пытайся повторить такое снова!

И затем свободной рукой он задрал на ней ночную рубашку, развязал пояс своего халата, рухнул на нее и овладел с нестерпимой жестокостью.

Однако ей пришлось это терпеть не потому, что нож по-прежнему был в его руке, но и потому, что женское тело было слишком слабым, чтобы бороться с ним. Господи, если бы она обладала мужской силой, чтобы она с ним сделала! Тиффани, у которой не было другого выхода, пришлось смириться. Она закрыла глаза, опустошенная, измученная, не зная от чего она страдает больше — от этого мерзкого, отвратительного проникновения в свое тело, от физической боли, причиняемой его весом или повторяющихся толчков, прижимающих ее избитую спину к кровати.

— Завтра, — услышала она его голос, — ты пойдешь к Девериллу и примешь его условия. Потому что *я не буду побит!*

Утром Тиффани встала и оделась прежде, чем горничная пришла в спальню. Медленно, с трудом она натягивала одежду на покрытое синяками тело, выбрав легкое платье с высоким воротником и длинными рукавами. Все ее тело представляло сплошной синяк: ныло и болело, но внешне она не выказывала никаких признаков страдания и растерянности, когда предстала перед Рэйфом Девериллом.

— Поздравляю с удачным ходом, — весело сказала она, целуя его в щеку, — и весьма драматическим эффектом.

— Боюсь, он не вполне дотягивает до твоего уровня.

— Ты мне льстишь.

— Не умышленно, — сухо произнес он.

— Откуда ты взял деньги?

— Я говорил тебе вчера, что я игрок — но к началу этой недели я ощутил некоторую нехватку наличных. К счастью, одна моя знакомая леди уплатила старый долг.

Тиффани уставилась на него широко открытыми глазами.

— Ты имеешь в виду, что именно те деньги, которые я уплатила за драгоценности, позволили тебе поднять цену?

Он кивнул.

— Я говорил тебе, что ты можешь пожалеть о своей честности.

Тиффани откинула голову и расхохоталась. Причем совершенно искренне — даже в самой черной тьме отчаяния чувство юмора не изменило ей.

— Ну, ладно, — сказала она. — Это значит лишь, что стоимость акций изменилась на

эту сумму. Потому что ты намереваешься продать их мне, не правда ли, дорогой? В конце концов, ты хочешь отомстить Мэтью, а не мне.

— Акции твои, если ты заплатишь полную цену.

Она впервые заколебалась.

— Я надеялась, что мы придем к обоюдному соглашению...

— Конечно, оно будет обоюдным, — согласился он, — поскольку я не желаю иметь дело с Рэндольфом. Ты сейчас должна мне все объяснить, затем публично очистить мое имя, а затем я передам тебе акции.

— Ты можешь *сначала* передать акции?

Он скорбно покачал головой.

— Мне неприятно говорить тебе об этом... но откуда я знаю, что могу тебе доверять?

— А откуда я знаю, что могу доверять *тебе*?

Он сел рядом на софу и взял ее за руку.

— Очень просто. Ты знаешь, как я к тебе отношусь... как к тебе относится каждый мужчина. Может ли мужчина дурачить женщину, которую любит?

Она улыбнулась, но не ответила. Он поднес ее руку к губам и начал медленно покрывать поцелуями, отчего рукав ее платья приоткрыл жуткие ссадины на запястье. Тиффани поспешно отдернула руку и поправила рукав, но заметила, что выражение лица Рэйфа изменилось: от нежности к задумчивости.

— Итак, — произнес он, — дай мне объяснение — сейчас же.

— Разве нет ничего, что может удовлетворить тебя больше? Назови что-нибудь другое... любое... но не это.

— Нет, Тиффани. Объяснение.

Никогда не жалеть, никогда не объяснять, никогда не извиняться...

— Я уже сказала, что сожалею об этом случае. Я собираюсь пойти дальше — я прошу прощения, вполне искренне. Но я *не могу объяснить!*

— Это не дело, — твердо сказал он. — Ты, разумеется, можешь сказать мне причину. Разве ты хочешь, чтобы я отдал предпочтение Миранде?

— Я очищу твое имя! — в отчаянии воскликнула Тиффани. — Если нас здесь увидят вместе публично, этого будет достаточно, чтобы понять, что все забыто. Я могу даже сказать, что все происшедшее было недоразумением.

— Этого, недостаточно. Я должен знать, *зачем!*

Ее мучила мысль о возвращении к Рэндольфу с пустыми руками, мучило видение Рэйфа и Миранды... но она *не могла...* И не только потому, что она не могла заставить себя открыть правду. Если Рэндольф узнает, что она объяснилась с Рэйфом, он не даст покоя, пока она ему тоже все не расскажет.

Тиффани покачала головой.

— Тогда мне придется предпочесть Миранду.

Тиффани встала. Она проиграла, но она никогда не сдавалась легко, не отступала без вызова.

— В таком случае я никогда не очищу твое имя — *никогда!*

Рэндольф уже ждал ее.

— Я виделся с Антоном, — сказал он. — Атмосфера была исключительно холодной, и он заявил, что ему нужно время определить свою позицию. Я почти уверен, что он больше не

хочет нашего партнерства.

Слова были самыми обыкновенными, но его тон, выражение его лица и манеры выдавали всю меру ярости, которая должна была найти выход или уничтожить его.

— Ты приняла условия Деверилла? — тихо спросил он.

— Слишком поздно. Он уже предпочел Миранду.

Рэндольф ступил вперед и ударил ее по лицу, так что она отлетела к стене.

Тиффани закрыла глаза, слишком ясно представляя ад, ожидавший ее в будущем, и в то же время она видела перед собой непорочную красоту Миранды, золотое детство своей младшей сестры и солнечный свет, озарявший весь ее путь...

— Проклятая Миранда! — внезапно взвизгнула она. — Проклятая! Я могла бы убить ее за все, что она мне сделала!

Рэндольф повернулся к ней.

— А знаешь, дорогая, — медленно произнес он, — возможно, что это самая лучшая мысль из всех, которые тебе когда-либо приходили.

Глава двадцать седьмая

Тиффани вынуждена была опереться о стену. Комната плыла перед глазами, стесненный рассудок замутился. Глаза Рэндольфа казались безумными черными провалами, увлекающими ее в свои бездны все глубже и глубже.

— Это было сказано не всерьез... я просто так выразилась.

— Ясно, что это должно выглядеть как несчастный случай, — очень осторожно подготовленный несчастный случай, потому что не только полиция не должна узнать всех обстоятельств, но так же Антон и Деверилл не должны заподозрить ничего неладного.

— Но убийство!..

— Ты пыталась убить меня — почему не ее?

Она не могла объяснить, что неуклюжее покушение на его жизнь было вызвано порывом, страстью, отчаянием. Это было сделано не хладнокровно... не преднамеренно.

— Ты согласна, что устранение Миранды расчистит нам дорогу к южно-африканским россыпям и акциям?

Она кивнула.

— Оно расчистит тебе дорогу и кое-чему другому, — Рэндольф сделал паузу. — Я заключу с тобой сделку. Если мы достигнем своей цели, я больше к тебе не прикаснусь. Я готов закрыть глаза на твою связь с Рэйфом Девериллом. Сохрани его в Америке, если хочешь. Как с держателем акций я буду вежлив с ним — какой способ очистить его имя может быть лучше, чем демонстрация того, что он с почетом принимается в нашем доме?

Тиффани глядела на него, все еще слабо сопротивляясь всепроникающим щупальцам зла, обвинившим ее.

— Ты скрываешь какую-то тайну относительно так называемого изнасилования, — медленно продолжал Рэндольф. — Моя последняя уступка такова: если ты хочешь, чтобы это оставалось тайной, я не буду больше задавать вопросов.

Рэндольф никогда не нарушал данного ей слова. Она прижала руку к груди, пытаюсь унять жестокое сердцебиение, и ощутила странное жжение, которое, казалось, исходило от бриллиантового кулона. Убийство... оно было ей отвратительно, отталкивало ее... но еще страшнее страха от предложенной сделки был страх перед тем, что он сделает с ней, если

она откажется.

— Я не могу убить ее сама, — свой голос она слышала словно с большого расстояния. Она раньше гадала, как далеко по дороге зла может увлечь ее Рэндольф и теперь она это знала.

— Мы должны сделать это одни. Сообщники слишком опасны, и нет времени их искать.

— Я знаю человека, который может помочь. — Ее ужасала перспектива встречи этих двоих, но это был один-единственный выход.

Тиффани добрела до кресла и неуверенно опустилась в него. Она изложила Рэндольфу собственную версию истории Дани Стейна, но, закончив, резко добавила:

— Но ты должен позволить мне руководить им! Он доверяет только мне, и лучше, если бы нас обоих с ним вместе не видели.

— Из того, что ты рассказала, очень похоже, что он убил Филипа Брайта, поэтому он должен быть готов убить снова. — Рэндольф умолк, и для израненных нервов Тиффани, казалось, прошла вечность, прежде чем он опять заговорил. — Хорошо, поговори с ним, но план должен быть наш, я не доверяю ничьим мозгам, кроме собственных.

— Миранда — глухая. Место — очевидно.

— Да, но разве она согласится поехать?

— Ее нужно поставить в такое положение чтоб она не имела возможности отказаться.

Следующим днем было воскресенье, и на сей раз Тиффани первой оказалась на старом кладбище, и теперь именно она незаметно подкралась к Дани Стейну, следившему, как Миранда возлагает свежие цветы на могилу.

Вы все еще здесь, мистер Стейн? ... И *она* тоже?

Он растерялся из-за неожиданного появления Тиффани и настороженно уставился на нее.

— Вам не хватает решимости или возможности? — мягко спросила она.

— Я следил за домом, но там всегда есть управляющий, который может мне помешать. В пустыне было легче.

— Уж в этом я уверена. — По коже Тиффани поползли мурашки. Неужели с тех пор, как они встретились здесь, прошла всего неделя? Если бы можно было перевести стрелку часов назад и изменить обстоятельства... — Думаю, что смогу вам помочь.

— Почему? — Но он не был удивлен. Ничто, связанное с Мэтью, не могло удивить Дани.

— Вражда между Кортами и Байтами гораздо глубже, чем вы думаете. Мой отец научил вас английскому языку, но он также научил Мэтью Брайта всему, что знал об алмазах — и, наверное, не стоит говорить, кто успешнее пожал плоды этого партнерства. Она помолчала. Вы считаете, что Мэтью повинен в смерти вашей сестры. В 1907 году мой отец совершил самоубийство всего через несколько часов после первой встречи с Мэтью Брайтом за двадцать лет. Вы должны признать, что мои причины ненависти так же сильны, как и ваши.

Отношение Дани к семье Брайтов лежало за пределами логики, оно давно переросло все объяснения и оправдания. Его ненависть к Мэтью стала неотъемлемой частью его сознания и подвергалась сомнению не больше, чем наличие рук или ног.

— Может быть... но мне не нужен партнер, — заявил он.

— План, который я предлагаю, должен привлечь человека с такими утонченными чувствами, как у вас. Он обладает определенной справедливостью и художественной завершенностью. — Она улыбнулась, увидев в его глазах вспышку интереса.

— Правда, для этого необходимо установить, знает ли вас Миранда и видит ли в вас врага.

— Мы встречались однажды — я спас ей жизнь, когда она была ребенком.

— *Что?*

— Она скатилась с утеса — поэтому я спустился и снял ее с выступа.

— Господи Боже, от скольких хлопот вы бы избавились, если бы просто дали ей упасть! — И снова Тиффани показалось, что это не она, а кто-то другой, поселившийся внутри нее, произнес эти жестокие и бездумные слова.

— Она была совсем маленькой, — тихо сказал Дани. — Не думаю, что она узнает меня, и если ваш брат не слышал моего имени, то ей, уверен, оно и вовсе неизвестно.

Филип... как по-иному могло все бы сложиться, если бы он был благодетельствован ранней смертью Миранды, а не наоборот. Тиффани быстро набросала приблизительный план, и Дани согласно кивнул.

— Мой муж предоставит необходимую информацию. Ждите меня здесь, у могилы Алиды, в два часа, и мы обговорим подробности.

— Вы сможете это сделать? — спросила она при следующей встрече, показав ему подробные чертежи, сделанные Рэндольфом.

Там никого не будет, кроме официальных гостей?

— Да, — уверенно ответила Тиффани. — Никаких настоящих работ производиться не будет — все задумано как демонстрация, сценическая постановка, чтобы мы почувствовали тамошнюю атмосферу.

— Тогда весь вопрос в том, чтобы девушка оказалась в нужное время и в нужном месте одна.

— Это уже моя забота, здесь проблемы не возникнет. Если я верно о ней сужу, она не сможет долго выносить эту демонстрацию.

— Где мы встретимся завтра?

— В офисе «Даймонд Компани». Я добыла для вас разрешение сопровождать нас в качестве моего гостя, «старый друг отца со времен пионеров», «сентиментальное путешествие» и все такое прочее. Кстати, — и Тиффани глянула на его изношенную одежду, — вам нужно купить новый костюм. Нам предложат переодеться в комбинезоны, но было бы лучше, если бы для начала вы выглядели респектабельно. Вот... — и она протянула ему пачку банкнот...

— Мне не нужны ваши деньги — даже на костюм.

Убрав деньги в сумку, Тиффани успокаивающе улыбнулась.

Я не предлагаю вам деньги за грязную работу, мистер Стейн. Я признаю, что это вопрос принципа, не выгоды.

— Я добуду костюм. — Внезапно в его глазах промелькнуло беспокойство. — Я избегал городского центра, потому что не хотел столкнуться с Девериллом. Его ведь завтра там не будет?

— Конечно, нет. Приглашения рассылала я, и капитан Деверилл, разумеется, не включен в число гостей.

— Тогда все должно пойти как надо... видите ли, она ближе всех к Мэтью, до кого я могу дотянуться.

Я думаю, все сработает даже лучше. Мне точно известно, что Мэтью ее обожает, а у

него больное сердце. С убийством Миранды, мистер Стейн, вы получите превосходную возможность покончить разом и с ним.

Елена прежде не бывала в Кимберли, и поэтому она с любопытством оглядывалась вокруг, когда пересекала рыночную площадь, проходила мимо юридических контор, почты, телеграфа и мэрии. Но оглядывалась она также из осторожности, ибо, хотя она и искала Дани, не желала, чтоб он ее заметил первым. Она бы предпочла следить за Мирандой, которая бы ее не узнала, но квартал вокруг дома Брайтов слишком хорошо просматривался, и, если Дани нет в городе, не было смысла охранять девушку, особенно в свете дня. Нет, им нужно отыскать Дани, и тогда они узнают, существует ли опасность. Муж ее не мог появляться на улицах Кимберли днем, поэтому Елена выходила одна, сосредоточив поиски на городском центре и молясь, чтоб она увидела его раньше, чем он ее.

— Все еще безуспешно, — сообщила она вечером в субботу. — Если я не найду его завтра, то рискну расспрашивать в гостиницах.

— Может, его вообще здесь нет, и вся эта затея — лишь пустая трата времени.

Но Елена посмотрела на него и покачала головой. Она знала Дани лучше, чем кто-либо. И была уверена, что он здесь.

— Если он здесь, — продолжая ее муж, — и уедет, не причинив вреда Миранде, мы тоже уедем, и ни с кем не будем говорить.

Елена села на подлокотник кресла, обняла мужа и прижала его голову к своей груди.

— Если ты хочешь, мы так и сделаем.

Но в понедельник, около полудня, Елена увидела на улице знакомую фигуру. По направлению к ней шел Рэйф Деверилл. После первоначального удивления, Елена инстинктивно захотела скрыться, но вместо этого вдруг двинулась навстречу ему, внезапно уверившись, что он может оказаться союзником.

— Елена! Господи Боже, что вы здесь делаете? Вы живете в Кимберли?

— Нет, в Кейптауне.

— Но я — тоже.

— Да, я знаю. Я часто видела вас на Эдерли-стрит, но всегда переходила на другую сторону улицы, чтобы мы не встретились.

— Но почему?

— Это очень долгая история.

— Может у вас найдется время рассказать ее мне? Пойдемте, перекусим — и поговорим.

Она заколебалась, гадая, не станет ли беспокоиться муж, если она не вернется в гостиницу на ланч, но наконец решила принять приглашение.

— Прежде чем я начну, — сказала она, когда они вошли в дом, — ответьте, не видели ли вы Дани?

— Нет. Он в Кимберли?

— Это я и пытаюсь выяснить, — Елена поморщилась, чувствуя, что не может объяснить подробнее.

— Я удивлен, что вам неизвестно его местопребывание.

— Мы с Дани не встречались около шести лет. Видите ли, я вышла замуж за англичанина.

Он заметил кольцо на ее пальце.

— И с точки зрения Дани, вы предательница. Вы счастливы, Елена?

— Очень счастлива, спасибо. — Несколько минут она рассказывала о детях, которые остались в Кейптауне под присмотром няньки и соседей, сознавая, что он пристально на нее смотрит. — Муж приехал вместе со мной, но он сегодня нездоров, — упавшим голосом закончила она.

— И это все? Это ваша долгая история? И вы не объяснили мне, почему избегали меня в Кейптауне.

— Я не могу объяснить.

Он хрипло рассмеялся.

— Женщины, переодетые в мужские костюмы, и женские тайны, которые нельзя разглашать. Вот история всей моей жизни.

— Это не мой секрет, иначе я бы вам рассказала.

Рэйф задумчиво посмотрел на нее через стол.

— Есть в вас нечто, заставляющее вас верить. Меня утешает одно — вы замужем за англичанином, а это значит, что вы забыли войну.

— Не забыла. Но я простила.

При этом слове он вздрогнул и глаза его впились в нее, умоляя продолжать.

— И вы не забыли, — твердо сказала она. — Это написано вашем лице. Что вас тревожит? Поль?

— Отчасти.

— Но вы его предупреждали — я слышала. Это было ночью, когда Дани застрелил Зулу и Япи Малана. Поль стоял рядом с Фрэнком и вами, и вы, зная, что именно Фрэнк завел вас в ловушку, сказали: «Хорошо провели день, мистер Уитни? Гордитесь ценной наградой за успех операции? Все еще думаете, что из этого можно сделать хорошую статью для Нью-Йоркской прессы?» Фрэнк не ответил, но Поль встал на его защиту...

— В этом все и дело. Поль был так благороден, так добр... он был единственным, кто поддержал Япи перед смертью. Если бы вместо него пришлось казнить Дани, было бы гораздо легче.

— Поль говорил вам, что он из Кейпа, и поэтому тоже может считаться предателем. Вы ответили: «И, однако, вы усугубляете свое положение тем, что носите британскую форму. Вы что, не знаете, что наказание за это — смерть?» и Поль ответил: «Меня можно повесить только однажды».

— Его не повесили, его расстреляли. Я пытался спасти его, Елена. Ездил в Грааф-Рейке и обращался в полевой суд за помилованием, но мне отказали. Главнокомандующий был недоволен моим поведением и вряд ли можно считать совпадением то, что именно мне было приказано командовать расстрелом. Я отказывался, говорил, что я солдат, а не палач, тогда мне было объявлено, что я обязан исполнять свой долг, как приказано генералом, в соответствии с присягой королю и законам страны. — Он вертел в руках ножку бокала, глядя в его дно. — Я добился двух уступок. Во-первых, казнь должна быть совершена не публично и за городом, на любом холме по выбору Поля. Во-вторых, должен был присутствовать священник. Я выстроил всех своих кавалеристов и сказал, что мне нужны пять добровольцев для расстрельной команды, и мне не стыдно признаться, что я не мог хладнокровно смотреть на каждого, кто выступил вперед, хотя им это задание нравилось не больше, чем мне.

— Поль бы простил вас.

— Он так и сделал. Когда я подошел завязать ему глаза, он сказал, что прощает и даже жалеет; что казнь возложили именно на меня. Это помогло... но смотреть в глаза человеку в такой момент, человеку, которого уважаешь за искренность его убеждений... отобрать жизнь как понюшку табаку...

— Вы его предупреждали, — повторила Елена. — Поль был мужчиной и знал на что шел. У него был выбор.

— У Марианны не было выбора.

Боль от этого выкрика ранила ее в самое сердце, напомнив Елене о маленькой золотоволосой племяннице, умершей в концентрационном лагере.

— Расскажите мне о Марианне, — тихо произнесла она.

— В тот день, когда мы расстались, по пути в Мидлбургский лагерь...

— В тот самый день, когда вы дали мне бежать, — подчеркнула она.

Рэйф отмахнулся.

— Неважно... Доставка Елены Гроблер была не единственной причиной, по которой я туда направлялся. Я получил письмо, что моя приятельница, леди Джулия Фортескью, приезжает в лагерь как представительница Женского комитета и хочет меня видеть. Ирония в том, что мне пришлось долго ждать. Нужно знать Джулию, чтоб это понять. Она так прекрасна, так изумительно выхолена, так порочна, такая... *хищница!* Но я застал ее, когда она просила кружку, молока для больного ребенка — нет, не просила требовала. Топала ногой и требовала! Она взяла эту кружку, и кучка виновато глядящих солдат последовала за ней и наблюдала, как она поит мальчика лет шести. Он был так истощен, что глаза его казались неестественно огромными на измученном лице, руки и ноги превратились в прутики, а губы так истончились, что не могли сомкнуться и образовывали жуткую усмешку. Затем она указала им — меня она в тот миг не видела — на два белых гробика. Среди складок саванов виднелись маленькие личики. «Их сфотографировали утром, — сказала она, — чтобы передать снимки отцам, если их отцы еще живы». — Она прошла по госпиталю, проклиная мужчин и их военные игры, и встала на колени у постели Марианны. «Эта девочка умирает, — сказала она, — но я хочу показать вам, как она умирает». Она приподняла девочку, и под ней обнаружилась пеленка, грязная и вонючая. Ее руки так жестоко тряслись, что Джулия опрокинула содержимое постели прямо на себя, и в тот же миг Марианну вырвало прямо на ее платье. «Санитары забывают менять постели, говорила Джулия, — или они невероятно ленивы для этого, а пациенты слишком больны, чтобы жаловаться. Детям приходится лежать в собственных испражнениях, и их кожа гниет».

Другие мужчины не выдержали и исчезли. Но я не мог двинуться с места — это я послал Марианну на смерть. Крупная муха ползла по ее носу, но она была слишком слаба, чтобы смахнуть ее... Марианна умерла, и это я убил ее... Она была похожа на Миранду, и, возможно, отчасти поэтому я влюбился в Миранду так отчаянно, и я так пытаюсь завоевать ее, помочь ей... если бы она мне позволила — но она не хочет.

Миранда... Елена жаждала рассказать ему все, но преданность мужу не позволила сделать этого сразу. Вместо этого она вернулась к теме войны.

— Семья Япи Малана оказалась в Мидлбургском лагере, — произнесла она медленно, — потому что Дани их согнал с собственной земли. Именно для таких людей, как Маланы, и были организованы лагеря, но когда началась политика выжженной земли, количество бездомных неизменно возросло.

— Но вы принадлежали к бурам и, конечно, не можете оправдывать политику

выжженной земли.

— Вначале не могла, но со временем начала вдумываться в обе точки зрения. Возьмем к примеру, сожжение нашей фермы. Рэйф вздрогнул, но она продолжала. — Дани, Фрэнк и еще двое пришли на ферму, чтобы забрать провиант для командос. Они увидели, как приближаетесь вы и вывесили белый флаг. Когда трое ваших солдат поддались на приманку, Дани, Фрэнк и Сюзанна застрелили их. Сюзанна была очень горда этим, но мне было стыдно, что моя семья использовала белый флаг как уловку. Дальше, как вам известно, Дани и другие сбежали — к этому я еще вернусь.

Рэйф молча ожидал продолжения, и в нем росла надежда, что Елена может освободить его от угнетающего душу сознания собственной вины.

— Несомненно, британцы к организации лагерей подошли с преступной халатностью, но мой народ внес свой вклад в эту трагедию. Подрывы железнодорожных путей ограничили доставку продовольствия, а бурские женщины сами заняли позицию неподчинения. Они предпочитали собственные средства лечения больных — коровьи лепешки от ревматизма, воск от воспаления легких, нагретая кошачья шкура на грудь ребенку — от бронхита. И многие ваши «ленивые санитары» были бурами.

Рэйф встал и подошел к окну. Елена следила за каждым проблеском эмоций в его глазах, пока она говорила.

— Япи Малан открыл мне глаза на бесплодность этой войны. Марианна умерла, но кто убил ее? Англичане или буры? Вы или Дани? Потому что Дани знал, что вы сожжете ферму в отместку за гибель своих солдат, однако бежал, оставив своих женщин и детей на произвол судьбы. Думаю, мы можем определить позицию «бигтерейндеров» как своего рода эмоциональный шантаж. Они ожидали, что вы сдадитесь из-за страдания невинных женщин и детей, но отказывались сделать это сами. Они знали, что никогда не победят в этой войне, но гордость была для них важнее, чем человеческая жизнь.

Она тоже подошла к окну и взглянула ему в лицо.

— Убийство или самоубийство? — тихо сказала она. Мы никогда не узнаем. Но если вы ищете прощения, Рэйф, я предлагаю вам свое.

Он вспомнил, как во время их поездки по Трансваалю, много лет назад, Елена казалась ему символом бурской женщины. А теперь он знал, что искал, что облегчит ему тяжесть вины — прощение бурской женщины. Он сознавал, что Сюзанна, Стейн никогда не простила бы его, но прощение Елены снова возвращало ему смысл жизни. Мать-Земля, бессмертное творение Природы, позволяла ему возродиться. Рэйф молча протянул к ней руки и заключил в объятия.

Она отклонила его предложение проводить ее до гостиницы, поскольку его высокая фигура могла привлечь внимание Дани, и по возвращении через городской центр заметила коренастого мужчину, который пересек главную улицу и зашел в магазин готовой мужской одежды. Дани? Елена спокойно разглядывала витрины до тех пор, пока он не вышел с большим свертком в руках. Сердце ее забило оттого, что ее худшие опасения подтверждаются. Она следовала за ним на безопасном расстоянии, пока он снова не исчез, на этот раз за дверью небольшой гостиницы. Елена бежала всю дорогу до собственного дома.

— Теперь ты веришь мне?

— Да, ответил муж, — придется верить.

Мы должны следить за ним двадцать четыре часа в сутки. Тебе придется помочь мне — я одна не справлюсь. Конечно, я помогу. — Он успокаивающе обнял ее за плечи. — Он не станет нападать на нее в свете дня. Миранда глухая, и поэтому союзница Дани — темнота. Чем слоняться вокруг гостиницы, я ночью пойду к дому и посторожу в саду. Тебе нужно немного поспать — если ночью ничего не случится, ты можешь вернуться к гостинице утром.

— Рэйф Деверилл мог бы помочь. Он говорит, что влюблен в Миранду.

— Вот как? Он заколебался, но покачал головой. — Пока нет. Я не хочу ни с кем встречаться без крайней необходимости.

Если он попытается навредить Миранде, как мы его остановим?

— Пока Дани не сделает свой первый ход, ответа на этот вопрос не будет.

Миранда готовилась к предстоящему испытанию.

— Миссис Корт организывает посещение Шахты, — сообщил ей мистер Памбертон, — и просила, чтобы вас включили в число приглашенных. Я должен предупредить, что в случае войны алмазные шахты закроются, а техническое состояние кимберлийской Шахты таково, что она может никогда не открыться вновь. Возможно, это последний шанс увидеть в ней подземные работы, и, поскольку ваши отцы были глубоко чтимыми основателями алмазной индустрии, было бы уместно, чтобы вы и миссис Корт посетили Шахту одновременно.

Нет, нет, ни при каких обстоятельствах. Лучше спуститься в змеиный ров, в комнату, кишашую пауками, вскарабкаться на высочайшую гору, окруженную пропастью, чем снова испытать ужас клаустрофобии в темноте алмазной шахты. Она вспомнила, как в детстве свалилась с утеса и с трудом балансировала на узком выступе, пока ее не спас неизвестный — но этот эпизод не внушил ей боязни высоты. Он вообще на ней никак не сказался — возможно, думала Миранда, потому что она могла *видеть*.

Но отправиться в Шахту — ее долг. Не только потому, что она будет выглядеть глупой и неблагодарной, если откажется, но еще и потому, что ее грубость плохо отразится на репутации Мэтью. Она никогда не завоеует поддержки и авторитета в мире алмазной индустрии, если не будет интересоваться ее подземными работами. Мужчина поехал бы, любой, способный слышать, поехал бы, следовательно, она тоже обязана это сделать.

— Благодарю вас, — сказала она. — Я с удовольствием принимаю приглашение.

Компания прислала за ней экипаж, но возле конторы на Стокдейл-стрит Миранде пришлось выйти, чтобы поприветствовать служащих, Корт и Антона Элленбергера. Для короткой поездки к Шахте они разбились на две группы: Тиффани, Рэндольф и невысокий темноволосый мужчина, который был представлен как старый друг Джона Корта — в одном экипаже, она сама, Антон и Полина — в другом. Каждую партию сопровождал представитель Компании. На улице собралась небольшая толпа, глазевшая на алмазных наследниц, и там же, поглядывая в их сторону, стоял Рэйф Деверилл.

Неожиданно Миранде всем сердцем захотелось, чтобы он поехал с ними, сознавая, что с ним она была бы в безопасности, что простое его присутствие рядом и прикосновение его руки помогли бы ей легче перенести испытание. Никогда она так не жаждала отбросить гордость и признать, что боится, она глухая и нуждается в помощи.

Но Рэйф в это время смотрел на Тиффани, Рэндольфа и неизвестного, и она со слабым печальным вздохом поднялась в экипаж. Возможно, Антон поймет... Краем глаза она

увидела, что его рука как бы случайно коснулась руки Полины и заметила взгляд, которым они обменялись. От этого стало больно. По правде говоря, она не ожидала, что Антон будет любить ее, даже хорошо ней относиться после того разговора с ним — и все же это причиняло боль. У всех, казалось, кто-то есть — у всех, кроме нее. Как эти отношений скажутся на сделке с юго-западными алмазами? Но мозг Миранды уже не хотел разбираться в новых хитросплетениях — только не сейчас.

Экипажи остановились у ворот высокой ограды, обнесенной колючей проволокой, окружавшей Шахту, где вооруженная охрана проверила пропуска всех посетителей. Миранда видела, как другие охранники с собаками патрулируют ограду по периметру, и, когда повозки двинулись дальше, она не разделила общего возбуждения, чувствуя себя так, будто за ней захлопнулись ворота тюрьмы.

В офисе управляющего женщины и мужчины разошлись по разным комнатам и переоделись в комбинезоны. Сначала они должны были спуститься под землю, где собирались познакомиться с принципами обработки, промывки и сортировки добычи, а затем проведут вокруг самой Большой Дыры — в качестве апофеоза этой глубоко символической экскурсии. Миранда молчала, уйдя в себя, возводя вокруг себя стену, где надеялась укрыться от неприятных воспоминаний и сохранить немного спокойствия.

У черного, зияющего отверстия Шахты их уже ждала клеть. В клетях имелись грубые скамейки, и экскурсанты сели, разглядывая толстые тросы и огромные колеса над головой. Сопровождавшие их служащие также вошли внутрь — на них были каски с горящими латунными фонариками, — затем дверь клетки закрылась и начался спуск.

Все время, пока клеть двигалась по вертикальной шахте, Миранда сидела напрягшись, уставившись широко открытыми глазами на мелькающие мокрые балки. Порой вспыхивал свет, и она понимала, что они прошли очередной «уровень». Сырой теплый воздух бил ей в лицо, в желудке подымалась тошнота, но наконец быстрый спуск был окончен, и клеть, вздрогнув, остановилась на дне колодца приблизительно в половине мили от поверхности земли. По правую руку от них тянулся туннель, уставленный рядами вагонеток с породой.

Обычно здесь кипела бурная деятельность, но сегодня было тихо, поскольку «Даймонд Компани» не могла подвергать столь важных гостей никакому риску. Служащий начал описывать структуру Шахты и принципы добычи, применяющиеся на разработках в Кимберли.

От вертикальной шахты слои горизонтальных туннелей были подведены к алмазной трубке с сорокафутовыми интервалами. На каждом рабочем уровне сеть туннелей складывалась в большие «залы», разделенные стенами-опорами десяти футов шириной. Залы располагались так, что они находились под опорами верхнего уровня, что предохраняло их от обвалов. Блоки породы добывались в залах, откуда доставлялись в вагонетках по сети транспортных туннелей в главный транспортный туннель, и откуда в контейнерах поднимаются на поверхность.

Здесь света было достаточно, чтобы Миранда могла читать по губам, но она все равно не слушала объяснений, так как давно знала о подобных методах от Мэтью. Ее взгляд настойчиво обращался к туннелю, куда им предстояло войти, и когда они наконец оказались там, сердце ее сжалось от нехороших предчувствий. Она, конечно, не помнила всех подробностей, но атмосфера шахты была навязчиво знакомой — давящий сырой воздух, темнота, в которой она была обречена на немоту, и ужасающее ощущение отрезанности от внешнего мира.

Это был главный транспортный туннель, пробитый в скале на глубину тысячи футов, но затем они достигли коридора низкого уровня в самой алмазной трубке — по дну его тянулась узкая колея, а потолок и своды поддерживали сырые гниющие балки. Иногда туннель слегка расширялся — в таких местах под крутыми скатами или завалами руды, сброшенной с верхних уровней, стояли грузовые платформы. Теперь единственное освещение составляли желтые, мерцающие огоньки на касках здешних служащих — а этого было недостаточно, чтобы Миранда «слышала». Она смутно осознавала, что другие, — в особенности Тиффани, — задают вопросы и оживленно разговаривают, но она была в мрачном мире тишины, где ее немедленно охватила паника. Она отбросила влажные пряди волос с потного лба и, споткнувшись, ухватилась за ближайшего к себе человека, даже не заметив, что это Тиффани, и что та очень странно на нее посмотрела.

Группа остановилась, и Миранда снова уцепилась за Тиффани, потому что не слышала инструкций. Они достигли границы трубки, и внезапно Миранда ощутила сильный порыв горячего воздуха и учуяла едкий запах дыма, поднимавшегося из пролома в стене. Ее цепенеющий мозг отметил, что произошло — наверху взорвали динамитную шашку, это была все та же «демонстрация», но во мраке и дыму Миранда едва увидела деревянную лестницу, которая вела в зал. Такая лестница называлась «дорога по шести», и Миранда с трудом сообразила, что нужно подняться. Она закрыла глаза, когда служащие подошли убедиться, все ли с ними в порядке. Но никто, кроме Рэндольфа и Тиффани не заметил, что Дани Стейн исчез.

Миранда принудила себя на дрожащих ногах подняться по лестнице в зал. Это была просто пещера, такая же, как та, где она вместе с Лорой укрывалась во время осады, кутаясь в одеяло, с еще не установленным диагнозом глухоты, полная ожидания и страха. Но чего она ждала? И чего боялась? Она была слишком мала, чтобы осознать опасность бомбардировки, но понимала, что дядя Николас ушел и больше никогда не вернется, и чувствовала напряженное ожидание Лоры. Теперь Миранда отчаянно рвалась на солнечный свет к чистому воздуху и ясному небу, но чего она ждала тогда, в пять лет? Стоя недвижно среди мельтешившей компании, разглядывавшей сквозь каменное крошево скальную поверхность, она начала понимать. Она ждала Мэтью. И боялась, что он тоже может «уйти» и не вернуться, боялась, что он не заберет ее из этого ужасного места, что она останется здесь навсегда и больше никогда его не увидит.

Миранда всхлипнула. Она не могла больше этого переносить. Толпа, тишина и сырость были так тяжелы для ее восприятия, что она даже теряла способность дышать. Она должна вырваться отсюда!

Миранда слепо повернулась, добралась до пролома скользя и спотыкаясь, а затем спустилась по лестнице. В туннеле она не остановилась, чтобы перевести дух, а быстро заковыляла дальше, надеясь увидеть свет в зале, завершающем главный транспортный туннель, и клеть, в которой она поднимется на поверхность. В чернильной тьме тянулись рельсы, где выстроился ряд вагонеток, и ей пришлось замедлить шаг, нащупывая стену рукой. Внезапно она издала крик боли и страха, налетев на что-то жесткое, но едва не расплакалась от облегчения, потому что это оказалась всего лишь платформа, груженная обломками скалы.

Миранда обогнула платформу, но шаг ее потерял уверенность. Первоначальный порыв, заставивший ее выбежать из зала, испарился, оставив ее обессилившей, едва волочашей ноги, задыхающейся и в липком поту. Она остановилась, вглядываясь во тьму.

Позади нее Дани выбрался из убежища за скалой. Он нащупал тормоз вагонетки, освободил ее и начал толкать тяжелый кузов по склону. Он толкал его все быстрее и сильнее, пока вагонетка не покатила по инерции, тогда цепляясь за борта он вскочил в нее. Шаткой опорой для ног ему служила маленькая платформа в задней части вагонетки. Груда металла и обломков скалы, кренясь, необратимо надвигалась на Миранду, кляца и громохочья по рельсам, но Дани знал, что в темноте она не «услышит» его приближения.

Она хотела идти, но ноги отказывались ей повиноваться. Потом ей показалось, что она видит свет... три огонька, с каждой секундой становившиеся ближе. Три человека бежали по туннелю навстречу ей. По мере приближения она поняла, что они зовут ее, отчаянно жестикулируя, и каким-то образом заставила себя сделать шаг вперед. Сначала она заметила первого человека — это был Рэйф, но затем ее взгляд упал на лицо второго мужчины, жутко подсвеченное лампой на шахтерской каске, и Миранда приросла к месту. Она просто не могла пошевелиться.

Филип!

За ее неподвижной фигурой грохотала вагонетка, и Дани собирался с силами для последнего удара.

Глава двадцать восьмая

Тиффани чувствовала себя так, словно она находилась в аду, в преисподней с душными подземными ходами, где угрожающий образ Рэндольфа воплощал самого сатану. Каким-то образом ей даже удавалось поддерживать беседу, но она снова и снова оглядывалась на Миранду. Однажды она поддержала сестру, когда та споткнулась, и Тиффани почувствовала ее руку, холодную и скользкую от пота.

В зале борьба в ее душе достигла своей высшей точки, и нервы стали сдавать. Тиффани стояла в сердце алмазной шахты... шахты, породившей ее... и знала, что она прошла по дороге зла до конца. После этого она будет вечно принадлежать Рэндольфу, потому что стала такой же подлой, как и он. Ее горло сжал спазм, и она начала задыхаться, словно золотая цепь, на которой висел бриллиант, стала сжиматься вокруг ее шеи, а жжение кулона с каждой минутой усиливалось. Лицо Миранды в тени показалось ей бледной маской ужаса.

Потом она увидела, что Миранда исчезла.

В этот момент Тиффани не думала ни о Мэтью, ни даже о Миранде — ни о себе самой. Она видела перед собой утонченные прелестные черты леди Энн, она видела Филипа, она видела могилу Виктории. Двое детей ее матери были мертвы, и Тиффани поняла, что не сможет убить третью. Со всхлипом она изо всех сил вцепилась в душившую ее золотую цепь: та разорвалась и бриллиант полетел вниз. И она как будто освободилась от тяжелой ноши. Внезапно к ней вернулось дыхание, и с пронзительным криком: «Миранда!» Тиффани бросилась за сестрой.

В переходе было темно, но для Тиффани он был заполнен отдававшимися эхом звуками и шагами и голосами последовавших за ней спутников, однако все перекрывало громохочание и кляцанье вагонетки. Она отчаянно взывала к Дани и Миранде, каждую минуту ожидая услышать вопль, означавший, что она опоздала.

Однако первый прозвучавший вопль оказался ее собственным, когда впереди она увидела вагонетку и за ней — Филипа!

Перед конторой «Даймонд Компани» Елена пробилась сквозь сборище зевак и настойчиво потянула Рэйфа за руку.

— *Куда они собираются?*

— В Шахту.

— Мы должны остановить их. — Но экипажи уже отъезжали. — Дани собирается убить Миранду.

— Вы сошли с ума!

— Он убил Филипа... то есть пытался.

Рэйф растерялся, но его смущение немедленно померкло перед ошеломляющим страхом за Миранду, когда он представил всю ее уязвимость в подземных лабиринтах.

— Он, кажется, вместе с Тиффани... но мы не сможем предъявить против него голословных обвинений. И мы в любом случае не сможем остановить его, потому что нас не пропустит охрана у ворот Шахты.

— Мы сможем проникнуть в Шахту. Идемте со мной.

Она схватила его за руку и потащила за собой в гостиницу, где они ворвались в комнату, и Рэйф замер в потрясенном молчании, глядя на Филипа Брайта, который, несомненно воскрес из мертвых.

Есть только один способ проникнуть в Шахту — ты должен рассказать, кто ты! — взмолилась Елена.

На миг Филип заколебался.

— Я бы предпочел остаться мертвым, — пробормотал он. — Я был гораздо счастливей, будучи мертвым, будучи безымянным, будучи *собой!* Но... — он притянул к себе Елену, взглянул ей в лицо. — Обещай мне одно: независимо от того, что случится, независимо, что скажет или сделает мой отец, ты никогда не оставишь меня! Обещай!

— Конечно, — прошептала она. Печаль, прозвучавшая в его голосе, выдавала страх, что это он сможет покинуть ее.

— Никогда! — сказал он, угадав ее мысли. — Никогда!

А потом они поспешили по улицам Кимберли к воротам Шахты, где охранники вытаращили глаза на призрак, явившийся с того света и настаивавший, что он должен встретиться со своей сестрой немедленно! Но там было несколько человек, живших в Кимберли во время пребывания там Филипа, и они смогли удостовериться его личность. Ворота распахнулись, и позаимствовав шахтерские каски у бригады чернокожих рабочих возле входа, они забрались в клеть и вскоре уже спускались в шахту.

Филип бывал под землей много раз и уверенно вел их по транспортному туннелю, но физическое превосходство Рэйфа и его огромный страх за Миранду заставляли его обгонять своих спутников. Это было жуткое, кошмарное путешествие — они не знали, чего им ожидать, их шаги зловещим эхом отдавались под сводами, и они боялись того, что могут обнаружить.

Им повезло — впереди показалась призрачная фигура Миранды — копна ее белокурых волос узнавалась безошибочно, — но позади ее раздавался леденящий душу железный грохот.

— Груженная вагонетка! — воскликнул Филип. — Она раздавит ее!

Все трое были охвачены ужасом и беспомощностью, понимая, что Миранда не слышит ни их криков, ни грома надвигающейся вагонетки.

Ноги Миранды все еще не слушались, но оторвав взгляд от Филипа, она с трудом протянула негнувшиеся руки к Рэйфу, который был к ней ближе. У нее было время только лишь для того, чтоб заметить отчаяние на его лице, перед тем, как он бросился к ней и сшиб с рельсов к деревянным опорам стены. Секундой позже она почувствовала колебание воздуха, и как будто что-то пронеслось мимо, но смысл происходящего до нее не доходил. В это мгновение она была уверена, что видела призрак, и понимала только, что Рэйф пришел, чтобы вывести ее из шахты, и, расслабившись в его объятиях, она сознавала также, что он крепко прижимает ее к себе и покрывает ее грязное лицо поцелуями, полностью отменяя все ее планы мести.

Пока Рэйф был занят Мирандой, внимание Филипа сосредоточилось на вагонетке. Он видел такие сотни раз и представлял, какую позицию займет Дани. И точно, когда вагонетка прогрохотала мимо, луч фонаря на каске Филипа высветил скрючившуюся позади фигуру, Филип прыгнул вперед, и его пальцы вцепились в грубую материю комбинезона Дани. Тот пошатнулся, но удержался за борт, в то время, как ноги Филипа неуклюже скребли землю, тормозя ход вагонетки, но недостаточно, чтобы остановить ее. Филип отчаянно искал, за что еще ухватиться и нашел как раз тогда, когда Дани вырвался и пополз вперед по гряде камней. Филип подтянулся, чтобы последовать за ним, и в этот миг Дани повернул голову.

Лампа на каске Филипа отбрасывала мертвенный свет на бледное лицо под ней, и Дани в ужасе уставился на призрак человека, которого убил в пустыне Юго-Западной Африки много лет назад.

Потрясение заставило Дани потерять равновесие, и со страшным криком он свалился прямо пол левое переднее колесо вагонетки. Она дрогнула и подскочила, наехав на него на полном ходу. За тошнотворным хрустом ломающихся человеческих костей последовал страшный скрежет металла, и, разбрызгивая искры, контейнер накренился. Тонны алмазной руды лавиной обрушились на неподвижное тело.

Когда вагонетка начала крениться, Филип отскочил подальше, но затем, вспомнив о Елене, бросился назад. Он разгребал камни и отшвыривал их в сторону, пока не показалась голова Дани. Одного взгляда было достаточно: череп пробит, шея сломана. Когда Дани был маленьким мальчиком, Мэтью спас его от гибели, откопав из завала на старательской заявке у реки, но в конце концов алмазоносная земля Кимберли все-таки взяла свое.

Филип повернулся и пошел назад, выйдя на свет перед остальными, прибежавшими следом за Тиффани. Он слегка прихрамывал, его лицо было исцарапано и кровоточило, но именно в этот момент Тиффани и Миранда окончательно поняли, что Филип жив. Тиффани пошатнулась, но совладала с собой. Миранда же бросилась в объятия брата. Он тепло обнял ее, но потом подошел к Елене.

— Мне очень жаль.

Глаза Елены были полны слез. Она могла думать только о своей овдовевшей сестре и племянниках, детях Дани.

— Это был несчастный случай! — яростно заявила она. — Дани пытался остановить вагонетку!

Конечно, это был несчастный случай, мягко подтвердил Рэндольф. Мистер Стейн проявил великий героизм.

Филип и Рэйф заколебались. Их взгляд притягивала напряженная, недвижимая фигура Тиффани... вероятность ее участия в покушении была слишком ужасной, чтобы задумываться о ней...

— Великий героизм, — тихо согласился Филип.

Всегда найдутся те, кто в этом усомнится, те, кто вспомнит, как Филип отчаянно прорывался в шахту, но Дани Стейн был уже мертв, и проще было оставить все, как есть, и среди вихря чувств, вызванных спасением Миранды, гибелью Дани и воскрешением Филипа, никто не замечал ни страха на лице Тиффани, ни злобы в глазах Рэндольфа.

Филип не заметил этого, потому что он утешал Елену, уткнувшуюся ему в грудь.

— Любопытно, оценит ли твой отец иронию судьбы, приглушенно произнесла она. — У Дани против него было много обид, но истинной причиной его горькой ненависти была смерть сестры. Дани искренне верил, что Мэтью никогда не любил ее, что для него Алида была простой бурской девушкой, которую он не считал себе ровней. И вот ты, Филип, оказался женатым как раз на такой девушке.

Он понимал ее страх перед встречей с его семьей и крепче обнял ее, стремясь защитить и утешить.

— Мы съездим в Лондон, чтобы повидаться с отцом, но вернемся в Южную Африку, — прошептал он. — Обещаю.

Антон и Полина не замечали, потому что смотрели на Миранду. Потом медленно повернулись друг к другу и улыбнулись. Это была довольная, интимная и очень счастливая улыбка. И в тот момент, когда Антон взял ее за руку, на свет появилась Афро-Американская Корпорация, но никто из них не думал об этом аспекте своих отношений.

Рэйф не заметил, потому что уводил Миранду из шахты. Он проводил ее до клетки, и они вдвоем поднялись на поверхность. Он не отпускал ее, словно стремясь убедиться, что она настоящая, живая и теплая. Они вышли на воздух, и Миранда облегченно вскинула лицо навстречу солнцу, но в целом она уже успокоилась, хотя голос Рэйфа от волнения срывался.

— Я едва не потерял тебя! Пожалуйста, не оставляй меня больше!

— Я нужна тебе только как средство мести моему отцу. — Но она не была уже так уверена в этом.

— Это начиналось как месть, но я влюбился в тебя, еще когда мы плыли на «Корсаре». Все, что я делал в Кимберли, имело целью помочь тебе победить Тиффани, а мне завоевать тебя в жены.

— Твоя «цена» за акции не выглядела объяснением в любви, — безжалостно напомнила она.

— Я просил тебя верить мне. Я должен был утверждать, что это «цена», чтобы слышали все остальные — особенно Тиффани! И я не мог предупредить тебя заранее, потому что ты, дорогая Миранда, так абсолютно и чудесно правдива. Я не верил, что ты сможешь одурачить ее. И думал, что перспектива нашего брака подтолкнет Тиффани дать мне то, что я хочу.

— Я видела вас вместе, ты целовал ее, — упрямо сказала Миранда, — и уверена, что ты любишь ее больше, чем меня.

— Нет! Я притворялся, что влюблен в нее, потому что собирался заставить ее очистить мое имя, чтобы я мог жениться на тебе. Она принимает поклонение мужчин как свое законное право, и вполне поверила, что я люблю ее, несмотря ни на что! Если теперь этот план не сработает, я надеюсь, что ты все равно за меня выйдешь. — Он пристально посмотрел на нее. — Надеюсь, что значу для тебя не меньше, чем отец.

Выбор был не прост, но теперь ее не терзали сомнения, что он действительно ее любит. Она видела, что Рэйф тоже оказался перед выбором. Он мог бы принять сторону Тиффани.

продать или передать ей в управление акции и уехать в Нью-Йорк. Однако он выбрал ее, Миранду.

Она улыбнулась и вместо ответа поцеловала его.

— Похоже, что папа возвращает себе одного из детей, но теряет другого, — сказала она, когда он ее отпустил. — Филип вернется в Лондон на мое место... а что папа когда-нибудь меня простит.

— К счастью для меня, Елена последовала за Дани в пустыню.

Филип и Миранда беседовали наедине в гостиной их дома.

— Когда Дани не вернулся домой, ее стало мучить подозрение, что он что-то замыслил против меня, поэтому она пошла в гостиницу и подоспела как раз вовремя: она увидела, что Дани уезжает, увозя меня на вьючной лошади. Она вернулась домой, переделалась в мужской костюм и двинулась за нами.

— Как же она смогла разыскать вас в тумане?

Туман задержал ее продвижение, но к счастью, в ту ночь он быстро развеялся. Но даже так только выучка, которую она получила на войне в командос дала ей возможность найти меня — да еще ее храбрость.

— Но если она сумела найти тебя, почему немцы не преуспели?

— Тревогу подняли только на следующий день, а тогда ветер уже уничтожил все следы. Тем временем Елена помогла мне добраться до заброшенной старательской хижины, где мы укрывались, пока я восстанавливал силы.

— Но, Филип, почему ты не сообщил нам, что спасся?

Филип откинулся в кресле, и прошло довольно много времени, прежде чем он ответил.

— Поначалу я не намеревался «исчезать», — медленно произнес он. — Эта мысль приходила ко мне постепенно, в те дни, что я провел с Еленой. Я влюбился в нее. Она стала для меня всем — женой, матерью и другом — и дала мне больше любви, чем любой человек вправе ожидать. Она бы никогда не свыклась с лондонской жизнью, а я никогда бы ее не бросил. Но были и другие причины тоже... — голос его упал.

— Вы долго оставались в пустыне?

— Около двух недель. Нам повезло — как только у нас кончились вода и провизия, в хижину забрели двое старателей. Они согласились продать нам припасы, одежду для меня и держать рот на замке — в обмен на значительную часть содержимого моего бумажника. По счастью, у меня было много наличных — это были деньги «Даймонд Компани», не ограничивавшей меня в средствах. Потом мы сообразили, что подходит срок отплытия следующего парохода в Кейптаун. Мы просто вернулись в Людерицбухт и поднялись на борт корабля — пара обносившихся неудачливых старателей. — Филип запнулся. — Но я все еще не решил исчезать совсем. Я рассматривал свое возвращение в город как своего рода испытание. Если бы кто-нибудь узнал меня, я бы подтвердил это. Но меня никто не узнал. Чем дольше я оставался с Еленой, тем сильнее сознавал, что не смогу с ней расстаться. Кроме того, было так чудесно стать совершенно свободным.

— Свободным от чего?

— От папы и алмазов, от груза ответственности и обязанностей. Я не предназначен для бизнеса, как иные... как, возможно, ты... К моему вечному позору, я использовал бизнес лишь для собственных целей, и когда понял, что не вернусь, то испытал невероятное облегчение.

— Я понимаю, — Миранда вспомнила собственную неожиданную жажду свободы, охватившую ее перед дюнами Людерицбухта.

— Я принял окончательное решение еще и потому, что прошло уже слишком много времени, я был уже признан мертвым, и новости возымели свое действие. Не знаю, поверишь ли ты, но я не думал, что удар будет чересчур силен.

— Филип, папа был потрясен. С ним случился сердечный приступ, и здоровье его так больше и не поправилось.

— Папа и я никогда не были особенно близки, — медленно произнес Филип. — Хотя теперь я понимаю, почему.

— Мы тоже не были близки.

Воссоединившихся брата и сестру охватило странное чувство, что при их первой встрече они были гораздо ближе друг к другу. Они оба слегка смутились, подумав об этом, но произвольная радость во взгляде Миранды, брошенном на него, смягчила это ощущение, и волны тепла разлились по их телам.

— Твои автомобили, — сказала Миранда. — Ты так сильно их любил.

— Это была великая жертва с моей стороны, — согласился Филип. — Но самое смешное в том, что именно мое знание автомобилей и их устройства дало мне возможность обосноваться в Южной Африке и зарабатывать средства к существованию. Я работаю в таксопарке Кейптауна.

— В таксопарке... о Филип!

— Не смотри с таким ужасом. Я от этого получаю удовольствие, честное слово.

Его искренность трогала, и Миранда ощутила укол сожаления за все то, от чего ему пришлось отказаться ради нее.

— Ты был очень добр, пожертвовав из-за меня своей свободой.

— Благодарю Елену — я бы не собрался с духом, чтобы проявить свою братскую любовь, если бы она меня не убедила. — Легкая тень пробежала по лицу Филипа при словах «братская любовь», но при взгляде на Миранду оно снова прояснилось. — Елена — вот причина, по которой мы должны сделать вид, что все происшедшее несчастный случай. Как они с сестрой могут глядеть в глаза друг другу, если вскроются истинные обстоятельства гибели Дани?

— Обвинения никому не принесут пользы.

Но, как и Филип, Миранда гадала, каковы же те «истинные обстоятельства», что связаны с алмазами.

— Расскажи мне о Тиффани и алмазах, — попросил Филип.

Он слушал историю Миранды с растущим изумлением и, когда она закончила, усмехнулся.

— Господи Боже, но ты гораздо лучше смыслишь в подобных делах, чем я. — Затем выражение его лица стало серьезным. — Моя храбрая маленькая сестренка, ты выбралась бы из всех затруднений, да только я воскрес и все твои планы разрушил.

— Я уверена, что папа предпочтет возвращение старшего из своих детей контролю над юго-западными алмазами.

Филип криво улыбнулся.

— А я вот не уверен, что папа найдет замену равноценной. Кроме того, он в любом случае не получит назад своего старшего сына, потому что я не вернусь в Лондон.

— Но ты обязан! Ты должен вернуться и занять свое законное место!

— Я не могу взять Елену в Лондон и не оставлю ее, — повторил Филип.

— Но один из нас обязан вернуться, а я хочу...

— ...выйти замуж за прекрасного капитана. Однако это не является непреодолимым препятствием для того, чтобы исполнять дочерний долг на алмазном рынке.

— Филип, если я за него выйду, Тиффани не очистит его имя, а значит, он не сможет вернуться в Лондон, — терпеливо напомнила Миранда.

— Я гарантирую, что Тиффани очистит его имя, если ты уступишь ей юго-западные алмазы.

Миранда в ужасе уставилась на него.

— Но именно, чтобы не допустить этого, я сюда и приехала! — воскликнула она, в отчаянии хватаясь за голову.

— В действительности у тебя все равно нет иного выхода, чем отказаться от алмазов. Во-первых, Антон Элленбергер предпочтет партнерство с американцами, отчасти потому, что он, как ты предполагаешь, заинтересован в Полине. Во-вторых, если ты выйдешь замуж за Деверилла, ты не сможешь осуществить свою угрозу разоблачить его занятие контрабандой. Однако основной фактор — это мое воскрешение. Мы оба знаем, что я никогда не вернусь в Лондон, но Антон не сможет быть уверен, что я не передумаю и не смещу его с позиции наследника.

— Я не предаю папу.

— Ты и не предаешь его. — Филип положил руки ей на плечи. — Акции Рэйфа Деверилла сохранят положение папы в «Даймонд Компани» в обозримом будущем, и я бы, конечно, не стал называть это предательством! Кроме того, ты заслужила право на личное счастье.

Миранда подумала о Рэйфе и кивнула.

— Хорошая девочка. А теперь беги к Антону и скажи, что ты снимаешь свое предложение финансировать юго-западные россыпи.

— Может, сначала поговорить с Тиффани?

— С Тиффани поговорю я. — Филип улыбнулся. — Я в любом случае хочу с ней перемолвиться.

— Полина, не оставляй меня! — Рука Тиффани вцепилась в плечо золовки. — Я не хочу оставаться одна.

— Я должна идти, но с тобой может посидеть Рэндольф.

— Нет. Я плохо себя чувствую и мне нужно женское общество.

Полина с подозрением посмотрела на нее, но Тиффани была смертельно бледна и неестественно возбуждена.

— Ну хорошо, но я не собираюсь пропускать свидание с Антоном. Я попрошу твою служанку попозже сменить меня.

Они находились в спальне Тиффани. Полина сидела в кресле, а Тиффани неустанно металась по комнате. Голова ее кружилась, горела, виски ломило, но сквозь путаницу искаженных чувств и образов одна картина виделась совершенно отчетливо: Рэндольф наверху, в кабинете, выжидает...

— Что ты держишь в руке? — спросила Полина. Тиффани разжала ладонь, в которой блеснул грушевидный кулон.

— Он упал в Шахте, но, к счастью, запутался в одежде... цепочка порвалась.

Но цепи, сковывавшие ее, еще не были разорваны. О Боже, что ей делать? Она стиснула бриллиант, лихорадочно крутя его в пальцах.

В дверь постучали — слуга принес записку от Филипа. Для Тиффани перспектива встречи с Филипом и посещения дома Брайтов была почти так же страшна, как Шахта для Миранды. Она избегала дома Брайтов на протяжении всего пребывания в Кимберли из-за пробуждаемых им ассоциаций, но еще раз убедилась, что от прошлого не убежать. Филип... что она может ему сказать? Какую должна занять позицию? Потом ее мозг медленно начал проясняться, и с возвращением Филипа забрезжил путь к победе. Ключевой вопрос — знает ли он?

Она постаралась ускользнуть, не встречаясь с Рэндольфом, и, выйдя из экипажа перед домом Брайтов, решительно направилась к двери. Это дом, просто дом, и Филип — просто мужчина, которого она когда-то знала.

Он ждал ее в гостиной.

— Филип! — Она бросилась к нему, простирая руки. — Это так чудесно. Ты заставил меня испытать страшное потрясение, когда так неожиданно появился из туннеля, и реальность только сейчас начинает до меня доходить. Если бы ты знал, какие муки я пережила, когда услышала о твоей смерти! Сегодня — счастливейший день моей жизни!

— Могу себе представить.

— И ты женат! Надеюсь, ты счастлив — у нее такое *доброе* лицо.

— Елена очень добра — помимо всего прочего.

— Но чего я не могу понять, — продолжала Тиффани, усаживаясь на софу, — зачем тебе было нужно считаться погибшим.

— Уж тебе-то следовало угадать ответ, — он очаровательно улыбнулся ей. — Моя неприязнь к отцу и сестре не была для тебя тайной.

«Сестре» было подчеркнуто. Тиффани собралась с духом.

— Надеюсь, Миранда объяснила тебе ситуацию. Ты понимаешь, что у тебя есть возможность «сделать» Мэтью и Миранду сразу и окончательно?

— Да? И как же?

Он сел рядом, улыбаясь с той самой юношеской беспечностью и беззаботностью, которые она хорошо помнила по дням, проведенным в Париже.

— Ты вернешься в Лондон, чтобы возглавить «Брайт Даймондс» вместо Миранды. Но тебя же никогда не заботили алмазы, Филип! Мы будем сотрудничать — с твоим правом голоса в «Даймонд Компани» вдобавок к моему я подчиню себе алмазную индустрию, а ты сможешь спокойно заняться гоночными автомобилями.

— Благие небеса, Тиффани, ты всегда мыслишь в игре на ход вперед, правда? — восхищенно сказал он.

— Ты всегда радовался, причиняя вред своему отцу... помнишь Лемуана и его фальшивую формулу производства алмазов?

— О, я пошел гораздо дальше, чем Лемуан. — Филип беспечно рассмеялся. — Вся неразбериха вокруг юго-западных россыпей возникла только потому, что я одурачил папу, внушив ему, что месторождения бесперспективны.

— Прекрасно, — с наслаждением воскликнула Тиффани. — Когда ты вернешься в Лондон, свергнуть Алмазного короля с трона будет детской забавой. По правде говоря, твое возвращение дает мне возможность выиграть в борьбе за алмазы Юго-Западной Африки — *теперь* Антон не заинтересован в союзе с Брайтами. И ты, конечно, сможешь употребить

свое влияние, чтобы предотвратить брак Миранды с Рэйфом Девериллом.

— Есть только одно затруднение, — заметил Филип извиняющимся тоном. — Я не вернусь в Лондон.

— *Нем?* — Тиффани сначала не поверила своим ушам, а затем ужаснулась. Его нужно убедить — но как далеко она осмелится зайти? — Ты же ненавидишь отца и сестру. Зачем упускать такую возможность?

— Затем, что больше я не испытываю к ним ненависти. У меня было шесть лет, чтобы поразмыслить над определенными вопросами, и хотя это звучит пошло и банально, но просто удивительно, как может измениться мужчина под воздействием любви хорошей женщины.

— Но, Филип, какую команду мы бы могли составить. — Тиффани придвинулась к нему ближе, положив ладонь на его руку и глядя томным фиалковым взором в его глаза. — Пожалуйста, сделай это для меня... ради того, чем мы когда-то были друг для друга, ради наших будущих возможных отношений.

— Какого рода отношения ты имеешь в виду?

Вот именно! В этот миг Тиффани была в таком отчаянии, что чувствовала себя способной на все, готовой быть всем для любого и каждого. Но даже если и так — есть же границы. Когда она наклонилась к нему, ее единственная мысль была о том, чтобы продолжать блефовать и хотя бы так добиться его поддержки.

— Это зависит оттого, какие чувства ты сохранил ко мне после нашей последней встречи, — мягко произнесла она. — Боюсь, что я, возможно, была несколько жестока.

Она протянула руку, чтобы погладить его по щеке, но Филип отбросил ее с яростью и отвращением.

— Это судьба была жестока! И больше никогда не дотрагивайся до меня, сестренка!

Тиффани побледнела.

— Кто тебе сказал?

— Дани Стейн перед тем как бросить меня в пустыне. — Филип мрачно усмехнулся. — Не беспокойся, я не собираюсь задавать никаких вопросов о Дани, потому что не хочу знать ответов. Все, что я хочу услышать, почему ты не позволила мне узнать все вовремя?

— Твой отец хотел защитить тебя от правды, а я любила тебя так сильно, что стремилась оградить от тех страданий, что испытывала сама.

— Черта с два! Единственное правдивое утверждение, которое я от тебя когда-либо слышал — что тебе нужна была «Брайт Даймондс», а не я! Ты держала меня в неведении, чтоб я тебе больше не докучал — я был тебе бесполезен. А теперь я снова стал полезен, поэтому ты изменила тактику?

— Все было совсем не так! Господи, я не могу говорить об этом. Разве ты не понимаешь — ничего этого не было! Ты и я — не в родстве.

— Идем со мной.

Филип схватил Тиффани за руки, потащил ее по коридору в другую часть дома и распахнул дверь.

— Вот спальня нашей матери. Это та самая постель, на которой она спала. По всей вероятности, на этой постели мы с тобой и были зачаты, правда, от разных отцов, хотя, — Филип угрюмо усмехнулся, — и в этом мы не можем быть уверены.

Он все еще сжимал ее запястья, когда Тиффани пыталась вырваться и отводила глаза от постели. Она дрожала, потому что после его хватки ушибы на руках болели еще сильнее.

— Посмотри на постель, Тиффани! Взгляни в лицо правде — у тебя есть мужество, и ты должна это сделать! Я помню, как зачарована была ты своей таинственной матерью — не хочешь о ней услышать?

— Нет. — Ее губы были странно неподвижны, и ей стоило огромных усилий даже прошептать одно слово.

— В любом случае я мало что мог бы рассказать. У тебя, меня и Миранды есть нечто общее — никто из нас не знал нашу мать. Разница между нами лежит в отношении к отцам. Я ненавижу своего, ты презирала своего, но Миранда обожает своего, и ты должна очистить имя Рэйфа Деверилла от этого смехотворного обвинения, чтобы Миранда могла выйти за него замуж и вернуться к отцу.

— Никогда! — Тиффани наконец обрела голос и нашла в себе силы продолжить борьбу. — У меня нет ни малейшего основания так поступить. И я все еще не понимаю, почему ты изменил свое отношение к Миранде.

— Я сильно ревновал к ней. Ни у кого из нас не было матери, но у нее был отец — великий, сияющий, победоносный бог-отец, который открыто обожал ее и совсем не замечал меня. На какой-то детский манер я в своем изгойстве винил Миранду, но это, конечно, была не ее вина. Я был так похож на нашу мать, что Мэтью Брайт всегда должен был сомневаться в своем отцовстве... зато был уверен в отношении Миранды.

— Ну, хорошо, я могу купиться на эту трогательную сказочку, но не стану расчищать дорогу к браку Миранды с Рэйфом Девериллом — и не взывай к моим родственным чувствам, потому что все еще ощущаю себя единственным ребенком.

— Расчисти эту дорогу, и Миранда заберет предложение финансировать россыпи Юго-Западной Африки — тогда Антон Элленбергер и алмазы — твои.

Ее сердце забилося от возрождения надежды. Но этого было недостаточно.

— Я люблю его, — четко сказала она. — Мне нужны и Рэйф, и алмазы.

Филип покачал головой.

Миранда отвергла алмазы ради любви. Ты отвергаешь любовь ради алмазов. Нравится вам или нет, — никто из вас не может обладать и тем, и другим, и ты поймешь, что Рэйф Деверилл не примет иного исхода.

Она в отчаянии закрыла глаза, сжигаемая тоской по его лицу, его телу, его прикосновениям — единственному мужчине, которому она смогла бы позволить *подчинить* ее своей воле.

— Почему я не могу найти любовь и сохранить ее. Все же могут! Все, кроме меня!

— И, однако, ты женщина, у которой есть многое — красота, богатство, положение в обществе и власть. Ты не можешь обладать *всем*, Тиффани. Никто же может. Никакие деньги не купят такого права. Тиффани и любовь несовместимы — и не думаю, что когда-нибудь это произойдет!

Чувство потерянности и одиночества ошеломило ее своей силой, ибо она знала, что он прав. Она никогда не познает полного доверия, абсолютной гармонии души и тела. Она всегда будет одна, лишенная доверительной связи с мужем, любовником, братом и сестрой, на которых могла бы положиться в трудную минуту и которые бы принимали и любили ее такой, какая она есть. Но жалость к собственной персоне была не в духе Тиффани. Любовь или алмазы? Здесь нет выбора! Алмазы — это Тиффани, а она — это алмазы, они едины, не просто связаны историей и происхождением, а неразделимы. Без алмазов Тиффани зачахнет и умрет, как фея без волшебной палочки, цветок без солнечного света, ибо алмазы —

источник ее очарования и основа всего ее существования.

Он подумал, что она колеблется.

— Если ты не согласишься, я расскажу... нас.

— Нет! Люди видели нас вместе, на том балу... Ты не сможешь объявить всему миру, что мы брат и сестра!

— Не всему миру, только Рэйфу... и Рэндольфу.

И снова Филип стиснул ее руку, но на сей раз он заметил синяки. Тиффани вспомнила, как изменилось в похожей ситуации выражение лица Рэйфа, и внезапно поняла какую сделку может заключить — сделку, которая нейтрализует Рэндольфа и освободит ее от его постоянных угроз.

— Где Рэйф?

— В столовой с Еленой.

— Пригласи его сюда.

Когда Рэйф вошел в комнату, Тиффани спокойно встретила его взгляд, но затем протянула руку Филипу.

— Алмазы Юго-Западной Африки в обмен на доброе имя Рэйфа Деверилла. — Она повернулась к Рэйфу. — Если россыпи оправдают ожидания, эта свадьба будет куплена самой дорогой в истории ценой. Надеюсь, ты польщен?

— *Удовлетворен*, так будет точнее, — ответил Рэйф. — Однако Миранда получит акции «Даймонд Компани», так что выигрыш в борьбе за власть, можно сказать, будет поделен поровну.

— Я готова пойти дальше. Когда-то я верила, что могу «никогда не жалеть, никогда не объяснять, никогда не извиняться»... — Тиффани взглянула на Филипа, и на миг они перенеслись на солнечный двор в Оксфорде, — ... но я ошибалась, и уже пожалела о том, как обошлась с тобой, и извинилась за это. Сейчас я собираюсь все объяснить, но хочу кое-что получить взамен.

— Посмотрим. Но не акции, Тиффани — уже слишком поздно для этого.

— Знаю.

— Тогда что или чья сила убеждения оказалась сильнее, чем акции? — изумленно спросил Рэйф.

— Моего брата. — И Тиффани холодно указала на Филипа.

Лицо Рэйфа посерело, уподобившись пеплу, пока он переводил взгляд с одного на другую.

— Моей матерью была леди Энн Брайт, но я узнала об этом только после того, как мой отец...

Одним быстрым движением Рэйф оказался рядом и обнял ее.

— Все хорошо, — пробормотал он. — Я все понял... самоубийство твоего отца, Мэтью, все... Но почему ты не рассказала мне?

Она слегка отстранилась и взглянула ему в глаза.

— Не рассказала тебе, что была беременна от собственного брата?

В ответ Рэйф только крепче прижал ее к груди и спрятал лицо в ее волосах.

— Ты бы женился на мне, если бы я тебе рассказала? — прошептала она.

— Да!

— Ты любил меня?

— Да. — Он не мог причинить ей боль, объяснив, что его любовь родилась из

очарованности ею, что в основе ее лежало скорее физическое влечение, чем чувство. Возможно, это очарование все еще длилось, но он более же был подвержен ему как ранее, потому что встретил другую женщину, которую любил сильнее.

— Тиффани... — Голос Филипа был хриплым и отчужденным. — Я поверил, что ты ошиблась насчет ребенка. Господи, прости меня, но я не знал... Что с ним случилось?

— У меня был выкидыш. — Тиффани сделала шаг назад, оказавшись на равном расстоянии от обоих мужчин. — Выкидыш происходит легко, когда рядом Рэндольф.

Она подняла руки и начала медленно расстегивать платье. Спустив его с плеч быстрым драматическим движением, она повернулась спиной, чтобы мужчины могли оценить во всей красе картину жутких синяков и кровоподтеков. Затем очень сухо и деловито она описала свою брачную ночь с Рэндольфом и то, как проходили другие ночи. Закончив, она повернулась к ним, и тон ее изменился.

— Избейте его! *Избейте его для меня!* Владение юго-западными россыпями даст мне над ним моральное превосходство, но мне нужна мужская сила, чтобы сломать его физически. *Сделайте это для меня!*

Во время их первой встречи Рэйф сказал Тиффани, что мужчина может простить ей все, потому что она так прекрасна. Это была неправда, и тогда он ее не простил. Но теперь оба, и Рэйф, и Филип, смотрели на нее с сочувствием, вызванным не ее красотой, а ее душевными язвами и физическим страданием.

— Он мой, — тихо сказал Рэйф Тиффани, — он один в доме?

— Если не считать цветных слуг.

— Дай мне полчаса. Потом возвращайся домой. — У двери Рэйф задержался. — Кстати, я вспомнил, где видел этот бриллиантовый кулон и что о нем говорил предыдущий владелец. Не надевай его больше.

Он закрыл за собой дверь, но прежде, чем покинуть дом, переговорил с Еленой, которая смущенно отводя взгляд, вручила ему нечто из скудного имущества Дани. Рэйф спрятал это под пиджаком.

Брат и сестра молча сидели в спальне Энн.

— Я только что вспомнил Оксфорд, — произнес наконец Филип. — Мы спрыгнули с того моста, но не взлетели в небо — мы упали.

Ее лицо смягчилось, затем стало печальным, когда она вспомнила радость, счастье, невинность тех дней.

— Ты сумел подняться... ты нашел Елену. В конце-концов ты выиграл в игре за любовь.

— Надеюсь, что ошибся насчет тебя. Надеюсь, ты тоже найдешь свою любовь.

Она притворилась, что не слышит.

— Ты ведь не скажешь Миранде, что мы с ней сестры, правда?

— Конечно, нет, — но он, казалось, был удивлен ее просьбой.

— О, не беспокойся, — заверила его Тиффани с оттенком прежней беспечной насмешливости. — Я не стараюсь защитить ее от неприятных сторон жизни. И мной не движут сестринские чувства — я не изменилась. Просто я чувствую, что чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

Филип улыбнулся.

— И не меняйся, сестренка. — Он нежно поцеловал ее в щеку. — Рэйф сказал правду о том бриллианте — избавься от него.

Рэйф удостоверился, что в доме нет никаких гостей, а слуги вернулись на ночь к себе в отдельный флигель, расположенный во дворе. Проникнув в гостиную, он с удовольствием отметил, что с наступлением темноты шторы опущены, а дверь здесь прочная. Вкупе со сравнительной уединенностью дома среди большого сада это предоставляло хорошую возможность для осуществления его плана.

— А, Деверилл, — Рэндольф вошел поспешно, улыбаясь и протягивая руку на ходу. — Надеюсь, что мы с вами сможем договориться. Я хочу заключить с вами соглашение насчет этих акций.

Рэйф пренебрег приветствием. Вместо него он сунул руку под пиджак и вынул оттуда сыромятный кнут Дани.

Рэндольф все еще лежал на полу, когда вернулась Тиффани. Она помогла ему подняться по лестнице, но когда он рухнул на постель, быстро отступила и взглянула на него сверху вниз.

— Ты сломил мое тело, Рэндольф, но тебе не удалось сломить мой дух, — сказала она. Ее голос звучал твердо и ясно. — И я наслаждаюсь, видя, как мы, я и Рэйф Деверилл, разбили тебя морально и физически. Я не получила акции, но добилась юго-западных алмазных россыпей, и поэтому требую исполнения предложенной тобой сделки. Для публики я останусь твоей женой, но в личной жизни я буду свободна. Если ты снова меня тронешь, Рэйф нанесет тебе новый визит. Но я буду играть с тобой честно — это будет, лишь если ты нарушишь договор.

Она смотрела на него без всякой жалости.

— В дальнейшем я буду вести переговоры об алмазах с Антоном, и я буду его партнером в борьбе за контроль над индустрией. Ты будешь предоставлять финансы по моему требованию. *Ты меня понял?*

Он лежал неподвижно, ничего не отвечая.

— *Скажи это*, Рэндольф! Скажи, что отныне ты просто мой банкир. Скажи, что я победила!

— Ты победила, — пробормотал он в подушку.

В этот миг она ощутила не только торжество, но и покой... Тиффани быстро промыла ему спину, смазала мазью, которой снабдила ее Елена, а затем удалилась к себе в комнату — насладиться охватившим ее внутренним покоем. Бриллиант лежал на туалетном столике, где она его оставила, холодно мерцая, золотая цепь свернулась как змея, напоминая ей о Рэндольфе. Тиффани поспешно смела его в сумку — она его сохранит, однако надевать не станет.

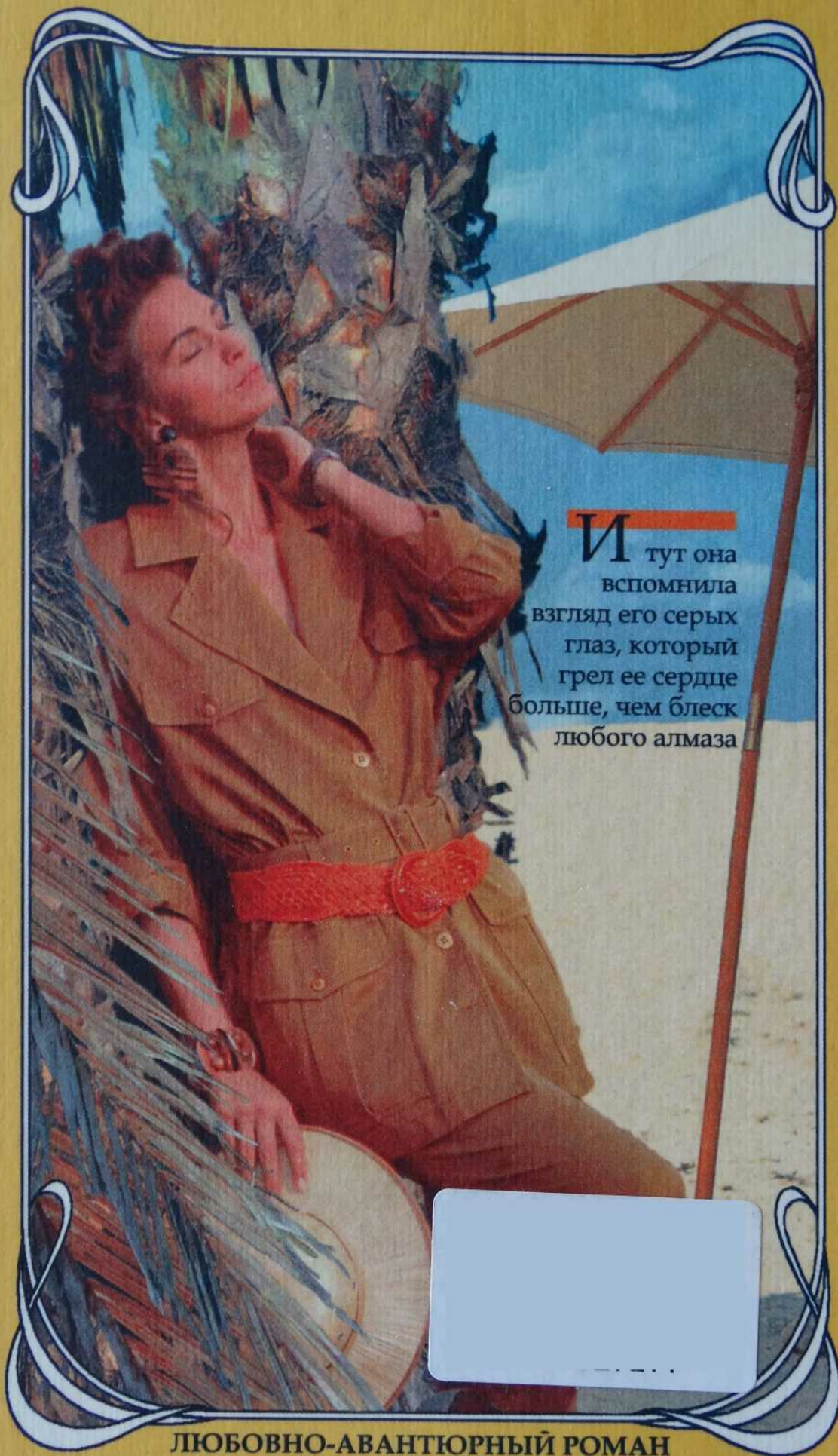
Как обычно, она подошла к окну, но теперь Алмазный город не внушал ей ужаса — она свела счеты с прошлым и снова стала собой. Она могла противостоять воспоминаниям о матери, брате и сестре, и даже дать покой несчастному духу отца. Она проникла в самую сердцевину алмаза, но его жар очистил, а не уничтожил ее.

Теперь она была свободна от Рэндольфа, свободна от зла, но абсолютная свобода таит в себе одиночество, и отныне именно с одиночеством ей придется бороться. Филип и Елена, Рэйф и Миранда, Антон и Полина, Тиффани... и никто. Но Тиффани не сломлена. Она — дочь алмазов, и в них черпает свою силу. Холодная и жестокая, но несравненно прекрасная, как алмаз — такой она предстает миру, и как алмаз, она выстоит. И не будет числа мужчинам, привлеченным ее роковым очарованием, пока она не состарится.

Лицо Тиффани исказилось от внутренней боли. Но затем в ней пробудилась радость, ибо она поняла, что не одинока. Ей было кому дарить любовь и получать ее взамен. Своим детям. Она никогда раньше не беспокоилась о них, потому что они были от Рэндольфа. Из-за того, что они были зачаты в таком унижении, она отстранила их от себя. Но теперь она видела свое отражение в каждом обращенном к ней маленьком личике. И, конечно, один из них должен во всем походить на нее.

Пожалуйста, взмолилась Тиффани, пусть это будет Бенджамин!

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

И тут она
вспомнила
взгляд его серых
глаз, который
грел ее сердце
больше, чем блеск
любого алмаза

ЛЮБОВНО-АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

По определению (*лат.*).

2

Аристократический район Лондона.

3

Мой друг (*фр.*).

4

Благопристойный (о манерах) (*фр.*).

5

Трагедия «Ричард III», акт III.

6

Алмазосодержащая порода.

7

Дорожный смотритель (*нем.*).

8

Остаточные (*геологич. термин*).

9

Англичанах.

10

Хаки — прозвище англичан в англо-бурской войне, где впервые было применено подобное обмундирование.

11

Вяленое мясо, нарезанное полосами.

12

Высохший птичий помет.

13

Воображаемый круг на поверхности земного шара, отстоящий на 23° к югу от экватора.

14

В английском языке слово гандикап означает и спортивные состязания, и увечье, недостаток, и неловкую ситуацию.

15

В английской традиции шахматная фигура «конь» нередко именуется «рыцарем».